ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 4 (121)
Гуманитарные науки

2020

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины
ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат.наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф., чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвиров, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша), д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

Francisk Scorina Gomel State University
PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher Attestation Commission list of scientific publications of the Republic of Belarus, which publish the main results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated 15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the All-Russia Institute of Scientific and Technical Information (VINITI), Scientific electronic library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahtova, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland), Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: http://vesti.gsu.by

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2020
© Educational Establishment «Francisk Scorina Gomel State University», 2020

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2020, № 4 (121) •
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Бабков А.М. *Деятельность Витебского базисного пункта по реэвакуации беженцев Первой мировой войны в 1922 г.* 5
Веремеев С.Ф. *Патриарх Тихон (Беллавин) и его деятельность в оценках современной российской историографии*..... 11
Генчикова С.М., Лебедев А.Д. *Политические настроения крестьян Гомельщины в 1920-е годы* 18
Капліеў А.А. *Сучасны стан навуковага вывучэння арганізацыі медыцынскага забеспячэння насельніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў айчыннай гістарыяграфіі (да пастаноўкі праблемы)* 25
Корсак А.И. *Учет и перезахоронение воинских захоронений и мест массового уничтожения мирного населения периода 1941–1944 гг. на территории Гомельской области в 1944–2000-ых гг.*..... 31
Кротаў А.М. *Вобраз паляка ў творах Я. Коласа*..... 37
Лаўрыненка К.В. *Парафія Нараджэння Маці Божай у Браславе у XX–XXI стст.*..... 44
Мязга М.М. *Пытанне граніц Беларусі ва ўмовах польска-савецкай вайны 1919–1920 гг.*. 50
Савіч А.А. *Падаткі ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі* 56
Старовойтов М.И. *Новые социальные группы в составе населения белорусско-российско-украинского пограничья (по материалам переписи 1939 г.)* 62
Толочко Д.М. *Беженцы из Польши в БССР на Гомельщине (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.)* 69
Чаропка С.А. *Берасцейская царкоўная ўнія і раскол у «Грэка-рускай царкве» Рэчы Паспалітай* 74
Шпет М.М. *Экономические отношения западномалоазийских бейликов с европейскими государствами во второй половине 13 – первой половине 14 вв.*..... 79

Филология

Аляшкевіч Т.А., Шмігера Н.В. *Дэталь-лейтматыў у трылогіі І. Мележа «Палеская хроніка»* 85
Богатикова Л.И. *Языковая репрезентация этнокультурных норм и моделей речевого поведения*..... 90
Гуркова О.С. *Семантическая модель образования неометафор со сферой-источником «компьютер и электронные коммуникации» в современном русском языке*..... 95

Кирюшкина А.А. *Оформленность артиклем эмотивной номинации в предикативе*..... 100
Кирюшкина А.А., Куделка Т.В. *Номинации лиц старшей возрастной группы (на материале французского и русского языков)* 104
Коваль В.И., Ючко О.Л. *Об использовании гендерно маркированной конфликтогенной лексики в художественном тексте* 109
Костюшко Е.Т. *Динамика рекламного текста в белорусской газете в 1950–2010-е годы (на материале газеты «СБ. Беларусь сегодня»): структурно-композиционный и функционально-стилевой аспекты*..... 114
Ляшенко А.И. *Неоромантическое восприятие мира в произведениях В. Короткевича, посвященных художникам* 121
Собко А.В. *Восприятие английских антропонимов носителями русского языка*..... 125
Стрижак А.Л. *Активные семантические процессы в лексике современного русского языка (на материале НКРЯ)*..... 130
Тригубова Д.Л. *Композиционно-содержательная структура синопсиса к кинофильму (на материале английского и русского языков)* 135
Хазанава К.Л. *Уласныя найменні ў беларускіх загадках* 141
Харитонова С.В. *Типологические свойства первых советских газет для детей (на материале гомельской газеты «Искра Ильича»)* 147

ФИЛОСОФИЯ

Карако П.С. *Л.С. Берг как естествоиспытатель и русский космист*..... 153
Степанюк В.К. *Человек «экономический» и «цифровой»: трансформация человеческой природы в условиях глобализации* 159
Цацарин В.В. *Нарративная философия истории: 6 тезисов Ф. Анкерсмита и Х. Уайта*..... 164
Яхно В.Н. *Актуальные контексты и проблемы информационной философии и этики*. 169

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2020, № 4 (121) •
HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

A.M. Babkov. *The activities of the Vitebsk base station for the re-evacuation of refugees of the First World War in 1922* 5
S.F. Veremeev. *Patriarch Tikhon (Bellavin) and his effort in assessments of modern Russian historiography* 11
S.M. Henchykova, A.D. Lebedev. *The political mood of the peasants of the Gomel region in the 1920s* 18
A.A. Kapliyev. *The state of scientific study of medical maintenance organization of population in the territory of Western Belarus in the belarusian historiography (the problem statement)* 25
A.I. Korsak. *Accounting and reburial of military graves and places of mass destruction of civilians from 1941–1944 in the Gomel region in the 1944–2000s.* 31
A.M.Krotau. *The image of the Pole in the works of J. Kolas* 37
K.V. Laurynenka. *The Nativity of the Blessed Virgin Mary parish in Braslau in the 20th–21st centuries* 44
M.M. Miazga. *On the problem of the borders of Belarus in the conditions of the Polish-Soviet war of 1919–1920* 50
A.A. Savich. *Taxes in Western Belarus 1921–1939 in the reflection of domestic historiography* 56
M.I. Starovojtov. *New social groups in the population of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland (based on the census of 1939)* 62
D.M. Tolochko. *Refugees from Poland to the BSSR in the Gomel region (September 1939 – June 1941)* 69
S.A. Czaropka. *Brest Church Union and the split in the «Greek-Russian Church» of Polish-Lithuanian Commonwealth* 74
M.M. Shpet. *The economic relations of West Asia Minor Beiliks with European states in the second half of the 13th and first half of the 14th centuries* 79

PHILOLOGY

T.A. Alyashkevich, N.V. Shmigera. *Detail-leitmotif in I. Melezh's trilogy «The Polesie Chronicle»* 85
L.I. Bahatsikava. *Language representation of ethnocultural speech behavior norms and models* 90
O.S. Gurkova. *The semantic model of the formation of neo-metaphors with the source sphere «computer and electronic communications» in modern Russian* 95
A.A. Kiryushkina. *The use of the article before the emotive nomination in the predicate* 100

A.A. Kiryushkina, T.V. Kudelka. *Nominations for persons of the older age group (based on French and Russian languages)* 104
V.I. Koval, O.L. Yuchko. *On the use of gender-marked conflictogenic vocabulary in fiction.* 109
E.T. Kostyushko. *Dynamics of an advertising text in a Belarusian newspaper in the 1950–2010s (based on the material of the newspaper «SB. Belarus Today»): structural-compositional and functional-style aspects* 114
A.I. Lyashenko. *Neo-romantic perception of the world in the works of V. Korotkevich dedicated to artists* 121
A.V. Sobko. *Perception of English anthroponyms by Russian speakers*..... 125
A.L. Strizhak *Active semantic processes in the vocabulary of the modern Russian language (based on material from the NCRL)*..... 130
D.L Tryhubava. *Structure and content of the film synopsis in the English and Russian languages* 135
K.L. Khazanava. *Proper names in Belarusian riddles* 141
S.V. Haritonova. *Typological properties of the first Soviet newspapers for children (based on the Gomel newspaper «Iskra Ilyicha»)*..... 147

PHILOSOPHY

P.S. Karako. *L.S. Berg as a naturalist and Russian cosmist* 153
V.K. Stepanyuk. *Man – «Economic» and «Digital». Transformation of human nature in the context of globalization* 159
V.V. Tsatsarin. *Narrative philosophy of history: 6 theses of F. Ankersmit and H. White*..... 164
V.N. Yakhno. *Actual contexts and problems of information philosophy and ethics* 169

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

История

УДК 94(476.5):314.151–054.73«1922»

Деятельность Витебского базисного пункта по реэвакуации беженцев Первой мировой войны в 1922 г.

А.М. Бабков

Анализируется опыт эвакуационной деятельности Витебского базпункта как приграничного органа Центрэвака РСФСР, на который возлагалась особая ответственность по отправке беженцев в Прибалтийские республики и Польшу. На основе архивных документов предпринята попытка установить численность беженцев, реэвакуированных за границу, масштабы оказываемой им социальной помощи и трудности на пути возвращения беженцев домой.
Ключевые слова: базисный пункт, Витебск, беженцы, реэвакуация, транзит, эшелоны, приграничный пункт, Прибалтийские республики.

The author analyzes the experience of the evacuation activities of the Vitebsk base station as a border authority of Tsenterevak of the RSFSR, which was especially responsible for sending refugees to the Baltic republics and Poland. Based on archival documents, an attempt was made to establish the number of refugees re-evacuated abroad, the extent of the social assistance provided to them and the difficulties in returning refugees home.
Keywords: base station, Vitebsk, refugees, re-evacuation, transit, trains, border point, Baltic republics.

В начале 1922 г. в условиях уменьшения численности беженцев, пленных Первой мировой и Гражданской войн, других категорий мигрантов, а также финансово-экономических трудностей Советского государства произошла масштабная реорганизация советских эвакуационных органов. На основе приказа НКВД РСФСР по Центрэваку от 20 декабря 1921 г. губернские и уездные эваки преобразовывались в базисные и линейные пункты. Причем они не входили в состав отделов управления местных исполкомов, а были подчинены Центрэваку [1, л. 91]. При переходе на линейный принцип управления эвакуационными органами усилилась их централизация и существенно сократилась численность.

Планируемое Центрэваком закрытие ряда эвакопунктов в Западной области вызвало обеспокоенность управления Главэвакзапа. На совещании 6 декабря 1921 г. Л. И. Розенгауз предостерёг центр о негативных последствиях таких действий: «для советской России весьма дорого обойдется каждый закрытый пункт». Главэвакзап «считал необходимым сохранить по железнодорожной линии Москва–Себеж и Смоленск–Себеж эвакуационные пункты в Великих Луках, Себеже, Витебске и Полоцке». Начальник Главэвакзапа допускал возможность ликвидации на линии Петроград–Витебск только Невельского пункта, который являлся «незначительным и играл роль вспомогательного пункта для Витебска» [2, л. 156].

В соответствии с инструкцией «О порядке ликвидации местных органов Центрэвака» в январе 1922 г. губернские и уездные эваки ликвидировались в двухнедельный срок, а вместо них по новому плану в данной местности создавались эвакуационные базы и линейные пункты, к которым переходили «функции ликвидируемого учреждения по обслуживанию и эвакуации контингентов» [3, л. 91].

Из прежних учреждений Центрэвака в Беларуси сохранилось управление Главноуполномоченного по Западной области (Главэвакзап) во главе с Л.И. Розенгаузом. В силу приграничного расположения эвакуационных органов Главэвакзапа на них возлагалась главная ответственность по организации реэвакуации беженцев, пленных Первой мировой и Гражданской войн, других категорий населения в Прибалтийские государства и Польшу, а также прием возвращавшихся из-за границы в Советскую страну разных категорий своих мигрантов.

Что касается создания Витебской эвакуационной базы, то Главэвакзап отводил ей роль «пропускной и карантинной базы, тяготеющей к Полоцку и Фариново, с которыми имелось удобное железнодорожное сообщение» [4, л. 12].

По распоряжению Центрэвака в феврале 1922 г. Витебский губэвак был преобразован в базисный пункт во главе с Чернобородовым, а штат сотрудников сократился до 103 человек [5, л. 1]. Подведомственные базисному пункту Полоцкий и Невельский уездэваки были переименованы в линейные пункты, из них последний в марте прекратил свою деятельность [6, л. 4].

В зимний период Витебский базпункт сосредоточил основную работу на обслуживании как местных, так и транзитных беженцев. Работы Витебскому базпункту с транзитными беженцами прибавилось после возложения в декабре 1921 г. Центрэваком на него функций по регистрации, обслуживанию и отправке на пограничный пункт Себеж прибалтийских беженцев со всей Западной области.

Организованная отправка местных беженцев Витебским базпунктом возобновилась после открытия в феврале литовской границы и восстановления работы Себежского погранично-пропускного пункта, через который беженцы возвращались в Латвию, Литву и Польшу.

Эвакуационно-учетный отдел базпункта немедленно оповестил уездэваки в Полоцке и Невеле о срочной подготовке к отправке за границу проживавших в их уездах беженцев. В начале 1922 г. в Витебской губернии находилось 1149 беженцев, из них в бараках Витебского губэвака размещалось 525 человек, Полоцкого уездэвака – 204 и Невельского уездэвака – 420 [7, л. 55]. В связи с сильной засухой в Поволжье и южных губерниях России зимой 1921–1922 гг. продолжался приток голодобеженцев как одиночным порядком, так и группами. Только в январе через Витебский пункт прошли 741 переселенец и 497 детей из Поволжья [8, л. 55]. Количество беженцев, проживавших в бараках базисного пункта, постоянно менялось: кто-то прибывал, кто-то покидал Витебск. Постоянный контингент составляли местные беженцы.

По наряду Центрэвака в феврале Витебскому базпункту было выделено 25 вагонов для реэвакуации беженцев Витебской губернии, в том числе Полоцкому уездэваку – 5 вагонов, который своевременно отправил беженцев из уезда в Витебск. Невельский уездэвак из-за трудностей с топливом и снежными заносами не успел перевезти беженцев на железнодорожную станцию. В результате предпринятых мер эвакуационными властями в первой половине февраля из Витебска было отправлено 16 вагонов с литовскими беженцами, которые на границе были переданы литовской стороне [9, л. 951]. В целом, в феврале из Витебска было отправлено за границу 398 литовских беженцев, 143 – латвийских и 73 – польских. Одновременно Полоцким уездэваком было реэвакуировано в Литву 197 человек, Латвию – 57, Польшу – 186. Оставшиеся в Витебске литовские беженцы численностью 176 человек и неэвакуированные из Невеля 330 литовских беженцев были отправлены на родину в марте [10, л. 95].

По распоряжению Главэвакзапа в марте на Витебском базпункте началась запись беженцев на очередные 12-й латышский и 9-й литовский эшелоны. Однако в связи с холодным временем года в течение месяца зарегистрировалось совсем немного беженцев. Поэтому формирование двух прибалтийских беженских эшелонов продолжалось в апреле, что позволило увеличить список зарегистрированных на 12-й латышский эшелон до 335 беженцев и 129 латышских красноармейцев и 9-й литовский эшелон – до 184 беженца и 21 демобилизованного красноармейца [11, л. 53].

В связи с увеличением численности латвийских и литовских беженцев, отставших от своих плановых эвакуационных эшелонов, управление Витебского базпункта ужесточило требования к обязательной регистрации беженцев. Чтобы впредь не допустить подобных нарушений со стороны беженцев, в мае на совещании работников базпункта было принято решение под угрозой применения штрафных санкций обязать «всех беженцев, отставших от своих плановых поездов без уважительных причин, вновь зарегистрироваться на очередной эшелон». Одновременно в целях борьбы со стихийным притоком беженцев губисполком издал обязательное постановление «воспрещающее въезд в пределы Витебской губернии беженцев самотеком» [12, л. 52], так как советские эвакуационные органы не справлялись с их доставкой к границе.

Предпринятые губернскими эвакуационными властями меры оказались действенными и привели к увеличению регистрации беженцев для отправки в Прибалтийские республики.

В мае записалось 85 отставших от своих поездов литовских беженцев, 93 латвийских и 70 польских. Всего было зарегистрировано для отправки плановым эшелоном в Латвию 560 человек, абсолютное большинство которых находились на обеспечении Витебского базпункта. 9-й литовский эшелон общей численностью 267 человек также был сформирован из беженцев, размещавшихся преимущественно в Витебском базпункте и частично в Полоцком и Невельском уездах [13, л. 52]. Из Витебска списки беженцев были отправлены в Москву для утверждения Центрэваком. Когда, наконец, в июне в Витбазпункте были получены из Центрэвака завизированные списки беженцев 12-го латвийского и 9-го литовского эшелонов, оказалось, что литовское и латвийское консульства отказались пропустить на родину многочисленных беженцев. Так, из 495 латышей, зарегистрированных в Витебском базпункте, было разрешено вернуться домой только 280 беженцам. Еще в более катастрофическом положении оказались беженцы, зарегистрированные для отправки 9-м литовским эшелоном. Из всего беженского эшелона разрешение на въезд в Литву получили только 23 человека [14, л. 50]. По Полоцкому списку латвийских беженцев вообще не были получены документы. В то же время, как отмечалось в отчете эвакотдела Витебского базпункта, «у всех непропущенных консульствами беженцев документы вполне соответствуют договорам о репатриации беженцев с Латвией и Литвой». Затребованный Витбазпунктом эшелон в составе 26 вагонов к 10 июля был заполнен беженцами только частично, многие из которых продолжали оставаться на содержании базпункта. Только при повторном обращении управления Витебского базпункта в Главэвакзап в июле были получены визы на ранее задержанных беженцев [15, л. 50]. Эти факты говорили о неслыханных трудностях, с которыми столкнулись беженцы, возвращавшиеся на родину.

Начиная с июля 1922 г. основные усилия Витебского базпункта были направлены на завершение реэвакуации беженцев Первой мировой войны. Выполняя приказ Центрэвака, Главэвакзап известил уездисполкомы об окончательной регистрации беженцев, проживавших на их территории, и отдал распоряжение на «зарегистрированных беженцев тут же составить списки и направить их на визирование». Главэвакзапу удалось добиться приезда в Витебск уполномоченного Литовского представительства, что ускорило визирование документов на месте и получение наряда от Центрэвака на вагоны для отправки беженцев за границу. Из полученных от уездэваков данных о количестве беженцев выяснилось, что «часть их, преимущественно рабочие и крестьяне, не имеют документов. Пройдя мытарства и скитания империалистической и гражданской войн, беженцы утеряли эти документы и не имеют возможности истребовать их с родины» [16, л. 62].

По результатам регистрации беженцев, постоянно проживавших в Витебской губернии так и вновь прибывших из РСФСР, были составлены списки для отправки их в Литву, Латвию и Польшу тремя плановыми эшелонами – 13-м латышским, 10-м литовским и 4-м польским, единственным с начала года. Однако консульства этих государств по-прежнему отказывали в выдаче виз многочисленным беженцам и продолжали их задерживать на погранично-пропускном пункте в Себеже.

Так, в августе из списка беженцев 13-го латышского эшелона численностью 228 человек представителями Латвии было пропущено менее одной трети всего количества, что выглядело как издевательство над беженцами. Польский представитель в Минске из беженского списка численностью 409 человек завизировал только 133. Фактически была приостановлена выдача виз беженцам представителем Литвы в Москве, который мотивировал свой отказ в наложении визы на список беженцев численностью 204 человека тем, что «в ближайшее время, к концу сентября он приедет в Витебск» [17, л. 57]. Однако свое обещание не выполнил.

Начальник Витебского базпункта Чернобородов такое отношение иностранных представительств к возвращавшимся беженцам объяснял «исключительно националистическим подходом», когда «польским представительством не пропускались лица всех национальностей за исключением поляков», а литовская сторона возвращала на границе лиц «нелитовской национальности». От противоправных действий представителей приграничных государств страдали в первую очередь сами беженцы. «Разорялись сотни семей, которые получив визу на въезд в Литву и будучи уверены в беспрепятственном их пропуске на родину, направляются к границе и, впоследствии, остаются без всяких средств к существованию, вследствие оторванности их с насиженных мест за время беженства» [18, л. 1 об].

В сентябре по наряду Центрэвака из Витебска были отправлены за границу 13-м латвийским эшелоном 122 беженца и 4-м польским эшелоном – 253 человека [19, л. 58]. Осенью в связи с подготовкой к завершению бесплатной отправки беженцев за границу в Витебске были сформированы последние беженские эшелоны. В октябре в пределах Витебской губернии оставалось около 1 тыс. неотправленных беженцев Первой мировой войны [20, л. 1 об]. Ввиду возможного закрытия литовско-советской границы прибывший в ноябре в Витебск литовский уполномоченный завизировал 350 беженцев, которые были отправлены 10-м литовским эшелоном в Себеж [21, л. 62]. В декабре был пропущен в Латвию последний 14-й латвийский беженский эшелон [22, л. 33 об].

В целом, по сведениям Главэвакзапа в 1922 г. из Витебской губернии было реэвакуировано 3695 беженцев в Латвию, Литву и Польшу. Из них Витебским базпунктом за границу было отправлено 2910 беженцев. Согласно ежемесячным отчетам Витебского базпункта, из 2910 беженцев в Литву возвратилось 1184 человек, Латвию – 848, Польшу – 878 [23, лл. 34–35].

Важнейшим направлением в деятельности Витебского базисного пункта являлось обслуживание транзитных беженцев, следовавших из советской России и Украины в Прибалтийские государства и Польшу.

Таблица 1 – Сведения о беженцах, прошедших транзитом через Витебский базисный пункт в Латвию, Литву и Польшу с января по октябрь 1922 г. [24, лл. 2, 6–7, 49–58]

Месяц	Беженцы-латыши	Беженцы-литовцы	Беженцы-поляки	Итого
январь	45	1388	1394	2827
февраль	1299	242	1942	2583
март	510	176	1628	2614
апрель	754	–	588	1342
май	1016	14	1266	2296
июнь	242	218	630	1090
июль	500	865	1407	2772
август	151	784	820	1755
сентябрь	121	1295	118	1535
октябрь	75	27	–	102
Всего:	5014	5009	8893	18916

Как следует из таблицы, в первой половине 1922 г. наблюдалось равномерное и наиболее массовое транзитное движение беженцев в Литву, Латвию и Польшу. С завершением осенью плановой реэвакуации беженцев и пленных наблюдалась последняя волна их движения через Витебск. В октябре перевозки беженцев резко сократились, а в ноябре – полностью прекратились.

Всего в 1922 г. через Витебский базпункт в Прибалтийские государства и Польшу транзитом проследовало 18916 беженцев. Из них польские беженцы составили 8893 человек, латвийские – 5014, литовские – 5009.

По сведениям Главэвакзапа, включающим наряду с беженцами и другие категории мигрантов, в 1922 г. через Витебский базисный пункт транзитом было реэвакуировано 19916 человек, в т. ч. было принято 1673 переселенца Поволжья [25, л. 12].

В условиях продовольственного кризиса первостепенной задачей Витебского базпункта являлась организация своевременного и бесперебойного обеспечения как местных, так и транзитных беженцев и других контингентов мигрантов бесплатным питанием. Во время массового движения беженцев при базисном пункте функционировало два питательных пункта, была оборудована столовая, обеспечивающая одновременно выдачу 200 обедов. В отдельном помещении были установлены два кипятильника ёмкостью по 20 ведер каждый, где беженцам выдавали кипяток для чая. Хлебопекарня с разовой выпечкой 60 пудов хлеба была переведена на хозрасчет [26, лл. 3–4].

Наиболее масштабная работа по обеспечению беженцев питанием в Витебске была налажена летом 1922 г. В июне на базисном пункте питалось 2745 беженцев-едоков, которым было отпущено 6129 обедов и 5889 продпайков. В июле их численность увеличилась до 3164

человек, им было выдано 3340 обедов и 6776 продпайков. В августе количество беженцев, получавших питание на базпункте, уменьшилось, а в сентябре вновь увеличилось до 2575 человек, которые получили 3623 обеда и 6898 пайков. Кроме того, более усиленное питание выдавалось детям беженцев. В июне их численность составляла 1884 человек, июле – 1949, сентябре – 1535 [27, л. 1].

Согласно отчету начальника Витебского базпункта, за период с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. питание было выдано 164512 беженцам-едокам. Они получили 177880 обедов и 264509 продпайков. Более 59 тыс. детей-едоков получили 65437 обедов и 102293 рациона [28, л. 5]. Однако продовольственное обеспечение беженцев оставалось плачевным, нормы их питания уменьшались, из-за отсутствия мяса питпункту с перерывами выделялась рыба.

Чтобы предотвратить угрозу распространения беженцами инфекционных заболеваний, на Витебском базпункте особое внимание уделялось оказанию им медико-санитарной помощи. После ликвидации в конце 1921 г. эпидемии тифа в Витебске местными эвакуационными властями была дополнительно оснащена медико-санитарная база Витебского базпункта. При бараках были оборудованы амбулатория с круглосуточным дежурством медперсонала, дезкамера, пропускной способностью на 1 тыс. комплектов и прачечная по стирке 20 пудов белья и одежды в день. В Марковщине –1 функционировал изолятор [29, л. 3 об].

Однако из-за недостаточного отопления бараков и трудностей с продовольствием среди беженцев наблюдалась высокая заболеваемость. При осмотре медперсоналом бараков базпункта было выявлено 804 эпидемических больных. В январе–сентябре 1922 г. на ст. Витебск дежурными работниками было осмотрено 84 беженских эшелона, выявленные больные помещались на лечение, а вагоны дезинфицировались. За этот период амбулаторное лечение было оказано 8465 больным [30, л. 6].

Осенью медико-санитарное обслуживание беженцев ухудшилось из-за финансовых трудностей. На базисном пункте был закрыт приемный покой, куда поступали неэпидемические больные и возникли трудности с их размещением в местных больницах. Так, больница губздрава «очень неохотно принимала таких больных и выписывала их сразу после прохождения острой фазы заболевания, а на время восстановления полной трудоспособности этих лиц было некуда девать». После сокращения в сентябре числа коек в изоляторе до 25 мест ухудшились возможности лечения инфекционных больных, росло число заболеваний среди медперсонала со смертельным исходом [31, лл. 2–3].

Таким образом, в 1922 г. Витебский базисный пункт являлся одной из опорных эвакуационных баз на северо-западной границе советского государства. На завершающем этапе своей деятельности он осуществлял реэвакуацию беженцев Первой мировой войны в Латвию, Литву и Польшу. Вместе с тем, базисный пункт обслуживал и другие категории мигрантов. По данным Главэвакзапа, в 1922 г. через Витебский базпункт прошло всего 25277 человек [32, л. 12]. Несмотря на значительную работу базпункта по оказанию беженцам различных видов социальной помощи, их положение было довольно плачевным.

С завершением реэвакуации основной массы беженцев и отсутствием средств на содержание эвакуационных учреждений в сентябре 1922 г. базисный пункт в Витебске был переименован в линейный пункт с соответствующим сокращением его штата до 50 человек [33, л. 1]. По распоряжению НКВД РСФСР в ноябре Витебский линпункт передал Петроградскому эвакопункту саноборудование и инвентарь изолятора, амбулатории, дезустановок, аптеку с медикаментами [34, л. 26].

Приказом НКВД РСФСР № 156 по Центрэваку от 28 ноября 1922 г. Витебский линпункт подлежал ликвидации к 15 декабря 1922 г., его расформирование возлагалось на особую эвакуационную комиссию во главе с Л.И. Розенгаузом [35, л. 294].

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 772.
2. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 447.
3. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 772.

4. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 430.
5. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
6. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
7. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
8. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
9. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 899.
10. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 899.
11. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
12. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
13. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
14. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
15. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
16. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
17. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
18. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
19. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
20. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
21. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
22. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 643.
23. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 643.
24. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
25. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 643.
26. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
27. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
28. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
29. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
30. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
31. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
32. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 643.
33. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 788.
34. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 971.
35. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 971.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 30.04.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

*УДК 930(470):271.2-9-726.1*Тихон*

Патриарх Тихон (Беллавин) и его деятельность в оценках современной российской историографии

С.Ф. Веремеев

Статья посвящена анализу того, как личность патриарха Тихона и его деятельность оценивается в трудах российских историков 90-х гг. XX – начала XXI в. Выделены наиболее дискуссионные вопросы в историографии, основные точки зрения по каждому из них. Названы причины существования научных контроверсий. Автор статьи делает вывод, что деятельность патриарха Тихон изучена недостаточно.
Ключевые слова: патриарх Тихон, Российская православная церковь, церковно-государственные отношения, советская власть, российская историография.

The article is devoted to the analysis of how the personality of Patriarch Tikhon and his activities are evaluated in the works of Russian historians of the 90s. XX – beginning of the XXI century. The most controversial issues in historiography, the main points of view for each of them are highlighted. The reasons for the existence of scientific contraversions are named. The author of the article concludes that the activities of Patriarch Tikhon have not been sufficiently studied.
Keywords: Patriarch Tikhon, Russian Orthodox Church, church-state relations, Soviet power, Russian historiography.

Патриарх Тихон (Василий Беллавин; 1865–1925) возглавлял Российскую православную церковь в один из самых драматичных периодов её истории. Во время его патриаршества власть захватили большевики, церковь была отделена от государства и лишена многих своих прав, проводились кампании по вскрытию мощей святых и изъятию церковных ценностей, репрессиям подвергались представители духовенства и верующие, российское православие сотрясал обновленческий раскол, инспирированный ГПУ. В этой связи изучение деятельности тогдашнего главы РПЦ, его отношения к советской власти представляет несомненный научный интерес. В российской историографии на протяжении 90-х гг. XX – начала XXI в. появилось большое количество работ, посвящённых церковно-государственным отношениям в первое десятилетие советской власти. Были написаны и биографии патриарха Тихона [1], [2]. Разность, а нередко и противоречивость оценок и интерпретаций действий патриарха, встречающихся в историографии, требует их отдельного рассмотрения. В данной статье мы сосредоточили внимание, главным образом, на тех аспектах деятельности Тихона во главе церкви, которые являются наиболее дискуссионными.

Как известно, 19 января 1918 г. патриарх Тихон обратился с посланием к духовенству и православным верующим, в котором предал анафеме (проклятию) «безбожников», «воздвигших гонение на истину Христову». В современной российской историографии существует несколько интерпретаций содержания и характера данного послания. Одна группа исследователей считает, что оно было направлено против большевиков [3, с. 28]. Ещё в 1991 г. М.И. Одинцов писал о том, что «через библейские аллегории и эзопов язык проглядывает откровенный призыв к непризнанию и неподчинению советской власти, отвержению всех её актов, касающихся церкви. Тихон анафематствовал (проклинал) и власть, и тех, кто проводил и исполнял её постановления или хотя бы сочувствовал ей. И на Соборе и вне его послание было воспринято как антибольшевистское, антиправительственное» [4, с. 9]. М.И. Одинцов связывает с обнародованием данного послания принятие правительством В.И. Ленина декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [5, с. 51]. Разделяют точку зрения об антибольшевистском характере послания и некоторые церковные исследователи, сожалея при этом, что патриарх Тихон не стал вторым Гермогеном и не возглавил борьбу против советской власти [6, с. 142–143].

Другая группа историков оценивает послание от 19 января 1918 г. более осторожно. В качестве примера приведём точку зрения М.В. Шкаровского, который отмечает, что большевики в патриаршем послании не упоминались, однако «оно оказалось воспринято как выражение контрреволюционного настроения» [7, с. 73]. Д.В. Сафонов пишет о косвенном осуждении советской власти в вышеназванном послании патриарха [8, с. 16].

И, наконец, третья группа исследователей отрицает, что патриаршее послание от 19 января 1918 г. было «анафемой советской власти». По мнению протоиерея В. Цыпина, послание предавало анафеме не большевиков, а «участников расправ над невинными людьми», выражало «архипастырскую озабоченность положением Церкви» и не содержало оценок нового (советского – С.В.) государственного строя» [9, с. 361–362].

Современная российская историография делает акцент на том, что патриарх Тихон «последовательно проводил принцип аполитичности РПЦ» [10, с. 47]. Ещё в начале 1990-х гг. В.А. Алексеев в своей статье опроверг тезис советских историков, согласно которому глава РПЦ являлся контрреволюционером [11, с. 3–4], [12]. В.В. Лобанов отмечает, что «факты не дают никаких оснований ставить под сомнение последовательное стремление Патриарха Тихона отмежеваться от какой бы то ни было политической деятельности» [2, с. 87]. В качестве одного из доказательств приводится следующий факт: Тихон отказался дать благословение (явное или тайное) Белому движению в период Гражданской войны в России.

Вместе с тем, признаётся отрицательное отношение к советской власти со стороны патриарха Тихона. По мнению В.В. Лобанова, патриарх «вначале был настроен резко критически» к большевикам, «не мог симпатизировать атеистической власти», но при этом не допускал призывов к насильственному сопротивлению, рассматривая всякую власть как «попущенную Богом» и никогда не вёл «никакой активной политической деятельности, направленной на изменение государственного строя» [13, с. 16, 21]. Линия патриарха заключалась в следующем: «с одной стороны – невмешательство в политическую борьбу, с другой – отстаивание и защита интересов церкви». В.В. Лобанов считает, что «позиция и деятельность патриарха в целом последовательно вытекают из церковного учения об отношениях церкви и государства» [13, с. 17]. Д.В. Сафонов пишет, что с 1917 до начала 1922 г. позиция Тихона изменилась от косвенного осуждения (послание от 19 января 1918 г.) до лояльного нейтралитета в 1919 г. (отказ благословить Белое движение) [14, с. 16–17]. Но власти не сумели добиться в тот период (1917–22 гг.) активной лояльности со стороны главы РПЦ [14, с. 24].

18 мая 1922 г. патриарх Тихон, находившийся в тот момент под домашним арестом, подписал резолюцию о временной передаче своей канцелярии («синодских дел») лидерам обновленцев, которые, в свою очередь, должны были передать её ярославскому митрополиту Агафангелу (Преображенскому), когда тот приедет в Москву и временно возглавит РПЦ. Однако Агафангел в Москву не был допущен властями. Обновленцы же использовали данное решение патриарха для легитимации своей попытки захвата высшего церковного управления. Почему патриарх пошёл на такой, казалось бы, нелогичный шаг, как передача канцелярии обновленцам? Российские историки предложили различные объяснения причин его поступка. По одной из версий, обновленцы получили патриаршую канцелярию «явным обманом» [6, с. 181]. Однако большинство исследователей считает, что глава РПЦ понимал, кому передаёт «синодские дела». В частности, такой точки зрения придерживаются М.И. Вострышев, Д.В. Сафонов, В. Цыпин [1], [15], [16, с. 183].Так, М.И. Вострышев полагает, что патриарх осознавал, что 18 мая 1922 г. на встрече с ним были представители «Живой церкви», открыто претендующие на власть в церкви [1, с. 348]. Н.В. Кривова считает, что такое решение предстоятель РПЦ принял в результате давления со стороны обновленцев и ГПУ [17, с. 141]. По мнению Д.В. Сафонова, Тихон действовал вынужденно [15].

В историографии присутствуют и иные точки зрения по данному вопросу. Согласно одной из них, лидеры обновленцев просто «уговорили» патриарха Тихона передать им канцелярию, ссылаясь на церковный кризис. По другой версии, патриарх согласился с их предложением, «так как канцелярия была фактически уже в их руках» [18, с. 43], [16, с. 183]. Довольно убедительной нам представляется версия, предложенная С.Н. Ивановым. Передачу

канцелярии обновленцам он объясняет стремлением патриарха Тихона восстановить функционирование системы церковного управления и снять арест с канцелярии. Последнее позволило бы облегчить начало работы назначенному им заместителю – митрополиту Агафангелу (Преображенскому) [19, с. 34].

В российской историографии описан процесс подготовки властями судебного процесса над патриархом Тихоном. Отмечается, что, по сути, планировалась внесудебная расправа над ним, целиком организованная ГПУ и управляемая Политбюро ЦК РКП(б). Суд над патриархом должен был «продемонстрировать всему миру антисоветскую сущность главы РПЦ как центральной фигуры всего «контрреволюционного заговора», и тем самым обосновать правильность политики гонений на церковь в Советской России» [20, с. 28, 38]. С.Г. Петров на основании изучения архивных документов пришёл к выводу об особой роли Л.Д. Троцкого в аресте и привлечении к судебной ответственности патриарха в 1922 г. [21, с. 391].

На сегодняшний день известно, что 12 апреля 1923 г. Политбюро фактически санкционировало смертный приговор патриарху Тихону, который должен был официально вынести Трибунал [12, с. 33]. Но вскоре главу РПЦ неожиданно отпустили на свободу. Анализ научной литературы позволяет выделить две основные причины, которыми исследователи объясняют неожиданное освобождение патриарха и отмену планируемого суда над ним. Одной из причин называется давление на советских руководителей со стороны международного сообщества. Так, М.В. Шкаровский пишет, что «рассекреченные в последние годы документы свидетельствуют, что основную роль…сыграла широкая кампания в странах Западной Европы с требованием освободить патриарха. В тот период советское правительство, желая выйти из дипломатической изоляции, было вынуждено считаться с подобными протестами» [7, с. 101]. Это мнение разделяет и ряд других историков, в частности, С.Г. Петров [21, с. 391].

Другая основная причина отмены суда над патриархом, которую называет российская историография – внутриполитическая ситуация в стране: опасения властей, что казнь патриарха вызовет протесты населения, а также борьба внутри Политбюро [8, с. 20] [1, с. 270]. Так, М.И. Одинцов считает, что из-за резкого ухудшения здоровья В.И. Ленина Политбюро решило отложить суд, опасаясь антисоветских выступлений в стране [5, с. 117]. В.В. Лобанов объясняет отмену суда над патриархом начавшейся в руководстве страны борьбой за власть на фоне болезни В.И. Ленина. В такой ситуации было не до патриарха [2, с. 146]. С В.В. Лобановым частично соглашается И.А. Курляндский, который полагает, что это была лишь как «одна из главных причин». Решающей же причиной освобождения патриарха, по мнению историка, была «сама логика развития нэпа, диктовавшая вслед за некоторой либерализацией экономической жизни – строго ограниченную цензурой и репрессиями, кратковременную либерализацию в идеологической и духовной сферах». Такая политика, по мысли И.А. Курляндского, «не позволяла слишком усиливаться обновленцам», а «заинтересованность власти в дальнейшем углублении церковного раскола, думается, была важной причиной, толкнувшей её на освобождение патриарха» [22, с. 198–199]. И.А. Курляндский также анализировал роль И. Сталина в «деле» патриарха Тихона. Он указывает на отсутствие документальных подтверждений в пользу того, что И. Сталин был расположен к так называемому «традиционному крылу РПЦ» и лично к патриарху Тихону [22, с. 196].

Протоиерей В. Воробьев, Н.А. Кривова, С.Н. Романова и А.В. Щелкачев отмечают, что власти избрали другой вариант действий в отношении патриарха – заставили его написать так называемое «Покаянное заявление» 3(16) июня 1923 г. [21, с. 34, 37]. В своём заявлении в Верховный Суд РСФСР глава РПЦ признавал правильность привлечения его к ответственности за антисоветскую деятельность и заявлял, что «я отныне советской власти не враг» [23].

Е.Г. Гимпельсон полагает, что патриарх написал покаянное заявление, не выдержав давления со стороны следствия [24, с. 87]. Но большинство историков называет другие мотивы, которыми, на их взгляд, руководствовался Тихон. Так, О.В. Васильева считает, что патриарх выступил с данным обращением, осознавая опасность, «нависшую над церковью, и видя печальные результаты гонений на неё и внутреннего раздора». По мнению О.В. Васильевой, «этот компромисс позволил патриарху сплотить вокруг себя верных православию пастырей и

верующих, что сделало затем неизбежным поражение обновленчества и явилось началом нового этапа во взаимоотношениях советского государства и церкви» [10, с. 47]. Как отмечает В.М. Лавров, «раскаяться» и «решительно отмежеваться» от контрреволюции патриарху Тихону понадобилось, чтобы выйти на свободу и сломить обновленческое духовенство, приветствовавшее советские преобразования, и под руководством ГПУ подчинить себе церковь [25, с. 551]. Одобрительно оценивает факт обращения патриарха в Верховный суд Д.В. Сафонов. Как пишет историк, «заявление» позволило «сохранить Православную церковь от развала, нанести решительный удар по обновленческому расколу, спасти от смерти епископов, которые, вслед за патриархом были выпущены из тюрьмы» [14, с. 21]. В. Цыпин отметил попытку Тихона «на предстоящие десятилетия устроить с советским режимом сносные условия сосуществования» [9, с. 398]. М.И. Одинцов придерживается другой точки зрения по данному вопросу. Он считает, что патриарх «изменил политический курс Церкви, чтобы не остаться без своей многомиллионной паствы» [4, с. 22]. Однако этот тезис, появившийся ещё в советской историографии, абсолютное большинство современных исследователей не разделяет.

Российские историки делают акцент на том, что «Покаянное заявление», а также и последующие послания патриарха не отражали его реальных взглядов. Так, Д.В. Сафонов приводит в своей работе свидетельство митрополита Петра (Полянского), который в частных беседах говорил о вынужденном характере патриарших посланий [26].

Курс, проводимый патриархом Тихоном по отношению к властям, в российской историографии оценивается высоко. По мнению Н.В. Кривовой, компромиссная тактика патриарха позволила объединить ему духовенство и верующих и преодолеть обновленческий раскол [17, с. 191]. В.В. Лобанов считает, что компромиссные решения патриарха нельзя считать сервилизмом. Это было стремление защитить церковь от внутренних и внешних опасностей [2, с. 22]. Ю.Н. Макаров обращает внимание на то, что большевикам так и не удалось добиться от патриарха Тихона согласия на вмешательство спецслужб в кадровую политику церкви [27, с. 10, 35].

В период патриаршества Тихона была предпринята попытка ввести в Российской православной церкви григорианский календарь (так называемый «новый стиль»). По мнению Д.В. Сафонова, патриарх был противником этой реформы и «сделал все для того, чтобы, несмотря на колоссальное давление властей, новый стиль не был введен» [28]. Протоиерей В. Воробьев, Н.А. Кривова, С.Н. Романова и А.В. Щелкачев в своей совместной работе отмечают, что власти таким способом стремились «вбить клин» между патриархом и его паствой, но Тихон «твердо и мужественно отменил навязанную властями, но не принятую православным народом, реформу календаря» [20, с. 48–49]. А.А. Кострюков исследовал политику Московской патриархии по отношению к РПЦЗ. Историк пришёл к выводу, что «отношение патриарха Тихона к РПЦЗ не было отрицательным». В свою очередь, осуждение политической деятельности зарубежного епископата было вызвано уступками со стороны патриарха государственной власти [29, с. 17, 19].

Среди российских историков наблюдается консенсус в оценках личности патриарха. Эти оценки сугубо положительные. Отмечается его скромность, такие присущие ему качества, как бодрость духа, оптимизм, чувство юмора, доступность для духовенства и верующих [5, с. 127], [6, с. 134].

Незадолго до кончины патриарха Тихона был убит его келейник Яков Полозов. Некоторая загадочность этого убийства даёт основание предполагать, что целью убийц мог быть сам патриарх. Если одни исследователи лишь допускают такую возможность [20, с. 39], то Д.В. Сафонов более категоричен. Он прямо пишет о том, что убийство Я. Полозова было спланировано ГПУ, в частности начальником 6-го отделения Е.А. Тучковым. С точки зрения Д.В. Сафонова, «убийство любимого келейника, можно сказать, самого близкого к Патриарху человека, было чрезвычайно выгодно ГПУ [26].

7 апреля 1925 г. патриарх Тихон (Беллавин) умер в больнице Бакуниных на Остоженке (Москва). Официальной причиной смерти был назван «очередной приступ грудной жабы». Протоиерей В. Воробьев, Н.А. Кривова, С.Н. Романова, А.В. Щелкачев ставят под сомнение

официальную версию, задавая, по сути, риторический вопрос: «не выдержало сердце или последний укол был тоже согласован с ГПУ, которое решило наконец «разделаться» со святителем?». По их мнению, с уверенностью назвать причину смерти патриарха невозможно [20, с. 41]. Косвенным образом в пользу версии о том, что смерть была насильственной, указывают приводимые в монографии В.В. Лобанова свидетельства ряда лиц (воспоминания сына Я. Полозова о двойной дозе лекарства, якобы данного патриарху и др.) [2, с. 186–191]. Но по мнению самого В.В. Лобанова, кончина патриарха «скорее всего, носила естественный характер, если считать «естественными» те нечеловеческие условия, в которых совершалось первосвятительское служение одиннадцатого российского Патриарха» [2, с. 192]. Д.В. Сафонов, напротив, считает смерть патриарха насильственной. Он пишет, что положение «тихоновской» церкви к середине 1920-х гг. значительно укрепилось, авторитет её главы был весьма высок, поэтому единственной надеждой ГПУ оставалось устранение патриарха [26].

Одной из самых дискуссионных является проблема подлинности так называемого «Завещательного послания» патриарха Тихона от 7 апреля 1925 г., опубликованного в советской прессе после его кончины. Часть исследователей не сомневается в подлинности данного документа [9, с. 406], [17, с. 210]. Так, по мнению протоиерея В. Цыпина, нет оснований считать, что патриарх не подписывал указанный текст. Одновременно В. Цыпин допускает, что «в «Завещании» могут быть вставки Е.А. Тучкова, которые «с болью в сердце приняты были патриархом». С точки зрения исследователя, патриарх этот документ подписал, потому что такой шаг представлялся ему тогда необходимым для улучшения условий существования церкви в СССР [9, с. 406].

Другие исследователи высказывают сомнения в подлинности «Завещательного послания» патриарха [6, с. 200] или же считают, что ответить на вопрос, подписывал ли в действительности патриарх текст завещания или нет, невозможно [20, с. 40]. По мнению В.В. Лобанова, этот вопрос остаётся открытым. Тезис, что патриарх Тихон не подписывал завещание, на его взгляд, не подкреплен достаточной документальной базой. В.В. Лобанов отмечает, что «общее содержание «Завещательного послания» даже при наличии возможных корректив со стороны ГПУ не добавляет ничего принципиально нового к уже ранее сделанным Предстоятелем РПЦ уступкам в политической области, при сохранении твёрдого курса на отсутствие компромиссов в области веры» [2, с. 182].

Специальное исследование вопроса о подлинности «Завещательного послания» патриарха Тихона провёл Д.В. Сафонов. Он пришёл к выводу, что данный документ патриарх не подписывал. Историк пишет, что Тихон незадолго до своей смерти отверг очередной вариант послания, предложенный Е.А. Тучковым, но затем этот вариант с небольшими изменениями всё же был опубликован [14, с. 191–192]. Как отмечает Д.В. Сафонов, о том, что патриарх не подписывал обнародованный текст, знал митрополит Петр (Полянский) [8, с. 25].

В российской историографии была поднята проблема преемственности церковной политики патриарха Тихона и митрополита Сергия Страгородского. В.В. Лобанов видит «несомненную связь» в их подходах к вопросу существования церкви в атеистическом государстве, коим являлся СССР [12, с. 25]. Однако такая точка зрения встретила возражение в научных кругах. Так, А.Е. Колесник и Н.А. Кривошеева в своей рецензии на монографию В.В. Лобанова оспорили его тезис, отметив следующее: «компромиссы Патриарха Тихона и компромиссы в отношениях с безбожным государством митрополита Сергия имеют различную природу» [30].

Таким образом, в современной российской историографии предлагаются различные интерпретации послания патриарха Тихона от 19 января 1918 г., нет единого мнения относительно мотивов, по которым он в мае 1922 г. временно передал свою канцелярию обновленцам, дискуссии вызывает проблема преемственности церковной политики патриарха Тихона и митрополита Сергия Страгородского. Исследователи ставят под сомнение официальную причину смерти патриарха и подлинность его «Предсмертного завещания», опубликованного позднее в советской прессе. Это свидетельствует о том, что, несмотря на очевидные достижения российских историков и археографов, деятельность патриарха Тихона, в особенности

его взаимоотношения с властями, недостаточно изучены. Различия во взглядах обусловлены ещё и тем, что известные в настоящее время исторические источники зачастую не дают прямых и однозначных ответов на поставленные вопросы, допускают альтернативность истолкования. Влияние на сложившуюся традицию историописания оказывает также фактор канонизации патриарха Тихона, когда все его поступки и действия оцениваются с апологетических позиций. Последнее особенно характерно для церковных авторов.

Литература

1. Вострышев, М. Патриарх Тихон / М. Вострышев. – 4-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 383 с.

2. Лобанов, В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.) / В.В. Лобанов. – М. : Русская Панорама, 2008. – 352 с.

3. Фирсов, С.Л. «Власть и огонь». Церковь и советское государство: 1918 – нач.1940-х гг.: очерки истории / С.Л. Фирсов. – М. : ПСТГУ, 2014. – 474 с.

4. Одинцов, М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.) / М.И. Одинцов. – М. : Издательство «Знание», 1991. – 64 с.

5. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М.И. Одинцов. – М. : Полит. энциклопедия, 2014. – 424 с.

6. История Русской Православной церкви. От восстановления патриаршества до наших дней / М.Б. Данилушкин [и др.]. – СПб. : Воскресение, 1997. – Т. 1. 1917–1970. – 1020 с.

7. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.

8. Сафонов, Д.В. Патриарх Тихон и советская власть: к проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг. : автореф. дисс. … канд. ист. наук : 09.00.13 / Д.В. Сафонов ; РАГС при Президенте РФ. – М., 2004. – 32 с.

9. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / протоиерей В. Цыпин. – 4-е изд. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с.

10. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40–54.

11. Корзун, М.С. Русская православная церковь, 1917–1945 гг. : изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М.С. Корзун. – Мн., 1987. – 111 с.

12. Алексеев, В.А. Был ли Патриарх Тихон вождём «церковной контрреволюции»? / В.А. Алексеев // Диалог. – 1990. – № 10. – С. 93–104.

13. Лобанов, В.В. Патриарх Тихон и советская власть: проблема компромисса (1919–1925) : автореф. дисс. … канд. ист. наук : 07.00.02 / В.В. Лобанов ; ИРИ РАН. – М., 2005. – 32 с.

14. Сафонов, Д.В. Патриарх Тихон и советская власть (К проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / Д.В. Сафонов ; РАГС при Президенте РФ. – М., 2004. – 277 с.

15. Сафонов, Д.В. Святитель Иларион (Троицкий) и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви. Статья 1 [Электронный ресурс] / Д.В. Сафонов. – Режим доступа : http://www.pravoslavie.ru/sm/33329.htm. – Дата доступа : 23.11.2019.

16. Цыпин, В. Русская Церковь (1917–1925) / прот. В. Цыпин. – М. : Изд-е Сретенского монастыря, 1996. – 335 с.

17. Кривова, Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н.А. Кривова. – М. : Аиро-XX, 1997. – 250 с.

18. Одинцов, М.И. Русские патриархи XX века: судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов / М.И. Одинцов. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – Ч. I. Дело Патриарха Тихона ; Крестный путь патриарха Сергия. – 334 с.

19. Иванов, С.Н. О причинах передачи св. Патриархом Тихоном канцелярских дел группе священников в мае 1922 г. / С.Н. Иванов // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2011. – Вып. 3 (40). – С. 17–35

20. Воробьев, В. Предисловие / прот. В. Воробьев, Н.А. Кривова, С.Н. Романова, А.В. Щелкачев // Следственное дело Патриарха Тихона : сб. документов по материалам ЦА ФСБ РФ. – М. : Памятники исторической мысли, 2000. – С. 9–60.

21. Петров, С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (Источниковедческое исследование) / С.Г. Петров ; отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. – 407 с.

22. Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия / И.А. Курляндский. – М. : Кучково поле, 2011. – 720 с.

23. Заявление патриарха Тихона в Верховный Суд РСФСР. 16 июня 1923 г. // Архивы Кремля : в 2-х кн. – М.–Новосибирск : РОССПЭН, 1997. – Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – С. 285–286.

24. Гимпельсон, Е.Г. НЭП и советская политическая система, 20-е годы / Е.Г. Гимпельсон. – М. : ИРИ РАН, 2000. – 439 с.

25. Лавров, В.М. Октябрьская революция в восприятии патриарха Тихона / В.М. Лавров // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования : сб. науч. ст. – СПб., 2008. – С. 543–552.

26. Сафонов, Д.В. Святитель Тихон и Русская православная церковь за границей в 1922–1925 гг. Неизвестные страницы истории [Электронный ресурс] / Д.В. Сафонов. – Режим доступа : http://www.pravoslavie.ru/5494.html#13. – Дата доступа : 23.11.2019.

27. Макаров, Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР (окт. 1917-го – конец 1930-х гг.) : автореф. дисс. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / Ю.Н. Макаров ; СПбГУ. – СПб., 2007. – 49 с.

28. Сафонов, Д.В. Был ли патриарх Тихон сторонником введения нового стиля [Электронный ресурс] / Д.В. Сафонов. – Режим доступа : http://www.pravoslavie.ru/57504.html. – Дата доступа : 23.11.2019.

29. Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения с московской церковной властью и внутренние разделения в 1920–1938 гг. : автореф. дисс. … канд. ист. наук : 09.00.13 / А.А. Кострюков ; ПСТГУ. – М., 2012. – 32 с.

30. Колесник, А.Е. Лобанов В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М. : НПИД «Русская панорама», 2008. 352 с. (Рецензия) / А.Е. Колесник, Н.А. Кривошеева // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. – 2010. – С. 140–142.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 11.02.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 94:323.2(476.2)«192»

Политические настроения крестьян Гомельщины в 1920-е годы

С.М. Генчикова[1], А.Д. Лебедев[2]

Проанализированы особенности политических настроений крестьян Гомельщины в 1920-х гг. Рассмотрена проблема взаимоотношения власти и населения. На конкретных примерах показано доминирование преимущественно антисоветских настроений среди крестьян.
Ключевые слова: Гомельщина, власть, РКП(б), крестьяне, политические настроения.

The features of political attitudes of Gomel peasants in the 1920s are analyzed. The problem of the relationship between the government and the population is considered. Specific examples show the predominance of mainly anti-Soviet sentiments among the peasants.
Keywords: Gomel region, power, Communist party, peasants, political mood.

В 1917 г. в результате Октябрьского вооруженного переворота к власти пришли большевики. Новый режим привлекал часть населения популистскими лозунгами и спецификой аграрной реформы, в ходе которой всем трудящимся гарантировалась земля, отобранная у «эксплуататоров» [1, с. 63]. Крестьянство, составлявшее в начале 1920-х гг. 82 % от общей численности жителей Гомельской губернии, страдало от малоземелья и жаждало справедливого, в понимании крестьян, распределения земли помещиков. В этом аспекте революционная социалистическая пропаганда находила отклик среди крестьян.

Первая мировая война, немецкая оккупация, советско-польская война, гражданская война, действия на территории Гомельщины различных бандформирований, постоянный переход власти от одной политической силы к другой, окончательно «вымотал» местное население. Политические настроения крестьянства Гомельской губернии в 1920 г. можно охарактеризовать следующими словами: «Нехай будет какая-либо власть, лишь был бы хлеб, соль, керосин, плуг, коса и т. д. Перестали бы воевать и нас бы не тревожили» [2, с. 277].

Часть сельского населения в губернии, как и по всей стране, выражало недовольство политикой «военного коммунизма»: трудовой повинностью, принудительной мобилизацией в Красную Армию, запретом на свободную торговлю, продразверсткой и др. Отрицательно влияли на настроения крестьян и факты о гибели или порче, собранных по продразверстке продуктов их деятельности [3, с. 188]. Крестьянское сопротивление проявлялось в вооруженных выступлениях, убийствах членов комбедов, которых зажиточные крестьяне называли «объединениями лодырей» [4, с. 130]. В Корме в 1919 г. часть местного населения и крестьяне, обозленные политикой большевиков, разгромили местную партийную ячейку и милицию. В результате 3 коммуниста были убиты, 2 тяжело ранены [5, л. 128]. В Малодушской волости Речицкого уезда были убиты несколько бойцов продотряда [6, с. 128]. В деревне Столбун Ветковской волости жители совершили самосуд над представителем губпродкома Шаламенко, который застрелил гражданина Маслова [7, с. 120].

В 1920 г. в ряде волостей Гомельщины были созданы посевные комитеты, основной целью которых являлось «проведение в жизнь мероприятий Советской власти, направленных на улучшение крестьянских хозяйств». При этом запасы крестьянского зерна объявлялись «неприкосновенным зерновым фондом», которым сами владельцы распоряжаться не могли. Все это способствовало росту недовольства крестьян Советской властью [8, с. 71]. В Гомеле в 1920 г. на заседании работников волисполкомов уезда выступающие говорили о том, что «подводная [транспортная – Авт.] повинность ложится тяжелым бременем на население волости, и, если и было какое-то сочувствие к Советской власти, то подводная повинность убила его…» [9, с. 126].

Негативная реакция крестьянского населения Гомельщины на политику власти усугублялась общими социально-экономическими условиями: периодическими неурожаями, эпи-

демиями, недостатком семян. В марте 1921 г., по воспоминаниям участника гражданской войны Г. Лелевича, «Гомельская губерния была охвачена огнем бандитизма. В губернии действовал ряд банд, которые убивали коммунистов, советских работников, совершали еврейские погромы» [8, с. 69]. Все это происходило при помощи антибольшевистских и антисоветских сил, бандитских отрядов, к которым примыкали крестьяне [10, с. 35]. Анализируя причины упорства и продолжительности антисоветского движения в Гомельской губернии в марте–апреле 1921 г. глава ГубЧК Розенберг отметил отсутствие доверия со стороны населения к коммунистическим ячейкам [11, с. 31]. Осенью 1921 г. в Гомельской губернии насчитывались десятки формирований, открыто выступающих против Советской власти с оружием в руках. Только в одной «банде» в Речицком уезде насчитывалось до 300 человек [12, с. 258].

После введения НЭПа в марте 1921 г. были приняты ряд решений, согласно которым продразверстка заменялась продналогом (с 1923 г. единого сельхозналога), происходил свободный выбор форм хозяйствования на земле и переход к добровольной кооперации и т. д. Это на некоторое время снизило остроту недовольства властью и обеспечило политическую стабильность в обществе [13, с. 50]. НЭП был поддержан и крестьянством, но часть сельского населения не верила в новую политику, говоря что «все обещанные блага пока остаются только на бумаге…» [9, с. 129].

Развитие экономики находилось в тесной зависимости с налоговой политикой, которая носила классовый характер, в результате чего основная тяжесть налогового обложения пришлась на зажиточные слои населения. По свидетельству архивных документов «налоговый террор» стал реальной проблемой сельского населения в первой половине 1920-х гг. [1, с. 184]. Среди крестьян можно было услышать разговоры о том, что советская власть «грабит мужика» так же, как это делали чиновники при царе.

В марте 1922 г. крестьянские выступления были зафиксированы в нескольких уездах Гомельской губернии. Повстанцы разгоняли советы и исполкомы, оказывали вооруженное сопротивление заготовителям продуктов питания, имелись случаи убийства партийных и советских работников. Отмечалось, что в Недойской волости «взбунтовались» три деревни [14, л. 57], в Наровле продналог брался вооруженной силой. При этом начальник районной милиции в отчете от 20 апреля 1922 г. отмечал, что население «склонно к бандитизму». В Калинковичах и Домановичах настроение крестьян также оценивалось как неудовлетворительное, были недовольства в связи с продналогом, в результате которого у людей забирали даже семена. «Население в Лоеве не весьма хорошо относятся к власти, но благодаря воинским частям открытого выступления нет. Население ожидает бандитизма и надо полагать, что при появлении будет поддерживать его», – отмечал начальник местной милиции [14, л. 77]. Дарья Михайловна Стащенко, жительница Лоева, вспоминала, что в марте 1922 г. ее отозвали на комсомольскую работу в родное местечко. Когда она вместе с другими комсомольцами проводила в деревнях работу по выборам в местные Советы, на них напала группа вооруженных людей, и они «едва остались в живых». «Работать было очень опасно, так как не всем людям нравилась Советская власть, и они вели с ней вооруженную борьбу» [8, с. 71].

Нарекания на налоговую политику со стороны крестьян были небезосновательными. Гомельский губернский комитет в отчете в секретариат ЦК РКП о политическом состоянии Гомельской губернии за сентябрь–октябрь 1922 г. констатировал: «… мы берем с крестьянского хозяйства налогов больше, чем брало царское правительство» [15, л. 15].

Волостные конференции 1924 г. прошли «сплошь под знаком жалоб крестьянства на непосильность налога и даже некоторых угроз его невыполнения» [15, л. 109]. Неподъемный размер сельхозналога для ряда крестьянских хозяйств подтверждает и доклад о работе милиции в период сельскохозяйственной кампании 1924 г., где отмечается, что «число неплательщиков постоянно растет, налоги выплачиваются не вовремя». «Бедняки говорят, – сообщает докладчик, – …и рад бы уплатить, да нет чем… берите уже последнюю корову…» [7, с. 128]. Гомельский губернский комитет РКП обратился с просьбой в ЦК РКП о снижении налога на 350 тыс. руб. для крестьянства губернии, однако получил отказ [15, л. 125]. Чтобы принудить сельское население к скорейшему взносу сельхозналога, применялись меры ад-

министративного воздействия путем заключения отдельных граждан под стражу до взноса ими налога. После предъявления квитанции о сдаче налога они освобождались [9, с. 139]. Было произведено 1900 описей имущества крестьян, 1700 дел было передано в суд, крестьяне были оштрафованы на общую сумму в 2200 руб., у 50 неплательщиков отчуждено имущество и т. д. В результате административного нажима сельхозналог был выполнен на 82 %. Вместе с тем, репрессивные действия власти привели к резкому увеличению «политического террора» [15, л. 125, 126], и «развитию бандитизма» [16, л. 17].

В спецсводках за 1925–1926 гг. нередко указывалось на отсутствие у части крестьян запасов хлеба, семян уже в зимние и весенние месяцы. Например, в апреле 1925 г. в селе Лапичи Гомельского уезда 35 % хозяйств стояли перед выбором: использовать зерно для употребления в пищу или оставить его для посевных работ; 50 % хозяйств вовсе не имели хлеба и семян [17, л. 252]. В декабре 1926 г. в деревне Копище Глушковичского сельсовета Лельчицкого района «запас собранного хлеба уже вышел у 90 % всего населения, у остальных хватит до апреля». При этом поступление сельхозналога составляло в Кормянском районе – 95,7 %, в Лельчицком – 89,6 %, Туровском – 86,5 %, Калинковичском – 83,9 %, Копаткевичском – 78,8 %, Озаричском – 78, Наровлянском – 78,1 % и др. Крестьяне, чтобы купить хлеб, были вынуждены уезжать на заработки в «Украинлес» [18, л. 13].

Недовольство налоговой политикой Советской власти прослеживается на протяжении всего периода 1920-х гг.: «за 7 лет существования Советской власти крестьяне от нее, кроме налогов ничего не видели…» (февраль, 1925 г.) [17, л. 66], «…Советская власть едет на нашей шее, вот когда они подумают облегчить нас с налогом?» (октябрь, 1928 г.) [19, л. 57]. Примечательно, что отношение крестьян к Советской власти менялось от «лояльного и удовлетворительного» к «враждебному» в период сбора продналога и перед посевной кампанией, что характеризует политические настроения крестьян как неустойчивые, напрямую зависящие от экономического положения сельского населения.

Помимо высоких налогов раздражала крестьян дороговизна жизни и отсутствие промтоваров. «Разве это мыслимо, – сетовал на собрании середняк Е.А. Тишков, – чтобы на XI году революции нельзя было достать подошвы на сапоги». «Ну, что хвалиться перед людьми, мы же не дети и знаем, чего мы достигли, хлеб доходит до 4 р. пуд, фунт булки стоит 40 коп., одна пара передов на сапоги стоит 6 р., пара подошв – 5 р., да и то купить это можно только у частника, а в кооперации не достанешь», – говорил крестьянин П.Ф. Черноокий на собрании после доклада председателя Василевичского Сельсовета Тереховского района в 1928 г. [19, л. 59].

Нередкими были случаи, когда крестьяне Гомельщины, сравнивая свое положение до Октябрьской революции и в период советской власти, делали выводы не в пользу последней. Часто слышны были суждения, что Советская власть ничем не отличается от прежней, если не хуже, что «нет различия между теперешними партийцами и бывшими дворянами» (1925 г.) [17, л. 28], «как при царской власти плохо жилось мужику, так и теперь» (Рычевский сельсовет, Туровский район, 1927 г.) [18, л. 67]. Это было связано, как уже отмечалось выше, с налоговой политикой большевиков («при царе мы платили за все время столько, сколько теперь платим в один год») [17, л. 213], а также бюрократией советского аппарата («в старое время было меньше налогов, потому что служащих было меньше, где работал один старшина, там теперь сидит 20 человек служащих и каждому надо платить») [18, л. 24], отсутствием возможности заработать на отхожих промыслах. Среди зажиточных крестьян также наблюдалось недовольство национализацией банков и потерей в нем своих средств, землеустройством (перераспределение земли), высокими сельхозналогами, отсутствием льгот и др. [17, л. 111].

Так, в деревне Корниловцы Речицкого уезда в 1925 г. в день свержения самодержавия проводилось общее собрание крестьян. Председатель волостного комитета РКП Сердюков отмечал, что свержение произошло на почве безработицы и большого голода. После его доклада выступил житель хутора Дубки С.М. Чернявский – зажиточный крестьянин, лет 23–24, который сказал, что «Если при Николае II были безработица и голод, то в настоящее время они в тысячу раз больше; первая революция пошла на пользу небольшому количеству лю-

дей, а сейчас много простого люда ждут новой революции, которая свергнет власть коммунистов и ту часть населения, которая их поддерживает» [17, л. 244]. Некоторые крестьяне были уверенны, что в скором времени будет свергнута Советская власть и произойдет восстановление монархии. Например, через 9 лет после свержения самодержавия крестьянин Какуевичского сельсовета Калинковичского района хранил «николаевские деньги», считая, что «хозяин их скоро вернется» [20, л. 10]. А в январе 1927 г. в деревне Лясковичи Петриковского района середняк Жогло Александр заявлял, что «пока не было этой злодейской власти, так всем было хорошо жить, а теперь надоели обманом, раньше сказали, что все ваше, а на деле нет ничего. Ну, ничего, дождемся скоро, что советской власти не будет, а на престол сядет наследник Алексей Николаевич» [18, л. 67].

Стоит отметить, что были и противоположные мнения. Например, в 1926 г. во время празднования 1 Мая в Наровлянском районе житель одной из деревень Александровского сельсовета Слизенко Станислав Иванович на общем собрании высказывался следующим образом: «Прожили мы в своей деревне при царизме несколько лет, и ничего нам царское правительство не дало, а за 9 лет существования советской власти мы уже имеем новую школу, учителей и советская власть заботится о весенних посевах для нас» [20, л. 11].

Советская власть воспринималась крестьянами в лице тех ее представителей, с которыми ежедневно сталкивались сельские жители [21, с. 67]. В 1921 г. глава ГубЧК Розенберг одновременно жаловался в своем докладе на отсутствие «честных и опытных партийных работников». Среди главных «недостатков» советской работы, которые вызвали справедливое негодование местного населения, Розенберг вынужден был перечислить: «бездеятельность, расхлябанность, халатность, хищения, приписки». Спекуляция, взяточничество имели характер повседневности среди многочисленной армии совслужащих, контролеров, заготовителей и т. д. [11, с. 31–32]. Некоторые статистические данные, приводимые в отчетах ГубЧК, красноречиво свидетельствуют о низком качестве власти, аморальности поведения ее представителей [14, л. 74].

Были случаи, когда население обращалось к высшей власти, желая пробить толщу бюрократической неразберихи и безответственности. Апелляция в верха виделась как эффективный способ добиться благоприятного решения проблемы. «Куда не обратишься во власть, то нигде концов не найдешь. Так было только при царизме, но теперь – власть рабочих и крестьян, то должно для каждого рабочего и крестьянина. Все законы, издаваемые высшим органом из центра, должны приводиться везде и повсюду Советской Республики точно и справедливо», – пишет в 1921 г. группа крестьян Гомельской губернии, недовольная действиями местного начальства [21, с. 33].

Местная власть в 1920-е гг. не представляла собой слаженного механизма. Должности занимали порой случайные люди, которые совершенно не разбирались в вопросах местного хозяйства и не понимали задач своей работы. Возможно, это было связано с низким образовательным уровнем и недостатком профессионализма сотрудников локальной администрации. Например, в Скрыгалово Мозырского уезда партийная комиссия обнаружила, что роль сельсовета сводилась к выдаче справок и удостоверений. В письме прокурору население данного местечка жаловалось, что председатель налоговой комиссии жил за счет взяток и часто злоупотреблял своим положением. В Копаткевичах в 1925 г. председатель комитета взаимопомощи приходил на работу пьяный, устраивал драки, стрелял из револьвера [1, с. 114, 338]. В Мозырском округе некоторые представители местной власти считали, что «выругать крестьянина и покрыть его матом – чрезвычайно полезно» [22, л. 62]. В докладе «О состоянии и деятельности низового Советского и кооперативного аппарата Кормянского района» в ноябре 1928 г. отмечалось, что в районе имеются злоупотребления, использование своего служебного положения в личных целях, пьянство, бездеятельность, незаинтересованность в работе и др. Эти нарушения выявили в 9 сельсоветах из 15 [19, л. 63].

Вышеуказанные факты приводили к тому, что крестьяне зачастую отзывались о местной власти отрицательно. У населения было твердое убеждение, что на местах искажают политику центральных властей, причем не только извращают законы, но и сознательно не информируют о тех или иных законодательных актах [23, с. 236]. Малообразованное местное

руководство, а тем более сельские партийцы не всегда могли грамотно объяснить политику советского государства. А многочисленные листовки и плакаты призывали крестьянство только к выполнению очередного задания партии и правительства [24, с. 27].

В протоколе III Гомельской окружной партконференции, проходившей в 1928 г., говорилось о колоссальном увеличении количества жалоб населения на местные органы власти, поступавших в Центральный аппарат. Об этом свидетельствуют и цифры: за 1927 г. было подано 2900 жалоб, а в 1928 г. доходило до 1000 жалоб только за месяц. 36 % поступивших жалоб было от крестьян, 20 % – от рабочих, около 19 % – от служащих, около 20 % – от различных государственных учреждений. Больше всего жаловались на бюрократизм и волокиту в советских учреждениях (20 %), на нарушение трудового законодательства (14 %), на злоупотребление служебными полномочиями (11 %), на неправильное решение земельного вопроса (11 %), на неправильное взыскание налогов (5 %) и др. [22, л. 75].

В результате крестьянство по-разному воспринимало центральную и местную власть. Обычными были рассуждения, вполне отвечавшие традиционному мировоззрению в духе «наивного монархизма», что «власть в центре хорошая, а здесь, на местах, работники плохие» [23, с. 236]. Отношение к центральной власти также характеризуют настроения населения Гомельщины в связи со смертью В.И. Ленина в январе 1924 г., сообщение о которой «взбудоражило всю массу трудящихся. Впервые крестьянство было охвачено в такой же мере, как и рабочие города» [25, л. 85]. В спецсводках отмечалось, что многие служащие и рабочие искренне переживали его смерть [26, л. 1]. Среди крестьян Гомельщины ходили слухи, что кончина В.И. Ленина неблагоприятно отразится на советской власти и положение крестьян ухудшится, так как Ленин защищал их интересы, капиталистические страны объявят войну и произойдет переворот. Также ходили разговоры о том, что Ленина отравили, «стараются изжить Калинина […], что лучше бы умер Троцкий, и что хоть бы Бог дал, чтобы вместо Ленина был не еврей» [27].

Таким образом, пассивно-лояльное отношение населения к советской власти в принципе нередко сопровождалось активным неприятием повседневной деятельности местных органов власти [23, с. 236]. В результате сельское население, как правило, уважало тех служащих, которые не участвовали в насаждении советских ценностей и пропаганде кампаний власти, то есть были «нейтральны» [1, с. 115–116]. Показательным является донесение ГПУ за апрель 1925 г.: «В селе Вылево Ветковской волости Гомельского уезда школьный работник Малашкевич работает хорошо, неуклонно проводит советскую линию, но в связи с этим у крестьян особым авторитетом не пользуется» [17, л. 220].

Уже в начале 1920-х гг. советская власть рассматривалась населением как власть коммунистов. «Говорят и пишут о Соввласти, как о власти рабочих и крестьян, а власть фактически – коммунистов, и даже не рабочих, ибо обыкновенных рабочих увольняют, а остаются только коммунисты», – вот мнение большинства крестьян Гомельской и Добрушской волости в 1925 г. [17, л. 112]. В 1926 г. в спецсводках ГПУ были упомянуты случаи, когда крестьяне к советской власти относятся доброжелательно, а к компартии – безразлично [20, л. 11]. Сказывалось недовольство присылаемыми на село кадрами, не всегда знакомыми с крестьянской жизнью. «Привилегированный слой, получающий хорошее жалование, хорошо живущие, получившие для себя, благодаря революции все блага и не заботящиеся о положении крестьян», – таково было мнение о коммунистах основной массы крестьян Гомельщины, сложившееся к середине 1920-х гг. [17, л. 213].

Вместе с тем, часть крестьян стремились вступить в партию, пытаясь таким образом качественно изменить социальный статус и уровень жизни, обезопасить себя от трудностей, связанных с ведением крестьянского хозяйства в условиях нэпа. Присоединение к слою служащих даже в низших звеньях аппарата управления давало вчерашнему крестьянину определенные социальные гарантии в виде устойчивого заработка, профсоюзных льгот и т.п. Психологическим фактором такого перехода в служащие, возможно, было стремление приобщиться к городскому образу жизни, избавиться от ощущений второсортности, в высказываниях многих крестьян того времени [28, с. 50]. Заявления о приеме в партию на Гомельщине

подавали в основном представители крестьянской бедноты и демобилизованные красноармейцы из их числа. В январе 1923 г. в отчете о состоянии Гомельской губернской организации РКП(б) и политическом состоянии Гомельской губернии отмечалось: «Тяга и приток в ряды РКП и РКСМ в деревне с каждой неделей принимают все большие размеры. При желании принять всех подавших заявления о вступлении в партию мы могли бы в течение одного месяца количество организации увеличить не менее чем на 1000–1500 человек». Однако, исходя из идеологических позиций, партия сдерживала прием в свои ряды сельских жителей. Например, в Гомельском уезде на январь 1923 г. из 150 имевшихся заявлений от крестьян за 2 месяца на звание кандидата в члены РКП(б) было одобрено только 6 [15, л. 30]. В результате небольшого числа коммунистов-крестьян возникали натянутые отношения с коммунистической партией. Не способствовало хорошему отношению к ней крестьян и антирелигиозная политика большевиков: «Крестьянство у нас очень темное, и если скажешь ему, почему не вступаешь в партию, то отвечают, что я бы вступил бы, но тогда придется выносить бога с хаты», – отмечалось на заседании Буда-Кошелевского райкома в ноябре 1928 г. [29, л. 8].

Основная часть сельского населения не верила РКП(б), считали её «городской» организацией, выражающей интересы рабочих. В результате возникло явление, получившее название «ревности к городу». О повсеместной среди сельских жителей «ревности к рабочим» свидетельствуют многочисленные документы 1920-х гг. Например, «крестьяне остались вдали от власти, а рабочие сидят на нашей шее» (1924 г.) [25, л. 112], «рабочие по сравнению с нами [крестьянами – Авт.] живут гораздо лучше, получают хороший заработок; в то время, когда крестьянам на ближайшую весну не будет чем засевать поле. Союза между деревней и городом не может быть, так как Советская власть рабочего во всем поддерживает, а с крестьянина сдирает последнюю шкуру», «рабочие – это сынки для советской власти, а мы – пасынки» (1925 г.) [17, л. 112, 165]. Показательным в этом отношении является то, что крестьяне редко использовали слово «мы», которое применялось бы в виде объединения РКП, рабочего класса и крестьянства, чаще употребляли «мы» и «вы» [17, л. 161].

Стоит отметить, что политическая позиция крестьянства далеко не всегда проявлялась в открытых формах, таких как борьба за влияние на местные органы управления, критика или активная поддержка мероприятий государства в отношении деревни, противостояние власти, доходящее до восстаний. Она заключалась и в повседневном молчаливом, пассивном согласии или несогласии с мероприятиями власти. Крестьяне зачастую не понимали политическое содержание тех или иных партийных программ. Они реагировали не на слова, а на реальные действия большевиков, и именно на те, которые касались их непосредственно. А политика новой власти часто шла в разрез с представлениями крестьян о справедливости, разумности, их интересами и потребностями. Крестьяне не чувствовали защиты со стороны государства. Они в большинстве своем не верили в светлое будущее при коммунистической власти. Революция, обманувшая надежды основной массы крестьян по справедливому перераспределению земли, не принесшая улучшения, была непонятна сельчанам.

Литература

1. Замойский, А.С. Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939 / А. Замойский. – Мн. : И.П. Логвинов, 2013. – 418 с.

2. Советская деревня глазами ВЧК–ОГОУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – Т. 1. 1918–1922 гг. – 864 с.

3. Мурашко, М.Н. Развитие сельскохозяйственного производства в Гомельской губернии в условиях НЭПа / М.Н. Мурашко // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 30.09 – 1.10.2010 г. / Гомельскі дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: Р.Р. Лазько (адказны рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2010. С. 187–191.

4. Трифонов, И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР / И.Я. Трифонов. – М. : Политиздат, 1975. – 406 с.

5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 626.

6. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Рэчыцкага раена : у 2 кн. / Уклад. П.П. Рабянок. – Мн. : Беларусь, 1998. – Кн. 1-я. – 503 с.

7. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Веткаўскага раена : у 2 кн. / Уклад. У.Я. Райскі – Мн. : БЕЛТА, 1997. – Кн. 1-я. – 376 с.

8. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Лоеўскага раена / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] – Мн. : БелЭН, 2000. – 792 с.

9. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Гомельскага раена : у 2 кн. – Мн. : БЕЛТА, 1998. – Кн. 1-я. – 376 с.

10. Пушкін, І.А. Узброены супраціў ва Усходняй Беларусі (20–30-я гады XX ст.): дакументы і матэрыялы / І.А. Пушкін. – Мн. : Медысонт, 2009. – 192 с.

11. Стужынская, Н.І. Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву ў 20-я гг. XX стагоддзя / Н. Стужынская. – Мн., 2012. – 362 с.

12. Такоева, И.Т. Гомельская губерния: как все начиналось. Неизвестные страницы / И. Такоева ; под общ. ред. В. Дворника ; науч. ред. В. Лебедева – Гомель : Редакция газеты «Гомельская праўда», 2014. – 288 с.

13. Пархімовіч, М.М. НЭП у беларускай вёсцы: на пачатку шляху / М.М. Пархімовіч // Веснік БДУ. – 1991. – Серыя 3, № 2. – С. 45–53.

14. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1371.

15. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1345.

16. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 161.

17. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 2750.

18. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 1045.

19. ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 409.

20. ГАООГО. – Фонд 69. –Оп. 1. – Д. 710.

21. Лившин, А.Я. Власть и общество: Диалог в письмах. / А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М. : «РОССПЭН», 2002. – 208 с.

22. ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 393.

23. Кудюкина, М.М. Крестьянство и власть в 1920-е годы / М. Кудюкина // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. научн. ст. участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – М. : ООО «АПР», 2011. – 472 с.

24. Бяспалая, М.А. Беларуская вёска ў 1921–1927 гг. : аўтарэф. дыс. … д-ра гіст. навук : 07.00.02 / М.А. Бяспалая. – Мн. : Беларускі інстытут культуры, 1999. – 38 с.

25. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1345.

26. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 210.

27. Из специальных политсводок ОГПУ в Кремль о реагировании населения на смерть В.И. Ленина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://hist-etnol.livejournal.com/3241215.html. – Дата доступа : 15.11.2018.

28. Рытов, А. Формирование новой социальной иерархии в БССР в 1920-х годах / А. Рытов // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2007. – № 7. – С. 46–51.

29. ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 430.

[1]Средняя школа № 62 г. Гомеля

[2]Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 04.03.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 930:[61+94(476-15)]

Сучасны стан навуковага вывучэння арганізацыі медыцынскага забеспячэння насельніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў айчыннай гістарыяграфіі (да пастаноўкі праблемы)

А.А. Каплієў

Артыкул характарызуе асноўныя тэндэнцыі развіцця сучаснай беларускай гістарыяграфіі ў галіне вывучэння арганізацыі медыцынскага абслугоўвання насельніцтва Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Адзначаны асаблівасці метадалагічных падыходаў у параўнанні з савецкай гістарыяграфіяй, вылучаны галоўныя накірункі вывучэння тэмы на сучасным этапе. Зроблена выснова аб недастатковай распрацаванасці пытанняў фарміравання сістэмы аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі.
Ключавыя словы: Заходняя Беларусь, польска-савецкая вайна, медыцына, ахова здароўя, гістарыяграфія.

The main trends in the development of modern Belarusian historiography in the field of studying the organization of medical services for the population of Western Belarus in the interwar period are described. Features of methodological approaches in comparison with Soviet historiography are noted, the main directions of studying the topic at the present stage are highlighted. It is concluded that the issues of formation of the healthcare system in the territory of Western Belarus are not sufficiently developed in the modern Belarusian historiography.
Keywords: Western Belarus, Polish-Soviet war, medicine, healthcare, historiography.

Становішча насельніцтва Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд у апошнія дзесяцігоддзі развіцця айчыннай гістарычнай навукі неаднаразова разглядалася з самых розных кропак гледжання. З адыходам ад ідэалагічнай зададзенасці савецкай гістарычнай навукі (калі дамінуючую ролю ў вывучэнні гісторыі Заходняй Беларусі адыгрывалі характарыстыка нацыянальна-вызваленчай барацьбы, дзейнасці КПЗБ, падкрэсленне выключна адмоўнага ўплыву польскай палітыкі на стан развіцця краю) і рассакрэчваннем раней недаступных дакументаў архіваў Беларусі, а таксама з'яўленнем магчымасці працы айчынных гісторыкаў з замежнымі крыніцамі з ценю выйшлі актуальныя і раней недаследаваныя аспекты, пытанні паўсядзённасці [1, с. 134–140]. У працах адмыслоўцаў знайшлі свае адлюстраванне як агульныя праблемы існавання рэгіёна (палітычнае развіццё, гарадское самакіраванне, аграрная палітыка, нацыянальна-культурнае жыццё), так і адносна дробныя, але не менш значныя і важныя для аналізу пытанні эміграцыі насельніцтва, дзейнасці гаспадарчых, аграрных, дабрачынных таварыстваў, развіцця мясцовага друку, што паспрыяла фарміраванню ўзважаных адзнак і збалансаванага навуковага дыскурсу [2]–[6].

Аднак нават пераасэнсаванне марксісцка-ленінскіх падыходаў і якаснае пашырэнне крыніцавай базы з прыцягненнем раней недаступных матэрыялаў беларускіх ды замежных архіваў і іх апрацоўка з улікам дасягненняў сучаснай гістарычнай навукі ўсё ж пакідае значную колькасць «белых плям» у досыць добра распрацаванай тэме становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы. Адным з такіх пытанняў застаецца арганізацыя медыцынскага забеспячэння насельніцтва Заходняй Беларусі, якое ў межах гістарычнага дыскурсу амаль не разглядалася. У другой палове 1990 – пачатку 2000-х гг. на прасторы былога СССР пытанні гісторыі медыцыны сталі паўнавартаснай часткай кола праблем, якія разглядаюцца менавіта гісторыкамі, што асабліва відаць пры разглядзе сучаснай украінскай, і ў меншай ступені беларускай і расійскай гістарыяграфіі. Мэтай артыкула з'яўляецца характарыстыка агульнага стану распрацоўкі пытанняў развіцця аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў сучаснай (постсавецкай) айчыннай гістарыяграфіі.

Згодна актуальнаму вызначэнню тэрміна, ахова здароўя – гэта комплекс палітычных, эканамічных, прававых, сацыяльных, культурных, навуковых, экалагічных, медыцынскіх, санітарна-гігіенічных і супрацьэпідэмічных захадаў па захаванні і ўзмацненні здароўя

насельніцтва [7]. Трэба падкрэсліць, што *палітычныя, эканамічныя, прававыя і сацыяльныя* мерапрыемствы нароўні з органамі, што гэтыя мерапрыемствы ажыццяўляюць, безумоўна традыцыйна ўваходзяць у сферу прафесійных інтарэсаў гісторыкаў.

Між тым, падчас існавання СССР на яго прасторы праблемы гісторыі медыцыны і аховы здароўя традыцыйна разглядаліся не гісторыкамі, а медыцынскімі працаўнікамі, у асноўным прадстаўнікамі кафедраў арганізацыі грамадскага здароўя медыцынскіх ВНУ. Аднак, нягледзячы на досыць добрае валоданне крыніцамі і цікавыя фактычныя сведчанні, працы савецкіх гісторыкаў медыцыны – лекараў па базавай адукацыі, якія не валодалі належнымі кампетэнцыямі ў правядзенні паўнавартаснага гістарычнага аналізу, не ў поўнай ступені адпавядаюць крытэрам навуковасці з кропкі гледжання гістарычнай навукі. Асабліва гэта датычыць пытанняў развіцця медыцыны на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая з прычыны палітычнай і ідэалагічнай зададзенасці заставаліся для савецкіх вучоных «*terra incognita*».

У савецкі час у Беларусі пад началам прафесара Р. Кручка сфарміравалася школа гісторыкаў медыцыны, якія аднак, у большасці з'яўляліся лекарамі, а не прафесійнымі гісторыкамі. Больш таго, ідэалагічная перадусталёўка амаль выключала з кола разглядаемых імі пытанняў гісторыю медыцыны Заходняй Беларусі. Нешматлікія, у асноўным выключна негатыўныя, «замалёўкі» дзейнасці аховы здароўя беларускіх земляў міжваеннай Польшчы служылі толькі «фонам» пры адлюстраванні выключных поспехаў савецкай медыцыны ў БССР [8, с. 8].

Нешматлікія згадкі савецкіх гісторыкаў пра медыцыну Заходняй Беларусі выкарыстоўваліся для падкрэслення цяжкага стану працоўных і сялян. Непасрэдна датычна аховы здароўя адзначалася недастатковае фінансаванне, фактычна поўная адсутнасць кваліфікаванай медыцынскай дапамогі, альбо яе недаступнасць для працоўных і сялян Заходняй Беларусі з прычыны высокіх коштаў лячэння [9, с. 27], [10, с. 85].

У постсавецкі перыяд незалежнасці Беларусі пачалі выходзіць шматтомныя фундаментальныя выданні па гісторыі Беларусі, якія ўключалі і вялікі матэрыял пра Заходнюю Беларусь. Аднак не ўсе яны месцілі інфармацыю пра развіццё медыцыны ў Заходняй Беларусі. Напрыклад, у «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» артыкул «Заходняя Беларусь» І. Хаўратовіча прысвечаны, як і большасць прац савецкіх гісторыкаў, у асноўным палітычным пытанням і нацыянальна-вызваленчай барацьбе. Агляд сацыяльна-эканамічнага жыцця абмяжоўваўся характарыстыкай складу насельніцтва і цяжкага становішча сялян і працоўных, але пра іх медыцынскае забеспячэнне ў артыкуле не згадваецца [11, с. 421–425].

У пятым томе фундаментальнай шасцітомнай «Гісторыі Беларусі» раздзел пра Заходнюю Беларусь у значнай ступені складаўся з традыцыйнага апісання грамадска-палітычнага жыцця і вызваленчага руху. Аднак у параграфе 2.2 «Узровень жыцця народа. Сацыяльныя працэсы» (аўтары А. Вабішэвіч, У. Палуян) вылучаны падпараграф «Ахова здароўя», які характарызуе агульны стан медыцынскага забеспячэння насельніцтва Заходняй Беларусі [12, с. 364–365]. Агляд аховы здароўя аўтары пачалі з у цэлым дакладнай характарыстыкай санітарнага стану рэгіёна, які вылучаўся небяспечнай эпідэмічнай сітуацыяй і высокай ступенню захворвання насельніцтва тыфам, сухотамі, малярыяй. Высновы пра нездавальняючае патрэбы насельніцтва медыцынскім забеспячэннем падмацаваны статыстычнымі звесткамі пра наяўнасць лячэбных устаноў у Заходняй Беларусі і яе адсталасць па гэтых паказчыках ад уласна польскіх зямель. Адзначаны адмоўны ўплыў платнасці медыцынскага абслугоўвання для насельніцтва, распаўсюджванне практыкі звароту да знахараў. Аднак фінальная выснова пра няздольнасць польскіх уладаў «*стварыць разгалінаваную сетку ўстаноў сацыяльнага забеспячэння ў заходнебеларускім краі*» (у цэлым аб'ектыўная) засталася не абгрунтаванай аналізам самой сістэмы аховы здароўя, яе галін і прынцыпаў разгортвання [12, с. 365].

На мяжы 1990–2000-х гг. у рамках падрыхтоўкі доктарскай дысертацыі «История здравоохранения Белоруссии в XX веке» лекар і вядомы гісторык медыцыны Я. Цішчанка ўпершыню ў беларускай навуцы зрабіў сціплы, аднак поўны агляд развіцця аховы здароўя ў Заходняй Беларусі. Адносна невялікі падраздзел утрымлівае шырокае кола раней не распрацаваных пытанняў санітарна-эпідэмічнага становішча Заходняй Беларусі, актыўнасці мясцовых лекарскіх таварыстваў, аптэчнай справы, агульныя тэндэнцыі развіцця аховы

здароўя і яе асаблівасці. У прыватнасці, аўтар вылучыў тэзу аб захаванні значнай колькасці рыс дарэвалюцыйнай земскай сістэмы аховы здароўя ў «крэсавых» ваяводствах у адрозненне ад уласна польскіх зямель [13].

Дакладнага разгалінавання аховы здароўя Заходняй Беларусі аўтарам зроблена не было, але адзначана «шматукладнасць» медыцыны ў залежнасці ад крыніц фінансавання канкрэтных лячэбных устаноў з вылучэннем вызначальнай ролі мясцовых самакіраванняў. Апошняя тэза адпавядае рэчаіснасці, аднак методыка ранжыравання з улікам выключна фінансавага фактару не зусім дасканалая, таму дадзены падыход да разгалінавання медыцыны не вылучаецца канкрэтыкай. Таксама Я. Цішчанкам падкрэслена вызначальная роля сярэдняга медыцынскага персаналу ў абслугоўванні насельніцтва ва ўмовах хранічнага недахопу лекараў, што з'яўляецца адметнай рысай стану медыцынскага абслугоўвання насельніцтва ў Заходняй Беларусі ў параўнанні з уласна польскімі землямі ў межах II Рэчы Паспалітай [14, с. 81–83].

На працягу 2000-х гг. Я. Цішчанка заставаўся фактычна адзіным айчынным даследчыкам гісторыі медыцыны ў Заходняй Беларусі. За гады даследаванняў аўтарам былі распрацаваныя пытанні санітарнага дабрабыту і яго ўплыву на развіццё неспрыяльнай эпідэмічнай сітуацыі, дзейнасці надзвычайных супрацьэпідэмічных камісій у пачатку 1920-х гг., часткова асвечаны захады ўладаў па паляпшэнні санітарнага становішча, барацьба супраць прастытуцыі, алкагалізму і «сацыяльных хвароб», развіццё аптэчнай справы. Аднак большасць гэтых пытанняў закранута толькі тэзісна і бессістэмна, бо пытанні аховы здароўя разгледжаны адасоблена ад агульнай грамадска-палітычнай і эканамічнай сітуацыі ў II Рэчы Паспалітай. Засталося нераскрытым месца аховы здароўя ў структуры дзяржаўнага і мясцовага кіравання ва ўмовах ускраіннага палажэння заходнебеларускіх зямель у польскай дзяржаве. Цікавыя, але разрозненыя па храналогіі і геаграфіі асобныя факты добра ілюструюць сітуацыю, але не заўсёды дазваляюць прасачыць тэндэнцыі. Сам характар наратыву часцяком злоўжывае простым апавяданнем, у якім няма непасрэднага аналізу, што можна патлумачыць адсутнасцю ў аўтара гістарычнай адукацыі. Разам з тым, галоўны ўклад у дыскурс Я. Цішчанкі заключаецца ў даследаванні шэрагу сапраўды новых пытанняў гісторыі медыцыны Заходняй Беларусі: дзейнасці лекарскай грамадскасці і медычных з'ездаў, развіцця Польскага таварыства Чырвонага Крыжа, амбулаторнай дапамогі, грамадскага статусу лекараў і сярэдняга медыцынскага персаналу [15, с. 89–92], [16, с. 358–359].

Агульныя тэндэнцыі развіцця аховы здароўя ў Заходняй Беларусі адзначыў у сваіх публікацыях вядомы беларускі гісторык медыцыны М. Абраменка. Асноўная ўвага даследчыка нададзена перыяду ўз'яднання беларускіх зямель у канцы 1930-х гг. і мадэрнізацыі аховы здароўя Заходняй Беларусі па савецкім ўзоры. Нешматлікія паведамленні адмыслоўцы, прысвечаныя медыцыне Заходняй Беларусі 1920–1930-х гг., канстатуюць толькі найбольш яскравыя старонкі развіцця аховы здароўя ў Польшчы і раскрываюць некаторыя асаблівасці яе фарміравання ў Заходняй Беларусі і Заходняй Украіне. Варта адзначыць, што пры агульна якасна выкананым аналізе, аўтар характарызуе медыцыну Заходняй Беларусі як «дыскрымінацыйную», абгрунтоўваючы гэта высокай смяротнасцю насельніцтва Заходняй Беларусі і «слабай» лячэбнай сеткай, што суправаджалася «каланіяльным характарам эканомікі» і «нястрымнай эксплуатацыяй краю» [17, с. 27]. Таксама трансляваныя савецкія тэзісы, якія вылучаюць наперад эканамічныя фактары слабага развіцця Заходняй Беларусі як асноўную перадумову для недаступнасці кваліфікаванай дапамогі для большасці насельніцтва, што, безумоўна, адпавядала рэчаіснасці. Трэбы адзначыць, што ў сваіх даследаваннях аўтар у значнай ступені абапіраўся на даваенную савецкую гістарыяграфію, якая ставілася да аховы здароўя Заходняй Беларусі даволі крытычна [17, с. 29].

Асноўная частка даследаванняў, прысвечаных ахове здароўя ў Заходняй Беларусі, раскрывае тэму праз яе даволі дробныя аспекты. Так, дзейнасць аптэк і фарміраванне фармацэўтычнай галіны сістэмы аховы здароўя Заходняй Беларусі паказала ў сваіх даследаваннях В.Ф. Сасонкіна. Акрамя рупліва сабраных звестак пра колькасны склад сеткі аптэк, каштоўнымі з'яўляюцца высновы аўтара аб пачатку мэтанакіраванай дзейнасці па фарміраванню аптэчнай сеткі яшчэ ў перыяд польскай акупацыі Беларусі падчас польска-савецкая вайны 1919–1921 гг., што пацвярджае тэзіс аб непарыўным працэсе арганізацыі польскай сістэмы аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі фактычна з 1919 г. У межах

стратыфікацыі міжваеннай аховы здароўя аўтарам былі вылучаны і асаблівыя «арганізацыйна-прававыя» формы існавання аптэк: прыватная, муніцыпальная, акцыянерная, рэлігійных устаноў, чыгуначная, страхавых кас. Кожная форма арганізацыі аптэк мела ўласную кліентуру ў залежнасці ад сацыяльнага стану і дастатку, таму стварэнне разгалінаванай у сэнсе арганізацыі сеткі аптэк мела таксама важнае сацыяльнае значэнне. Звяртае на сябе ўвагу комплексны падыход пры вывучэнні аптэчнай справы, калі ў кантэксце аналізу разглядаецца не толькі арганізацыя працы ўстаноў, але і метадычнае суправаджэнне, заканадаўчыя асновы і адукацыйны аспект падрыхтоўкі правізараў і фармацэўтаў у міжваеннай Польшчы [18, с. 89–97], [19, с. 99–105].

Тэма развіцця медыцыны ў мястэчках Заходняй Беларусі тэзісна раскрыта ў публікацыях Г. Вайцешчык. У публікацыях аўтара значная ўвага нададзена не арганізацыі аховы здароўя, а менавіта медыцынскаму забеспячэнню розных катэгорый насельніцтва мястэчак Заходняй Беларусі, як асобнага боку матэрыяльнага дабрабыту і сацыяльнага палажэння. Забеспячэнне лячэбнай дапамогай было ахарактарызавана як недастатковае, а сам агляд медыцынскай арганізацыі выкананы ў кантэксце сацыяльна-эканамічнага становішча мястэчак: вылучаны негатыўны характар платнасці медыцынскага абслугоўвання ў кантэксце невялікіх заробкаў большасці насельніцтва мястэчак, падкрэслена недастатковая колькасць лекараў-адмыслоўцаў (асабліва ў галіне акушэрства і гінекалогіі), што штурхала насельніцтва звяртацца да знахараў і павітух [20, с. 36–37], [21, с. 80–81].

Асобныя часткі даследаванняў Г. Вайцешчык таксама характарызуюць санітарна-эпідэмічнае становішча мястэчак Заходняй Беларусі, асабліва на тэрыторыі Палескага і, часткова, Віленскага ваяводстваў, аднак падобныя характарыстыкі нясуць дыскрэтны характар [22, с. 203–206]. Тым не менш, у даследаваннях аўтара якасна адлюстравана агульная адмоўная тэндэнцыя калі не пагаршэння, то адназначна адсутнасці паляпшэння санітарна-эпідэмічнай сітуацыі ў Заходняй Беларусі ў выніку антысанітарыі і бяздзейнасці ўлад, але не выяўлены прычыны складвання такога становішча [20, с. 35].

Ускосна кранаюць тэму развіцця аховы здароўя матэрыялы даследаванняў Е. Пашковіч, якая прасачыла развіццё сістэмы сацыяльнага забеспячэння насельніцтва Заходняй Беларусі. Польскае Міністэрства сацыяльнай апекі з 1923 г. пераняла частку функцый расфарміраванага Міністэрства грамадскага здароўя, таму аналіз яго дзейнасці важны для разумення механізма функцыянавання сістэмы аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Аднак у большасці даследаванняў Е. Пашковіч разгледжаны менавіта грамадска значныя аспекты дзеяння органаў сацыяльнай аховы (барацьба з прастытуцыяй, дапамога дзецям і беспрацоўным і інш.), нягледзячы на тое, што з 1932 г. Міністэрства сацыяльнай аховы фактычна адказвала і за ахову здароўя [23, с. 34–42].

На бягучы момант найбольш поўна тэма развіцця медыцынскай арганізацыі ў Заходняй Беларусі адлюстравана ў дысертацыі А. Дарковіча «Городское самоуправление на западнобелорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.)» 2016 г. Трэба адзначыць, што менавіта гарады сталі асноўнымі цэнтрамі развіцця медыцыны на тэрыторыі Заходняй Беларусі і ў значнай ступені спалучалі элементы ўсіх галін развіцця стратыфікаванай медыцыны II Рэчы Паспалітай, таму аналіз гарадской медыцыны з’яўляецца важнай задачай у вывучэнні праблем аховы здароўя ў Заходняй Беларусі.

У працы вылучаны асобны падраздзел «Активность в сфере здравоохранения», дзе агляд арганізацыі аховы здароўя ў Заходняй Беларусі пачаты з перыяду польска-савецкай вайны 1919–1921 гг., што цалкам абгрунтавана і лагічна [24, арк. 216–217]. Аўтар вылучыў прычыны развіцця эпідэмічнага захворвання насельніцтва, часткова адзначыў іх уплыў на санітарнае становішча Заходняй Беларусі. Трэба адзначыць, што арганізацыя аховы здароўя, нават у межах гарадоў, паказана не ў якасці самастойнага аб’екта, а толькі як асобны аспект дзейнасці мясцовых самакіраванняў, што наклала адбітак на характар аналізу. Асноўную ўвагу А. Дарковіч надаў муніцыпальнай медыцыне, зрабіў дакладную выснову пра перадачу адказнасці за развіццё аховы здароўя з дзяржаўных структур на мясцовыя самакіраванні, што суправаджалася сталым скарачэннем дзяржаўнага фінансавання [24, арк. 221]. Закрануў аўтар і праблему арганізацыі ў 1930-х гг. т. зв. «цэнтраў здароўя», якія на тэрыторыі Заходняй Беларусі не атрымалі шырокага распаўсюджвання. Выкарыстанне архіўных і

статыстычных крыніц дазволіла аўтару правесці кваліфікаваны аналіз развіцця гарадской медыцыны, аднак астатнія галіны аховы здароўя (страхавая, дзяржаўная, прыватная, вайсковая) разгледжаны не былі, што абумоўлена спецыфікай дысертацыі.

Варта адзначыць, што А. Дарковічам таксама выкананы сістэмны агляд нездавальняючага санітарнага стану заходнебеларускіх гарадоў, які стаў адным з асноўных фактараў пагаршэння эпідэміялагічнай сітуацыі ў рэгіёне ў цэлым. У кантэксце гэтай характарыстыцы ўзняты агульныя праблемы аховы здароўя Заходняй Беларусі, што былі выкліканы недастатковай увагай улад да патрэб рэгіёна [25, с. 72–89].

Падсумоўваючы вышэйпададзенае варта адзначыць, што ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі закраналіся толькі найбольш агульныя і некаторыя дробныя пытанні медыцынскага забеспячэння насельніцтва Заходняй Беларусі, аднак усёабдымнага, сістэмнага даследавання функцыянавання аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі выканана не было. Сучасны беларускі навуковы дыскурс у галіне вывучэння азначанай тэмы ў цэлым характарызуецца дыскрэтнасцю. Навуковыя працы, прысвечаныя як агульнай характарыстыцы стану медыцынскага забеспячэння насельніцтва Заходняй Беларусі, так і аналізу арганізацыі і функцыянавання сістэмы аховы здароўя на яе тэрыторыі ў межах айчыннага гістарычнага дыскурсу фактычна адсутнічаюць, што натуральна, бо падобная навуковая задача дагэтуль не ставілася ні савецкімі, ні сучаснымі беларускімі даследчыкамі міжваеннага перыяду. Пэўныя напрацоўкі па згаданых аспектах развіцця «ўсходніх крэсаў» заключаны ў асноўным у навуковых артыкулах гісторыкаў медыцыны з адсутнасцю гістарычнай адукацыі. У сучасных гістарычных даследаваннях, прысвечаных Заходняй Беларусі, тэма развіцця медыцыны і аховы здароўя згадваецца толькі ўскосна, таму ўзнятая праблема, як важная частка сацыяльнага кампанента развіцця беларускага грамадства ў міжваенны час, безумоўна патрабуе асобнага падрабязнага вывучэння.

Варта адзначыць, што традыцыйную ў адносінах да Заходняй Беларусі даціроўку «1921–1939 гг.» у кантэксце вывучэння медыцынскага забеспячэння варта пашырыць, прымаючы да ўвагі, што непасрэднае фарміраванне сістэмы аховы здароўя на далучаных да Польшчы беларускіх землях пачалося яшчэ падчас польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. і навуковае абагульненне гэтага этапу развіцця медыцынскай арганізацыі непарыўна звязана з падзеямі міжваеннага часу.

Аналіз фарміравання сістэмы аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі ўяўляецца карысным пачаць менавіта з падзей польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. і вывучаць згодна ўмоўнага падзелу на тры тэматычныя перыяды:

1) спробы арганізацыі медыцынскага забеспячэння насельніцтва структурамі Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель на акупаванай тэрыторыі Беларусі і супрацьэпідэмічныя мерапрыемствы падчас польска-савецкай вайны 1919–1921 гг.;

2) фарміраванне арганізацыі аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1920-я гг. з вылучэннем ролі скасавання дзейнасці цэнтралізаванага Міністэрства грамадскага здароўя Польшчы і стратыфікацыі медыцыны на сектары, асаблівасці медыцынскай арганізацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (у адрозненне ад заходнеўкраінскіх і ўласна польскіх зямель у межах II Рэчы Паспалітай) у кантэксце наступстваў Першай сусветнай і польска-савецкай войнаў для рэгіёна;

3) пераўтварэнні ў арганізацыі аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў кантэксце ўплыву эканамічнага крызісу 1930-х гг., рэформ у страхавой, заканадаўчай сферах (законы аб медыцынскім забеспячэнні дзяржаўных служачых, рэарганізацыі «кас хворых»), а таксама змен у парадыгме развіцця аховы здароўя ў II Рэчы Паспалітай (канцэпцыя «цэнтраў здароўя» і інш.).

Трэба падкрэсліць, што вывучэнне асобных элементаў дзейнасці сістэмы аховы здароўя Заходняй Беларусі немагчыма без шырокіх параўнанняў з адпаведнымі аспектамі развіцця аховы здароўя ў Заходняй Украіне і Польшчы. Таксама не толькі дапушчальнымі, але і патрэбнымі для поўнага раскрыцця пытання (дзе гэта магчыма і дарэчна) з'яўляюцца аналогіі і параўнанні са станам развіцця аховы здароўя ва ўсходняй (Савецкай) частцы падзеленай у міжваенны перыяд Беларусі.

Літаратура

1. Савіч, А. Архіўная справа Беларусі ў 1990–2000-я гады і ўдасканаленне даследавання гісторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. Савіч // Архівы і справаводства. – 2016. – № 5. – С. 134–140.

2. Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. … д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А.М. Вабішчэвіч. – Мн., 2010. – 52 с.

3. Мярчук, В.М. Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.02 / В.М. Мярчук. – Брэст, 2016. – 23 с.

4. Пашковіч, А.І. Дзейнасць дабрачынных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. : аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.02 / А.І. Пашковіч. – Мн., 2008. – 23 с.

5. Грэсь, С.М. Аграрныя пераўтварэнні ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. : аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.02 / С.М. Грэсь. – Мн., 2007. – 20 с.

6. Борка, А.І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.02 / А.І. Борка. – Гродна, 2007. – 19 с.

7. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII : в ред. от 21.10.2016, № 433-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2016. – 2/2431.

8. Змачинская, Н.Ф. Историко-медицинская научная школа профессора Г.Р. Крючка : к 80-летию со дня рождения / Н.Ф. Змачинская, Т.Г. Светлович // Медицина Беларуси XX века : тез. докл. Восьмой респ. науч. конф. по истории медицины. – Мн., 1998. – С. 7–9.

9. Глинская, Т.Ю. КПЗБ – руководитель освободительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии, 1924–1928 гг. / Т.Ю. Глинская. – Мн. : Издательство «Беларусь», 1965. – 200 с.

10. Полуян, И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929–1933 гг. / И.В. Полуян. – Мн. : «Навука і тэхніка», 1991. – 206 с.

11. Хаўратовіч, І. Заходняя Беларусь / І. Хаўратовіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : ў 6 т. – Мн. : Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1993–2003. – Т. 3. – 1996. – С. 421–425.

12. Гісторыя Беларусі : ў 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Экаперспектыва, 2007. – Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.

13. Тищенко, Е.М. История здравоохранения Белоруссии в XX веке : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 07.00.10 / Е.М. Тищенко. – М., 2001. – 46 с.

14. Тищенко, Е.М. Здравоохранение Беларуси в XIX–XX вв. / Е.М. Тищенко. – Гродно, 2003. – 269 с.

15. Тищенко, Е.М. Амбулаторная помощь в Западной Белоруссии в межвоенный период (1921–1939) / Е.М. Тищенко // Журнал ГГМУ. – 2003. – № 2. – С. 89–92.

16. Тищенко, Е.М. Врачи и их статус в западных областях Беларуси в межвоенный период / Е.М. Тищенко // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. – 2016. – № 2. – С. 358–359.

17. Абраменко, М.Е. Особенности развития здравоохранения в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / М.Е. Абраменко // Веснік Гродзенскага дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. – 2007. – № 1. – С. 27–29.

18. Сосонкина, В.Ф. Состояние и развитие фармацевтического дела в Западной Беларуси в межвоенный период (1919–1939 гг.) / В.Ф. Сосонкина // Вестник фармации. – 2012. – № 3 (57). – С. 89–97.

19. Сосонкина, В.Ф. Организация аптечного дела в Западной Беларуси (1921–1940) / В.Ф. Сосонкина // Актуальные вопросы фармации Республики Беларусь : сб. тр. 9-го съезда фармац. работников Респ. Беларусь : в 2 ч., Минск, 22 апр. 2016 г. / Белорус. гос. мед. ун-т ; под ред. Л.А. Реутской. – Мн. : БГМУ, 2016. – Ч. 2. – С. 99–105.

20. Вайцешчык, Г.С. Матэрыяльны дабрабыт насельніцтва мястэчак Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / Г.С. Вайцешчык // Веснік ГрДУ. – 2013. – № 1 (144). – С. 32–44.

21. Вайцешчык, Г.С. Сацыяльна-эканамічнае развіццё мястэчкаў Віленскага ваяводства ў 1921–1939 гг. / Г.С. Вайцешчык // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2012. – № 2. – С. 75–83.

22. Вайцешчык, Г.С. Арганізацыя аховы здароўя ў мястэчках Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. / Г.С. Вайцешчык // IV Машеровские чтения : сб. материалов науч.-практ. конф., Витебск, 28–29 октября 2010 г. – Витебск : [б. и.], 2010. – С. 203–206.

23. Пашковіч, Е.І. Сістэма сацыяльнага забеспячэння насельніцтва на далучаных да Польшчы заходнебеларускіх тэрыторыях (1921–1939 гг.) / Е.І. Пашковіч // Вестник Полоцкого гос. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 34–42.

24. Даркович, А.Л. Городское самоуправление на западнобелорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.) : дисс. … канд. истор. наук : 07.00.03 / А.Л. Даркович. – М., 2016. – 308 л.

25. Даркович, А.Л. Поддержание санитарии и благоустройство в городах на западнобелорусских землях (1919–1939 гг.) / А.Л. Даркович // Журнал региональной истории. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 72–89.

Институт истории
НАН Беларуси

Поступила в редакцию 31.03.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 94 (476)

Учет и перезахоронение воинских захоронений и мест массового уничтожения мирного населения периода 1941–1944 гг. на территории Гомельской области в 1944–2000-ых гг.

А.И. Корсак

На основе документов Государственного архива Гомельской области, Государственного архива общественных объединений Гомельской области и Государственного архива общественных объединений Могилевской области проанализированы действия государственных органов власти Гомельской области в современных границах по учету и перезахоронению погибших солдат Красной Армии и партизан, а также мест уничтожения мирного населения в период нацистской оккупации исследуемой территории. Проделана аналитическая работа по количественному и классификационному признакам захоронений периода Великой Отечественной войны с учетом изменений административно-территориальных границ областей и районов Гомельской области в 1944–2000-ых гг. Архивные данные впервые введены в научный оборот.
Ключевые слова: захоронение, территория, Гомельская область, учет.

On the basis of the documents of the State Archive of the Gomel region, the State Archive of Public Associations of the Gomel region and the State Archive of Public Associations of the Mogilev region the actions of the state authorities of the Gomel region in the modern borders of the registration and reburial of the dead soldiers of the Red Army and partisans, as well as the places of destruction of the civilian population during the Nazi occupation of the territory under study are analyzed. The analytical work on quantitative and classification signs of burials of the Great Patriotic War period is made taking into account changes of administrative-territorial borders of regions and districts of Gomel region in 1944–2000th years. Archival data were introduced into scientific circulation for the first time.
Keywords: burial, territory, Gomel region, accounting.

Воинские захоронения и места массового уничтожения как места памяти советского общества о событиях Великой Отечественной войны на протяжении всего послевоенного времени были в центре внимания государственных органов власти. При этом инициатором в первые месяцы после окончания военных действий на территории Беларуси летом 1944 г. не всегда выступало руководство СССР.

В последнее время этому вопросу уделяется много внимания как со стороны государства, так и со стороны общественных организаций, в том числе и поисковых клубов (к примеру, Гомельское областное поисковое общественное объединение «Память Отечества»), которые оперируют в своей деятельности в основном документами воинских частей с целью выявления первичных мест захоронения ранее не учтенных для последующего перезахоронения найденных останков. Но мало кто обращал внимание на послевоенный процесс «укрупнения» первичных мест захоронения с учетом изменений административно-территориальных границ.

В связи с этим обратим внимание на административно-территориальное деление Беларуси в период с 1944 г. по 1954 г., и особенно с середины 1950-ых до середины 1960-ых гг. – период изменений границ районов и областей БССР. Так, Гомельская область на данный момент включает в себя 21 район, которые в период с 1944 по 1954 гг., в 1956 г., в 1959 г., в 1960 г. и 1962 г. входили (в разных границах) в состав трех послевоенных областей – Гомельскую, Полесскую и Бобруйскую [1].

Это важно для понимания и восприятия количественных показателей, в первую очередь, по воинским захоронениям 1941–1944 гг.

Исходя из выше сказанного, в данной статье на основе архивного материала, впервые введённого в научный оборот (кроме документов республиканского уровня – А.К.), проанализируем действия государственных органов власти Гомельской области в современных границах по учету и перезахоронению погибших солдат Красной Армии и партизан, а также мест уничтожения мирного населения в период нацистской оккупации.

Так, согласно решению СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 23 января 1945 г. необходимо в течении марта 1945 г. произвести учет всех могил воинов Красной Армии и партизан, погибших в 1941–1944 гг. Позже в дополнение к нему было разослано Распоряжение за № 131 от 8 марта 1945 г., подписанное заведующим военным отделом ЦК КП(б)Б тов. Прохоровым [2, л. 6], в котором указано о необходимости в течении марта 1945 г. не только учесть все могилы воинов Красной Армии и партизан, но и «установить данные о погибших, т. к. с наступлением весенних дней надписи на памятниках (табличках – А.К.) могут быть смыты» [3, л. 6].

Первый документ, реагирующий на выше указанное решение СНК БССР и ЦК КП(б)Б, относиться к Мозырскому и Туровскому (на данный момент Лельчицкий и Житковичский р-ны – А.К.) районным комитетам КП(б)Б соответственно от 10 февраля 1945 г. и 23 февраля 1945 г. Оба решения практически идентичны по своей сути, но имеют отличия в сроках исполнения – 1 мая и 15 апреля, а также в практической реализации учета могил. По Мозырскому исполкому данное поручение вменялось непосредственно районному исполнительному комитету (но без указания ответственного лица и координирующего отдела – А.К.) [4, л. 38], а по Туровскому – ведение списков с регистрацией мест погребений бойцов, офицеров и партизан и данных о них поручалось председателям сельских советов [5, л. 43]. Следует отметить, что данные районы относились на тот момент к Полесской области.

Гомельский областной комитет КП(б)Б ответил на республиканское решение Постановлением № 36/37 «Об увековечении памяти воинов Красной армии и партизан, павших в боях за освобождение Родины на полях Белоруссии» от 11 апреля 1945 г., где отмечалось, что в ряде районов Гомельской области братские и индивидуальные могилы воинов Красной Армии и партизан, погибших на территории области в годы Великой Отечественной войны, находятся в запущенном состоянии (не огорожены, большинство могил не имеют надмогильных холмиков и надлежащих памятников) [3, л. 7]. Здесь же указаны сроки и конкретные шаги по выполнению данного постановления. Так, к 1 мая 1945 г. необходимо привести в порядок – огородить могилы и установить надмогильные столбики с надписями; завести специальные книги в горисполкомах и райисполкомах с указанием мест захоронения солдат и партизан с данными о них; создать комиссию для организации работ по увековечению памяти погибших воинов Красной Армии и партизан в составе шести человек (без указания занимаемых должностей – А.К.) [3, л. 7].

Исходя их этого, несмотря на то, что союзный документ – Постановление СНК СССР № 405-165с «О благоустройстве могил воинов Красной Армии и партизан, погибших в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и о надзоре за их состоянием» – выдан 18 февраля 1946 г., республиканские власти Беларуси уже принимали действенные шаги по решению вопросов по фиксации захоронений периода 1941–1944 гг. и организации надлежащего за ними ухода. По Гомельской и Полесской (на примере Мозырского и Туровского районов) областям документы принимались с учетом временных затрат на пересылку достаточно быстро. Что касается районов Бобруйской области, которые позже были переданы в состав Гомельской области, то исследователю известны документы начиная с 1946 г. Можно предположить маловероятность наличия значительных отличий в сроках и тем более в сущности решений и постановлений всех областей Беларуси в реализации требований СНК СССР и БССР и ЦК КП(б)Б.

Все же на одну особенность хотелось бы обратить внимание. При компаративистском анализе архивных документов других областей (к примеру Витебской области – А.К.) по Гомельщине не выявлено ни одного постановления о мобилизации населения для первичного захоронения останков солдат Красной Армии, погибших в ходе освобождения территорий соответствующих районов и не погребенных воинскими частями по разным причинам. Это относится к периоду реализации операции «Багратион» лета 1944 г. При успешном наступлении фронтов и интенсивном продвижении вперед похоронные команды не всегда справлялись с поставленными задачами по уборке полей сражений от погибших сослуживцев и захоронению их подобающим образом. Объяснить это можно тем, что военные действия по освобождению территории Гомельской области велись, начиная с осени 1943 г., переходя в позиционные сражения, и продолжались летом 1944 г., что давало возможность своевременно осуществлять процесс погребения бойцов и офицеров Красной Армии, а также партизан, принимавших участие в наступательных операциях фронтов.

Далее, проанализируем, каким образом осуществлялся процесс реализации основных положений указанного выше Постановления СНК СССР от 18 февраля 1946 г.

Так, по двум районам – Октябрьский и Паричский, переданных в итоге административно-территориальной реформы 1954 г. Гомельской области, на момент нахождения в Бобруйской области имеются данные за 1946–1950 гг. (диаграмма 1).

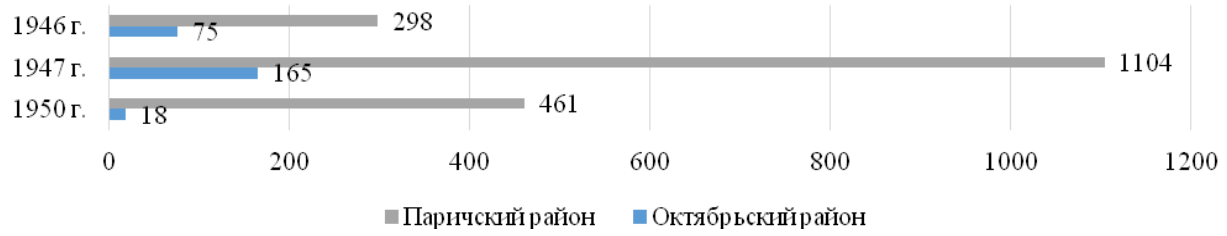

Диаграмма 1 – Сведения о количестве воинских захоронений по районам Бобруйской области (вошедших в 1954 г. в состав Гомельской области)

Составлена автором на основе [6, лл. 18–43], [7, лл. 23–25], [8, с. 64–77].

Прокомментировать выше приведенные данные можно следующим образом. Начиная с 1944–1945 гг. на уровне области и районов был начат процесс первичного учета могил воинов Красной Армии и партизан, погибших в период 1941–1944 гг., далее в 1947 г. после постановлений и распоряжений республиканских, областных и районных руководителей по реализации Постановления СНК СССР № 405-165с был произведен повторный более тщательный учет воинских захоронений. Этот вопрос курировали на различных уровнях и государственной власти и военного руководства Белорусского военного округа, о чем свидетельствует ряд архивных документов. Исходя из этого, согласно Директиве Начальника штаба БВО № 0752 от 21 мая 1947 г. были поставлены сроки (лето 1947 г.) окончательного выявления и учета всех индивидуальных могил, находящихся за пределами населенных пунктов, и их переноса на ближайшее кладбище или объединения в братские могилы.

Цифры 1947 г. говорят об активности процесса учета, а данные 1950 г. показывают, что кампания по перенесению останков воинов и партизан (укрупнению захоронений) была проведена успешно. Следует отметить об некоторой специфике Бобруйской области в вопросе увековечения памяти погибших в 1941–1944 гг.: во-первых, все строго подконтрольно было и местным органам власти, и военным структурам в лице военных комиссаров; во-вторых, периодичная отчетность и проверка о выполнении принятых решений, и самое главное – без указания сверху еще в 1945 г. был начат процесс переноса (укрупнение) братских и индивидуальных могил в места более удобные для последующей установки памятников и мероприятий по сохранению памяти погибших. По данным на 1 ноября 1946 г. по двум районам Бобруйской области было уже перенесено 2 078 могил [6, л. 43].

Мозырский район Полесской области (в границах 1944–1954 гг.) решением № 18 заседания Мозырского РК КП(б)Б от 20 июня 1946 г. постановил с довольно необычной формулировкой политической, государственной и «историко-научной» важности мероприятий по благоустройству могил воинов Красной Армии, партизан и мирного населения, погибших в годы Великой Отечественной войны, при этом отмечено, что «братские и индивидуальные могилы на территории Мозырского района находятся в запущенном состоянии, большинство могил не огорожено, не имеют надмогильных холмиков и надмогильных памятников» [9, л. 321]. Следует отметить, что на момент 1946 г. это первый документ и первый районный центр, где среди захоронений солдат и партизан упоминается категория «мирное население». До этого момента места уничтожения (как правило это и места захоронения) мирного населения в документах, имеющих отношение к территории Гомельской области в современных границах, не фиксировались как объекты политики мемориализации. В то же время по Туровскому району, согласно данным 1950 г., отмечено, что на протяжении 1948–1949 гг. благоустройство могил не производилось [10, л. 104].

Какие же решения принимались Гомельским областным советом трудящихся депутатов и Бюро обкома КП(б)Б в ответ на Постановление руководства Советского Союза от 18 февраля 1946 г.? Но прежде чем ответить на этот вопрос, важно отметить активность позиции в вопросе ухода за захоронениями 1941–1944 гг. Гомельского областного военного комиссариата. Так, всем районным военным комиссариатам Гомельской области была разослана Директива № 0402 от 6 марта 1946 г., в рамках которой в срок до конца апреля 1946 г. необходимо взять на учет все военные кладбища, братские и индивидуальные могилы погибших воинов Красной Армии (партизаны и мирное население не указаны – А.К.) [11, л. 17]. Далее в приказе имеется следующая информация: «В марте месяце поставить вопрос перед райисполкомами о приведении в благоустроенный вид всех военных кладбищ, братских и индивидуальных могил…» [11, л. 17]. В свою очередь в ответ на это областные власти 20 марта этого же года Постановлением № 118/186 принимают решение обязать руководство всех уровней исполнительной власти совместно с военными структурами районов и городов области благоустроить воинские захоронения (могилы партизан в том числе – А.К.) [11, л. 27].

Исходя из выше приведенных фактов, 1946 г. является одним из определяющих в процессе учета всех захоронений периода 1941–1944 гг. Контроль за исполнением директив и постановлений со стороны выше стоящих органов велся тщательно, порой с дисциплинарными взысканиями [11, л. 112].

Для Гомельской области по документам 1948–1949 гг. проходят под знаком массового перезахоронения и укрупнения учтенных воинских захоронений периода Великой Отечественной войны. Но при этом индивидуальные и братские могилы, расположенные в неудобных местах (овраги, лесные участки, огороды, обочины дорог и т. д.), переносились и подзахоранивались, как правило, к уже существующим могилам начиная с 1945 г. Но эти мероприятия не носили массового характера, какой приобрели в конце 1940-ых гг.

Благодаря отчетной документации с фиксацией количественных показателей учета, переноса и благоустройства могил в распоряжении исследователя имеются данные, которые в полной мере отражают данный процесс. Примером могут служить цифры Кормянского района, представленные в диаграмме 2.

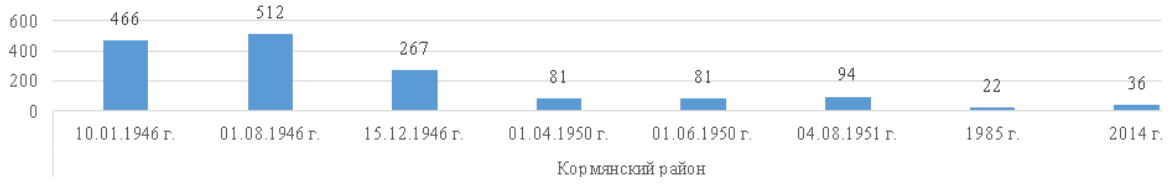

Диаграмма 2 – Сведения о наличии воинских захоронений на территории Кормянского района Гомельской области (1946–2014 гг.)

Составлена автором на основе [11, лл. 1, 76, 129], [12, лл. 27, 71–74], [13, л. 2], [14], [15].

Так, за январь и август 1946 г. количество захоронений Кормянского района изменялось в сторону увеличения, что говорит о выявление новых мест, ранее неизвестных, как правило, благодаря привлечению к этому делу местного населения. Цифры за 15 декабря 1946 г. условны по причине того, что в документе указано о количестве благоустроенных захоронений, что не всегда соотносится в одинаковой пропорции с общим количеством учтенных могил. Тем более в самом документе указано: «Объединение индивидуальных могил в братские не производилось» [11, л. 129]. На проведение такой акции велся сбор денег [11, л. 129].

Далее 14 июля 1948 г. издано Постановление Совета Министров БССР № 936 «О благоустройстве могил воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в период Великой Отечественной войны на территории БССР» [8, с. 57–59.], а также Директива БВО № ОУ/2/02483 от 1 декабря 1948 г. В соответствии с этими документами областное руководство постановило: «К 1949 г. нужно закончить перезахоронение по территории всей Гомельской области» [16, л. 90]. О том, что выше указанные распоряжения были выполнены,

говорят и данные Кормянского района за 1950 г. – количество учтенных захоронений в сравнении с показателями за 1 августа 1946 г. сократилось на 84,2 %. В целом по Гомельской области по данным архивных источников по состоянию на 7 июля 1951 г. подлежат перезахоронению 38 индивидуальных могил [17, л. 94], что составляет 1,2 % от общего количества.

Постановление Совета Министров БССР № 280 «О благоустройстве могил воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории БССР» от 3 мая 1955 г. [8, с. 99–100] было встречено Гомельской областью в новых административно-территориальных границах 1954 г. С этого момента можно оперировать цифрами и делать выводы для всей территории области (диаграмма 3).

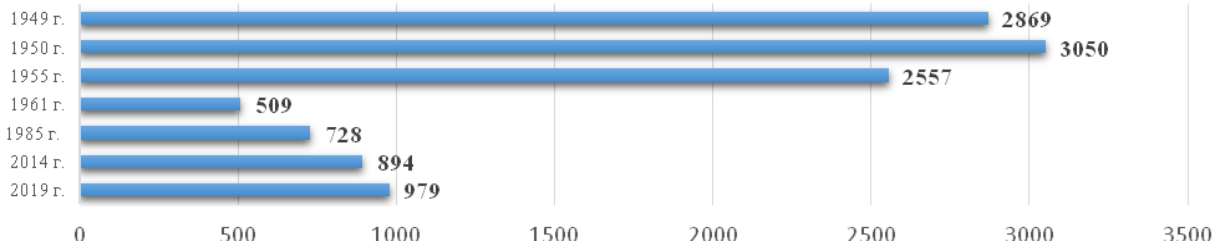

Диаграмма 3 – Сведения о наличии воинских захоронений и мест массового уничтожения мирного населения периода 1941–1944 гг. на территории Гомельской области*

* – данные 1949 г. представлены в границах Гомельской области без учета районов Полесской и Бобруйской областей; данные 1950 г. – Гомельская область с учетом двух районов Бобруйской области и без учета районов Полесской области.

Составлена автором на основе [17, л. 64], [10, л. 101–107], [15], [14].

Так, в 1956 г. по Гомельской области перезахоронены останки из 446 братских могил и 956 индивидуальных могил [18, л. 284]. В то же самое время требуют перезахоронения из неудобных мест ещё 1359 кладбищ и могил [18, л. 285]. Относится к этим показателям можно по-разному: либо процесс «укрупнения» конца 1940-ых гг. на территории присоединенных к Гомельской области не имел масштабности, либо распоряжения 1955 г. вызвали новую реакцию по выявлению и учету новых ранее не известных мест первичного захоронения, к тому же нельзя не принять во внимание и увековечение памяти погибших из числа военнопленных и мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Вероятнее всего, эти два фактора имели место быть. Следует отметить, что в отчетных документах декабря 1956 г. по Гомельщине на 69 первичных мест (от общего количества в 1428) указано больше, чем в отправленных документах управляющему делами СМ БССР [19, л. 342].

В любом случае, 1956 г. – год второй волны «укрупнения» воинских захоронений на территории Гомельской области. В принципе это характерно и для других областей Беларуси. Данные говорят сами за себя, в 1961 г. на 80,1 % сократилось количество военных кладбищ, братских и индивидуальных могил (диаграмма 3).

Показатели за 1985 г. не носят архивный характер, выборка сделана автором по опубликованным данным Института искусствоведения, этнографии и фольклора, авторский коллектив которого в 1985 г. выдал многотомное издание по сбору памятников истории и культуры Беларуси [14]. К ним можно и нужно относится критически, тем не менее другими более точными цифрами исследователь не располагает. По причине того, что, начиная с 1960-ых гг. воинские захоронения и места массового уничтожения мирного населения были переведены в категорию мест памяти, на которых активно возводились монументальные памятники и проводились митинги с возложением цветов. Но кампании по укрупнению захоронений в масштабах республики уже не проводились за исключением единичных случаев.

В 2000-ых гг. в ходе реализации государственной программы на 2015–2020-е гг. по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн [20], в том числе и Великой Отечественной войны, на территории Республики Беларусь начался новый

виток, связанный с мемориализацией памяти о погибших воинах Красной Армии и партизан, а также мирного населения в 1941–1944 гг., и в первую очередь, в сравнении с 1940–1950 гг., направленный на верификацию личных данных захороненных на воинских кладбищах, в братских и индивидуальных могилах. Нельзя не обратить внимание на то, что данные 2014 г. и 2019 г. разница в количестве захоронений составляет 85 вновь выявленных мест. Касаемо количества увековеченных в них имен (а не захороненных – А.К.) по Гомельской области, то здесь ситуация следующая: в 2014 г. зафиксирована цифра в 171 901 человек [15], по 2019 г. Управление по увековечению дает цифру в 186 004 человек. Разница в данных составляет 7,6 %.

Вопрос о количестве погибших в ходе военных действий Великой Отечественной войны на территории Гомельской области и соотношение их с количеством перезахороненных останков и увековеченных имен требует отдельного анализа.

Таким образом, в ходе исследования данной темы можно сделать выводы о том, что на территории Гомельской области и на территории Беларуси в целом процесс учета воинских захоронений был начат задолго до принятия союзного решения 1946 г. Судя по документам, через практически равные промежутки времени (1946 г., 1950 г., 1955 г. и т. д.) вопрос об «укрупнении» захоронений и переносу из неудобных мест могил обострялся и решался в зависимости от возможностей того или иного района (как показывает практика, зависело от исполнительности руководства и от наличия средств).

Литература

1. Административно-территориальное деление Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://archives.gov.by/index.php?id=989746. – Дата доступа : 24.09.2019.

2. Государственный архив общественных организаций Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 144. – Оп. 19. – Д. 84. – Л. 6.

3. ГАООГО. – Фонд 144. – Оп. 19. – Д. 84. – Л. 7.

4. ГАООГО. – Фонд 3986. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 38.

5. ГАООГО. – Фонд 3952. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 43.

6. Государственный архив общественных организаций Могилевской области (ГАООМГ). – Фонд 4317. – Оп. 11. – Д. 36. – Л. 18–43.

7. ГАООМГ. – Фонд 4317. – Оп. 11. – Д. 49. – Л. 23–25.

8. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг.: документы и материалы / редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Мн. : НАРБ, 2008. – 302 с.

9. ГАООГО. – Фонд 3986. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 321.

10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 151. – Лл. 104, 101–107.

11. ГАГО. – Фонд 2789. – Оп. 2. – Д. 54. – Л. 1.

12. ГАГО. – Фонд 2789. – Оп. 2. – Д. 61. – Л. 27.

13. ГАООГО. – Фонд 144. – Оп. 42. – Д. 106. – Л. 2.

14. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. – 383 с.

15. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Гомельская область. – Мн. : Рекхауз, 2014. – 312 с.

16. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 46. – Л. 64.

17. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1174. – Оп. 6. – Д. 154. – Л. 94.

18. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 4. – Д. 3197. – Л. 285.

19. ГАГО. – Фонд 1174. – Оп. 7. – Д. 167. – Л. 342.

20. Об утверждении Государственной программы на 2015–2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 2014 г., № 534. – Режим доступа : http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21400534. – Дата доступа : 09.04.2017.

Полоцкий государственный университет Поступила в редакцию 06.12.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

*УДК 316.647.8=162.1:821.161.3-1/-3*Я.Колас*

Вобраз паляка ў творах Я. Коласа

А.М. Кротаў

Аўтар аналізуе вобраз паляка, створаны Якубам Коласам у сваіх творах. Ён робіць выснову, што Я. Колас унёс значны ўклад у генезіс негатыўнага стэрэатыпа паляка і яго ўкараненне ў этнанацыянальную свядомасць беларусаў.
Ключавыя словы: гістарычная імагалогія, Якуб Колас, беларусы, вобраз паляка, беларускі стэрэатып паляка, менталітэт, польскасць.

The image of the Pole created by Yakub Kolas in his works is analyzed. He concludes that the Y. Kolas made a significant contribution to the genesis of the negative stereotype of the Pole and its implementation in ethno-national consciousness of Belarusians.
Keywords: historical imagology, Yakub Kolas, belarusians, image of the Pole, belarusian stereotype of the Pole, mentality, Polishness.

Так ужо склалася, што ў беларускай гістарычнай імагалогіі, якая, як навука, знаходзіцца ў пачатковай стадыі свайго развіцця, стэрэатып паляка з'яўляецца ледзь ці не самым папулярным аб'ектам вывучэння. Гэта тлумачыцца доўгім суіснаваннем беларусаў і палякаў у рамках адзінай дзяржавы (Рэчы Паспалітай), асаблівым характарам міжнацыянальных адносін, якія склаліся ў выніку гэтага суіснавання, а таксама месцам, якое займаюць стэрэатыпы адзін аднаго ў нацыянальным светаўспрыманні беларусаў і палякаў.

Досыць шматлікія ўжо публікацыі, прысвечаныя беларускаму стэрэатыпу (або стэрэатыпізаванаму вобразу) паляка звычайна грунтуюцца на традыцыйных для гістарычнай навукі крыніцах. Аднак, улічваючы спецыфіку аб'екта вывучэння, было б несправядліва выключаць з базы крыніц беларускую мастацкую літаратуру, якая, як і ўсякая іншая нацыянальная літаратура, насычана вобразамі і стэрэатыпамі, якія адлюстроўваюць асаблівасці ўспрымання беларусамі прадстаўнікоў іншых (чужых) этна-нацыянальных груп. Пошукі ў ёй элементаў беларускага стэрэатыпа паляка ўяўляюцца вельмі перспектыўнымі.

Відавочна, што ніхто з беларускіх пісьменнікаў і паэтаў не ставіў перад сабой мэту стварэння такога вобраза. Патрэба ў крытычнай ацэнцы палякаў (скрозь прызму іх дзейнасці) не была пастаяннай – яна ўзнікала ў складаныя, паваротныя моманты гісторыі Беларусі і беларускага народа, калі палякі і Польшча выступалі ў якасці дзеючага фактару бягучага гістарычнага працэсу. Найбольшыя цяжкасці ў беларуска-польскіх адносінах узніклі на мяжы 10-х – 20-х гг. 20 ст., вызначыўшы іх негатыўны характар на доўгі час наперад.

Безумоўна, да стварэння вобраза паляка ў гэты час, так ці інакш павінен быў «прыкласці рукі» адзін з класікаў і заснавальнікаў новай беларускай літаратуры – Якуб Колас. Ён быў выразнікам нацыянальнай самасвядомасці, народных спадзяванняў і пачуццяў, які шырока раскрываў нацыянальны характар беларуса, асаблівасці яго духоўнага складу і матэрыяльнага жыцця. Пры гэтым Я. Колас быў рэалістам, які паказваў чытачу свет у канкрэтных рэаліях і дэталях. З'яўляючыся глыбокім знаўцам псіхалогіі беларускага сялянства, Я. Колас раскрываў у сваёй творчасці перажыванні звычайнага, простага чалавека [1]. Большая частка яго герояў – людзі непісьменныя або малапісьменныя, якія з'яўляліся тыповымі носьбітамі штодзённай свядомасці, часткай якога з'яўляюцца стэрэатыпы і стэрэатыпізаваныя вобразы, якія падмяняюць сабою сапраўдныя веды.

Якуб Колас, без усялякага сумневу, з'яўляўся цудоўным апавядальнікам, які вельмі тонка перадаваў адценні думкі, пачуцці сваіх герояў, ведаў прыёмы і спосабы адлюстравання іх унутранага свету. Ён выдатна разумеў, наколькі сур'ёзныя праблемы існавалі ў беларусаў з этнічнай самасвядомасцю, і, адчуваючы сваю адказнасць, шмат зрабіў для таго, каб абудзіць у беларусах беларускасць. Я. Колас вельмі ўмела закранаў струны нацыянальнай душы,

імкнучыся абудзіць у чалавеку, які, магчыма, ніколі і не задумваўся над праблемай уласнай этнічнасці, для якога гэтая этнічнасць можа і не была вельмі важнай, эмоцыі і пачуцці, якія маюць этна-нацыянальную прыроду. Лепш за ўсё гэта відаць на прыкладзе лірычнай паэмы Я. Коласа «Сымон-музыка», упершыню апублікаванай у 1925 г. [2].

Разважаючы пра лёс Беларусі і беларусаў, паэт кажа пра тое, што буфернае размяшчэнне краіны ў польска-расійскім памежжы стала трагедыяй для беларускага народа. Геапалітычнае саперніцтва паміж суседзямі, якое часта перарастала ў войны паміж імі і часова слабела пасля паразы аднаго з бакоў, пагібельна адбівалася на беларусах, якія станавіліся людзьмі «другога гатунку» на ўласнай зямлі, нейкай масай, якая разглядалася чарговым «пераможцам» як матэрыял для этнічнай і рэлігійнай асіміляцыі: «Тут схадзіліся плямёны / Спрэчкі сілаю канчаць, / Каб багата адароны / Мілы край наш зваяваць,... / Каб у віры той ашукі / Знішчыць нашы ўсе сляды, / Каб не ведалі і ўнукі, / Хто такія іх дзяды» [2, с. 99–100].

Эмацыйна апавядаючы пра розных спусташальнікаў беларускай зямлі і прыгнятальнікаў беларусаў, называе паэт і палякаў: «Пан пыхлівы, надзіманы / Моцна сцягвае гужы, / Каб з варшаўскае майстэрні / Беларусу сшыць халат» [2, с. 101].

Распавядаючы аб знаходжанні Сымона ў панскім палацы, Я. Колас не столькі апісвае сам палац, як сімвал польскага валадарства на беларускіх землях, колькі разважае пра тых, чыімі рукамі, на чыім поце, крыві і слязах гэты палац быў пабудаваны: «А той замак – ух, махіна! / Мур адзін наводзіць страх … / Перад ім ты – муха, прах! / Страшны замак, цяжкі, грозны, / Пара вежаў, як адна, / А навокал роў глыбозны, / І не згледзіш яго дна. / Колькі ж трэба было працы, / Каб тут вырасла гара? / Хто дбаў князю на палацы? / Хто назнёс яму дабра? / Хто выводзіў тыя вежы? / Хто той замак будаваў? / Златаблескія адзежы / Хто для сцен яго саткаў? / Чые рукі з мазалямі / Тут зняслі свае дары? / Потам, кроўю і слязамі / Сцамантованы муры!.. / І гарчэча-адчуванне / У ім кідае свой мут. / І ўстае ў душы пытанне: / “А дзе ж тая праўда тут?” / Ім – усё, а нам – нічога, / Адным жыць да панаваць, / А другім – адна дарога: / Сваё жыццё марнаваць!» [2, с. 170–171].

Я. Колас надзвычай простай мовай распавядае аб эмацыйным узрушэнні, якое перажыў створаны ім персанаж, пра ўсведамленні ім маштабу сацыяльнай несправядлівасці, якая знявечыла той свет, у якім ён вымушаны жыць. Пытанне быццам бы не мае адрасата. Не сказана, хто гэты свет знявечыў. Аднак выразна сказана, хто знаходзіцца на полюсах гэтага свету: на адным – князь, яго прыбліжаныя і «падбрэхічы» (ім – жыць і панаваць), а на іншым – Сымон і такія як ён, хто вымушаны быў траціць сваё жыццё марна. На адным полюсе – палякі, а на іншым – тыя, хто да польскасці ніякага дачынення не меў...

Паэт не выкарыстоўвае слова «польскасць» (польскасць – польскі характар чагосьці, набор польскіх рысаў [3]), аднак кажа пра тое, што ў сукупнасці гэтую польскасць сабой уяўляе: пра мову, на якой гавораць насельнікі палаца, пра іх лад жыцця, пра іх стаўленне да сялян-беларусаў. Больш за тое, вуснамі дзеда Данілы паэт кажа пра кепскі ўплыў пануючай у палацы атмасферы на простага, чыстага душою чалавека. Так, звяртаючыся да Сымона, дзед кажа: «А ты б, можа, / Перайшоў ка мне, нябожа! / Там душы агонь затухне... / Не люблю я псярні панскай, / Палупанкаў, ахмістрынь – / Дух падлізніцкі, паганскі, / Прападзі ён там і згінь! / А мой дом – унь, бач, альтанка? / Будзем там мы жыць удвух, / Хай сабе не мураванка, / Ды ў ёй наш сялянскі дух» [2, с. 185–186].

Сымон рады прапанове дзеда і прымае яе: «Шчыра дзякую, дзядок! / Вельмі рад, пайду ахвотна» [2, с. 186]. Аднак, як аказваецца, галоўная прычына згоды складаецца ў тым, што Сымон проста палохаецца ў незнаёмай абстаноўцы палаца: «Мне, дзедку, там маркотна – / Там ступіць баішся крок» [2, с. 186]. У той жа час Сымон – чалавек з душой, якая вельмі тонка адчувае – ён зачараваны музыкай, якая чулася з палаца: «Стой, паслухаем, дзядок: / Дзесь іграюць, дзедка родны... / Выйдзем унь на той грудок» [2, с. 188]. І хоць дзед Даніла спрабуе вывесці Сымона са стану зачараванасці і развеяць чары музыкі («Гэта, хлопча, тут не дзіва! / Эге, тромкаюць паны!» [2, с. 188], у яго нічога не атрымліваецца: «Хлопчык гукі ловіць хціва, / Ім валодаюць яны. / Зноў гарыць у ім жаданне / Тайнасць нотаў пасягнуць / І заслону адгарнуць, / Каб развеяць ноч нязнання. / Ён ідзе на тыя гукі, / Ён стаіўся пад акном, /

Зашчаміўшы моцна рукі, – / Ён не смее вайсці ў дом: / Там – паны, а ён – басота, / Сын мужычы, ён – "псякосць", / Паднявольны ён тут госць, / Яго месца – каля плота... / Эх, няроўныя дзве часці! / Ён – нікчэмнасць, ён – друза... / І з вачэй гатова спасці / Крыўды горкая сляза…» [2, с. 188]. Паэт не дае маральнай ацэнкі такому «музычнаму рэнегацтву» Сымона. Ён і сам ведае, што дуда і саматужна выраблена скрыпка наўрад ці могуць заваражыць сваімі гукамі чалавека з тонкім музычным слыхам і прыроджаным пачуццём прыгожага. Чужая музыка, якая гучала ў палацы, на іх фоне не магла не ашаламіць.

Чужы, незнаёмы стыль жыцця выклікаў у душы Сымона не толькі ўсведамленне страшнай несправядлівасці, што пануе ў свеце, у якім ён жыў, але і пачуццё непаўнавартасці. Аднак гэты свет яго так да сябе прыцягваў…: «А паны сабе балююць, / П'юць заморскае віно, / Для іх робіцца яно, / І ім лёкаі слугуюць, / Як тут водзіцца даўно…/ Мова хмельная вядзецца, / Смех паненак маладых, / Разубраных, як у маі / Кветкі тыя на лугах, / Як вясной бярозкі ў гаі, / Як валошкі на палях… / Эх, дзяўчаткі-чараўнічкі, / Лепш на вас не пазіраць! / А прамовіць-заспявае – / Пан шалее малады: / Чорт яго і бацьку знае, / Што з ім робіцца тады! / То прыскочыць, то прыгнецца, / То рукою павядзе, / Плечы ўскіне, засмяецца, / Як матыль над лямпай, ўецца, / Як над краскай чмель, гудзе» [2, с. 201–202]. Дзед Даніла разумее, што адбываецца ў душы Сымона, але ён ведае, што ні ў гэтым свеце, ні ў іншым, стан рэчаў не зменіцца: «"Уміраць ім тут не трэба: / Ім тут рай і ім тут неба", – / Думаў моўчкі дзед Даніла, / Збоку стаўшы ад паноў: "А памруць, па іх жа зноў / Будзе пышнае маленне, / З пыхам гроб іх панясуць; / З раю светлага збавення, / Як і тут, нас адапхнуць"» [2, с. 201].

Платай за бесклапотнае, шчаслівае жыццё палякаў – гаспадароў на беларускай зямлі – сталі бяспраўе, беднасць, бескультур'е беларусаў, адчай і безвыходнасць, з якіх яны амаль не выходзілі. Я. Колас смуткуе па затухаўшых дарэмна жыццях таленавітых самародкаў з народа: «Невядомых, непрызнаных, / Не аплаканых нікім, / Толькі ў полі адспяваных / Ветру посвістам пустым!» [2, с. 101]. А згасалі яны таму, што гэтыя людзі былі абсалютна абыякавыя польскім панам, зацыкленым на сваёй элітарнасці і выключнасці. Вуснамі пана Галыгі Я. Колас сказаў «саматужнаму Шапену» (Сымону), які прыйшоў прасіць «паказаць навуку» («Пакажы мне, панок, ноты, / Растлумач мне, як і што» [2, с. 210]): «Справа добрая – навука. / Славу, хлеб яна дае… / Але, хлопча, дзе парука, / Што не згінеш праз яе? / …Сама прырода / Вас пускае слепаком, / Каб з вас менша была шкода. / Раз мужык – будзь мужыком, / Маеш хлеб – і жуй цішком, / Будзь даволен сваёй доляй» [2, с. 211]. У выніку Сымон быў «…аплёван / У жаданнях, у імкненнях!» [2, с. 211].

Тое, што адбылося з Сымонам у палацы, выклікала ў яго сэрцы гнеў: «І чыя рука ліхая, / Чый жа гэта жорсткі суд / Мне каменнем высцілае / Жыцця гэты цесны кут? / І чаго я тут прыдбаю? – / Разважаў цяпер Сымон: – / Права людскасці не маю, / У твар сунулі ражон! / Дык чаго ж я марна трачу / Між чужынцаў дні свае, / Светлай волечкі не бачу?» [2, с. 212]. І хлёсткімі словамі, якія злятаюць з вуснаў створанага ім героя, Я. Колас уносіць у вобраз паляка новыя рысы: «Не зайздрошчу вашай долі, / Багацеі! / Вы – крыўдзіцелі-зладзеі, / Вы разбілі мне надзеі… / Як здабылі рай свой панскі? / Чым купілі? / Сэрца ваша поўна гнілі, / Бруд у кожнай вашай жыле, / Дух паганскі… / Згіне ваша тут багацце, / Панаванне. / І вам будзе час змяркання, / Ён нясе вам біч выгнання / І праклянцце!... / Эх вы, зверы!» [2, с. 207–208]. Адрываючы свой погляд ад Сымона, які хоча «У спевах буры / Аднавіцца і ажыць / І дажджом грымотнай хмуры / Замку фуз і бруд абмыць» [2, с. 212], і разважаючы пра лёс беларускага народа, паэт заклікае яго сыноў і дачок выйсці з шматвяковага здранцвення, успомніць, што яны з'яўляюцца гаспадарамі на сваёй зямлі: «Дык хіба ж мы праў не маем, / Сілы шлях свой адзначаць / І сваім уласным краем / Край свой родны называць» [2, с. 101].

Узрушэнні Першай сусветнай вайны, развалу Расійскай імперыі, грамадзянскай вайны і польскай інтэрвенцыі воляй-няволяй прывялі да перафарматавання жыцця і сістэмы сацыяльных адносін у Беларусі, стаўшы крыніцай аптымізму для грамадска-палітычных дзеячаў і натхнення – для прадстаўнікоў творчай эліты. Не стаў выключэннем і Я. Колас. Уласнае ўспрыманне падзей рэвалюцыі, грамадзянскай вайны і польскай інтэрвенцыі ён раскрыў у аповесці «Дрыгва» (1933 г.) [4], у якой працягнуў працу над вобразам паляка, распачатую ў паэме «Сымон-музыка». Аднак жа, калі Сымон-музыка быў прыдуманым

персанажам, паэтычным вобразам, які чытач успрымаў як нейкі сімвал прыгнечанай палякамі Беларусі, вобраз дзеда Талаша меў пад сабой ужо цалкам рэальны прататып – Васіля Ісаакавіча Талаша (1844–1946 гг.), удзельніка партызанскага руху ў савецка-польскай вайне, народнага героя Беларусі. У паэме «Сымон-музыка» паэт выкарыстоўваў стэрэатып паляка, які з'яўляўся часткаю беларускага менталітэту. У «Дрыгве» ж ён стварае вобраз, які абапіраўся на гэты стэрэатып, мадэрнізуючы яго актуальнымі для бягучага гістарычнага моманту дэталямі. Нічога сутнасна новага ў ствараемы вобраз паляка, у параўнанні з беларускім іх стэрэатыпам, гэтыя змены не ўнеслі. Усё новае заключалася ў характары ўспрымання беларусамі саміх сябе...

Першае ж з'яўленне палякаў у сюжэце аповесці бянтэжыць і абурае галоўнага яе героя. Яны прыйшлі забраць у Талаша сена: «Малады Крулеўскі адзет у вайсковую форму царскага афіцэра. Вось толькі… шапка яго сведчыла аб тым, што ён мае нейкае дачыненне да польскай арміі» [4, с. 215]. Крулеўскі ў размове агучыў даўнія польскія клішэ: палякі – носьбіты культуры, прадстаўнікі еўрапейскай цывілізацыі, беларусы – «барбары, пся крэў!» [4, с. 215–216]. А затым жартам спытаў дзеда Талаша, вымусіўшы яго даць адказ: «Чый ты цяпер падданы? – А нічый! – адказаў дзед Талаш. – Ну, то праз тры гадзіны ты будзеш польскім падданым. – Польскім?! – здзівіўся дзед, нібыта нічога не разумеючы» [4, с. 216].

Спачатку Талаш спрабаваў «адмаліць» сваё сена, якое спатрэбілася новай уладзе, але дарэмна. Абражаны і пакрыўджаны польскімі жаўнерамі «стары пёс» узяўся за сякеру, ператварыўшыся ў іх вачах у «праклятага азіята», ці, як потым удакладніў пан Крулеўскі, «бальшавіка». Тое, як Я. Колас паказвае свайго галоўнага героя чытачу, пераканвае апошняга ў тым, што ніякім бальшавіком Талаш не быў. Ён ратаваў сваю маёмасць і стаўленне яго ў канфлікце да палякаў было зусім не бальшавіцкім. У гэтым «адчуванні Талаша» Колас быў абсалютна дакладным – як вядома з біяграфіі прататыпа літаратурнага героя, Васіль Талаш нават у 1936 г. не запісаўся ў калгас і заставаўся аднаасобнікам [5].

Герой аповесці на пытанне «гомельскага рабочага Нявіднага» («Калі б вас асабіста не пакрыўдзілі палякі, то ці паўсталі б вы супраць іх?»), захоплены знянацку і, не ведаючы, куды гне незнаёмы, адказаў нейтральна: «Не чапалі б мяне, не чапаў бы і я іх». Потым, трошкі падумаўшы, разважліва дадаў: «А ўрэшце не ведаю, як бы яно было» [4, с. 270].

Нявідны – бальшавік, падпольшчык, агітатар, хоча ведаць, ці правільна ацэньвае «палітычны момант» Талаш і пытае ў яго: «Ну, а ці ведаеце вы, што нясе з сабою польская вайна? І хто з намі ваюе?» [4, с. 270]. На што Талаш адказаў пытаннем: «А скажыце, хто ж будзеце вы?» Атрымаўшы адказ, які яго толькі здзівіў («Калі вы хочаце зваць мяне, то завіце Нявідны»), дзед Талаш заключыў: «А я вас хутчэй назваў бы – Дзіўны» [4, с. 270]. Аднак, нягледзячы на тое, што бальшавік рабіў уражанне дзівака, усё ж такі Нявіднаму адказаў: «Ды, мабыць, хочуць сваю Польшчу збудаваць» [4, с. 270].

Менавіта «сваю Польшчу», свой «парадак», свой лад жыцця. І дзеда Талаша гэта не задавальняе. Дзед Талаш ведае, што акрамя «польскага» ёсць і іншы лад жыцця, у рамках якога няма месца, прынамсі, для прыніжэння яго, Талаша, чалавечай і нацыянальнай годнасці. У паводзінах бальшавікоў ён не бачыць пагрозы ні для сябе, ні для сваёй сям'і, ні для сваёй маёмасці. Талаш размаўляе з імі як з роўнымі, ён не павінен «поўзаць на каленях», нават больш – ён іх павучае.

І тут Я. Колас бярэцца за справу, у якой ён яшчэ ў час напісання «Сымона-музыкі» праявіў сябе як вельмі таленавіты майстар. Са стрыманым гумарам ён малюе антураж кабінета польскага ўрадоўца: «Пан Крулеўскі сядзеў… на шырокім мяккім крэсле. На стале, засланым зялёным сукном, стаялі прылады пісьма і розныя дарагія рэчы, для пісьмовага стала спецыяльна прызначаныя. Тут жа ляжалі і розныя паперы. А ўсё гэта павялічвала значэнне адміністрацыйнай асобы пана павятовага "камісаржа". На сценах віселі партрэты польскіх генералаў, такіх непрыступных і строгіх. Між гэтых запраўскіх ваякаў кідалася ў вочы духоўная асоба, партрэт біскупа, стрыжанага, брытага, з усімі біскупскімі атрыбутамі… Цэнтральнае месца сярод партрэтаў займаў партрэт даволі панурага віду генерала з даўгімі, спушчанымі ўніз, як у маржа, вусамі. На грудзях у яго быў цэлы музей крыжоў, медалёў і розных цацак, што вядуць свой пачатак яшчэ з таго часу, калі роданачальнікі нашых продкаў фарсілі ў хвартушках і звярыных шкурах. І біскуп, і ўсе гэтыя генералы, і стол з яго ўкрасамі

надавалі яшчэ болей важнасці і пыху асобе павятовага “камісаржа”… Павятовы “камісарж”… быў повен велічнасці і паважнасці… Пан Крулеўскі гаварыў цяпер па-польску, і ў голасе чуўся халодны, афіцыяльны, начальніцкі тон» [4, с. 226–227].

Вяртанне палякаў на Палессе ў новым статусе гаспадароў і пераможцаў адзначылася вяртаннем польскага ладу жыцця, польскай фанабэрыстасці, пагарды да тых, каго палякі лічылі ніжэйшымі за сябе: «Шмат па якіх маёнтках акупаванага Палесся ладзілі паны пышныя банкеты польскаму афіцэрству. Польскае шляхецтва перажывала мядовы месяц адраджэння свае дзяржаўнасці, зварот да жыцця, здзяйсненне гадаваных вякамі надзей. І тыя паны, што вярнуліся ў свае маёнткі, адчувалі сябе на сёмым небе і лічылі, што цяпер яны сапраўдныя, настаяшчыя, паўнапраўныя іх уладары. Уся палітычная абстаноўка складалася на іх карысць… Следам за польскай арміяй ціснулася цэлая хваля буйной і дробнай шляхты, выгнанай рэвалюцыяй з іх котлішч, прадстаўнікі рэлігійнага культу і цэлая псарня іншых дармаедаў і паразітаў» [4, с. 313–314].

Як гэта было і ў «Сымоне-музыку», апісвае Я. Колас чарговы асяродак «польскай культуры» – маёнтак пана Длугошыца, «котлішча старога польскага роду» [4, с. 314], дзе «ужондзіць» банкет узяўся павятовы «камісарж» пан Крулеўскі. Я. Колас піша: «Даволі было аднаго толькі абеглага погляду на палац, на дваровыя будынкі, на ўвесь маёнтак у цэлым, каб адразу ўбачыць, што гэта – старасвецкая рэзідэнцыя багатай, радавітай польскай фаміліі… На ўзвышку,.. стаяў мураваны белы палац… Горда і пыхліва выступаў ён з цэлага лесу купчастых дрэў і стромкіх таполяў сваёю вежаю, масіўнымі белымі сценамі і чырвоным чарапічным дахам. У самым палацы, у яго шматлікіх пакоях, прасторных залах, дзе можна размясціць сотні народу, сабраны дабро і раскоша, скрозь якія прабіваліся людскія слёзы, гора і пакута» [4, с. 314–315]. Гэтае апісанне, па-сутнасці, – пераклад на прозу паэтычнага апісання аўтарам палаца ў паэме «Сымон-музыка» [2, с. 170–171]. Аднак, як піша Я. Колас, знік у палацы дух бестурботнасці – разыходзіліся з яго ніці нянавісці і злобы да паўстаўшых «хлопаў», завязваліся вузлы змагання супраць асноў новага жыцця [4, с. 314–315].

Пералічвае і коратка характарызуе Я. Колас гасцей, якія прыехалі на пышны банкет, які рыхтаваўся ў палацы ў гонар польскай дзяржаўнасці. Гэта былі носьбіты польскасці і апора польскай улады на Палессі: «Уласнікі дробных фальваркаў, арандатары маёнткаў з сваімі жонкамі і дочкамі, у каго яны былі… Абшарнікі розных катэгорый, арандатары і проста дробная шляхта, а таксама і прадстаўнікі інтэлігенцкіх прафесій, дактары і адвакаты. Вельмі заметную частку гасцей складалі вайскоўцы,… пачынаючы ад ніжэйшых афіцэрскіх чыноў і канчаючы генераламі… Мільгалі таксама і постаці ксяндзоў у доўгіх сутанах… Паненкі і маладыя дамы ахвотней гарнуліся да вайсковых… Вопратка іх і асабліва становішча, як ваяк, здабыўшых і здабываючых польскую вольнасць і незалежнасць, вельмі выгодна вылучала іх у вачах маладых шляхцянак. Затое ж трохі пабляклыя пад уплывам часу дамы кружыліся каля ксяндзоў, як мухі перад дажджом каля гаршкоў, з якіх нядаўна вылілі зацірку і не паспелі яшчэ вымыць і вышараваць рагожаю» [4, с. 316]. Далей Я. Колас называе і коратка характарызуе прадстаўнікоў мясцовай эліты: «Тут сядзіць і пан Длугошыц… Усё яго аблічча паказвае на арыстакратычнасць яго роду. Ён, салідны і павольны, ва ўсім захоўвае меру і пачуццё свае годнасці. Ксёндз Ксаверы Пацяйкоўскі і Ян Галандзеўскі таксама людзі паважныя, дыпламаты, хітрыя палітыкі і людзі пранырлівыя, заўзятыя патрыёты. Болей думаюць і дбаюць аб справах людскіх, чым аб інтарэсах боскіх. Тут жа сядзіць і павятовы камісарж пан Крулеўскі, адвакат пан Ладунскі… У цэнтры ўвагі палкоўнік пан Дэмбіцкі. Яго слухаюць з напружанаю ўвагаю і з вялікім нацыянальным самазадаваленнем» [4, с. 316–317]. Увогуле, усе гутаркі удзельнікамі банкету «вяліся пад лозунгам маладой польскай дзяржаўнасці і яе гістарычнай місіі» [4, с. 316].

Апісваючы паводзіны банкетуючай на балі моладзі, Я. Колас зноў шмат у чым паўтарае паэтычнае апісанне таго, што адбывалася на балі ў паэме «Сымон-музыка» [2, с. 201–202]: «Паненкі і маладыя дамы стараліся перашчагаляць адна другую прыгожаствам, далікацтвам рухаў, чароўнасцю сваіх дзявочых усмешак і вабнасцю погляду сваіх вачэй. Кавалеры вылузваліся са скуры, каб звярнуць на сябе агульную ўвагу і закасаваць усіх іншых… Якіх

толькі штук не выраблялі яны. Як хораша выкідвалі ногі, як лоўка тупалі, падскаквалі, а як хвацка кружылі сваіх дам. Як спрытна насілі іх на паветры і раптам прысядалі перад імі на адно калена, каб гэтак жа раптоўна падняцца і да канца выпаўняць сваю місію» [4, с. 316]. Улічваючы настойлівасць аўтара абодвух твораў у апісанні паводзін палякаў на балях і банкетах, гэта быў стэрэатыпны погляд.

Аднак падставы для весялосці былі толькі ў палякаў… Вуснамі Цімоха Будзіка гаворыць Я. Колас аб парадках, якія яны ўсталявалі: «Войтаў, солтысаў пазаводзілі. А там, дзе раней быў адзін ураднік, цяпер дзесяць жандараў паставілі на нашу галаву. Навалілася на мужыцкія гарапашніцкія плечы ненаедная саранча, выбіваюць духі… Узброеныя польскія шайкі наязджаюць з кулямётамі, выбіваюць мужыцкі скарб і ўсякую жыўнасць… Няма ў іх літасці да нашага брата» [4, с. 296].

Нічога новага ў стаўленні польскіх урадоўцаў і вайскоўцаў да беларусаў, што выходзіла б за межы традыцыйнага ўспрымання беларусамі польскай улады, Я. Колас не паказвае. Новым з’яўляецца адказ беларускага селяніна на гэтае стаўленне: «Хіба ж можна далей цярпець? Дык няхай жа, браткі, і ў нас не будзе літасці да іх. Біць, знішчаць, паліць іх трэба пякучым агнём пажараў!» [4, с. 296].

На старонках «Дрыгвы» Я. Колас звяртаецца да тэмы месца касцёла ў жыцці палякаў, яго ролі ў крышталізацыі польскасці. І робіць гэта па-майстэрску, апісаўшы спачатку створаную ў касцёле атмасферу, якая служыла эмацыянальна-псіхалагічным фонам для ідэалагічнай і выхаваўчай працы ксяндза Пацяйкоўскага: «Разнастайнымі, з адценнем жудасці, трэлямі пераліваецца голас ксяндза Пацяйкоўскага. Мяккім музычным громам адклікаюцца арганы. Кленчаць набожныя каталікі… Пачынаюцца агульныя спевы касцёльных модлаў. Няскладныя спачатку галасы выроўніваюцца, выпраўляюцца і, нарэшце, зліваюцца ў жудасным аднастайным шуме далёкай навальніцы, таемнай і страшнай у сваім невыразным многагалосым гомане… Уся ж абстаноўка – гром арганаў, адзенне ксяндза і прыслужнікаў, іх урачыстыя выхады, масіўныя шэрыя сцены мураў, пакутныя і балесныя твары святых на абразах і ўся палітычная сітуацыя моманту – усё гэта спрыяе стварэнню патрэбнага ксяндзу настрою» [4, с. 371–372].

Праграму набажэнства, паложаную статутам касцёльнага рытуалу, ксёндз Пацяйкоўскі перасыпаў казаннямі, якія гаварыў з натхненнем і перакананасцю: «Ён падымае рукі, закочвае вочы пад скляпенне касцёльных мураў, дзе павінен сядзець пан Бог, і пачынае гаварыць. Гаворыць аб моцы, гневе, справядлівасці і бясконцай літасці “вшэхмогонцэго” пана Бога… Святы касцёл, утрачаны праз грэх, цяпер вернут з ласкі боскай, але касцёл апушчан, і святы Казімер балесна пазірае з свайго раю на занядбаны дом свой. Трэба шчодрыя ахвяры для аднаўлення касцёла» [4, с. 372]. У другім сваім казанні ксёндз Пацяйкоўскі паведаміў, што «рэлігія… ёсць “святлосць”, адсутнасць жа рэлігіі, бязбожніцтва, гэта – “цемносць”» [4, с. 372–373]. У галоўным, трэцім сваім казанні, самым асноўным і патэтычным, ён «з усёю сілаю свайго красамоўства накідаецца на бальшавікоў, носьбітаў атэізму, разбурыцеляў святой веры і здабыткаў людской культуры» [6, XXIX]. Польшча павінна была зноў выканаць сваю гістарычную місію: «Бальшавізм… ёсць спараджэнне “цемносці” і вядзе свой пачатак ад злога духа, люцыпара, д’ябла, выгнанага панам Богам з раю. Бальшавізм – навала цемры, зла, і кожны хрысціянін, а тым болей католік, павінен паўстаць супраць бальшавікоў: змаганне з імі ёсць самая ўгодная Богу справа, а хто згіне ў гэтым змаганні, таму вечнае збавенне» [6, XXIX].

Закрануў Я. Колас у «Дрыгве» і тэму, вельмі актуальную ў той час для беларускіх «незалежнікаў», падтрымкі палякамі беларускага нацыянальнага руху. У аповесці яго прадстаўляе Галініч. Ён апелюе да польскага аўтастэрэатыпу: «Мы, беларусіны, дужа ўлічваем, панове, дэмакратычнасць польскага народа... Вось чаму мы і звязваем лёс беларускага народа з лёсам вялікай польскай нацыі, бо і ў мінулым іх лёсы былі аднакія. Не на азіяцкую бальшавіцкую Маскву, а на дэмакратычную еўрапейскую Варшаву арыентуемся мы… Мы верым, што толькі дэмакратычная Польшча забяспечыць беларусам вольнасць і дасць ім усе мажлівасці для развіцця іх уласнай культуры і іх аўтаноміі» [4, с. 318].

У рэальным жыцці палякі, якія ў час расійскай няволі самі прыдумалі дэвіз «За нашу і вашу волю», без асобай павагі паставіліся да нацыянальна-вызваленчых памкненняў беларусаў і ў рэшце рэшт фактычна здрадзілі гэтаму дэвізу. Я. Колас гэтую калізію паказаў мастацкімі сродкамі: «Панам Длугошыцу, Дэмбіцкаму і іншым панам не дужа спадабалася, што Галініч ставіць на адну роўніцу польскі народ з беларускім. Такое суседства двух народаў за сталом жыцця ім было проста не пад гонар, але, як хітрыя палітыкі, нічога аб гэтым не сказалі, а толькі кіўнулі галовамі» [4, с. 318]. Ксёндз Пацяйкоўскі, які крыху лепш, чым іншыя «культуртрэгеры» паставіўся да Галініча, нагадаў яму, што кожны культурны чалавек абавязаны змагацца з «варварствам, з гвалтам, з анархіяй і бязбожніцтвам» [6, XXIX]. І, як кпліва, напісаў Я. Колас, Галініч абяцаў «падтрымліваць палякаў у змаганні з бальшавікамі вострай зброяй слова, паколькі беларусы іншай зброі не маюць» [4, с. 319].

Між тым, падводзячы вынікі ў размове аб фарміраванні вобраза паляка ў творах Я. Коласа, нельга не адзначыць, што, нягледзячы на відавочную яго схільнасць да негатывізацыі гэтага вобраза, колеры, якія ён выкарыстоўваў, прыналежалі толькі да «халоднай» часткі спектра. Ёсць невялічкае, але ж выключэнне… Я. Колас не хоча, каб яго чытач прасякнуўся антыпатыяй да ўсіх палякаў… Па сюжэце аповесці збегці з-пад варты сыну Талаша дапамог польскі жаўнер [4, с. 290]. Я. Колас піша, што апавяданне аб гэтым зрабіла добрае ўражанне на дзеда Талаша і Нупрэя і змусіла іх зірнуць на польскага салдата іншымі вачыма: «Розныя людзі ёсць і між польскіх салдат, – устанавіў Нупрэй факт. Так, – згадзіўся дзед Талаш, – сярод іх ёсць напэўна і такія, што не спачуваюць панам і ваююць супраць свае волі. Пан ёсць пан, а наш брат просты чалавек, гарапашнік – ён сваю мае думку і свой інтарэс, паляк ён ці немец» [4, с. 290].

Усім сваім жыццём і дзейнасцю, прасякнутымі высакароднасцю, шчырасцю, неабыякавасцю, любоўю да Радзімы і свайго народа, Я. Колас заслужыў бездакорную рэпутацыю сярод беларусаў, вялікі давер да ўсяго, што ён ім казаў. Мастацкімі сродкамі, якімі ён валодаў бездакорна, Я. Колас не толькі рэпрэзентаваў у сваёй паэме «Сымон-музыка» стэрэатыпізаваны вобраз паляка-прыгнятальніка, але і асучасніў яго ў аповесці «Дрыгва» новымі негатыўнамі рысамі. Сваімі вобразатворчымі намаганнямі Я. Колас не толькі ўнёс важную лепту ў генезіс беларускага стэрэатыпу паляка, але і аказаў вялікае ўздзеянне на генезіс этна-нацыянальнай свядомасці беларусаў.

Літаратура

1. ДОСЬЕ: К 135-летию народного поэта Беларуси Якуба Коласа [Электронный ресурс] // Культура. – 2017. – 2 ноября. – Режим доступа : https://www.belta.by/culture/view/dose-k-135-letiju-narodnogo-poeta-belarusi-jakuba-kolasa-274204-2017/. – Дата доступа : 27.02.2020.

2. Колас, Я. Сымон-музыка / Я. Колас. – Мн. : Беларусь, 1971. – 256 с.

3. Polskość [Zasób elektroniczny] / W. Doroszewski // Słownik języka polskiego. – Tryb dostępu : https://sjp.pwn.pl/doroszewski/polskosc;5476593.html. – Data dostępu : 11.03.2020.

4. Колас, Я. Дрыгва / Я. Колас // Збор твораў : у 14 т. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1975. – Т. 8. – С. 209–434.

5. Талаш Василий Исаакович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Талаш,_Василий_Исаакович. – Дата доступа : 16.03.2020.

6. Колас, Я. Дрыгва [Электронны рэсурс] / Я. Колас. – Рэжым доступу : https://knihi.com/Jakub_Kolas/Dryhva.html#chapter1. – Дата доступу : 07.03.2020.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 23.03.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 272:94(476.5)

Парафія Нараджэння Маці Божай у Браславе у XX–XXI стст.

К.В. Лаўрыненка

У артыкуле разглядаецца гісторыя рыма-каталіцкай парафіі Нараджэння Маці Божай у Браславе ў XX–XXI стст., дзе знаходзіцца санктуарый Маці Божай Валадаркі азёр. Парафія паўстала на пачатку XV стагоддзі, калі быў пабудаваны першы касцёл. Сённяшні касцёл набыў канчатковы выгляд у 1897 г. Шмат выпрабаванняў выпала на долю вернікаў і святароў парафіі ў пачынаючы з 1940-ых гг. Найбольш значную памяць пра сябе аставіў нязломны ксёндз Чэслаў Вільчынскі, які заўчасна памёр у выніку цкаванняў за сваю душпастырскую дзейнасць. З XIX ст. у касцёле знаходзіцца цудатворны абраз Маці Божай. У 1999 г. касцёл быў аб'яўлены санктуарыем Маці Божай Валадаркі азёр. У 2009 г. цудатворны абраз быў каранаваны папскімі каронамі.
Ключавыя словы: касцёл, ксёндз, парафія Браслаў, ксёндз Чэслаў Вільчынскі, біскуп Алег Буткевіч, абраз Маці Божай, санктуарый Маці Божай Валадаркі азёр.

The article is concerned with the history of the Roman Catholic Nativity of the Blessed Virgin Mary parish in Braslau in the XX–XXI centuries, where the sanctuary of Our Lady Queen of the Lakes is situated. The parish was founded at the beginning of the 15th century when the first church was built. The contemporary church was finished in 1897. The lay faithful and the clergy of the parish were afflicted greatly during 1940s and later. The most prominent of them was unbending Fr. Czesław Wilczyński who met an untimely end due to the persecutions for his pastoral activity. There was a miracle-working icon of Our Lady in the church from the19th century. In 1999 the church was declared a sanctuary of Our Lady Queen of the Lakes. In 2009 the icon was crowned with papal crowns.
Keywords: church, priest, parish of Braslau, Fr. Czesław Wilczyński, Bp. Aleh Butkevich, icon of Our Lady, sanctuary of Our Lady Queen of the Lakes.

Браслаўская парафія Нараджэння Маці Божай з'яўляецца адной з настарэйшай на тэрыторыі Беларусі. Яна паўстала на пачатку XV ст., дзякуючы Войцеху Манівіду, Віленскаму ваяводу, які выступіў фундатарам парафіяльнага касцёла.

Сёння парафія у Браславе вядома перадусім як месца, дзе знаходзіцца санктуарый Маці Божай Валадаркі Азёраў, у якім маецца цудатворны абраз Маці Божай, каранаваны папскімі каронамі.

Мэта артыкула – разгледзець гісторыю парафіі Нараджэння Маці Божай у Браславе ў XX–XXI стст.

Даследаванне пабудавана на выкарыстанні шырокага кола дакументаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, а таксама навуковых публікацый, што дазволіла разгледзець гісторыю парафіі Нараджэння Маці Божай у Браславе ў XX–XXI стст.

Метадалагічную аснову публікацыі склалі прынцыпы гістарызму і аб'ектыўнасці. У даследаванні выкарыстоўваліся як агульнанавуковыя, так і спецыяльна-гістарычныя метады.

Першая каталіцкая святыня ў Браславе была пабудавана каля 1423 г. [1, s. 63]. Затым на працягу стагоддзяў будынак касцёла некалькі разоў знішчаўся, пасля чаго адбудоўваўся.

Сучаснае аблічча браслўскі касцёл набыў у 1897 г., калі пробашч парафіі Франіцішак Бірутовіч здзейсніў грунтоўную перабудову святыні, пабудаванай у 1824–1826 гг. ля падножжа Замкавай гары, дзякуючы высілкам ксяндза Ігнацыя Навіцкага.

У чэрвені 1906 г. касцёл быў кансэкраваны біскупам Гаспарам Цыртаўтам, суфраганам Жмудскім [2, s. 22].

З пачатку ўтварэння парафія знаходзілася ў складзе Віленскай дыяцэзіі, у 1849–1924 гг. – Цяльшайскай (Жмудскай) дыяцэзіі, у 1925 г. увайшла ў склад Віленскай архідыяцэзіі. Калі ў 1901 г. парафія налічвала 17100 вернікаў [3, s. 213], то ўжо ў 1926 г. – 6000 [4, s. 44]. Колькасць вернікаў зменшылася ў выніку зменаў межаў парафіі. У 1939 г. у парафіі налічвалася 5832 вернікі [5, s. 47].

У міжваенны час пробашчамі парафіі былі: у 1920–1924 гг. – ксёндз Зянон Даўкша, у 1924–1931 гг. – ксёндз Юзаф Савіцкі, у 1931–1933 гг. – ксёндз Ежы Жамейць.

21 лютага 1933 г. пробашчам парафіі стаў ксёндз Мечыслаў Акрэйць. Святар памёр 25 чэрвеня 1942 г., ва ўзросце 58 гадоў, у час, калі ў Браславе праходзіла акцыя нямецка-фашысцкіх захопнікаў па вынішчэнні яўрэйскага гета. Па адной версіі, святар памёр у выніку сардэчнага прыступу на прыступках плябаніі, акружаны яўрэямі, якія шукалі тут паратунку. Па другой – святар быў забіты стрэлам у сэрца. У апошнія хвіліны свайго жыцця святар паказваў кірунак уцёкаў для гэтых людзей, якім відавочна і раней дапамагаў [6, s. 14]. Пасля яго смерці пробашчам стаў ксёндз Антоній Шубзда, які дагэтуль выконваў абавязкі вікарыя [7, Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 96. Арк. 6–9].

Пасляваенныя гады для парафіі былі вельмі цяжкімі. Уначы з 25 на 26 мая 1948 г. у выніку пажару згарэла плябанія (дом святара) і два сараі [8, Ф. 952. Воп. 2. Спр. 14. Арк. 11]. Застаўшыся без даху над галавой, ксёндз Шубзда атрымаў дапамогу ад мясцовага праваслаўнага святара, у якога жыў на працягу трох месяцаў [8, Ф. 952. Воп. 2. Спр. 19. Арк. 103].

У жніўні 1949 г., ратуючыся перад пагрозай арышту, ксёндз Антоній Шубзда пакінуў парафію [8, Ф. 952. Воп. 1. Спр. 23. Арк. 218]. Ён схаваўся ў в. Агоні на тэрыторыі парафіі, дзе знаходзіўся да 1955 г. на нелегальным становішчы [9, s. 570]. Перажыць гэты нялёгкі час святару дапамаглі манахіні Кангрэгацыі Сясцер Служак Езуса ў Еўхарыстыі (эўхарысткі), якія служылі на тэрыторыі браслаўскай парафіі. У 1955 г. святар быў арыштаваны, але неўзабаве вызвалены.

Нават застаўшыся без пастыра, вернікі ўсё роўна збіраліся у касцёле, праводзячы адмысловыя набажэнствы самастойна, без святара. Кіравала імі манахіня еўхарыстка Разалія Марціленак, якая працавала ў касцёле арганісткай [10, s. 172]. Вялікую ролю адыграў і касцельны камітэт. У касцёл вернікі збіраліся ў нядзелю і вялікія рэлігійныя святы. Напрыклад, 29 студзеня 1949 г. у нядзелю ў касцёле прысутнічала 78 жанчын, 40 мужчын і 26 чалавек моладзі. Па іншыя сакрамэнты, такія як хрэсьбіны, вянчанне і споведзь, вернікі браслаўскай парафіі звярталіся ў тыя касцёлы, дзе меўся святар. Пахаванні вернікі праводзілі без святара, спяваючы рэлігійныя песні і з крыжам праводзячы нябожчыка на могілкі. У значнай частцы браслаўскай парафіі вернікі збіраліся на ружанцовыя малітвы. Некаторыя вернікі ў гэты час наведвалі праваслаўную царкву [8, Ф. 952. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 1–2].

Адначасова вернікі шукалі новага святара ў парафію. У лютым 1950 г. парафіяне даслалі просьбу да ўпаўнаважанага Савета па справах рэлігійных культаў дазволіць служэнне ў браслаўскім касцёле ксяндзу Балтазару Будрэцкаму з Літвы, які раней служыў у Лявонпалі, а на той час жыў у вёсцы Васевічы. Аднак дазволу на гэта вернікі не атрымалі [8, Ф. 952. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 6, 6 аб].

Неўзабаве мясцовыя ўлады зачынілі касцёл і перадалі яго пад склад збожжа. Рашэннем браслаўскага райвыканкама культавая маёмасць касцёла была выстаўлена на продаж, што з'яўлялася грубым парушэннем пастановы Савета Міністраў фінансаў СССР ад 30 ліпеня 1946 г. [8, Ф. 952. Воп. 2. Спр. 27. Арк. 113]. Частка літургічнага начыння была здадзена як каляровы металалом, другая частка літургічных рэчаў, у тым ліку арнаты, здадзена як анучы.

Тым часам вернікі змагаліся за вяртанне сваёй святыні. 24 красавіка 1952 г. яны даслалі заяву, у якой прасілі вярнуць ім касцёл, вызваліўшы яго ад збожжа [8, Ф. 952. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 21]. Аднак, нягледзячы на пастанову Савета Міністраў БССР ад 24 красавіка 1952 г., пасля выдання якой вернікі атрымалі 13 ліпеня 1952 г. паведамленне аб вызваленні касцёла [8, Ф. 952. Воп. 1. Спр 30. Арк. 71], старшыня браслаўскага райвыканакама ўсяляк тармазіў вываз збожжа з касцёла. Пасля скаргаў вернікаў у справу быў вымушаны ўмяшацца намеснік упаўнаважанага Савета ў справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністараў БССР тав. Ярашэвіч, які ў жніўні выязджаў у Браслаўскі раён. Тав. Ярашэвічу старшыня браслаўскага райвыканакама заявіў, што ў касцёле знаходзіцца 70–80 тон збожжа і яго няма куды вывозіць. Аднак дырэктар райканторы «Нарыхзерне» паведаміў, што як толькі старшыня райвыканакама дасць загад вывезці зерне, якога, дарэчы, у касцёле было толькі каля 7 тон, гэта будзе зроблена на працягу 2-х гадзін. Пры гэтым у размове з тав. Ярашэвічам старшыня браслаўскага райвыканакама і не хаваў, што ён проста не жадае вяртаць касцёл вернікам. У выніку толькі пасля ўмяшальніцтва старшыні аблвыканкама касцёл быў вернуты парафіі [8, Ф. 952. Воп. 2. Спр 34. Арк. 64–65].

Нарэшце 28 жніўня 1952 г. касцёл быў вызвалены з-пад склада «Нарыхтзерне» і 29 жніўня быў перададзены вернікам [8, Ф. 952. Воп. 2. Спр 34. Арк. 65]. Вось як успамінае пра гэта манахіня еўхарыстка Апалонія Пяткун: «Сабралася мноства людзей, прыйшоў начальнік з

ключамі, адамкнуў святыню, людзі ўвайшлі ў яе, укленчылі і голасна плакалі. Напэўна, начальнік спалохаўся, бо касцёл быў у кепскім стане. Відаць, ён думаў, што яму за гэта могуць учыніць крыўду, але не – людзі плакалі і дзякавалі» [10, s. 173]. Нягледзячы на тое, што сама святыня была ў дрэнным стане, аднак цудатворны абраз Маці Божай, які з XIX ст. знаходзіўся у касцёле, не быў пашкоджаны. Таксама на месцы засталіся і ўсе воты, змешчаныя вакол абраза.

25 кастрычніка 1952 г. улады зарэгістравалі ў парафіі ксяндза Франца Свёнтэка CsRS, які прыехаў з Вільнюса. Святар быў інвалідам і перамяшчаўся ў інвалідным вазку, аднак і ў такім стане быў небяспечны для савецкай улады. Па звестках упаўнаважанага Савета ў справах рэлігійных культаў ксёндз Свёнтэк пісаў «мемуары і іншыя працы антысавецкага характару». У лютым 1957 г. пры выездзе на сталае месца жыхарства ў Польшу на цэльні ў Брэсце у Адэлі Радзевіч был канфіскаваны чатыры агульныя сшыткі, якія жанчына па просьбе святара везла ў Польшчу, каб перададаць прафесару Голдзе(?) для публікацыі ў каталіцкай прэсе Польшчы ці ў іншай краіне.

Напрыканцы красавіка 1957 г. на кватэры святара і ў браслаўскім касцёле быў праведзены вобыск, падчас якога, як пісаў упаўнаважаны, была знойдзена «вялікая колькасць антысавецкай літаратуры на польскай мове выдання былой буржуазнай польскай дзяржавы і перыяду нямецкай акупацыі». Акрамя гэтага, у святара было забрана каля 1000 лістоў рукапісу, па меркаванні ўпаўнаважанага, «рэзка антысавецкага характару» [8, Ф. 952. Воп. 4. Спр. 17. Арк. 29–30]. Усе гэта дало ўладам падставы пазбавіцца невыгоднага святара. У маі 1958 г. «за нелаяльныя адносіны да савецкай улады» святар быў пазбаўлены права служэння ў браслаўскім касцёле і зняты з рэгістрацыі [7, Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 96. Арк. 27], пасля чаго быў вымушаны выехаць з Браслава. Браслаўская парафія зноў засталася без пробашча.

Аднак у гэты час у Браславе знаходзіўся іншы святар – ксёндз Антоній Шубзда, які пасля знаходжання на нелегальным становішчы і кароткатэрміновага арышту ўжо на працягу двух гадоў знаходзіўся ў парафіі без рэгістрацыі, што азначала забарону на служэнне ў касцёле. Яшчэ 24 лютага 1957 г. у трох заявах ад імя ксяндза Свёнтэка, ксяндза Шубзды і вернікаў яны прасілі зарэгістраваць ксяндза Шубзду ў якасці другога святара ў браслаўскім касцёле [8, Ф. 952. Воп. 3. Спр. 13. Арк. 112, 113, 114]. Аднак згоды на гэта ўпаўнаважаны не даў. Больш таго, каб пазбыцца гэтага святара з Браслава, 15 сакавіка 1958 г. яго зарэгістравалі другім святаром у парафію Дзераўная Івянецкага раёна [8, Ф. 952. Воп. 3. Спр. 12. Арк. 22].

26 чэрвеня 1958 г. новым пробашчам у браслаўскай парафіі быў зарэгістраваны ксёндз Ян Завістоўскі [7, Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 96. Арк. 36]. У свой час гэты святар служыў у парафіі Параф'янава, дзе ў 1951 г. быў арыштаваны і асуджаны судом Полацкай вобласці паводле артыкулаў 76 і 72-8 КК БССР на 10 гадоў лагераў. Ужо 23 чэрвеня 1954 г. святар быў вызвалены з лагера, пасля чаго вярнуўся ў сваю парафію. Аднак у выніку канфлікту з касцельным камітэтам ксёндз Завістоўскі пераехаў у Браслаў [9, s. 667].

8 чэрвеня 1967 г. ксёндз Завістоўскі памёр і вернікі вымушаны былі шукаць новага святара. У жніўні вернікі парафіі нарэшце дабіліся дазволу, каб пробашчам быў зарэгістраваны ксёндз Чэслаў Вільчынскі, які дагэтуль на працягу сямі гадоў чакаў на прэзбітарскае пасвячэнне.

Чэслаў Вільчынскі нарадзіўся 6 студзеня 1928 г. у вёсцы Адамушкі плюскай парафіі, суседняй з браслаўскай, у сялянскай сям'і. Першапачатковую адукацыю з 1937 г. атрымаў у мясцовай школе ў Плюсах, пасля працягнуў адукацыю, перарваную ў ваенныя гады, у сярэдняй школе ў Даўгаўпілсе. У 1949 г. працаваў рахункаводам у Плюскай сямігадовай школе, затым быў прызваны ў войска. У Полацку з дазволу афіцэра юнак выйшаў з цягніка, каб купіць харчаванне, але спазніўся, у выніку быў арыштаваны і ў паказальным працэсе ў Докшыцах асуджаны Ваенным трыбуналам па артыкуле 193 КК РСФСР на 10 гадоў турмы. Пасля апеляцыі тэрмін зняволення быў зніжаны да 5 гадоў, а за добрую працу ў турме яшчэ на 1,5 года. Пасля вяртання са зняволення ў 1952 г. Чэслаў Вільчынскі выразіў жаданне вучыцца ў Духоўнай семінарыі ў Рызе, аднак не атрымаў на гэта дазволу Савета ў справах рэлігійных культаў. У выніку да святарства юнак пачаў рыхтавацца самастойна, адначасова працуючы з 1952 г. рабочым на заводзе. Нарэшце ў 1955 г. юнак быў прыняты ў семінарыю, якую скончыў у 1959 г. Аднак, атрымаўшы духоўную адукацыю і неабходную фармацыю,

юнак не атрымаў згоды на прэзвітарскае пасвячэнне ад Савета па справах рэлігійных культаў. З 1960 г. ён жыў у Рызе, працаваўшы спачатку ўпакоўшчыкам, затым з 1963 г. – сталяром дрэваапрацоўнага камбіната [9, s. 634–636], [7, Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 96. Арк. 81–86].

У 1963 г. Чэслаў Вільчынскі і мясцовыя вернікі прасілі дазволу ўпаўнаважанага зарэгістраваць яго ў Лынтупскім касцеле, але атрымалі адмову. Тое ж самае атрымалася і калі Чэслаў Вільчынскі паспрабаваў зарэгістравацца ў касцелах у в. Параф'яна і ў в. Лучай Пастаўскага раёна [7, Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 13, 60, 61, 63, 66].

Толькі ў 1967 г. Чэслаў Вільчынскі атрымаў дазвол упаўнаважанага на прэзвітэрскае пасвячэнне, атрымаўшы яго 17 верасня 1967 г. у рыжскім саборы св. Якуба [7, Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 96. Арк. 86].

З 1 кастрычніка 1967 г. ксёндз Чэслаў Вільчынскі распачаў служэнне ў браслаўскім касцёле. Ужо зарэгістраваўшы ксяндза Вільчынскага ў Браславе, упаўнаважаны зразумеў, што зрабіў памылку, даўшы яму дазвол на працу ў адной з найбуйнейшых парафій, паколькі ўлады вельмі баяліся ажыўлення рэлігійнага жыцця ў гэтай мясцовасці. Упаўнаважаны прапанаваў ксяндзу Вільчынскаму перайсці ў парафію Лучай, але той адмовіўся [7, Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 9. Арк. 4].

У пасляваенны перыяд браслаўская парафія была адной з найбольш моцных на тэрыторыі Беларусі. Гэта быў рэгіён з трывалымі каталіцкімі традыцыямі, а браслаўскі касцёл наведвалі вернікі больш чым 10 перадваенных парафій, якія не дзейнічалі ў выніку арышту ксяндзоў напрыканцы 1940-х гг. і далейшага закрыцця касцёлаў. У вялікія рэлігійныя святы і ўрачыстасці ў браслаўскім касцёле на Імшы малілася да 2500–3000 вернікаў (дадзеныя 1964 г.) [7, Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 13, 60, 61, 63, 66] і нават да 4000 (дадзеныя 1979 г.) [7, Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 50. Арк. 6]. У 1960 г. ксёндз Ян Завістоўскі паведамляў, што да споведзі ў Вялікі Пост прыступіць каля 6000 чалавек [8, Ф. 952. Воп. 3 Спр. 24. Арк. 64–64аб].

Атрымаўшы рэгістрацыю ў браслаўскім касцёле, ксёндз Чэслаў Вільчынскі вельмі горача ўзяўся за працу. Ужо ў 1967 г. святар правёў у касцёле грунтоўны рамонт. Яго самаахвярная праца прывяла да ажыўлення рэлігійнага жыцця ў Браславе і ваколіцах. Святар актыўна дастасоўваўся да патрэбаў часу. Так, нягледзячы на тое, што заўсёды чытанне Евангелля і казанні ў час Імшы былі на польскай мове, падчас службы на Вялікдзень у 1979 г. урывак з Евангелля ксёндз прачытаў на рускай мове [7, Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 50. Арк. 10].

Вельмі дбаў ксёндз Вільчынскі аб катэхізацыі дзяцей, якую ў парафіі таемна праводзілі сёстры эўхарысткі. У 1977 г. у браслаўскай парафіі 250 дзяцей урачыста прынялі Першую святую Камунію, што было нечаканым здарэннем для ўсяго СССР [9, s. 635]. У свята Унебаўзяцця Найсвяцейшай Панны Марыі 15 жніўня 1979 г. толькі на адной Імшы, на якой прысутнічала каля 1000 вернікаў, было 100 дзяцей [7, Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 50. Арк. 34].

Усё гэта выклікала вострую рэакцыю мясцовых, абласных і рэспубліканскіх улад. Святара пастаянна выклікалі ў абласны і рэспубліканскі Савет па справах рэлігійных культаў, дзе пагражалі яму і шантажавалі. У прэсе, у прыватнасці, у абласной газеце «Віцебскі рабочы» і мясцовай раённай рэгулярна друкаваліся артыкулы, у якіх ксяндза Вільчынскага палівалі брудам. Неаднаразова святара здымалі з рэгістрацыі за «парушэнне савецкага заканадаўства аб культах». Але вернікі вельмі горача баранілі свайго пастыра. Так, у жніўні 1975 г., калі святара ў чарговы раз пазбавілі рэгістрацыі і на верталёце прывезлі ў Віцебск для «разбіральніцтва», мясцовыя калгаснікі-каталікі сабраліся ў Браславе і прыгразілі, што калі ксяндзу забароняць служыць, яны спыняць працу на палях у час жніва. У выніку ўлады былі вымушаны вярнуць святару «даведку», якая дазваляла яму служэнне ў браслаўскім касцёле [9, s. 636].

Гэтае цкаванне святара вельмі пагоршыла стан яго здароўя, і 24 жніўня 1986 г. ён памёр у выніку другога інфаркту. Мясцовыя ўлады не згадзіліся на пахаванне ксяндза Вільчынскага побач з касцёлам, але ўначы вернікі таемна выкапалі магілу каля касцёла, дзе і пахавалі святара.

Наступным пробашчам парафіі стаў ксёндз Генрык Акалатовіч, які служыў тут з 19 лістапада 1986 г. да 1988 г. [7, Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 96. Арк. 129], затым – ксёндз Францішак Кісель, чыё служэнне адбывалася з 18 ліпеня 1988 г. да 1992 г. [7, Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 96. Арк. 215].

У 1991 г. парафія афіцыйна ўвайшла ў склад Мінска-Магілёўскай архідыяцэзіі, і ў тым жа годзе яе з біскупскай візітацыяй наведаў арцыбіскуп Казімір Свёнтэк. Афіцыйная ж рэгістрацыя парафіі адбылася 24 жніўня 1992 г.

З 1992 г. душпастырскае служэнне ў парафіі распачалі ксяндзы сальватарыяне. У 1992–1997 гг. пробашчам парафіі быў ксёндз Стэфан Пракурат SDS. Святар памёр 6 студзеня 1997 г. у парафіяльным касцёле адразу пасля св. Імшы ў выніку сардэчнага прыступу, не дажыўшы 11 дзён да свайго 56-годдзя.

Наступным пробашчам парафіі ў 1997–2011 гг. быў ксёндз Лешэк Вітвіцкі SDS, які дагэтуль з кастрычніка 1993 г. быў вікарыем. У 2011–2014 гг. пробашчам парафіі быў ксёндз Антоній Зэмба SDS. У 2014 г. яго змяніў ксёндз Станіслаў Мжыглуд SDS.

Паколькі браслаўскі касцёл з XIX стагоддзя быў вядомы як месца, дзе знаходзіўся цудатворны абраз Маці Божай, у 1999 г. ардынарый новаўтворанай Віцебскай дыяцэзіі біскуп Уладзіслаў Блін прызначыў гэтую святыню Санктуарыем Маці Божай Валадаркі азёраў [11, s. 45].

Гісторыя цудатворнага абраза Маці Божай да 1832 г. была звязана з кляштарам на выспе возера Неспіш, за некалькі кіламетраў ад Браслава, які быў заснаваны на пачатку XV ст. як праваслаўны на сродкі віленскага ваяводы Войцеха Манівіда. Напрыканцы XVI ст. ён стаў уніяцкім кляштарам айцоў базыльянаў, які належаў Кангрэгацыі базыльянаў імя Святой Тройцы ў Вільні. У дакументах кангрэгацыі XVIII ст. можна знайсці пацверджанне знаходжання цудатворнага абраза Маці Божай ў кляштары базыльянаў у Браславе. Там жа маюцца звесткі, што перад абразом Маці Божай, які ў той час называлі Маці Божай Манастырскай, малілася шмат пілігрымаў, якія прыбывалі сюды з розных мясцінаў, аднак месца і час стварэння абраза, а таксама імя мастака, які намаляваў яго, невядомы [12, s. 15].

21 жніўня 1832 г. у кляштар базыльянаў на выспе возера Неспіш патрапіла маланка, якая стала прычынаю вялікага пажару, калі згарэлі касцёл, кляштар, бібліятэка і гаспадарчыя прыбудовы. Абраз Маці Божай ацалеў ад агню і гэта тлумачыцца як праява цуду. Паводле падання, ён быў знойдзены на папялішчы, а затым размешчаны ў касцёле ў Браславе. Аднак паданне не мае гістарычнага пацвярджэння і акалічнасці з'яўлення абраза ў браслаўскай касцёле дагэтуль невядомыя.

З нагоды 10-годдзя ўтварэння Віцебскай дыяцэзіі, якое адзначалася у 2009 г., яе ардынарый біскуп Уладзіслаў Блін звярнуўся да Апостальскай Сталіцы з просьбай, каб Папа Рымскі даў згоду на каранцыю папскімі каронамі абраза Маці Божай у Браславе. 18 лютага 2009 г. падчас аўдыенцыі на плошчы св. Пятра ў Рыме Папа Бэнэдыкт XVI блаславіў новыя кароны для цудатворнага абраза Маці Божай Валадаркі азёраў. Кароны для бласлаўлення прадставілі ксёндз Анджэй Урбанскі SDS, Генеральны настаяцель ксяндзоў сальватарыянаў у Рыме, і ксёндз Антоній Зэмба SDS, дырэктар аддзела замежных місій у Міколаве ў Польшчы [12, s. 15].

Урачыстасць каранацыі абраза адбылася 22 жніўня 2009 г. Узначаліў галоўную святую Імшу і каранаваў абраз ад імя Святога Айца кардынал Ёахім Майснер, Мітрапаліт Кёльнскі з Германіі. У гэтай урачыстасці ўзялі ўдзел 31 біскуп, 200 святароў і каля 20 тысяч вернікаў [13, s. 1].

У санктуарыі Маці Божай Валадаркі Азёраў у Браславе знаходзяцца рэліквіі святога папы Яна Паўла II. Менавіта ў пантыфікат гэтага Папы, які спрычыніўся да адраджэння Касцёла ва Усходняй Еўропе, браслаўскі касцёл быў абвешчаны марыйным санктуарыем. У капліцы Святога Яна Паўла II у касцёле публічна выстаўлены для ўшанавання і пакланення рэліквіярый з крывёй святога Папы. Браслаўскаму санктуарыю рэліквіі былі перададзены кардыналам Станіславам Дзівішам у 2015 г. праз Правінцыяла айцоў сальватарыянаў ксяндза Пятра Філяса SDS. Таксама ў святыні знаходзіцца і асабістая сутана Яна Паўла II. Яна была перададзена ў санктуарый у 2015 г. біскупам Віцебскім Алегам Буткевічам [14].

З браслаўскай парафіі паходзіць другі віцебскі ардынарый біскуп Алег Буткевіч, які атрымаў біскупскае пасвячэнне 18 студзеня 2014 г. У свой час у браслаўскім касцёле Алегу Буткевічу быў удзелены сакрамэнт хросту, тут ён прыняў Першую святую Камунію. У маі 2000 г. новапрэзбітар Алег Буткевіч цэлебраваў тут прыміцыйную Імшу. 2 лютага 2014 г., у свята Ахвяравання Пана, біскуп Буткевіч цэлебраваў у родным браслаўскім касцёле першую Імшу ў якасці іерарха.

8–10 верасня 2018 г. біскуп Віцебскі Алег Буткевіч здзейсніў першую візітацыю браслаўскай парафіі з пачатку свайго служэння. У гэтыя дні іерарх не толькі маліўся разам з вернікамі ў святыні і прапаведаваў ім Божае слова, але і сустрэўся з удзельнікамі розных малітоўных рухаў, наведаў капліцу і хворых у гарадской бальніцы, а таксама жыхароў дома-інтэрната для інвалідаў і састарэлых.

У 2019 г. энтузіясты з Браслава вырашылі аднавіць частку гісторыі існавання цудатворнага абраза Маці Божай Браслаўскай. У жніўні некамерцыйная арганізацыя «Цэнтр рэгіянальнага развіцця “Браслаў”» правяла археалагічныя раскопкі на востраве Манастыр на возеры Неспіш, дзе ў свой час знаходзіўся цудатворны абраз. Энтузіясты цэнтра спадзяюцца аднавіць манастыр з усімі пабудовамі і мастом паміж востравам і мацерыком. Кіраўніком прац стаў археолаг Мікалай Плавінскі.

На пачатку рэалізацыі праекта 1 жніўня 2019 г. у браслаўскім санктуарыі Маці Божай Валадаркі азёраў адбылася сустрэча, падчас якой намеснік дырэктара Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь Дзяніс Лісейчыкаў прачытаў лекцыю па гісторыі манастыра. Даследчык звярнуў увагу, што гравюра з выявай абраза Маці Божай Манастырскай датуецца 30–40 гг. XVIII ст. Таксама гісторык распавёў, што пашырэнню культу святыні спрыяў браслаўскі архімандрыт Геранім Нерэзій, які ў 1774 г. у друкарні віленскіх базыльянаў выдаў кнігу гамілій пра Божую Маці, прамоўленых у сценах манастыра [15].

За два тыдні раскопак, якія праходзілі з 1 па 15 жніўня, іх удзельнікамі была знойдзена частка падмуркаў манастырскіх пабудоваў. Мяркуецца, што знойдзены фрагмент датуецца канцом XVIII – пачаткам XIX ст. [16].

На сённяшні час санктуарый Маці Божай Валадаркі азёраў, які знаходзіцца ў парафіі Нараджэння Маці Божай у Браславе, з’яўляецца адным з найбольш знаным марыйных санктуарыяў Беларусі. Штогод сюды прыбывае вялікая колькасць паломнікаў як з Беларусі, так і замежжа.

Літаратура

1. Ochmański, J. Biskupstwo Wileńskie w Sredniowieczu. Ustrój i uposażenie / J. Ochmański – Poznań : Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1972. – 118 s.
2. Fibek, J. Dzieje parafii i klasztorów katolickich na Białorusi : w 2 cz. / J. Fibek. – Łomża : Zakon Braci Mniejszych Kapucynów, Prowincja Warszawska, 2016. – Część 1. Diecezja Witebska. T. II. Zachodnia część diecezji Witebskiej. – 702 s.
3. Directorium Horarum canonicarum et Missarum pro dioecesi Telsensi in annum Domini Communem MCMI. Auctoritate et mandato Excelentissimi, Illustrisimi ac Reverendissimi Domini Miecislai-Leonardi Pallulon, Episcopi Telsensis seu Samogitiensis, editum. Vilnae: Typis Joseph Zawadzski, 1901. – 305 s
4. Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilnensis pro anno Domini 1926. – Vilnae : Typis Joseph Zawadzki, 1926. – 157 s.
5. Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilnensis pro anno Domini 1939. – Vilnae, 1939. – 210 s.
6. Krahel, T. ks. Ks. Mieczysław Akrejc – dziekan brasławski / T. Krahel // Czas miłosierdzia. – 2001. – № 12. – S. 14.
7. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДзАВВ).
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ).
9. Dzwonkowski, R. Leksykon duchowieństwa polskiego represionowanego w ZSRS 1939–1988 / R. Dzwonkowski. – Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2003. – 856 s.
10. Strzelecka, H. Służebnice Jezusa w Eucharystii na terenach Związku Radzieckiego w latach 1945–1991 / H. Strzelecka. – Warszawa, 1994. – 227 s.
11. Rzymsko-Katolicka diecezja Witebska. Schematyzm diecezjalny. Witebsk, 2004. – 240 s.
12. Квяткоўскі, А. SDS, кс. Пра касцёл і абраз Маці Божай у Браславе / А. Квяткоўскі // Ave Maria – 2009. – № 7–8. – С. 14–15.
13. Дубраўскі, Ф. У чоўне да новага жыцця / Ф. Дубраўскі // Ave Maria. – 2009. – № 9. – С. 1
14. Шыдлоўскі, У. SDS, кс. Пра рэліквіі св. Яна Паўла II [Электронны рэсурс] / У. Шыдлоўскі. – Рэжым доступу : https://valadarka.by. – Дата доступу : 01.03.2016.
15. Жылевіч, С. Раскопкі, якія пральюць святло на гісторыю абраза Маці Божай Браслаўскай, благаславіў біскуп Алег Буткевіч [Электронны рэсурс] / С. Жылевіч. – Рэжым доступу : https://catholic.by. – Дата доступу : 03.08.2019.
16. Жылевіч, С. Што знайшлі археолагі на востраве Манастыр, адкуль пачынаўся культ Маці Божай Браслаўскай [Электронны рэсурс] / С. Жылевіч. – Рэжым доступу : https://catholic.by. – Дата доступу : 23.08.2019.

Люблинский католический
университет Иоанна Павла II

Поступила в редакцию 29.04.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 94:341.222(476):94:327.5(438+(47+57))"1919-1920"

Пытанне граніц Беларусі ва ўмовах польска-савецкай вайны 1919–1920 гг.

М.М. Мязга

У артыкуле разгледжаны ўплыў польска-савецкай вайны на вырашэнне пытання аб вызначэнні граніц БНР і ССРБ і іх прызнанні міжнароднай супольнасцю. Зроблена выснова, што як палітыка Савецкай Расіі, так і Польшчы была неспрыяльнай для ўсталявання граніц беларускіх дзяржаўных утварэнняў. Палітыка названых дзяржаў стала адным з важнейшых фактараў, які абумовіў захаванне ССРБ на момант заканчэння польска-савецкай вайны ў складзе толькі шасці паветаў, і не дазволіў БНР устанавіць рэальны кантроль над якой-небудзь часткай тэрыторыі Беларусі. Тым самым не была вырашана задача стварэння Беларускай дзяржавы ў этнічных граніцах.
Ключавыя словы: польска-савецкая вайна, Беларусь, БНР, ССРБ, ЛітБелССР, Польшча, Савецкая Расія, граніца, тэрытарыяльнае пытанне, федэрацыя, інкарпарацыя, Рыжскі мір.

The author considers the influence of the Polish-Soviet war on the issue of BNR and SSRB borders defining and their recognition by the international community. It is concluded that the policy of both Soviet Russia and Poland was unfavorable for the establishment of the Belarusian state entities borders. The policy of these states became one of the most important factors that led to the preservation of SSRB at the end of the Polish-Soviet war consisting of only six counties, and did not allow BNR to establish real control over any part of the territory of Belarus. So the problem of Belarusian state creating within ethnic borders was not solved.
Keywords: Polish-Soviet war, Belarus, BNR, SSRB, Litbel, Poland, Soviet Russia, border, territorial issue, federation, incorporation, Riga Peace Treaty.

Польска-савецкая вайна 1919–1920 гг. аказала істотны ўплыў на працэс фарміравання беларускай дзяржаўнасці пасля Першай сусветнай вайны, у тым ліку на вырашэнне пытання аб граніцах дзяржаўных утварэнняў, які спрабавалі ўсталявацца ў тыя гады на беларускіх землях. Улічваючы пазіцыі суседніх дзяржаў па тэрытарыяльнаму пытанню, БНР і ССРБ было дастаткова праблематычна дабіцца рэальнага ўсталявання тых граніц, у якіх яны былі абвешчаны. БНР сутыкнулася з праблемай захавання цэласнасці беларускіх земляў яшчэ ў сувязі з заключэннем Брэсцкага мірнага дагавора паміж Савецкай Расіяй і краінамі германскага блока. Ужо пры распрацоўцы гэтага дакумента яскрава абазначылася пазіцыя бальшавікоў, якія лічылі сябе ў праве распараджацца беларускімі землямі як часткай тэрыторыі Расіі. У дадзеным артыкуле ставіцца задача высветліць, як умовы польска-савецкай вайны ўплывалі на вырашэнне пытання аб усталяванні і прызнанні міжнароднай супольнасцю граніц БНР і ССРБ, у якіх яны былі абвешчаны.

Абвяшчэнне ССРБ адбылося ў час, калі станавілася відавочным наспяванне польска-савецкага ваеннага канфлікту, у цэнтры якога была тэрытарыяльная спрэчка. Як вядома, Савецкая Беларусь была абвешчана ў складзе Смаленскай, Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай і Гродзенскай губерняў. Але ў такіх межах яна праіснавала зусім нядоўга. Звязана гэта з тым, што рэспубліка стваралася як буферная паміж Савецкай Расіяй і Польшчай. На сённяшні дзень тэзіс аб буферным характары ССРБ атрымаў значнае распаўсюджванне ў беларускай гістарыяграфіі [1], [2]. Існуюць пэўныя разыходжанні адносна прызначэння гэтага буфера. На наш погляд, ён разглядаўся бальшавікамі не столькі як бар'ер супраць Польшчы, а як прастора для пошуку часовага кампрамісу з Польшчай за кошт тэрытарыяльных саступак ёй. Па сутнасці, аб гэтым гаварыў прадстаўнік ЦК РКП(б) у Беларусі А. Іофе на пасяджэнні Цэнтральнага Бюро КПБ(б) 22 студзеня 1919 г., калі заявіў, што прытэнзіі польскага імперыялізму могуць быць вырашаны дыпламатычным шляхам, для чаго было неабходна, каб Польшча сутыкнулася з буферамі і для чаго стваралася Беларуская ССР. І далей ён адзначыў, што «неадкладнае ўключэнне Беларускай рэспублікі ў Савецкую Расію на правах федэрацыі знішчае ўсе выгоды ад стварэння буфераў-рэспублік, бо тады ўсе перамовы вядзе

цэнтральны ўрад, гэта значыць самой Расіі прыйдзецца непасрэдна прымаць у іх удзел» [3, с. 205]. У пачатку 1919 г. расійскі савецкі ўрад гатовы быў ісці на вялікія тэрытарыяльныя саступкі за кошт савецкіх буферных рэспублік дзеля атрымання мірнай перадышкі на захадзе ва ўмовах цяжкага становішча на франтах грамадзянскай вайны з «белымі» генераламі. Той жа А. Іофе на пасяджэнні ЦК КП(б)ЛіБ 5 красавіка 1919 г. адзначыў: «… за мір з Антантай можна аддаць Літву і Беларусь» [3, с. 265]. Такім чынам, тэрытарыяльная цэласнасць ССРБ была пастаўлена бальшавікамі пад сумненне практычна з моманту яе абвяшчэння.

У сувязі з той роллю, якую бальшавікі адводзілі ССРБ ва ўмовах наспяваўшай вайны з Польшчай, становіцца зразумелым іх рашэнне аб перадачы ў склад Савецкай Расіі Смаленскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў. Гэта выключала рызыку страты названых тэрыторый на карысць Польшчы ў выпадку, калі б справа дайшла да тэрытарыяльных саступак ёй за кошт ССРБ. Як справядліва заўважыў у сваім даследаванні С. Хоміч, «маючы магчымасць ахвяраваць беларускімі землямі, бальшавікі не хацелі рызыкаваць усімі тэрыторыямі, заўчасна включаючы большую іх частку ў склад РСФСР» [4, с. 45]. У. Ленін прама ўказваў, што Беларуская рэспубліка патрэбна пастолькі, паколькі яна мяжуе з іншымі краінамі. Паколькі Смаленск, Віцебск і Магілёў не мяжуюць, то іх можна выключыць са складу ССРБ [3, с. 209]. 16 студзеня 1919 г. ЦК РКП(б) прыняў адпаведнае рашэнне. Адзначым, што ў кіраўніцтве РСФСР меліся пэўныя разыходжанні па пытанні адарвання ад ССРБ трох усходніх губерняў. Найбольш актыўным яго прыхільнікам выступаў Я. Свярдлоў, лінію якога ў Мінску праводзіў А. Іофе. А вось наркам замежных спраў Г. Чычэрын лічыў дадзенае рашэнне памылковым. Ён 26 студзеня 1919 г пісаў А. Іофе: «Аддзяленне трох губерняў, пасля якога фактычна ў распараджэнні Беларусі засталася толькі Мінская губерня, ці не ідзе гэта занадта далёка? ... Яшчэ можна было б зразумець некаторую карэктыроўку тэрыторыі за кошт частак Смаленскай і Віцебскай губерняў, памылка ж на 75 працэнтаў недапушчальна» [5, с. 121].

Не спрыяла захаванню тэрытарыяльнай цэласнасці ССРБ і пазіцыя Польшчы. Польская палітычная эліта ў сваё палітыцы ў дачыненні да беларускіх зямель зыходзіла з тэзіса аб наяўнасці ў Польшчы гістарычных правоў на дадзеныя тэрыторыі. Гэта ў роўнай ступені датычылася як тых польскіх палітыкаў, што прытрымліваліся канцэпцыі федэрацыі, так і тых, хто адстойваў палітыку інкарпарацыі. Але пры гэтым у польскай палітычнай эліце мелася разуменне таго, што за час, які прайшоў пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, на тэрыторыі «ўсходніх крэсаў» адбыліся істотныя этнакультурныя змены, і вяртанне да граніц 1772 г. шляхам прамога ўключэння «ўсходніх крэсаў» у склад Польшчы з’яўляецца немагчымым. У ноце, накіраванай да камісіі Камбона на Парыжскай мірнай канферэнцыі, кіраўнік польскай дэлегацыі Р. Дмоўскі адзначаў, што на працягу «мінулых 150 гадоў з моманту падзелу Польшчы на нашых усходніх межах адбыліся змены, з якімі мы павінны лічыцца». Мелася на ўвазе развіццё нацыятворчых працэсаў. У ноце падкрэслівалася, што ўключэнне вялікіх тэрыторый на ўсходзе «не прынесла б карысці будучай Польшчы. Мы зусім не хочам уключаць у склад нашай дзяржавы элементы, якія немагчыма асімілаваць». У сувязі з гэтым Польшча, па словах Р. Дмоўскага, «адмаўлялася» ад усёй Кіеўскай, амаль ад усёй Падольскай, большай часткі Валынскай, ад усёй Магілёўскай, большай часткі Віцебскай, двух паветаў Віленскай губерняў [3, с. 228]. Пазіцыя польскай дэлегацыі на Парыжскай мірнай канферэнцыі па пытанні ўсходняй граніцы зводзілася да адстойвання «лініі Дмоўскага», якая была прынята Польскім Нацыянальным Камітэтам (ПНК) на завяршальным этапе Першай сусветнай вайны. Яна прадугледжвала праходжанне ўсходняй граніцы Польшчы па лініі Вільня, Дзвінск, Мінск, Пінск, Роўна, Камянец-Падольскі. У склад Польшчы павінны былі ўвайсці губерні Ковенская, Віленская, Гродзенская, большая частка Мінскай, Валынь, два паветы Падольскай губерні [6, s. 54, 56]. Тым самым, каля паловы беларускіх тэрыторый намячалася ўключыць у склад Польшчы непасрэдна. У ПНК пераважалі прадстаўнікі польскага правага палітычнага лагера і, адпаведна, прыхільнікі канцэпцыі інкарпарацыі. Але «лінія Дмоўскага» як лінія польскай усходняй граніцы знайшла, па сутнасці, падтрымку і з боку Ю. Пілсудскага. У снежні 1918 г. у Варшаве адбыліся перамовы начальніка дзяржавы і прыбыўшага сюды прадстаўніка ПНК

С. Грабскага. Апошні 16 снежня паведаміў ПНК, што Ю. Пілсудскі выказаўся за граніцу, якая павінна праходзіць па лініі Ула, Бярэзіна, Случ, Гарынь. Гэта было блізка да «лініі Дмоўскага» [3, с. 185]. Блізкі паплечнік Ю. Пілсудскага Л. Васілеўскі адзначаў, што «ў адносінах усходняй граніцы Пілсудскі ў цэлым пагаджаўся з лініяй, прапанаванай Дмоўскім» [7, s. 172]. Такім чынам, БНР і ССРБ у сваім імкненні ўсталявацца ў этнічных беларускіх граніцах непазбежна давялося б сутыкнуцца з супрацьдзеяннем з боку Польшчы.

З пачаткам польска-савецкай вайны ў польскіх правячых колах працягвалася абмеркаванне пытання аб усходняй граніцы краіны. У красавіку – маі 1919 г. у заявах польскіх палітычных дзеячаў гучыць падтрымка ідэі федэрацыі. Пасля заняцця польскай арміяй Вільні Ю. Пілсудскі 22 красавіка выступіў з вядомай адозвай да жыхароў былога ВКЛ, у якой гаварылася аб іх праве самім вызначаць свой лёс. 22 мая прэм'ер-міністр І. Падарэўскі заявіў, што Польшча не адмаўляе літоўцам, беларусам і ўкраінцам у праве на незалежнасць, а канчатковыя межы Польшчы будуць вызначаны на мірнай канферэнцыі [3, с. 301]. 4 мая 1919 г. Ю. Пілсудскі пісаў Л. Васілеўскаму аб недапушчальнасці падзелу Беларусі паміж Польшчай з Расіяй [8, s. 75–76]. 5 чэрвеня ў звароце да ўдзельнікаў Парыжскай канферэнцыі прэм'ер-міністр Польшчы заявіў, што яго краіна прызнае права народаў былога ВКЛ на самавызначэнне і імкнецца да аб'яднання з імі «на аснове агульных палітычных, эканамічных і культурных інтарэсаў» [3, с. 303]. Як бачым, гаворка ішла аб федэрацыі, у рамках якой і павінна было вырашацца пытанне аб граніцах дзяржаў, якія павінны былі яе ўтварыць.

Летам – восенню 1919 г. пазіцыя польскага ўрада адносна ўсходняй граніцы краіны больш канкрэтызуецца. У інструкцыі польскага МЗС ад 7 ліпеня 1919 г. гаварылася, што Польшча павінна пакінуць за сабой толькі тую частку зямель, «якія з'яўляюцца этнаграфічна польскімі, або маюць досыць значны працэнт польскага насельніцтва, з'яўляюцца польскімі цывілізацыйна». Далей гаварылася аб магчымасці далучэння да Польшчы ўсёй або нязначана зменшанай тэрыторыі былога ВКЛ «пры дапамозе ўніі ці федэрацыі» [3, с. 330]. Тым самым федэрацыя фактычна выступае як інструмент усталявання польскага кантролю над землямі, якія не ўвойдуць непасрэдна ў склад Польшчы. Як бачна, нават палітыка федэрацыі, не гаворачы ўжо аб інкарпарацыі, не прадугледжвала згоды Польшчы на ўтварэнне беларускай дзяржавы ў этнічных граніцах. Восенню 1919 г. Ю. Пілсудскі адыходзіць ад палітыкі федэрацыі. У перамовах з беларускімі дзеячамі, якія ён меў у гэты час у Мінску і Варшаве, гаворка ішла аб стварэнні толькі «беларускага П'емонта» з правамі культурнай аўтаноміі на тэрыторыі, якая ўключала б Мінск і землі на ўсход ад яго. Астатняя беларуская тэрыторыя павінна была непасрэдна ўвайсці ў склад Польшчы [9, s. 185–186].

Пытанне аб граніцах Беларусі набыло новае гучанне ў сувязі з савецкімі мірнымі прапановамі Польшчы зімой – вясной 1920 г. 8 сакавіка 1920 г. на пасяджэнні польскага ўрада з удзелам Ю. Пілсудскага абмяркоўвалася пытанне аб тым, якую пазіцыю павінна заняць Польшча на магчымых перагаворах з бальшавікамі. Было прынята рашэнне дабівацца непасрэднага ўключэння Гродзеншчыны і Віленшчыны ў склад Польшчы, а ў «Мінскай акрузе і на атрыманых далей на ўсход землях трэба зрабіць беларусам саступкі ў галіне самакіравання і культуры» [10, с. 125]. Аднак як далёка на ўсход пройдзе граніца гэтай акругі вызначана не было. Гэтыя польскія планы ў адносінах да Беларусі не сустракалі супрацьдзеяння з расійскага боку. Зыходзячы з прапаноў, якія ўтрымліваў зварот савецкага ўрада да польскага адносна пачатку мірных перамоў, можна зрабіць выснову аб гатоўнасці Масквы ісці на вялікія тэрытарыяльныя саступкі Польшчы за кошт Беларусі [11, с. 232]. Гэтыя саступкі савецкі ўрад лічыў часовымі. Такая пазіцыя Масквы абазначылася яшчэ ў час перамоў Ю. Мархлеўскага з прадстаўнікамі Ю. Пілсудскага летам – восенню 1919 г. Савецкі прадстаўнік у час іх заявіў, што «пытанне граніц не прадстаўляе ніякіх цяжкасцей, … савецкі ўрад і тут пойдзе на саступкі і пагадзіцца, каб па пытанні прыналежнасці да Польшчы ці савецкай рэспублікі галасавала ўсё насельніцтва спрэчных тэрыторый» [12, с. 12].

Гатоўнасць Савецкай Расіі ісці на значныя тэрытарыяльныя саступкі Польшчы летам 1920 г. працягвала дыктавацца інтарэсамі вайны з ёю. 12 ліпеня 1920 г. быў падпісаны савецка-літоўскі мірны дагавор. Па ім значныя беларускія тэрыторыі Гродзеншчыны і Віленшчыны

адыходзілі да Літоўскай рэспублікі. Гэта была плата ўрада Леніна літоўцам за падтрымку ў барацьбе з Польшчай. І гэта было прызнанне Савецкай Расіяй таго факта, што ЛітБелССР спыніла сваё існаванне, а значаная частка яе тэрыторыі пераходзіла да «буржуазнай» Літвы.

На вырашэнне пытання аб граніцах Беларусі ў выглядзе паўторна абвешчанай ССРБ аказвала уплыў і наступленне Чырвонай Арміі летам 1920 г., калі ў бальшавікоў зноў з'явілася надзея на распальванне рэвалюцыі ў Польшчы і далей у Еўропе. Тэрытарыяльнымі саступкамі за кошт Беларусі на карысць Польшчы бальшавікі разлічвалі падштурхнуць польскае насельніцтва да больш лаяльнага стаўлення да Чырвонай Арміі, якая несла на сваіх штыках сацыялістычную рэвалюцыю. 15 чэрвеня У. Ленін у адным са сваіх лістоў прапаноўваў заявіць «надзвычай урачыста, што забяспечваем польскім рабочым і сялянам граніцу ўсходней той, якую дае Керзан і Антанта» [13, с. 303]. У тэзісах Пленума ЦК РКП(б) ад 16 ліпеня 1920 г. гаварылася: «РСФСР пойдзе ў адносінах міра тым шырэй насустрач усім інтарэсам і патрэбам Польшчы, чым хучэй і больш рашуча працоўныя масы Польшчы ўстановяць у сябе такі парадак, які вызваліць іх ад ролі інструмента французскіх, англійскіх і іншых капіталістаў і створыць асновы для сапраўды братэрскіх адносін паміж Раб.-Сялянс. Польшчай, Расіяй і Украінай» [14, с. 142].

Ужо пачатак мірных перамоў паміж Савецкімі Расіяй і Украінай і Польшчай паказаў, што абодва бакі не маюць намеру лічыцца з тэрытарыяльнай цэласнасцю Беларусі. 27 жніўня 1920 г. на пасяджэнні Рады абароны дзяржавы (РАД) было прынята рашэнне, што Польшча будзе дабівацца граніцы па лініі Дзвінск – Вільня – Баранавічы – Лунінец – р. Гарынь – р. Збруч, паколькі на ёй знаходзяцца гатовыя інжынерныя збудаванні. Гэтую мяжу падтрымаў і Ю. Пілсудскі. Дадзеная лінія граніцы была пацверджана на пасяджэннях РАД 11 і 25 верасня. Прычым на апошнім пасяджэнні была зроблена агаворка, што гэта лінія мінімальных патрабаванняў, і канчатковае рашэнне павіна прымаць дэлегацыя непасрэдна на перамовах [15, с. 116, 120, 121]. Польская дэлегацыя настойвала на перадачы Польшчы чыгункі Сарны – Лунінец – Баранавічы – Ліда і шырокай паласы на паўночны ўсход ад яе. У якасці альтэрнатывы прапаноўваўся вывад усіх замежных войскаў с тэрыторыі Беларусі і абвяшчэне яе незалежнасці з заходняй граніцай па «лініі Керзана» [16, с. 10]. Частка членаў польскай дэлегацыі не страціла надзеі на рэалізацыю федэралісцкай канцэпцыі і выступала за ўключэнне ў склад Польшчы Мінска. Але гэты пункт гледжання не знайшоў падтрымкі большасці [17, с. 265, 295].

Савецкая Расія яшчэ на мінскім этапе перамоў праявіла гатоўнасць пайсці на тэрытарыяльныя саступкі Польшчы. Прыбыўшы ў Мінск К. Радак заявіў, што з граніцай праблем не будзе пры ўмове прызнання Польшчай Савецкай Украіны [18, s. 51]. З пачатку верасня Масква ўзяла курс на г. з. згодніцкі мір з Польшчай, у аснове якога былі тэрытарыяльныя саступкі за кошт Беларусі. Палітбюро на пасяджэнні 1 верасня прыняло рашэнне аб змене складу савецкай дэлегацыі на перамовах з Польшчай [19, с. 8–9]. 20 верасня пленум ЦК РКП(б) даручыў камісіі ў складзе К. Радака, Л. Каменева, Г. Чычэрына распрацаваць праект дэкларацыі УЦВК па польска-савецкіх перамовах. У гэтыя ж дні У. Ленін пісаў А. Іофе аб магчымасці пайсці на тэрытарыяльныя саступкі Польшчы і згадзіцца на граніцу па лініі р. Шчара – канал Агінскага – р. Ясельда, прапанаваную глаўкамам С. Каменевым, пры ўмове, што мір будзе падпісаны на працягу 10 дзён [19, с. 59]. Курс на дасягненне пагаднення з Польшчай на аснове тэрытарыяльных саступак быў канчаткова замацаваны ў заяве УЦВК ад 23 верасня 1920 г. У ёй гаварылася аб гатоўнасці савецкага боку ісці на значныя тэрытарыяльныя саступкі пры ўмове падпісання міру ў бліжэйшы час [20, с. 400–401]. Некалькі пазней у выступленні на сесіі УЦВК па пытанні ратыфікацыі прэлімінарнага дагавора з Польшчай Г. Чычэрын даў наступную характарыстыку савецкай пазіцыі на перамовах: «Мы прапанавалі Польшчы тэрытарыяльныя прырашчэнні за адмову Польшчы ад палітыкі буферызму» [17, с. 213–214]. У ходзе далейшых перамоў расійская савецкая дэлегацыя ішла на новыя тэрытарыяльныя саступкі, перадаючы Польшчы землі ССБР, незалежнасць якой Масква юрыдычна прызнала і фармальна не магла распараджацца яе тэрыторыяй. Але тэрытарыяльныя саступкі за кошт Беларусі з'яўляліся платай РСФСР за хуткі мір з Польшчай, да чаго ў той момант імкнуўся ўрад У. Леніна, і за прызнанне палякамі савецкай формы дзяржаўнасці на Украіне. 2 кастрычніка палітбюро прыняло рашэнне «згадзіцца на лінію, якая аддае Польшчы чыгунку

Ліда – Баранавічы, пры ўмове, што мір (і перамір'е) будзе падпісаны ў самы кароткі тэрмін (3 дні прыкладна)». У той жа дзень Г. Чычэрын паведаміў А. Іофе аб гэтым рашэнні [21, с. 396–397]. 9 кастрычніка палітбюро прыняло рашэнне ісці на далейшыя саступкі палякам пры ўмове неадкладнага падпісання мірнага дагавора, аб чым зноў быў праінфармаваны А. Іофе [17, с. 213–214]. Менавіта на гэтым грунце былі падпісаны як папярэдняя, так і канчатковая дамовы ў Рызе.

Ход мірных перамоў з Польшчай рашаючым чынам уплываў і на пазіцыю Савецкай Расіі па пытанні ўсходняй граніцы ССРБ. Масква лічыла ў тагачасных умовах немэтазгодным далучэнне да Савецкай Беларусі Віцебскай і Гомельскай губерняў, бо, як пісаў Г. Чычэрын, «мы яшчэ не ведаем, праз якія перапіцці можа прайсці лёс Беларусі і павялічваць загадзя тую тэрыторыю, якая праз гэтыя перапіцці будзе праходзіць, было б крайне неасцярожна» [17, с. 247]. Бальшавікі не былі ўпэўнены ў трываласці сваіх пазіцый на Беларусі, у тым, што ССРБ захаваецца. 17 лістапада ў Маскве адбылася нарада з удзелам кіраўнікоў ССБР А. Чарвякова, В. Кнорына, на якой разглядалася пытанне «аб тэрыторыі Савецкай Беларусі». У прынятай пастанове канстатавалася: «...прызнаць у сучасны момант несваечасовасць вырашэння гэтага пытання» [22, с. 140]. 18 лістапада палітбюро ЦК РКП(б) адобрыла рашэнне, прынятае па беларускім пытанні на ўказанай нарадзе [23]. У выніку, у сувязі з пераходам заходняй часткі Беларусі па Рыжскаму міру пад уладу Польшчы і захаваннем усходніх беларускіх тэрыторый у складзе РСФСР, ССРБ другога абвяшчэння і аказалася ў складзе 6 паветаў. БНР увогуле не змагла ўзяць пад кантроль якія-небудзь тэрыторыі. Да такога выніку вяла палітыка абодвух удзельнікаў польска-савецкага канфлікту 1919–1920 гг. Як справядліва адзначыў расійскі гісторык Г. Матвееў, народы, якія пражывалі паміж РСФСР і Польшчай, лідарамі гэтых дзяржаў «трактаваліся па перавазе ўтылітарна, іх меркаваннем адносна ўласнага лёсу не цікавіліся ні ў Маскве, ні ў Варшаве» [24, с. 30]. Гэтае палажэнне дакладна ілюструе сутнасць палітыкі Савецкай Расіі і Польшчы па пытанні граніц БНР і ССРБ у час польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Палітыка названых дзяржаў стала адным з важнейшых фактараў, які перашкодзіў якой-небудзь з форм беларускай дзяржаўнасці ўсталявацца ў беларускіх энічных граніцах.

Літаратура

1. Бароўская, В.М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. / В.М. Бароўская. – Мн. : Беларуская навука, 2017. – 269 с.

2. Лазько, Р.Р. Беларуская буферная рэспубліка ў палітыцы савецкай Расіі ў пачатку 1919 г. / Р.Р. Лазько // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2006. – № 2. – С. 3–10.

3. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991) : зб. дакументаў і матэрыялаў : у 4-х т. – Мн. : «Юніпак», 2008. – Т. 1, ч. 1. – 540 с.

4. Хоміч, С.М. Фарміраванне тэрыторыі Беларускай Савецкай Рэспублікі (канец 1918–1926 г.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 ; 13.01.00 / С.М. Хоміч. – Мн. : БДУ, 2000. – 115 с.

5. Короткова, Д.А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Д.А. Короткова. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. – 176 с.

6. Wskreszenie Panstwa Polskiego. Szkic historyczny : w 2 t. – Kraków : Krakowska Supolka Wydawnicza, 1925. – T. 2. 1918–1923. – 300 s.

7. Wasilewski, L. Józef Piłsudski. Jakim Go znalem / L. Wasilewski. – Warszawa : Wyd. «Rój», 1935. – 235 s.

8. Piłsudski, J. Pisma zbirowe : w 8 t. / J. Piłsudski. – Warszawa : Instytut J. Piłsudskiego, 1922. – T. 5. – 297 s.

9. Czubiński, A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Srodkowo-Wschodniej w latach 1918–1921 / A. Czubiński. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marczałek, 2002. – 444 s.

10. Михутина, И. Польско-советская война 1919–1920 гг. / И. Михутина. – М. : Институт славяноведения и балканистики, 1994. – 322 с.

11. Документы внешней политики СССР : в 24-х т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. – Т. 2. – 804 с.

12. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. – М. : Госуд. издат., 1921. – 43 с.

13. Краснов, В. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления / В. Краснов, В. Дайнес. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 510 с.

14. Польско-советская война 1919–1920 гг. (Ранее не опубликованные документы и материалы) : в 2-х ч. – М. : ИСиБ, 1994. – Ч. 1. – 202 с.

15. Гамулка, К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фармаванняў (1918–1922) / К. Гамулка. – Вільня : ЕГУ, 2008. – 256 с.

16. Лазько, Р.Р. Польска-савецкія мірныя перагаворы 1920 г. і лёс Беларусі / Р.Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 12. – С. 5–11.

17. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1918–1920 гг.) : зб. дакументаў і матэрыялаў : у 4-х т. – Мн. : «Юніпак», 2008. – Т. 1, ч. 2. – 394 с.

18. Wojdyło, W. Traktat w Rydze w koncepcjach obozu narodowego ze szczególnym uwzględnieniem roli Stanislawa Grabskiego / W. Wojdyło // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach. – Toruń : Wydawnictwo naukowe UNK, 1998. – S. 47–61.

19. Польско-советская война 1919–1920 гг. (Ранее не опубликованные документы и материалы) : в 2-х ч. – М. : ИСиБ, 1994. – Ч. 2. – 234 с.

20. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14-ти т. – М. : Издательство «Наука», 1965. – Т. 3 – 609 с.

21. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 607 с.

22. Ладысеў, У.Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. – Мн. : Выд-ва БДУ, 2003. – 307 с.

23. Протокол № 68 от 18 ноября 1920 г. заседания политбюро ЦК РКП(б) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=57995;tab=img0091. – Дата доступа : 16.10.2017.

24. Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 823 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 20.01.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 930. 1 (09) (БЕИ)

Падаткі ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі

А.А. Савіч

У артыкуле даследуецца працэс асэнсавання і асвятлення айчыннай гістарыяграфіяй тэмы падаткаў у Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. Прэзентацыя падаткаабкладання зыходзіла з ідэйна-палітычнай абумоўленасці савецкіх даследаванняў патрэбамі кіраўніцтва савецкай дзяржавы, павярхоўна і тэндэнцыйна падаючы дадзеную сферу сацыяльна-эканамічнай палітыкі Польшчы як інструмент прыгнёту, каланізацыі і апалячвання. Нягледзячы на намаганні айчынных гісторыкаў 1920–1930-х гг. па стварэнні прадметнага даследавання, дадзеная тэма не набыла манаграфічнага адлюстравання ні ў пасляваенны час, ні ў перыяд Рэспублікі Беларусь.
Ключавыя словы: Заходняя Беларусь 1921–1939 гг., падаткі, натуральныя працоўныя павіннасці, гістарыяграфія, даследчыкі, партыйна-дзяржаўная ідэалогія.

The process of comprehension and coverage of the topic of taxes in Western Belarus 1921–1939 by Russian historiography is considered. The presentation of taxation proceeded from the ideological and political conditioning of Soviet studies to the needs of the leadership of the Soviet state, superficially and tendentiously providing this sphere of socio-economic policy of Poland as an instrument of oppression, colonization and polonization. Despite the efforts of domestic historians of the 1920–1930s, this topic did not acquire a monographic reflection either in the post-war period or in the period of the Republic of Belarus.
Keywords: Western Belarus 1921–1939, taxes, natural labor duties, historiography, researchers, party-state ideology.

У тэарэтычна створанай айчыннымі савецкімі гісторыкамі сістэме прычынна-выніковых адносін, якія вялі насельніцтва Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. да сацыялістычнай рэвалюцыі, вырашальнае месца надавалася тэзісу аб невыносна цяжкіх сацыяльна-эканамічных умовах, як выніку акупацыйна-каланіяльнай палітыкі Польшчы. Неабходнасць выяўлення найбольшай колькасці адмоўных рысаў польскага панавання ў Заходняй Беларусі патрабавала ілюстрацыі класава несправядлівага падаткабкладання і наяўнасці разгалінаванай сістэмы натуральных працоўных павіннасцей, якія, паводле марсізму-ленінізму, вымушалі разгляду як базісных сацыяльна-эканамічных паказчыкаў. Адпаведнае навукова-канцэптуальнае бачанне сферы грашова-натуральных павіннасцей абумоўлівала выключна адмоўныя адносіны да падатковай сістэмы як аднаго з механізмаў падпарадкавання і прыгнёту, які дапаўняўся вялікай колькасцю страховак, штрафаў і спагнанняў, адвольна вынесеных «эксплуататарамі». Айчынныя гісторыкі яшчэ ў 1920-я гг. пазначылі дадзеную тэматыку, як адзін з акцэнтаў айчыннай гістарыяграфіі праблемы, аднак далей за назыўное агучванне «варожай сацыяльна-класавай» сутнасці, дыскрымінацыйнага характару польскага падаткаабкладання, вялікай і дакладна нявызначанай колькасці падаткаў справа не пайшла [1, с. 44–45], [2, с. 40–41].

Зыходная зададзенасць і тэндэнцыйнасць падыходаў не садзейнічала аб’ектыўнаму адлюстраванню тэмы, гістарыяграфічная сітуацыя ўскладнялася і недастатковай крыніцавай базай з-за адсутнасці поўных збораў польскай статыстыкі. Пры гэтым важкай, калі не вызначальнай, падставай для абмежавана-адмоўнай ацэнкі сутнасці польскай падатковай сістэмы і апрыёрных заяваў пра непасільны падатковы гнёт стала нежаданне паглыбляцца ў тэму з-за небяспекі атрымання непажаданых вынікаў. Пры прадметна-ўважлівым вывучэнні падатковай сістэмы выяўлялася, што польскія падаткі не з’яўляліся такімі «ўдушлівымі», а падыходы польскіх улад да сферы падаткаабкладання былі дастаткова абачлівымі. Як адзначыў А. Смоліч, у дачыненні да страхавых тарыфаў польскія ўлады зыходзілі з таго, што яны не «павінны быць ня больш даваенных» [2, с. 40].

Вялікую ўвагу айчынных аўтараў да польскай падатковай палітыкі і падатковага цяжару насельніцтва Заходняй Беларусі пацвярджаюць і матэрыялы Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі Інбелкульта – Беларускай акадэміі навук. Аднак выяўленае ў іх

змястоўнае даследаванне, прадметна накіраванае на асэнсаванне падаткаў у Заходняй Беларусі, сваімі асобнымі тэзамі гучала як ідэалагічная дыверсія: «По закону собирается он (падаходны падатак. – *А.С.*) также от сельских хозяев, годичный доход которых превышает 1500 зл. … крестьянские хозяйства с площадью до 15 га не платят этогот налога. Имущественный… оплачиваемый сельскими хозяевами, имущество которых превышает 3 000 зл.» [3, арк. 10, 19]. Атрымлівалася, што вялікія масы заходнебеларускага сялянства, паводле такога кшталту адкрыццяў, увогуле не плацілі зямельнага падатку, што ніяк не магло задаволіць савецкія партыйна-дзяржашныя інстанцыі.

Такога роду складанасці верагодна і сталі прычынай павярхоўнага адлюстравання падатковай сістэмы ў краі. Так, у А. Смоліча намалявана карціна цяжкага жыцця ў выніку праследаванняў і цяжкага эканамічнага і прававога палажэння сялян, якія павінны плаціць падаткі, каб умацаваць фінансы дзяржавы і палітычную сістэму, якая яго гняце і прыціскае. Аўтар, спасылаючыся на газету «Сын Беларуса», прызнае, што памеры падаткаабкладання цяжка выявіць, так як памер падаткаў не ведае добра і сам гаспадар, бо лік іх «вялікі і няўстаўлены», адзначаючы большую прываблівасць царскіх часоў – «да вайны», калі на душу было 30,5 зл. падатку, у той час як у Польшчы стала 41 зл. (каля 15 руб) [2, с. 40–41]. І ў А. Беразоўскага маем спрэчнае сцверджанне пра «надмерна цяжкія падаткі і штрафы… Заходняя Беларусь абложана большымі падаткамі, чым за часы царызму» ў 5–7 разоў, на адну душу насельніцтва ў 1925 г. прыпадала ажно 42 зл. падатку, у той час як да вайны было 30,5 зл. Апрача дзяржаўных аўтар «абклаў» насельніцтва яшчэ шэрагам мясцовых спецыяльных падаткаў, збораў і павіннасцей на ўтрыманне польскіх школ, «спэцыяльных коняй для паездак уладаў», на ўтрыманне і рамонт дарог [4, с. 10]. У іншых працах, як напрыклад у кнізе І.Ф. Лочмеля, у якасці дэкору сярод дзяржаўных і мясцовых збораў названы «капытковыя, рагаткавыя, маставыя, меліярацыйныя, канцалярскія і інш.», селянін павінен быў плаціць у гміну не менш за 2 зл. за «прыкладанне пячаткі», і ўвогуле «селянін кроку не мог ступіць, каб не сплаціць які-небудзь падатак ці збор» [5, с. 122].

Прэзентаваныя колькасныя гістарыяграфічныя факты адлюстроўваюць імкненне гісторыкаў выяўляць выключна негатыўныя бакі сацыяльна-эканамічнага стану сялянства, на якое ўскладваўся асноўны падаткавы цяжар. Паводле Л. Якаўлева, вялікія падаткі, якія «спаганяюцца без усялякай літасці, пад пагрозай канфіскацыі маёмасці і турмы, прымушаюць бядняцка-серадняцкія масы сялянства выкідаць на рынак вялікую колькасць хлеба, цэны на які спекулянтамі штучна заніжаны». Сам жа селянін, прадаўшы хлеб для выплаты падаткаў, вымушаны харчавацца сурагатамі, дамешваючы размолатую кару ды іншыя дамешкі [6, с. 23]. Падатковая палітыка і падатковая сістэма «польскага фашызму», як «палітыкі падрыхтоўкі да ўзброенага нападу на СССР», па меркаванні Л. Гака, займае асаблівае месца ў сістэме прымусу і падпарадкавання, мае выразна класавы характар, галоўны націск «падатковых шруб» накіраваны на «рабочую клясу і бядняцка-серадняцкія масы сялянства». Спасылаючыся на «буржуазную прэсу» ў выглядзе «Кур'ера Віленскага», аўтар прыводзіць прыклады прымусовага спагнання запазычанасці збожжам, падкрэслівае гвалтоўна-тэрарыстычны характар польскай падаткавай сістэмы: «Амаль у кожнай вёсцы на тэрыторыі Ашмянскага і Маладэчанскага паветаў нявыплачаныя падаткі спаганяюцца пры дапамозе судовага выканаўцы… сэквэстратар зрабіўся штодзённым гасьцём у хаце селяніна» [7, с. 57, 58, 61]. Красамоўна і тэндэнцыйна, як невыносны, пададзены гаспадарча-фінансавы стан сялянства Я. Шнейдэрам: «Падатковы гнёт, кабала растаўшчыкоў, даўгі кулаку – усё гэта прымушае сялян адмаўляцца ад ежы, нават ад хлеба, і, выносячы апошняе на рынак, прадаваць. Калі селянін прыязджае на рынак, то і тут ён сустракаецца з перакупшчыкамі, памешчыцка-кулацкім кааператывам, якія за бясцэнак купляюць яго прадукты» [8, с. 18–20].

Не атрымала падатковая праблематыка неабходнай увагі і ў пасляваеннай айчыннай гістарыяграфіі. У ранейшым стылі адлюстроўвалася падатковая палітыка ў Заходняй Беларусі з «нечувана цяжкім падатковым прэсам» (сяляне абцяжараны шматлікімі падаткамі і паборамі, якіх усяго налічвалася каля 80 відаў [9, с. 106]), разам з «нечуванай эксплуатацыяй, цяжкімі ўмовамі працы і нізкімі заробкамі» падавалася сістэма штрафаў і паўфеадальных прымусовых адпрацовак, вялікіх падаткаў і прыцяснення з боку памешчыкаў і асаднікаў, якія асуджалі сялян на галечу і паўгалоднае існаванне [10, с. 33], [11, с. 334–335],

[12, с. 12]. Пры гэтым адзначым разуменне неабходнасці адыходу ад гіпербалізаваных выяваў да некаторай аб'ектывізацыі праблемы шляхам зніжэння завышаных колькасных паказчыкаў падаткаў і збораў. У прыватнасці, аўтарытэтны грамадска-партыйны і навуковы дзеяч, прадстаўнік былога цэнтральнага кіраўніцтва КПЗБ М. Арэхва ў адной з рэцэнзій настойліва рэкамендаваў фразу «число налогов, сборов и штрафов в Польше доходило до 100» апусціць, бо «цифра сомнительная, хотя фигурирует в нашей литературе» [13, арк. 32]. У даследаваннях таго часу ў параўнанні з папярэднім перыядам адбылося некаторае змякчэнне рыторыкі адносна эканамічнай палітыкі польскай улады, якая з мэтай умацавання свайго становішча дапускала «дробныя саступкі на карысць зажытачнай вярхушкі сялян і буржуазіі прыгнечаных нацыянальнасцей». Паводле калектыўнай манаграфіі па гісторыі КПЗБ, урад пайшоў на дробныя саступкі сялянам, прадстаўляў крэдыты на льготных умовах, семянную пазыку, даваў адтэрміноўку па падатках і інш. [11, с. 103–104].

Сучасная айчынная гістарыяграфія прадметна не адзначылася ў вывучэнні тэмы, акцэнтуючы ўвагу на сацыяльна-эканамічных цяжкасцях з-за недахопаў падаткаабкладання ў Заходняй Беларусі [14, с. 360–362], [15, с. 47, 51, 64, 72], [16, с. 59, 65, 66], згадваючы назыўным парадкам прадстаўленне польскім ўрадам істотных палёгкаў дзеля дадатковых капіталаўкладанняў, актывізацыі мясцовай прамысловасці [17, с. 52] і камасацыйных мерапрыемстваў [16, с. 59, 66].

На фоне гэтага адзначым наяўнасць нарматыўна-прававой базы і вялікага масіву архіўных крыніц [18], [19], а таксама грунтоўную распрацоўку падатковай праблематыкі ў польскай гістарыяграфіі яшчэ ў міжваенны час [20], [21], [22]. У параўнанні з адсутнасцю прадметнай увагі да яе ў айчыннай гістарыяграфіі сучасная польская гістарычная навука дэманструе высокі ўзровень асваення гэтай галіны фінансава-эканамічнай сістэмы Польшчы, найперш, дзякуючы працам П. Граты [23], [24], [25], які, выяўляючы галоўныя прыярытэты і цяжкасці польскай улады ў ажыццяўленні падаткаабкладання, пагаджаецца з думкай аб яе складанасці, сацыяльнай неадназначнасці, звязанай з выцягваннем сродкаў з бедных слаёў грамадства [24, s. 151].

Павярхоўнае і тэндэнцыйна-адмоўнае стаўленне сфарміравала айчынная гістарыяграфія і ў дачыненні да шарваркаў – натуральных працоўных павіннасцей і іх ролі ў сацыяльна-эканамічным жыцці Заходняй Беларусі, якія былі істотным механізмам ажыццяўлення значных для грамадства і дзяржавы сацыяльна-эканамічных праектаў. Навуковыя ўяўленні адносна сістэмы шарваркавай павіннасці ў асноўным вызначаліся поглядам на яе як на цяжкую абавязкова-прымусовую, бясплатную адпрацовачную павіннасць, якая адлюстроўвала і пацвярджала класавую сутнасць польскай улады. Пры гэтым айчынныя гісторыкі разыходзіліся адносна зместу і канкрэтыкі шарваркавых павіннасцей [26].

Канстатуючы наяўнасць крыніц нарматыўна-прававой базы шарваркаў у выглядзе статутаў, уставаў і інструкцый міністэрстваў і ведамстваў Польшчы, органаў улады розных узроўняў [27], [28], [29], адзначым, што дакументы не ўтрымліваюць тэрміна «шарварак», у адрозненне ад справаводства на ўзроўні паветаў і гмін. Пры гэтым крыніцавая база перспектыўнага даследавання шарваркаў вызначаецца наяўнасцю ў айчынных архівах вялікага масіву самай разнастайнай інфармацыі як інструктыўнага, нарматыўна-прававога, арганізацыйнага, так і ўлікова-справаздачнага, апісальнага характару выкананых прац. Маючы неаднолькавую ступень захаванасці шарваркавага справаводства і рэпрэзентатыўнасці крыніц па розных рэгіёнах Заходняй Беларусі, трэба адзначыць, што архіўныя дакументы дазваляюць істотна дэталізаваць і ўдакладніць канкрэтыку шарваркавай тэматыкі на ўзроўні асобных адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак, як правіла, гмін ці магістратаў. Шарварак ажыццяўляўся праз выкананне пэўных работ і фінансаванне, памер якіх вызначаўся мясцовымі прадстаўнічымі і выканаўчымі ўладамі, залежыў ад канкрэтных патрэб часу і рэгіянальнай спецыфікі. Удзел у працах мог быць заменены ўнясеннем адпаведных грашовых сум, якія ішлі на аплату правядзення адпаведных работ, гэта стварала магчымасць заробку для зацікаўленага насельніцтва, што ва ўмовах беспрацоўя мела вялікае сацыяльнае значэнне. Шырока агучаныя выпадкі ўдзелу сялян у выкананні адпаведных работ на карысць буйных землеўладальнікаў трэба выносіць за рамкі шарваркаў, бо яны, відавочна, ажыццяўляліся па-за існаваўшым нарматыўна-прававым полем. Дакументы пацвярджаюць

кампетэнцыю павятовых і гмінных улад пры вызначэнні зместу работ і памераў шарваркаў, выяўляюць працягласць працы на шарваркавых аб'ектах, напрыклад, даўжыню, вышыню і шырыню выкананай праезжай часткі, аб'ём прывезенай зямлі і сярэднюю адлегласць яе давозу, колькасць выкарыстаных матэрыялаў і адлегласць іх дастаўкі, выкапаныя і паглыбленыя рвы, збудаваныя новыя і адрамантаваныя старыя масты, адпаведныя паказчыкі меліярацыйных і іншых раброт. Пры гэтым улічваліся нават асобныя нязначныя віды прац, на якія выдаткоўвалі грошы. Распаўсюджаная інфармацыя аб свавольстве цывільных і вайсковых улад у карыстанні фурманкамі таксама патрабуе ўдакладнення, бо мясцовыя ўлады ажыццяўлялі за гэтым адпаведны нагляд. Памер шарваркавай павіннасці залежыў ад памеру і якасці зямельнай маёмасці, большы памер і больш высокая катэгорыя зямельнай уласнасці вымагала ад землеўладальніка большага ўдзелу ў выкананні адпаведных работ у натуральным ці грашовым выглядзе. Шарваркавыя абавязкі маглі быць перагледжаны і скарэктаваны на карысць грамадзян, якія маглі быць вызвалены ад удзелу ў выкананні шарваркавай павіннасці часткова ці цалкам на падставе ўважлівых прычын, якія выкладаліся ў пісьмовых зваротах на імя гміннай адміністрацыі. У выпадку перадачы зямлі ў карыстанне іншай асобе без адпаведнага афармлення падатковы і шарваркавы цяжар неслі юрыдычныя землеўладальнікі, звяртаючыся да гміннай управы з просьбай пераразмеркаваць працоўную павіннасць паміж ім арандатарамі. Ад падводнай павіннасці вызваляліся сяляне, якія аддалі сваіх коней для падрыхтоўкі кракусаў (krakusów) – кавалерыі з мясцовага насельніцтва. Што тычыцца вартавой павіннасці, то не выключаючы прымусова-размеркавальны яе характар, адзначым факты выплаты дарожнымі павятовымі службамі значных сумаў аплат за вартаўніцтва пры правядзенні шарваркавых работ. Наяўныя дакументы не пацвярджаюць інфармацыю аб этнасацыяльнай абумоўленасці і дыскрымінацыйнай сутнасці шарваркавай павіннасці ў дачыненні да беларускага насельніцтва. Адпаведныя абавязкі павінны былі выконваць усе грамадзяне ў незалежнасці ад сацыяльнай і нацыянальнай прыналежнасці [30]–[43]. Шарваркі, як характэрную асаблівасць сацыяльна-эканамічнага жыцця заходнебеларускай вёскі ў складзе Польшчы ў 1920–1930-я гг., трэба разглядаць як грамадзянскі абавязак насельніцтва па ажыццяўленні значных для дзяржавы і грамадства мерапрыемстваў, у т. л. рамонтна-будаўнічых (будаўніцтва і рамонт дарог, мастоў, грэбляў, каналаў, грамадскіх будынкаў і інш.).

Такім чынам, тэма падаткаў у Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., арганізацыі і выканання грамадска і дзяржаўна значных сацыяльна-эканамічных мерапрыемстваў, якія ўвайшлі ў гісторыю як шарваркавая павіннасць, у айчыннай гістарыяграфіі не атрымалі прадметнага асэнсавання. Сёння, ва ўмовах замацавання ў беларускім грамадстве прыярытэтаў прадпрымальніцка-рынкавага характару, на фоне зніжэння ўзроўню кансалідацыі насельніцтва вакол грамадска значных каштоўнасцей і праектаў, дадзеная тэматыка набывае відавочную актуальнасць. Асэнсаванне падаткова-фіскальнай сферы і шарваркавай праблематыкі выяўляе высокую ступень адказнасці і ініцятывы мясцовых органаў і заходнебеларускага грамадства ў цэлым па арганізацыі мерапрыемстваў, накіраваных на ўдасканаленне гаспадарчага і сацыякультурнага жыцця, у тым ліку фінансаванне адпаведных праектаў за кошт мясцовых сродкаў. Як паказваюць крыніцы, гмінныя ўлады – рады і ўправы – мелі вялікія паўнамоцтвы, звязаныя ў першую чаргу з гаспадарча-эканамічнымі магчымасцямі, у тым ліку пры вызначэнні памераў мясцовых падаткаў, натуральных працоўных павіннасцей. Аналіз архіўных дакументаў дае падставы для істотнага ўдакладнення выяўленага негатыўна-скептычнага стаўлення савецкіх гісторыкаў у дачыненні да мясцовага самакіравання і пераканання ў канструктыўным стаўленні розных кіруючых інстанцый да мясцовага самакіравання і яго суб'ектаў.

Літаратура

1. Лучанін, М. Заходняя Беларусь пад панаваньнем Польшчы / М. Лучанін. – Мн. : Беларус. дзярж. выд., 1926. – 56 с.

2. Смоліч, А. Сялянства Заходняй Беларусі / А. Смоліч // Заходняя Беларусь : зборнік. – Мн. : Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925. – С. 31–42.

3. Цэнтральны навуковы архіў НАН Б. – Фонд 68. – Воп. 1. – Спр. 2.

4. Беразоўскі, А. Заходняя Беларусь пад пятой польскіх акупантаў (За што Пілсудзкі разграміў Грамаду) / А. Беразоўскі. – Мн. : Выд-ва ЦК МОПР БССР, 1928. – 45 с.

5. Лочмель И.Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М. : Воениздат, 1940. – 163 с.

6. Якаўлеў, Л. Заходняя Беларусь / Л. Якаўлеў. – Мн. : Беларус. дзярж. выд-ва, 1931. – 88 с.

7. Гак, Л. Аграрная палітыка польскай буржуазіі ў Заходняй Беларусі / Л. Гак. – Мн. : Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі. Партмассэктар, 1933. – 95 с.

8. Шнейдер, Я. Очерк размещения промышленности Западной Белоруссии / Я. Шнейдер. – Мн. : Изд-во Академии наук, 1936. – 104 с.

9. В.І. Ленін і І.В. Сталін – арганізатары Беларускай Совецкай Соцыялістычнай Рэспублікі / Е. Карнейчык, Ф. Папоў, М. Шкляр ; пад рэд. І. Чымбурга ; Ін-т гісторыі партыі ЦК КП(б) Беларусі – Філ. Ін-та Маркса – Энгельса – Леніна пры ЦК ВКП(б). – Мн. : Дзярж. выд-ва БССР, 1949. – 228 с.

10. Полуян, В.А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. / В.А. Полуян, И.В. Полуян. – Мн. : Госиздат, 1962. – 222 с.

11. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / А.Н. Мацко [и др.] ; под ред. А.Н. Мацко, В.Е. Самутина. – Мн. : Беларусь, 1966. – 403 с.

12. Палуян, У.А. Беларуская сялянска-рабочая Грамада / У.А. Палуян. – Мн. : Навука і тэхніка, 1967. – 224 с.

13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 1440. – Воп. 3. – Спр. 1103.

14. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.

15. Вайцешчык, Г.С. Мястэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё : дыс. ... канд. гіст. Навук : 07.00.02 / Г.С. Вайцешчык ; БДПІ імя М. Танка. – Мн., 2013. – 198 с.

16. Гарматны, В.П. Правядзенне камасацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.02 / В.П. Гарматны ; БДУ. – Мн., 2016. – 192 с.

17. Сямёнчык, М.Б. Эканамічная палітыка Польшчы ў Заходняй Беларусі / М.Б. Сямёнчык // Шлях у навуку : матэрыялы 7-й рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 40-годдзю студ. навук.-краязн. гуртка ГрДУ ім. Я. Купалы, 31 мая 1995 г. / Гродз. дзярж. ун-т ; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Мн. : БелНДІДАС, 1997. – С. 49–53.

18. Archiwum Państwowe w Białymstoku (APB). – Zesp. 53. – Sign. 290.

19. APB. – Zesp. 53. – Sign. 291.

20. Kubicki, T. Rozwoj podatku dochodjwego w Polsce / T. Kubicki. – Warszawa : Nakładem Wyższej szkoły handlowej w Wfrszawie, 1930. – 71 s.

21. Michalski, P. Podatki bezpośrednie w Polsce w okresie pięciolecia 1918–1923 / Praca dyplomowa P. Michalskiego. – Warszawa : Nakładem Stowarzyszenia Urzędników Skarbowych Rzeczypospolitej Polskiej, 1924. – 201 s.

22. Michalski, P. Podatki bezpośrednie w Polsce z uwzględnieniem ustawodawstwa zagranicznego / P. Michalski. – Warszawa : Nakładem Sekcji Wydawniczej Towarzystwa Bratnia Pomoc Studentów Wolnej Wszechnicy Polskiej, 1930. – 319 s.

23. Grata, P. Podatki pośrednie w Drugiej Rzeczypospolitej / P. Grata // Z podatkiem przez wieki. Studia Historica Gedanensia. – 2015. – T. VI. – S. 135–163.

24. Grata, P. Polityka podatkowa II Rzeczypospolitej. Zarys problematyki / P. Grata // Rocznikidzieów społecznych i gospodarczych. –2012. –Tom LXXII. – S. 129–153.

25. Grata, P. Polityka podatkowa wicepremiera i ministra skarbu Eugeniusza Kwiatkowskiego w latach 1935–1939 / P. Grata // Humanities and Social Sciences. Quarterly, Volume XIX (January–March). Research Journal 21. – 2014. – № 1. – S. 23–46.

26. Савіч, А.А. Шарваркі ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у кантэксце гістарыяграфічнага асэнсавання / А.А. Савіч // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. – Мн. : БДУ, 2016. – Вып. 11. – С. 147–157.

27. Ustawa z dnia 10 grudnia 1920 r. o dostarczaniu środków przewozowych do budowy i utrzymania dróg publicznych i mostów // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1920. – № 6. – S. 67–69.

28. Ustawa z dnia 10 grudnia 1920 r. o budowie i utrzymaniu dróg publicznych w Rzeczypospolitej Polskiej // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1920. – № 6. – S. 70–76.

29. Ustawa z dnia 26 marca 1935 r. o świadczeniach w naturze na niektórze cele publiczne // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1935. – № 27. – S. 471–473.

30. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Фонд 26. – Воп. 1. – Спр. 37.
31. ДАБр. – Фонд 28. – Воп. 1. – Спр. 45.
32. ДАБр. – Фонд 28. – Воп. 1. – Спр. 62.
33. ДАБр. – Фонд 28. – Воп. 1. – Спр. 93.
34. ДАБр. – Фонд 28. – Воп. 1. – Спр. 186.
35. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГр). – Фонд 103. – Воп. 1. – Спр. 9.
36. ДАГр. – Фонд 57. – Воп. 1. – Спр. 30.
37. ДАГр. – Фонд 57. – Воп. 1. – Спр. 139.
38. ДАГр. – Фонд 57. – Воп. 1. – Спр. 188.
39. ДАГр. – Фонд 57. – Воп. 1. – Спр. 194.
40. ДАГр. – Фонд 57. – Воп. 1. – Спр. 199.
41. ДАГр. – Фонд 57. – Воп. 1. – Спр. 210.
42. ДАГр. – Фонд 57. – Воп. 1. – Спр. 214.
43. ДАГр. – Фонд 57. – Воп. 1. – Спр. 217.

Брестский государственный
университет им. А.С. Пушкина

Поступила в редакцию 09.03.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 94:316.344.24:316.334.55(476.2+470+477) «193»

Новые социальные группы в составе населения белорусско-российско-украинского пограничья (по материалам переписи 1939 г.)

М.И. Старовойтов

В статье впервые в белорусской историографии на основе новых архивных источников, которые вводятся в научный оборот впервые, дана количественная и социокультурная характеристика пенсионеров и стипендиатов как новых социальных групп пограничья, зафиксированных переписью населения 1939 г. Анализ оригинальных документов переписи позволил установить и дополнить новыми элементами социальную структуру населения БРУП и, прежде всего, БССР. Автор приходит к выводу, что в конце 1930-х годов в результате советской мобилизационной модернизации всех сторон жизни общества наметилась тенденция существенных изменений в социальном облике населения. Это подтверждается появлением таких новых социальных групп, как пенсионеры и стипендиаты, которые расширяли всю социальную палитру общества.
Ключевые слова: социальная структура, общественные/социальные группы, пенсионеры, стипендиаты, белорусско-российско-украинское пограничье.

For the first time in Belarusian historiography, quantitative, gender, demographic and socio-cultural characteristics of pensioners and scholarship holders as new social groups of the border region are given on the basis of declassified archival sources. Comparative analysis of the population census of 1939 original documents allowed us to establish and add new elements to the social structure of the border region population and, above all, the BSSR. The author concludes that as a result of the Soviet mobilization modernization of all aspects of society in the late 1930s, there was a trend of significant changes in the social appearance of the population. This is confirmed by the appearance of new social groups that expanded the social palette of society.
Keywords: social structure, public/social groups, pensioners, scholarship holders, Belarusian-Russian-Ukrainian border area.

Необходимость изучения обозначенной темы вызвана глобальными переменами, происходящими в современном обществе. Социально-экономическая модель развития Республики Беларусь предполагает изменения в социальной структуре и социальной политике, связанные с реформированием страны и необходимостью адаптации населения к новым ценностям и стандартам жизни. Понять проблемы, трудности, необходимость решения новых задач, избежать ошибок предшествующего периода позволяет обращение к советскому периоду истории Беларуси, когда произошли существенные изменения в социальной структуре и социальной политике, которая приобрела исключительно государственный характер. Раздельное изучение разных социальных групп с научной точки зрения позволяет дать адекватную и целостную характеристику всего облика социума. Это имеет важное научное и практическое значение. Компаративистский подход к исследованию обозначенной темы на примере населения белорусско-российско-украинского пограничья (БРУП) позволяет установить общее и особенное в изменившейся социальной структуре населения БССР в конце 1930-х годов, что и является целью данной статьи. Важнейшей источниковой базой стали рассекреченные материалы переписи населения 1939 г. В отечественной и зарубежной историографии в данном контексте обозначенная тема не ставилась и не рассматривалась. Систематизация и анализ оригинального документального материала, представленного в виде составленных автором таблиц, позволяет с учетом объема публикации некоторым образом восполнить имеющийся пробел.

Советская мобилизационная модернизация всех сторон жизни общества в 1920–1930-е гг. положила начало многим процессам, затронувшим социальную структуру населения бывшего СССР, союзных республик и регионов. Не вдаваясь в дискуссию о проблемах пенсионного и стипендиального обеспечения нуждающегося населения, отметим следующее.

По данным переписи нами установлено, что социальная структура представлена как общественные группы: рабочие, служащие, колхозники, кооперированные кустари, некооперированные кустари, крестьяне-единоличники. В каждой из них была выделена следующая классификация: имеющие занятия; члены семьи, занятые в подсобном сельском хозяйстве; иждивенцы отдельных лиц; пенсионеры; стипендиаты; прочие и нераспределенные. Эти данные отражают распределение населения и по общественным группам, и по источникам средств существования. Впервые эта перепись выделяет пенсионеров и стипендиатов, т. е. в социальной структуре появляются две новые самостоятельные социальные/общественные группы.

В соответствии с политическими и социально-экономическими задачами государства, с учетом имеющихся финансовых возможностей организовывалось и пенсионное обеспечение в СССР. После гражданской войны первоочередное внимание уделялось раненым красноармейцам, а с начала 1930-х гг. фабрично-заводским рабочим, а затем и служащих, решавшим задачи индустриализации. Как известно, до 1965 г. государственного пенсионного обеспечения колхозников не существовало. В соответствии с Примерным уставом сельскохозяйственной артели 1935 г. колхозы получили право выделять определенные средства из создаваемых фондов помощи инвалидам, старикам, временно потерявшим трудоспособность, нуждающимся семьям красноармейцев, на содержание сирот.

В таблице 1 [1, л. 5], [2, л. 5], [3, л. 5], [4, л. 5], [5, л. 5], [6, л. 5] в верхней строке представленные данные, отражающие количественные показатели по пенсионерам, а в нижней – по стипендиатам. Они дают адекватное представление о реальном распределении этой категории населения, подтверждающем существовавшую государственную социальную политику.

Таблица 1 – Социальный состав пенсионеров* и стипендиатов** БРУП в 1939 г. (абс.)

Общественные группы	Городское			Сельское			Все население		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Витебская область									
Рабочие	1 926	2 796	4 722	640	422	1 062	2 566	3218	5 784
	1 376	1 360	2 736	90	84	174	1 466	1 444	2 910
Служащие	468	893	1 361	176	184	360	644	1 077	1 721
	1 093	1 144	2 237	94	65	159	1 187	1 209	2 396
Колхозники	15	19	34	218	124	342	233	143	376
	3 452	3 640	7 182	617	399	1 016	4 159	4 039	8 198
Коопкустари	43	48	91	6	7	13	49	55	104
	78	85	163	4	–	4	82	85	167
Некоопкустари	8	12	20	2	2	4	10	14	24
	17	21	38	1	3	4	18	24	42
Единоличники	4	3	7	50	44	94	54	47	101
	98	84	182	18	11	29	116	95	211
Гомельская область									
Рабочие	1 641	1 985	3 626	423	289	712	2 064	2 274	4 338
	1 266	924	2 190	110	62	172	1 376	986	2 362
Служащие	452	726	1 178	142	99	241	594	825	1 419
	977	925	1 902	68	41	109	1 045	966	2 011
Колхозники	6	11	17	110	62	172	116	73	189
	2 324	1 977	4 301	316	158	474	2 640	2 135	4 775
Коопкустари	31	36	67	4	3	7	35	39	74
	65	54	119	3	4	7	68	58	126
Некоопкустари	8	7	15	2	4	6	10	11	212
	11	9	20	–	2	2	11	11	22
Единоличники	2	3	5	30	13	43	32	16	48
	171	201	372	35	16	51	206	217	423
Орловская область									
Рабочие	4 575	6 576	11151	2 502	1 701	4 203	7 077	8 277	15354
	3 176	2 128	5 304	340	208	548	3 516	2 336	5 852
Служащие	1 374	2 564	3 938	498	566	1 064	1 872	3 130	5 002
	2 527	2 456	4 983	217	139	356	2 744	2 595	5 339
Колхозники	19	21	40	731	630	1 361	750	651	1 401
	6 919	4 854	11773	796	514	1 310	7 715	5 368	13083

Окончание таблицы 1

Коопкустари	72	82	154	25	13	38	97	95	192
	73	125	198	7	4	11	80	129	209
Некоопкустари	5	13	18	3	1	4	8	14	22
	28	43	71	5	2	7	33	45	78
Единоличники	2	6	8	80	101	181	82	107	189
	145	92	237	19	5	24	164	97	261
Смоленская область									
Рабочие	2 686	5 215	7 901	2 005	1 611	3 616	4 691	6 826	11 517
	2 442	2 030	4 472	227	200	427	2 669	2 230	4 899
Служащие	960	1 714	2 674	497	549	1 046	1 457	2 263	3 720
	2 132	2 445	4 577	159	138	297	2 291	2 583	4 874
Колхозники	11	22	33	679	549	1 228	690	571	1 261
	3 714	3 621	7 335	913	654	1 567	4 627	4 275	8 902
Коопкустари	66	38	104	19	13	32	85	51	136
	81	112	193	6	1	7	87	113	200
Некоопкустари	4	9	13	10	5	15	14	14	28
	18	30	48	3	1	4	21	31	52
Единоличники	–	9	9	104	160	264	104	169	273
	94	75	169	18	7	25	112	82	194
Житомирская область									
Рабочие	1 001	1 315	2 316	409	256	665	1 410	1 571	2 981
	808	917	1 725	110	54	164	918	971	1 889
Служащие	348	697	1 045	173	198	371	521	895	1 416
	994	1 199	2 193	159	65	224	1 153	1 264	2 417
Колхозники	22	22	44	325	175	500	347	197	544
	2 406	3 085	5 491	1 074	464	1 533	3 480	3 549	7 029
Коопкустари	40	30	70	15	5	20	55	35	90
	62	106	168	6	2	8	68	108	176
Некоопкустари	20	25	45	12	10	22	32	35	67
	16	20	36	2	–	2	18	20	38
Единоличники	1	2	3	34	16	50	35	18	53
	11	9	20	1	2	3	12	11	23
Черниговская область									
Рабочие	1 041	1 334	2 375	536	353	889	1 577	1 687	3 264
	655	755	1 410	74	51	126	729	806	1 535
Служащие	586	1 108	1 694	242	246	488	828	1 354	2 182
	804	929	1 733	90	88	178	894	1 017	1 911
Колхозники	32	23	55	428	246	674	460	269	729
	3 143	3 156	6 299	591	404	995	3 734	3 560	7 294
Коопкустари	41	55	96	4	9	13	45	64	109
	52	75	127	–	11	11	52	86	138
Некоопкустари	17	35	52	2	5	7	19	40	59
	9	13	22	1	–	1	10	13	23
Единоличники	3	3	6	42	45	87	45	48	93
	77	76	153	5	7	12	82	83	165

Примечание: *) – первая строка данные о пенсионерах; **) – вторая – стипендиатах.

Порядок назначение и размеры стипендий для учащихся вузов, техникумов и рабфаков для различных факультетов, дневной и вечерней форм обучения был определен постановлением ЦИК и СНК СССР в 1931 г. Увеличение количества студентов и учащихся из числа колхозной молодежи в педагогических, сельскохозяйственных, медицинских, культурно-просветительных и других учебных заведениях позволяло наращивать необходимый кадровый потенциал села. Многие их них получали стипендию в соответствующем порядке. Кроме того, в указанном выше уставе сельхозартели предусматривалось выделения средств на подготовку бригадиров, трактористов, комбайнеров, шоферов, ветеринарных фельдшеров и санитаров, работников хат-лабораторий и др. Все это привело к значительному увеличению стипендиатов среди колхозников, что хорошо представлено в таблице 1.

Таблица 2 – Распределение пенсионеров БРУП по полу и возрасту в 1939 г. (абс.).

Пол	Возрастные группы*									
	До 7	8–11	12–14	15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60**	Всего
Витебская область										
Муж.	22	31	37	49	184	289	465	728	1 752	3 557
Жен.	29	35	42	41	253	420	621	1 120	2 001	4 562
Всего	51	66	79	90	437	709	1086	1 848	3 753	8 119
Гомельская область										
Муж.	17	23	38	30	119	145	325	569	1 587	2 853
Жен.	8	23	45	24	111	322	466	845	1 395	3 239
Всего	25	46	83	54	230	467	791	1 414	2 982	6 092
Могилевская область										
Муж.	27	22	22	28	123	218	346	525	1 342	2 653
Жен.	24	19	31	32	121	247	393	754	1 167	2 788
Всего	51	41	53	60	244	465	739	1 279	2 509	5 441
Полесская область										
Муж.	3	5	6	10	25	52	87	102	355	645
Жен.	8	8	9	7	24	49	73	117	306	601
Всего	11	13	15	17	49	101	160	219	661	1 246
Орловская область										
Муж.	203	294	294	211	437	837	1 203	2 099	4 326	9 904
Жен.	213	280	297	187	451	1 079	1 529	3 035	5 226	12297
Всего	416	574	591	398	888	1 916	2 732	5 134	9 552	22201
Смоленская область										
Муж.	91	150	152	145	277	544	887	1 551	3 268	7 065
Жен.	121	157	183	145	283	638	1 238	2 562	4 579	9 906
Всего	212	307	335	290	660	1 182	2 125	4 113	7 847	16971
Житомирская область										
Муж.	15	25	33	26	144	211	350	393	1 215	2 412
Жен.	18	33	31	28	115	270	400	699	1 162	2 756
Всего	33	58	64	54	259	481	750	1 092	2 377	5 168
Киевская область										
Муж.	78	87	130	116	446	838	1 147	1 890	5 110	9 842
Жен.	87	89	139	115	516	983	1 527	3 500	7 082	14038
Всего	165	176	269	231	962	1 821	2 674	5 390	12192	23880
Черниговская область										
Муж.	39	47	53	58	125	260	393	513	1 499	2 987
Жен.	43	45	76	56	142	260	413	809	1 638	3 482
Всего	82	92	129	114	267	520	806	1 322	3 137	6 469

Примечание: *) – так даны возрастные группы в документах переписи; **) – 60 лет и старше

Таблица 3 – Распределение пенсионеров БРУП по полу и возрасту* в 1939 г. (%)

Пол	Возрастные группы*									
	До 7	8–11	12–14	15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60**	Всего
Витебская область										
Муж.	0,6	0,9	1,0	1,4	5,2	8,1	13,1	20,5	49,2	100
Жен.	0,6	0,8	0,9	0,9	5,5	9,2	13,6	24,6	43,9	100
Всего	0,6	0,8	1,0	1,1	5,4	8,7	13,4	22,8	46,2	100
Гомельская область										
Муж.	0,6	0,8	1,3	1,1	4,2	5,1	11,4	19,9	55,6	100
Жен.	0,2	0,7	1,4	0,7	3,4	9,9	14,4	26,2	43,1	100
Всего	0,4	0,7	1,4	0,9	3,8	7,7	13,0	23,2	48,9	100
Могилевская область										
Муж.	1,0	0,8	0,8	1,1	4,6	8,2	13,1	19,8	50,6	100
Жен.	0,9	0,7	1,1	1,1	4,3	8,9	14,1	27,0	41,9	100
Всего	0,9	0,8	1,0	1,1	4,5	8,5	13,6	23,5	46,1	100
Полесская область										
Муж.	0,5	0,8	0,9	1,5	3,9	8,1	13,5	15,8	55,0	100
Жен.	1,3	1,3	1,5	1,2	4,0	8,2	12,1	19,5	50,9	100
Всего	0,9	1,0	1,2	1,4	3,9	8,2	12,8	17,6	53,0	100

Окончание таблицы 3

Орловская область										
Муж.	2,0	3,0	3,0	2,1	4,4	8,5	12,1	21,2	39,0	100
Жен.	1,7	2,3	2,4	1,5	3,7	8,8	12,4	24,7	42,5	100
Всего	1,9	2,6	2,7	1,8	4,0	8,6	12,3	23,1	43,0	100
Смоленская область										
Муж.	1,3	2,1	2,2	2,1	3,9	7,7	12,6	21,9	46,2	100
Жен.	1,2	1,6	1,8	1,5	2,9	6,4	12,5	25,9	46,2	100
Всего	1,3	1,8	2,0	1,7	3,3	7,0	12,5	24,2	46,2	100
Житомирская область										
Муж.	0,6	1,0	1,4	1,1	6,0	8,7	14,5	16,3	50,4	100
Жен.	0,7	1,2	1,1	1,0	4,2	9,8	14,5	25,4	42,1	100
Всего	0,6	1,2	1,2	1,0	5,0	9,3	14,5	21,2	46,0	100
Киевская область										
Муж.	0,8	0,9	1,3	1,2	4,5	8,5	11,7	19,2	51,9	100
Жен.	0,6	0,6	1,0	0,8	3,7	7,0	10,9	24,9	50,5	100
Всего	0,7	0,7	1,1	1,0	4,0	7,6	11,2	22,7	51,0	100
Черниговская область										
Муж.	1,3	1,6	1,8	1,9	4,2	8,7	13,2	17,2	50,1	100
Жен.	1,2	1,3	2,2	1,6	4,1	7,5	11,9	23,2	47,0	100
Всего	1,3	1,4	2,0	1,8	4,1	8,0	12,5	20,4	48,5	100

Примечание: *) – так даны возрастные группы в документах переписи; **) – 60 лет и старше

В таблицах 2 и 3 [1, лл. 10–15], [2, лл. 10–15], [3, лл. 10–15], [7, лл. 10–15], [8, лл. 10–15], [4, лл. 11–16], [9, лл. 10–15], [5, лл. 10–15], [6, лл.10–15] представлены все возрастные группы пенсионеров в абсолютных и относительных показателях, что позволяет выделить следующую тенденцию. Более значительный прирост количества пенсионеров наблюдался во всех областях БРУП с возрастных групп 50–59 лет и 60 лет и старше, т. е. это были пенсионеры по возрасту. В предшествующих возрастных группах представлены пенсионеры по различным социальным причинам или инвалидности.

В таблице 4 [1, лл. 10–15], [2, лл. 10–15], [3, лл. 10–15], [7, лл. 10–15], [8, лл. 10–15], [4, лл. 11–16], [9, лл. 10–15], [5, лл. 10–15], [6, лл.10–15] мы специально выделили эти три основные возрастные группы стипендиатов, т.к. в возрастных группах 12–14 и 40–49 лет их было по несколько десятков человек. По 2–4 человека (в основном или только мужчины) стипендиатов выявлено в возрастной группе 50–59 лет. Как видим, абсолютное большинство стипендиатов приходилось на молодежь в возрасте 15–29 лет, что свидетельствовало о целенаправленной государственной политике на повышение общего и профессионального образования молодежи, особенно сельской.

Таблица 4 – Распределение стипендиатов БРУП по полу и возрасту в 1939 г. (абс. и %)

Пол	Витебская область			Гомельская область			Могилевская область		
	15–19	20–29	30–39	15–19	20–29	30–39	15–19	20–29	30–39
Муж.	4 383	2 415	184	3 152	2 046	133	3 550	1 922	168
	62,3	34,3	2,6	58,8	38,2	2,5	62,3	33,8	3,0
Жен.	5 480	1 303	73	3 510	779	54	5 853	1 001	49
	79,3	18,8	1,1	80,2	17,8	1,2	84,0	14,4	0,7
Оба пола	9 863	3 718	257	6 662	2 825	187	9 403	2 923	217
	70,7	26,6	1,8	68,4	29,0	1,9	74,3	23,1	1,7
	Полесская область			Орловская область			Смоленская область		
Муж.	383	224	28	8 675	4 934	542	5 240	3 891	579
	59,7	34,9	4,4	60,8	33,9	3,8	53,3	39,6	5,9
Жен.	518	48	–	8 463	1 857	130	6 570	2 511	203
	91,0	8,5	–	79,9	17,5	1,2	70,4	26,9	2,2
Оба пола	901	272	28	17 138	6 691	672	11 810	6 402	782
	74,5	22,5	2,3	68,9	27,0	2,7	61,6	33,4	4,1
	Житомирская область			Киевская область			Черниговская область		
Муж.	3 575	1 835	190	11963	13485	1 792	3 340	1 942	174
	63,2	32,4	3,4	43,9	49,0	6,5	60,6	35,2	3,2

Окончание таблицы 4

Жен.	4 914	882	65	14 401	7 334	653	4 473	979	58
	82,8	14,9	1,1	63,6	32,5	2,9	80,2	17,5	1,1
Оба пола	8 489	2 717	255	26 364	20 819	2 445	7 813	2 921	232
	73,3	23,4	2,2	52,6	41,6	4,9	70,6	26,3	2,1

Нами установлено, что во всех областях БРУП стипендиаты имели 100 % грамотность. Показатели грамотности пенсионеров, представленные в таблице 5 [1, лл. 16–18], [2, лл. 16–18], [3, лл. 16–18], [7, лл. 16–18], [8, лл. 16–18], [4, лл. 17–19], [9, лл. 16–18], [5, лл. 16–18], [6, лл. 16–18], отражают не только возрастной фактор, но и уровень индустриального развития конкретной области, влиявший на численность пенсионеров среди рабочих и служащих, грамотность и образование которых было выше, чем у остальных общественных групп.

Таблица 5 – Грамотность пенсионеров БРУП в 1939 г. (%)

Городское население			Сельское население			Все население		
Муж.	Жен.	Оба*	Муж.	Жен.	Оба*	Муж.	Жен.	Оба*
Витебская область								
84,1	62,9	73,1	74,9	43,3	61,7	81,3	59,5	69,0
Гомельская область								
87,9	63,4	74,1	83,6	43,9	67,8	86,8	60,6	72,8
Могилевская область								
83,4	60,3	70,5	75,4	41,9	62,3	80,8	56,6	68,4
Полесская область								
81,1	58,3	68,8	72,3	42,5	60,4	76,8	52,6	65,2
Орловская область								
88,6	60,8	71,7	82,5	42,2	64,9	86,3	56,4	69,7
Смоленская область								
89,8	60,0	70.4	78,9	38,7	60,2	84,7	53,9	66,7
Житомирская область								
82,7	62,3	70,6	78,0	44,2	64,4	80,8	58,0	68,7
Киевская область								
92,6	73,0	80,4	86,9	52,7	73,7	91,3	71,0	79,3
Черниговская область								
90,4	66,8	76,3	86,9	49,4	71,2	88,9	62,3	74,6

Примечание: *) – оба пола.

Из особенностей количественной и качественной характеристики пенсионеров и стипендиатов следует отметить, что в Полесской области уровень грамотности пенсионеров был самым низким как в белорусской составляющей, так и в целом по БРУП. Эта область имела самое меньшее количество пенсионеров и стипендиатов, что связано не только с меньшей численностью населения, но и с самым низким уровнем ее промышленного и культурного развития и в БССР, и в БРУП.

Представленные и кратко проанализированные количественные данные о пенсионерах и стипендиатах в социальном и гендерно-демографическом аспектах позволяет считать, на наш взгляд, что в конце 1930-х гг. их наличие, хотя и небольшое, можно рассматривать как новые социальные группы в социальной структуре населения БРУП, т. е. более расширено рассматривать его социальный облик. Распределение пенсионеров и стипендиатов по социально-классовому составу/общественным группам позволило установить, что абсолютное и относительное большинство всех категорий пенсионеров было среди рабочих и служащих, а примерно половина и более стипендиатов было среди колхозников, что отражало государственную социальную политику в этой сфере.

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года Витебская область // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 547.

2. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Гомельская область // РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Житомирская область // РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Орловская область // РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 489.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Смоленская область // РГАЭ. – Фонд 562. – Оп. 336. – Д. 497.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Черниговская область // РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 545.
7. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Киевская область // РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 533.
8. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Могилевская область // РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 551.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Полесская область // РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 552.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.11.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 94:314.15-054.73(=162.1):94(476.2)"1939-1941"

Беженцы из Польши в БССР на Гомельщине (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.)

Д.М. Толочко

В статье рассматривается проблематика беженцев из Польши на Гомельщине в сентябре 1939 – июне 1941 гг. Автор приходит к вывод, что для многих польских беженцев, прибывших в регион, приспособление к советской действительности проходило очень сложно. Это объяснялось тем, что местные власти не смогли обеспечить всех нуждающихся работой по специальности, жильем, средствами к существованию. Как следствие имели место такие факты, как бегство беженцев в оккупированную Германией Польшу, антисоветские высказывания.
Ключевые слова: продовольствие, трудоустройство, беженцы, граница, промтовары, размещение.

The problems of refugees from Poland in the Gomel region in September 1939 – June 1941 are discussed. The author concludes that for many Polish refugees who arrived in the region, adaptation to Soviet reality was very difficult. This was explained by the fact that local authorities could not provide all those in need with work in their specialty, housing, and livelihoods. As a result, there were such facts as refugees fleeing to Poland occupied by Germany, anti-Soviet statements.
Keywords: food, employment, refugees, border, manufactured goods, accommodation.

В сентябре 1939 г. произошло судьбоносное событие в истории белорусского народа – его объединение в едином государстве. Последнее, в свою очередь, оказалось лишь фрагментом огромного комплекса сложных и драматических событий, связанных с началом второй мировой войны. Среди этих событий и драма беженцев из Польши, хлынувших на восток в сентябре 1939 г. и оказавшихся на территории Советской Беларуси. Накануне Великой Отечественной войны эти люди оказали значительное влияние на формирование здесь социально-политической и социально-экономической ситуации.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. И хотя после ввода советских войск на территорию Польши 17 сентября 1939 г. значительная часть потока повернула в Румынию и Литву, мощный приток беженцев в Западную Беларусь и Западную Украину привел к значительному увеличению численности населения в этих регионах.

В сентябре 1939 г. войска Красной Армии, как правило, не препятствовали переходу беженцев на советскую сторону. Можно полагать, что военное командование Красной Армии просто не имело инструкций на этот счёт. Ситуация коренным образом изменилась в октябре 1939 г. 1 октября 1939 г. части Красной Армии получили приказ, в котором предусматривалось «не пропускать беженцев с Запада» [1, с. 364]. Более того, беженцы с германской стороны стали квалифицироваться как нарушители границы, и советские пограничные части стали задерживать этих людей. Большинство нарушителей границы были осуждены Особым совещанием на 3 года заключения. Несмотря на это, беженцы продолжали, хотя и в меньшем количестве, нелегально прибывать на территорию Западной Беларуси вплоть до конца года. Это объяснялось тем, что на протяжении сентября–декабря 1939 г. перейти советско-германскую границу особой сложности не представляло. Только в конце феврале 1940 г. в специальной телеграмме на имя И. фон Риббентропа и В.М. Молотова руководители немецкой и советских делегаций по проблеме советско-германской границы сообщили об окончании процесса её демаркации [2, с. 62].

Сведения об общей численности беженцев, оказавшихся к декабрю 1939 г. на территории Западной Беларуси, противоречивы. Существующие в белорусской и зарубежной историографии суммарные оценки разнятся от 70 до 130 тысяч человек. По нашим подсчётам к концу 1939 г. в западные области Беларуси прибыло порядка 125–126 тыс. беженцев из Польши [3, с. 23].

Подавляющее большинство из них составляли представители еврейской национальности. Следующую наиболее значительную национальную группу беженцев составляли поляки. Уже в начале сентября 1939 г. правительство Польши начало проводить массовую эвакуацию гражданского населения на восток страны. Следует отметить, что отдельные беженцы-поляки сознательно скрывали свою национальность. Они хорошо понимали, что документальное свидетельство польского происхождения ничего другого, кроме проблем и опасности для жизни, принести не может.

Кроме того, беженцы нередко пытались скрыть свою национальность, социальную принадлежность. В тех условиях это не составляло большого труда, так как большинство беженцев не имели никаких документов вообще [4, л. 14].

Вопрос о размещении и устройстве беженцев первоначально находился исключительно в ведении администрации новых областей Западной Беларуси. Руководство БССР вовсе не придавало этим вопросам должного значения. Так, 4 октября 1939 г. во время совещания руководства республики с председателями временных управлений Западной Беларуси секретарь ЦК Компартии Беларуси Пантелеймон Пономаренко указал, что беженцы будут сами «рассасываться по Западной Беларуси…» [5, л. 19].

Однако местные власти не могли оставить без внимания столь большие группы людей. Для решения вопроса с беженцами в городах и областных центрах Западной Беларуси были созданы специальные местные комиссии, которые, однако, не имели ни сил не средств для решения проблемы. Сложность ситуации сознавала как местная гражданская администрация, так и командование воинских частей, которые дислоцировались в Западной Беларуси. Они неоднократно пытались воздействовать на республиканское руководство для того, чтобы переместить часть беженцев за пределы перенаселенной Западной Беларуси.

Наконец, 14 октября 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло решение обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой разместить на территории восточных областей Беларуси 20 тысяч беженцев.

Заручившись поддержкой Центра, белорусские власти создали специальную комиссию под председательством Горина, которая должна была организовать общий учет беженцев, проследить за перемещением части из них в восточные области республики, за их расселением и трудоустройством. Однако, несмотря на принятые меры, руководство восточных областей БССР (особенно Витебской, Гомельской и Могилевской областей) не спешило приступить к реализации этих программ, и в эти регионы беженцы, во всяком случае, в официальном порядке, вовсе не переезжали.

Так, уполномоченный ЦК КП(б)Б в Гомельской области по проверке размещения беженцев Дегтярев отмечал в докладной: «…Гомельский ОК КП(б)Б от организации приема и размещения беженцев самоустранился. Вся работа передоверена работникам оргкомитета и горкома КП(б)Б. В состав областной правительственной комиссии от обкома никто не введен» [3, л. 1]. В докладной записке от 21 октября 1939 г. в ЦК КП(б)Б от председателя комиссии по размещению беженцев Горина указывалось, что по Гомельской области никакой подготовительной работы по приему беженцев проведено не было.

Такое игнорирование решений руководства вызвало недовольство белорусского ЦК партии, указавшего в специальном постановлении 25 октября 1939 г., что «в результате политической и бюрократической беспечности, председатель по размещению беженцев в БССР т. Горин не выполнил указание ЦК КП(б)Б о немедленном развертывании работ по отбору, размещению, перевозке, оказании помощи беженцам, находящимся на территории Западной Беларуси…». ЦК КП(б)Б не только пригрозил членам комиссии наказанием, в случае, если ситуация с переселением и размещением беженцев не изменится в ближайшее время к лучшему, но обязал руководителей всех восточных областей БССР создать собственные специальные комиссии по приему и трудоустройству беженцев [6, л. 87].

Результаты постановлений не замедлили сказаться. Уже 27 октября 1939 г. в города восточных областей Беларуси прибыли первые 2722 человека. На трех пограничных станциях Негорелое, Радошковичи, Крулевщизна, через которые проходило переселение беженцев, были организованы пункты обмена польских злотых на советские рубли. Каждому семейному разрешалось обменять 40 злотых, холостым – 20 злотых. Нуждающимся оказывалась материальная помощь в размере: семейным – до 100 рублей; холостым – до 25 рублей.

Несмотря на усилия комиссии, на местах постоянно возникали трудности, связанные как с нежеланием местной бюрократии принимать беженцев или помогать им, так и с несогласованностью действий различных ведомств и организаций. В Гомельской области были случаи, когда беженцам выдавались недоброкачественные продукты питания (гнилой картофель, вместо гороха выдавался семенной материал). Временами власти не обращали внимания на отсутствие у беженцев элементарных санитарных условий, да и не считали должным прилагать усилия, чтобы оказать им медицинскую помощь, или предоставить больным более легкую работу. В Скрыгаловском сельском совете Мозырского р-на из-за плохого качества жилья появились вши и др. [7, л. 273–274], [8, л. 321].

К 14 ноября 1939 г. вывоз беженцев из Западной Беларуси был прекращен. По сведениям властей в регион прибыло 5 771 человек (в Гомельскую область – 4 145; Полесскую – 1 626). Одной из главной проблем, с которой столкнулось руководство на местах, было трудоустройство беженцев. Трудоустройство беженцев было затруднено из-за полного несовпадения интересов беженцев и потребностей местной администрации в трудовой силе. Более всего власти нуждались в сельскохозяйственных рабочих, в то время как большинство беженцев были рабочими, кустарями, немало среди них было предпринимателей, представителей творческих профессий и пр. Распределить всех прибывших в соответствии с их квалификацией и специальностью местные власти чаще всего были просто не в состоянии. В результате многие беженцы оказались на низкооплачиваемых подсобных работах. Так, большинство прибывших в Гомельскую область портных и сапожников были устроены на разгрузку камня.

Трудности устройства беженцев и снабжение их продовольствием, одеждой и другими самыми необходимыми предметами, особенно многодетных семей возникали как из-за острой нехватки средств, так и из-за использования их не по назначению. Например, в Домановичском р-не Полесской области около половины всех отпущенных средств были использованы на подарки и другие цели, в то время как дети некоторых беженцев остались без обуви, одежды и не могли посещать школу [9, л. 29]. В докладной уполномоченного ЦК КП(б)Б в Гомельской области по проверке размещения беженцев указывалось следующее: «Облпромторг, Облпищеторг, Транторгпит и др. торгующие организации области стали на формальный путь по вопросу снабжения и продажи беженцам продуктов и товаров, требуя от Оргкомитета и Обкома специального решения по данному вопросу, тогда как многие беженцы выходили на работу в рваных туфлях и без верхней одежды».

Среди обывателей эти люди нередко воспринимались как нахлебники, которые не хотят работать, а требуют предоставления им квартир, создания хороших бытовых условий и т. д. В этой связи органы НКВД БССР регулярно отмечали высказывания подобные на заявление колхозника Головача в кругу других колхозников: «Кто-то воевал и голову положил, и когда потребуется оказать какую-либо помощь колхознику, то ему нет, а как евреи, то все переехали в Советский Союз, им выдают пособия, предоставляют работу, в колхоз ни один не пошел, это все на нашу шею; колхозник должен хлебом всех кормить…» [10, л. 6].

Жалобы беженцев на плохие условия зачастую просто игнорировались. Так на возмущение по поводу плохого питания заведующий учебной частью по подготовке механизаторских кадров Полесской области ответил: «Если вам плохо, уезжайте домой». В другом случае беженец-рабочий, пожалившись директору Мозырской ГЭС на невыплату заработной платы в течение 1,5 месяцев, из-за чего не было даже денег на пропитание, услышал: «А для чего вам кушать, можно и без этого обойтись» [8, л. 321].

Часть устремившихся на советские территории польских беженцев, особенно левой ориентации, верила в тот счастливый образ жизни, о котором столько твердила советская пропаганда. Советская пропаганда и позже старалась преподнести впечатления беженцев о жизни в СССР в самых радужных тонах. В Бобруйской газете «Комуніст» было опубликовано письмо беженца И. Вайнарта, в котором он выражал свою радость от приезда в СССР: «…Несколько дней тому назад я приехал в город Бобруйск, где поступил на работу в швейную артель «Прогресс». Сюда поступили еще два моих товарища… Нас радостно встретили, и сразу же мы ощутили себя, как в родной семье. Нам оказывают всяческую помощь, учат работать, обеспечили квартирами…» [11, с. 2].

Однако по мере знакомства с реалиями жизни в СССР все более возрастало удивление и разочарование беженцев. Большинство из этих людей никак не могли понять, почему, вопреки советской пропаганде о радостной и счастливой жизни в СССР, в советских магазинах нет самого необходимого, почему в стране такая низкая заработная плата, почему ответственные работники относятся к ним с подозрительностью, называя «иностранными специалистами»?

Недовольство жизнью в Советском Союзе росло, и уже в начале декабря 1939 г. НКВД фиксировало среди беженцев высказывания такого рода: «Встречали нас здесь хорошо, но сейчас становится плохо»; «Здесь в Советском Союзе все дорого, а у нас в Польше было достаточно разной мануфактуры и продуктов. У вас в клубе очень грязно, а у нас в клубе было чисто и красиво»; «У нас в Польше можно было купить за 2 злотых брюки, а в Советском Союзе я должен ходить в рваных брюках и купить негде»; «Я не привык к такой грязной работе, я в Варшаве работал на заводе, на чистой работе – заготовщиком, а здесь – что это за работа»; «Мы не думали, что здесь так живут, хорошо живет тот, кто имеете блат» и т. д. [12, л. 282–283].

Первоначально многие беженцы все проблемы по их приему и трудоустройству, плохим обеспечением питанием и самым необходимым связывали с нерадивостью и нерасторопностью местных начальников. Однако постепенно они начинали сознавать, что это часть общей картины жизни населения в Советском Союзе.

Ощущали они и повышенную к ним подозрительность со стороны властей и местной администрации, нередко именно с этим связывая отказы их трудоустройства по специальности. Так рабочий пивзавода г. Мозыря беженец Фингергард заявил: «Беженцам в Советском Союзе нет доверия, пожалуй, им доверия никакого не будет». Нередко местная администрация пользуясь безысходностью положения беженцев, а возможно и относившаяся к ним враждебно, сознательно и во много раз занижала оплату их труда по сравнению с местными жителями [13, л. 95–98].

В марте–июле 1940 г., согласно материалам НКВД, высказывания среди беженцев становятся более резкими, некоторые из них уже открыто заявляют о своем нежелании работать на низкооплачиваемых работах, например, в колхозах. Кроме того, часть беженцев устремилась назад в Западную Беларусь, либо старались в стихийном порядке перебраться в другие места, устроиться на другие работы, что многим удалось. К 7 февраля 1940 г. около 300 беженцев, направленных в Гомельскую или Полесскую области, исчезли с мест их «приписки», часть бежала в Западную Беларусь, на Украину, другие в остальные регионы Советского Союза, часть через Западную Беларусь опять в Польшу, оккупированную Германией. Из них, более 90 % бежавших с мест, в которые они были направлены, были евреи; по специальности большинство из сбежавших были рабочими, кустарями, людьми, не имевшими определенной квалификации [14, л. 273].

К концу 1940-х – началу 1941гг. бегство среди беженцев продолжалось. Их можно было встретить в Смоленске, Брянске и других городах СССР, куда они отправлялись в поисках работы. Те из них, кто остался, обустраивались, обзаводились семьями, пытались приспособиться к советской действительности.

К концу 1939 г. в западные области Беларуси прибыло порядка 125–126 тыс. беженцев из Польши. Решение о трудоустройстве и размещении беженцев из Польши принимала высшая партийная инстанция – Политбюро ЦК ВКП(б). Это мероприятие должно было ослабить тяжёлую социально-экономическую, санитарно-эпидемиологическую обстановку в Западной Беларуси. В течение второй половины октября 1939 г. – начала ноября 1939 г. в восточные области республики было направлено 23 602 беженца. В том числе на Гомельщину порядка 5771 человек. Для многих из них приспособление к советской действительности проходило очень сложно. Это объяснялось тем, что местные власти не смогли обеспечить всех нуждающихся работой по специальности, жильем, средствами к существованию. Как следствие имели место такие факты, как бегство беженцев в оккупированную Германией Польшу, антисоветские высказывания и др.

Литература

1. Głowacki, A. Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej Polskiej? 1939–1941 / A. Głowacki. – Wyd II. – Łódź : Wydawnictwo Universytetu Łódźskiego, 1998. – 695 s.

2. Азриэли, Д. На шаг впереди. Мемуары: 1939–1950 / Д. Азриэли. – Иерусалим : Яд Вашем, 2002. – 175 с.

3. Толочко, Д.М. Количество и состав беженцев из Польши на территории Беларуси (сентябрь–декабрь 1939 г.) / Д.М. Толочко // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2006. – № 2. – С. 21–27.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 41. – Д. 195. Докладные записки о размещении беженцев из Западной Беларуси (октябрь 1939 – ноябрь 1939 г.).

5. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1748. Стенограмма совещания председателей Временных управлений Западной Беларуси (октябрь 1939 г.).

6. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 3. – Д. 869. Протоколы заседаний Бюро ЦК КП(б)Б.

7. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1681. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД (сентябрь 1939 – октябрь 1939 г.).

8. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 128. Спецсообщения и докладные записки обкому КП(б)Б от областного управления НКВД УРКМ БССР и облпрокуратуры (декабрь 1939–1940 г.).

9. Лазько, Р.Р. Паход Чырвонай Арміі на Захад у верасні 1939 г.: погляд з Усходу / Р.Р. Лазько // Беларускі гістарычны сшытак. – 2000. – № 13. – С. 21–32.

10. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 41. – Д. 177. Информационные сведения о размещении беженцев из Западной Беларуси по Витебской области (октябрь 1939 – ноябрь 1939 г.).

11. Ільенкаў, В. Трыумф Савецкай улады / В. Ільенкаў // Комуніст. – 1939. – 6–7 лістапада. – С. 2.

12. ГАООГО. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 64. Спецсообщения и докладные записки обкому КП(б)Б от областного управления НКВД УРКМ БССР и облпрокуратуры (сентябрь 1939 – декабрь 1939 г.).

13. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 2075. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД БССР (январь 1940 – февраль 1940 г.).

14. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1682. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД (ноябрь 1939 – декабрь 1939 г.).

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 24.01.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 221.2-9(470)

Берасцейская царкоўная ўнія і раскол у «Грэка-рускай царкве» Рэчы Паспалітай

С.А. Чаропка

У прадстаўленым артыкуле даследуецца пытанне аб выніках Берасцейскага царкоўнага сабору 1596 г. Праваслаўнай царквы Рэчы Паспалітай, на якім разглядалася пытанне аб заключэнні царкоўнай уніі Кіеўскай мітраполіі з Рымска-Каталіцкай царквой. Аўтар прыходзіць да высновы, што вынікам сабора стала не ўтварэнне новай рэлігійнай арганізацыі – Уніяцкай царквы, а раскол у Праваслаўнай царкве Вялікага княства Літоўскага і Польшчы. Вынікам гэтага расколу стала фарміраванне дзвюх асобных цэркваў, аднолькава прэтэндуючых на спадчыну Кіеўскай мітраполіі.
Ключавыя словы: гісторыя хрысціянства, канфесійная гісторыя, гісторыя Беларусі, Берасцейская царкоўная ўнія, Грэка-руская царква, Беларуская Праваслаўная царква, Уніяцкая царква, Беларуская Грэка-Каталіцкая царква, Рыма-каталіцкая царква.

The results of the Brest ecclesiastical Council of 1596 of Orthodox Church of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which considered the issue of concluding the ecclesiastical Union of the Kiev metropolis with the Roman Catholic Church, are examined. The author concludes that the result of the Council was not the formation of a new religious organization – Greek Catholic Church, but a split in the Orthodox Church of the Grand Duchy of Lithuania and Poland. The result of this split was the formation of two separate churches, equally claiming the heritage of the Kiev metropolis.
Keywords: history of Christianity, confessional history, history of Belarus, Brest Church Union, Greek-Russian Church, Belarusian Orthodox Church, Uniate Church, Belarusian Greek Catholic Church, Roman Catholic Church.

Гісторыя Беларусі вельмі багатая на разнастайныя падзеі, якія да сённяшняга дня выклікаюць не толькі цікавасць у шырокіх колах грамадства, але і з'яўляюцца прадметамі спрэчак сярод навукоўцаў або зацікаўленых бакоў. Гэта не выпадкова, таму што беларускія землі, знаходзячыся на мяжы дзвюх магутных цывілізацыйных цэнтраў – паміж заходнееўрапейскай каталіцка-пратэстанцкай Еўропай і праваслаўнай Рускай дзяржавай – сталі аб'ектам пранікнення элементаў розных культур. Рэлігійны светапогляд, які ў ранні новы час панаваў у грамадстве, прадвызначаў цеснае ўзаемадзеянне розных элементаў духоўнага і паўсядзённага жыцця чалавека з пэўнай рэлігійнай, а больш канкрэтна – царкоўнай традыцыяй. Менавіта царква адыгрывала ролю аксіялагічнага прадуцэнта і каштоўнаснага арыенціра, захавальніка традыцый, а таксама маркера прыналежнасці да канкрэтнай этнічнай групы. Невыпадкова таму, пранікненне элементаў чужой культуры, якія супярэчылі ці не цалкам адпавядалі традыцыйным аналагам, выклікала часта вострую рэакцыю менавіта з боку галоўнага захавальніка традыцыі – царквы.

Вестэрнізацыя «рускага» грамадства Літвы, якая была цесна звязана з палітычным збліжэннем Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага (ВКЛ) і Польшчы, выклікала, паміж іншым, канфлікт паміж традыцыйнай для мясцовага насельніцтва Праваслаўнай царквой і паўстаўшым тут у канцы XIV ст. Каталіцкім касцёлам. Таму невыпадкова, што адной з найбольш істотных праблем як ва ўнутраным жыцці ВКЛ з'яўлялася пытанне міжканфесіянальных адносін. Падтрымка кіраўніцтвам Рэчы Паспалітай Каталіцкага касцёла, а таксама распаўсюджванне ідэй Рэфармацыі нанеслі ўдар па Праваслаўнай царкве. Кіеўская мітраполія ў канцы XVI ст. апынулася ў вельмі няпростым становішчы. На думку яе кіраўніцтва, адным з варыянтаў паляпшэння становішча царквы магла стаць унія з Рымам. Ідэя аднаўлення адзінства хрысціянства лунала ў заходнім і візантыйскім грамадстве адразу ж пасля расколу хрысціянскай царквы ў 1054 г. У 1274 г. была заключана Ліёнская царкоўная ўнія, у 1439 г. – Фларэнційская ўнія, якія, хаця і былі падтрыманы часткаю праваслаўных архірэяў, у сувязі з рознымі абставінамі доўга не праіснавалі. Аднак ва ўмовах распаўсюджвання ў ВКЛ культуры эпохі Адраджэння, ідэі якой пранікілі і ў «рускае» грамадства, сярод часткі ўсходнехрысціянскага кліра Рэчы Паспалітай адрадзілася ідэя заключэння ўніі. Спробы праваслаўнага епіскапата на чале з кіеўскім мітрапалітам Міхаілам Рагозам палепшыць становішча праваслаўнай царквы праз заключэнне царкоўнай уніі

хуткага выніку не далі, а, наадварот, прывялі да абвастрэння ўнутрыканфісійнай барацьбы. Праваслаўнае насельніцтва Вялікага княства Літоўскага падзялілася на два лагеры – тых, хто падтрымаў царкоўную ўнію – уніятаў, а таксама тых, хто яе рашуча адвергнуў – дызунітаў. Рэлігійная канверсія ішла побач з канверсіяй этнічнай.

У грамадскай свядомасці склалася ўстойлівае перакананне аб тым, што пасля Берасцейскай царкоўнай уніі ў Рэчы Паспалітай узнікла Уніяцкая царква, а Праваслаўная царква аказалася ў прыгнечаным становішчы. Аднак гэты тэзіс не толькі спрашчае разуменне канфесійных працэсаў у Рэчы Паспалітай, але і прыводзіць да не зусім іх карэктнага асэнсавання рэалій XVII ст. Справа ў тым, што для чалавека XXI ст. тэрміны Праваслаўная царква і Грэка-Каталіцкая (уніяцкая) царква адназначна ўспрымаюцца як асобна існуючыя рэлігійныя арганізацыі, якія прытрымліваюцца поглядаў розных канфесій хрысціянства – праваслаўя і каталіцтва адпаведна.

Аднак у свядомасці людзей XVII ст. доўгі час не існавала арганізацыі з назвай «Праваслаўная царква». Сам тэрмін праваслаўная царква насіў перш за ўсё значэнне «правільная царква», прававерная, не ерытычная, царква, якая належыць да ўсяленскага праваслаўя. Але арганізацыі з назвай «Праваслаўная царква» не было. Для сучаснікаў існавала Грэчаская, Усходняя або Руская царква, якая ў Рэчы Паспалітай узначальвалася кіеўскім мітрапалітам і супрацьпастаўлялася Рымскай, Лацінскай або Каталіцкай царкве. Прычым гэтыя тэрміны ўжываюцца ў сінанімічным значэнні як у адносінах да царквы першай, так і другой канфесіі. Менавіта аб Усходняй царкве пішуць Лаўрэнцій Зізаній, Дзям'ян Налівайка, Мялецій Сматрыцкі, Афанасій Філіповіч і многія іншыя тагачасныя антыўніяцкія публіцысты [1], [2, с. 258], [3]. Адпаведна свая канфесійная прыналежнасць антыўніяцкімі публіцыстамі вызначалася як «праваслаўе грэчаскае» [4]. У заканадаўчых актах Рэчы Паспалітай XVII ст. гэтая царква называлася пераважна Грэчаскай.

Але складанасць сітуацыі ў разуменні канфесійнай сітуацыі ў Рэчы Паспалітай надае той факт, што тая частка насельніцтва, якая прыняла ўнію, у сваёй самасвядомасці абсалютна натуральна працягвалі заставацца ў той жа самай царкве. Іпацій Пацей, таксама як і праціўнікі ўніі, называе сваю царкву «Усходняй, Грэцкай або Рускай», царквой «закону Грэцкага ці Рускага» [5, с. 274, 277], [6]. Самога сябе ён называе пастырам «хрысціянскай праваслаўнай Рускай браціі», а ўніяцкі клір – «духавенствам рускім» [7], [8]. Калі з багаслоўскага пункта гледжання ўсяленскага праваслаўя Кіеўская мітраполія магчыма і перастала быць праваслаўнай, то ці перастала яна быць праваслаўнай для саміх прыхільнікаў уніі, якія належалі да той жа Грэка-Рускай Усходняй царквы, наведвалі тыя ж храмы, тыя ж святары служылі тую ж літургію? Адказ на гэтае пытанне вельмі няпросты і шмат у чым залежыць ад многіх фактараў, такіх як узровень адукацыі, развіцця інтэлекту, глыбіні ўвацэркаўлённасці чалавека. Напрыклад манахі-базыліяне Троіцкага манастыра ў Вільні 21 марта 1621 г. скардзіліся на публічную знявагу іх віленскім лаўнікам Гаспарам Лампаровічам. Знявага гэта заключалася не толькі ў тым, што іх называлі «ерацікамі» і «схізматыкамі», але і «каталікамі»! [9, с. 197]. Для часткі грамадства, якое паводле традыцыі «хадзіла ў царкву», Берасцейская ўнія знешне нічога не змяніла, а сама царква: і будынак, і арганізацыя, нікуды не знікла. Таму падтрымка або непрыняцце ўніі ў такім выпадку залежвала ад пазіцыі канкрэтнага грэка-рускага святара, які падтрымаў або асудзіў унію.

Такім чынам, з заключэннем Берасцейскай уніі, адразу ж не ўзнікла новай царкоўнай арганізацыі. Адбыўся пераход раней існаваўшай структуры Грэка-Рускай Усходняй царквы Кіеўскай мітраполіі з-пад улады Канстанцінопальскага патрыярха пад уладу Рымскіх пап. Мы не ставім перад сабой багаслоўскую задачу высвятліць ці засталася пры гэтым Грэчаская царква Кіеўскай мітраполіі праваслаўнай з кананічнага пункту гледжання, але відавочна, што для значнай часткі яе прыхільнікаў адказ на гэтае пытанне стаў вельмі прынцыповым. Адбыўся раскол унутры Грэка-Рускай Усходняй царквы Рэчы Паспалітай, яе вернікі падзяліліся на прыхільнікаў уніі (уніятаў, унітаў) і яе праціўнікаў (дызунітаў). Нягледзячы на тое, што ў гістарыяграфіі тэрмін «праваслаўныя» замацаваўся выключна за праціўнікамі ўніі, варта ўсё ж заўважыць, што і ўніяты, і дызуніты ўзніклі і некаторы час існавалі ў межах усё такі адной царкоўнай арганізацыі і аднолькава лічылі сябе праваслаўнымі – у сэнсе тымі, хто верыць і здзяйсняе ўсе абрады правільна. Заўважым, што тэрмін прававерны або ortodoxae (праваслаўны) у адносінах да сваёй царквы ўжывалі і каталікі. Для прыкладу прывядзем цытату з акта Генеральнай канфедэрацыі 1696 г. «Караля ягамосці, пана нашага сапраўднага

католіка рымскага і каралеву каталічку, а не іншай, барані Божа, рэлігіі, абярэм, а таксама на заўсёды правы і прывілеі Праваслаўнай Рымска-Каталіцкай … Царквы …усімі сваімі сіламі трымаць будзем» [10, s. 407]. У Акце Генеральнай канфедэрацыі 1764 г. гаворыцца аб «пастановах прававернага касцёла каталіцкага Рымскага» [11, s. 7–8]. І такіх прыкладаў безліч.

Побач з працягнуўшай сваё існаванне Кіеўскай мітраполіяй Грэка-Рускай царквы аформілася паралельная нелегальная з пункту гледжання ўладаў Рэчы Паспалітай царкоўная структура з такой жа назвай. У соймавых пастановах першай трэці XVII ст. гаворка ідзе толькі аб адной царкве – Грэка-Рускай. У разуменні жыхароў Рэчы Паспалітай барацьба ішла не паміж Уніяцкай і Праваслаўнай цэрквамі, як можна зразумець гэта ў нашы дні, а ўнутры адной царквы – Грэчаскай (Рускай, Усходняй, Праваслаўнай). На пасяджэннях сойма ў 1607, 1609, 1618, 1620, 1627, 1631 гг. ставілася пытанне аб «супакаенні людзей у рэлігіі Грэцкай разрозненых», што яскрава сведчыць аб тым, што ў свядомасці тагачаснага грамадства не ўзнікла ніякай новай царквы. Толькі стварэнне ў 1620 г. апанентамі ўніі сваёй царкоўнай іерархіі і яе легалізацыя Уладзіславам IV у 1633 г. у Рэчы Паспалітай прывяло да сітуацыі, калі сталі адначасова легальна дзейнічаць дзве Грэка-Рускіх царквы. Такое становішча натуральна падштурхвала вернікаў усходняга абраду да пошуку адказу, якая з гэтых цэркваў «сапраўдная». Аднак для каталіцкага насельніцтва Рэчы Паспалітай і тая і другая царквы працягвалі належыць да «рэлігіі Грэчаскай». Нават у 1699 г., калі Кіеўская праваслаўная мітраполія ўжо знаходзілася пад уладай Маскоўскага патрыярха, на сойме ішла гаворка аб «дызунітах Грэчаскай веры» [12, с. 35].

Раскол у Грэка-Рускай царкве Кіеўскай мітраполіі, які канчаткова аформіўся ў 1633 г., нягледзячы на ўсе папярэднія і наступныя спробы яго пераадолення, прывёў да выпрацоўкі розных шляхоў эвалюцыі абодвух «рускіх» цэркваў і патрабаваў адпаведнай тэрміналогіі, якая аформілася толькі да канца XVII ст. У сувязі з гэтым звязана нявызначанасць у тэрміналогіі адносна цэркваў.

Толькі ў канцы XVII–XVIII ст. у соймавых пастановах гаворыцца аб існаванні «Праваслаўнай Рымска-Каталіцкай і абраду Грэчаскага Уніяцкага Царквы …», «Прававернага Касцёла Каталіцкага Рымскага, і з ім з'яднанага абраду Грэчаскага» [10, с. 407], [11 с. 7–8]. Прыведзеная тэрміналогія можа сведчыць аб далучэнні да уніятаў да традыцыйных структур каталіцкага касцёла і аб адсутнасці ў вернікаў усходняга абраду, якія падтрымалі ўнію, уласнай царкоўнай арганізацыі. Але гэта не так, таму што паралельна каталіцкім структурам у Рэчы Паспалітай адначасова існавалі структуры Рускай уніяцкай царквы. «Eclessia Ruthena-Unita» – менавіта гэты тэрмін ужывае настаяцель Полацкага ўніяцкага манастыра Лаўрэнцій Капарскі ў 1710 г., называючы пры гэтым праціўнікаў уніі «грэчаскія дызуніты», «Грэчаская схізматычная царква».

Для каталіцкага або «рымскага», «лацінскага» насельніцтва Рэчы Паспалітай усе прадстаўнікі візантыйскага абраду лічыліся рускімі не толькі ў этнічным, але і ў канфесійным плане. Рымскі папа Урбан VIII у лісце да ўніяцкага духавенства звяртаецца «брат Антоній Рускі мітрапаліт», «браты мітрапаліт, епіскапы і пралаты Рускія unitis» [13, с. 210]. У лісце да К. Сапегі папа таксама піша аб «рускай царкве» [14, с. 219]. Гнезенскаму каталіцкаму арцыбіскупу Урбан VIII гаворыць аб «братэрстве Рускай з Рымскай царквой» [15, с. 211].

У той жа час духавенства і вернікі, якія адверглі ўнію, працягвалі называць сваю царкву Грэчаскай, Рускай, Усходняй, усяляк падкрэсліваючы, што менавіта іх царква, з двух Грэка-Рускіх, з'яўляецца правільнай – праваслаўнай. Напрыклад Б. Хмяльніцкі ў шматлікіх універсалах, загадах, лістах называе сваю веру і царкву «Грэцкай старажытнай», «царквой Рускай», «праваслаўнай» [16, с. 46, 50, 53, 234].

Такім чынам, з расколам у праваслаўнай царкве Рэчы Паспалітай і станаўленнем дзвюх царкоўных структур, апрача іншага, ішоў працэс пошуку і выпрацоўкі адпаведнай тэрміналогіі для абазначэння структур сваёй рэлігійнай арганізацыі. Гэты працэс завяршыўся толькі да канца XVII ст., калі з'явіліся больш-менш трывалыя азначэнні Рускай уніяцкай і Грэчаскай праваслаўнай цэркваў з кіеўскімі мітрапалітамі на чале. Адзначым, што афіцыйнае замацаванне абрадавых асаблівасцей Рускай уніяцкай царквы адбылося толькі праз 124 гады пасля заключэння Берасцейскай уніі ў 1720 г. на Замойскім саборы [17, с. 101–106]. Нам падаецца, што гэты менавіта сабор у цэлым завяршыў доўгі працэс эвалюцыі свядомасці вернікаў Рускай уніяцкай царквы ад праваслаўных ва ўніі з Рымам да каталікоў усходняга абраду. У сярэдзіне XVII ст. такога дакладнага падзелу яшчэ не было.

У гістарычных крыніцах XVII ст. няцяжка заўважыць сінанімічнасць тэрмінаў «рускі» і «праваслаўны». Прыняццё ўніі не змяніла этнічнай тоеснасці яе вернікаў, уніяты аднолькава з дызунітамі лічылі сябе, сваю веру, абрады, храмы «рускімі» [18, с. 33]. Канструкцыі «народ рускі ўсходняга паслушэнства», «праваслаўны народ рускі» маглі абазначаць не толькі праціўнікаў, але прыхільнікаў уніі [19]. Такім чынам, пасля заключэння кіраўніцтвам Кіеўскай мітраполіі Берасцейскай царкоўнай уніі з Рымам у свядомасці прыхільнікаў гэтай падзеі яны працягвалі заставацца праваслаўнымі ў канфесійным плане і рускімі – у этнічным.

Адмова ніжэйшага кліру падпарадкоўвацца рашэнню архірэяў прывялі да канфлікту ў самой Грэка-Рускай царкве, які выплеснуўся ва ўжо ўзбуджанае сацыяльна-эканамічнымі матывамі грамадства. Паміж уніятамі і дызунітамі разгарнулася жорсткая барацьба, якая перш за ўсё праявілася ў кантролі за царкоўнай маёмасцю. Спробы мітрапаліта і епіскапаў адміністрацыйнымі метадамі вярнуць пад свой кантроль храмы і манастыры, якія адмовіліся падпарадкоўвацца падтрымаўшым унію архірэям, выклікалі натуральнае незадавальненне значнай часткі дызунітаў. Гэты пратэст праявіўся ў розных формах: ад палемічнай і соймавай барацьбы, да пабояў, пагроз і нават забойства духавенства.

Вачыма ідэолагаў дызунітаў уніяцтва разглядалася як «рымская» або «ляшская» вера, адпаведна асобы, якія яе прынялі, лічыліся як «абляшыўшыяся» здраднікі сваёй веры і свайго народа [20, с. 176–177]. Пры гэтым трэба ўлічваць, што такое ўспрыманне ўніяцтва характэрна не столькі для масавай свядомасці, колькі для прапагандысцкай рыторыкі актыўных праціўнікаў уніі.

Каранацыя Уладзіслава IV змяніла становішча дызунітаў у лепшы бок. У 1633 г. новы манарх легалізаваў дызуніцкіх архірэяў, аднавіўшы легальную дзейнасць даўніяцкай Грэка-Рускай царквы. Былі падцверджаны ўсе прывілеі папярэдніх манархаў, якія былі дадзены царкве «закону Грэчаскага». Таксама былі канкрэтна вызначаны цэрквы і манастыры, якія павінны былі адысці да дызунітаў [9, с. 227, 241]. Знікненне ў 30-х гг. XVII ст. дзяржаўнай падтрымкі ўніяцкай царквы садзейнічала выхаду яе дызуніцкага канкурэнта з падпольнага становішча, што дало магчымасць дызунітам з новымі сіламі пачаць барацьбу з уніяй. Дастаткова талерантная рэлігійная палітыка Уладзіслава IV прывяла да ўзмацнення пазіцый праціўнікаў уніі і пагаршэння пазіцый яе прыхільнікаў.

Тым не менш, уніяцкая царква да сярэдзіны XVII ст. ужо мела досыць трывалыя пазіцыі ў Рэчы Паспалітай. Паводле ананімнай рэляцыі 1647 г. у Рым у Рэчы Паспалітай было каля 4 тыс. уніяцкіх і больш 13,5 тыс. дызуніцкіх прыходаў. Аб гэтым сведчыць казацкі летапісец Р. Ракушка-Раманоўскі, які паведамляе, што «… ужо не толькі ўнія ў Літве, на Валыні, але і на Украіне пачала гору браць» [21, с. 51].

Праз унію рускае грамадства Літвы адкрыла вароты да заходнееўрапейскай каталіцкай культурнай прасторы, што ў сваю чаргу выклікала не толькі насцярожанасць, але і варожасць у традыцыйна настроенай часткі рускага насельніцтва Польска-Літоўскуай федэрацыі [18, с. 16, 31]. Тым не менш, да з'яўлення казакаў у Палессі сярод «рускага» насельніцтва Літвы не сфарміравалася магутных пратэстных груп для адкрытай ўзброенай барацьбы супраць вестэрнізацыі грамадства. Палемічная дзейнасць брацтваў на рускіх землях Вялікага княства Літоўскага рэальнага плёну не дала і толькі далучэнне да брацтваў запарожскіх казакоў на Украіне зрабіла магчымым адрадзіць афіцыйную дзейнасць дызуніцкай грэка-рускай царквы ў Рэчы Паспалітай. Найбольш актыўныя прадстаўнікі рускай дызуніцкай шляхты Літвы, мяшчанства і сялянства, якія адмоўна ставіліся да распаўсюджання элементаў культурных традыцый каталіцка-пратэстанцкай Еўропы, вымушаны былі праяўляць сваю актыўнасць на Украіне, дзе такая сіла арганізавалася ў выглядзе казацтва. Такім чынам, міжканфесійны канфлікт канчаткова палітызаваўся, стаў успрымацца як этнічны канфлікт паміж «рускім» і «польскім» народамі, як канфлікт «рускага» народа з дзяржавай, улада ў якой знаходзілася ў руках «палякаў» [22, с. 156].

Літаратура

1. Наливайко, Д. Лямент дому княжат Острозьких над зійшлим з цього світу найяснішим княжичем Олександром Костянтиновичем, княжичем Острозьким, воєводою Волинським [Электронны рэсурс] / Д. Наливайко. – Рэжым доступу : http://litopys.org.ua. – Дата доступу : 09.08.2017.

2. Зізаній, Л. Катэхізіс, або вызнанне веры святой, саборнай, апостальскай, усходняй царквы / Л. Зізаній // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII ст.). – Мн. : Кнігазбор, 2010. – С. 258–261.

3. Смотрицький, М. Θρῆνος, тобто плач єдиної святої вселенської апостольської східної Церкви, з поясненням догматів віри спочатку з грецької мови на слов'янську, а тепер із слов'янської на польську перекладений Теофілом Ортологом, тієї самої святої Східної Церкви сином у Вільні року Божого 1610 [Электронны рэсурс] / М. Смотрицький. – Рэжым доступу : http:// http://litopys.org.ua. – Дата доступу : 09.08.2017.

4. Сматрыцкі, М. Лямент у света убогих на жалосное представление святоблівого а в обои добродетели богатого мужа, в Бозе велебного господина отца Леонтія Карповича, архімандріта общіа обители при церкви Сошествия Святого Духа, братства церковного Віленского, православія греческого / М. Сматрыцкі // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII ст.). – Мн. : Кнігазбор, 2010. – С. 361–377.

5. Пацей, І. Справядлівае апісанне ўчынку і справы сінодавай і Абарона здзейсненых згоды і лучнасці, якія сталі на сінодзе Берасцейскім у 1596 г. / І. Пацей // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII ст.). – Мн. : Кнігазбор, 2010. – С. 274–295.

6. Потій, І. Лист до князя Костянтина Костянтиновича Острозького від 3 червня 1598 року [Электронны рэсурс] / І. Потій. – Рэжым доступу : http://litopys.org.ua/human/hum32.htm. – Дата доступу : 09.08.2017.

7. Потій, І. Отпи́съ на ли́стъ ния́кого клирика Острозъского безъиме́нъного, кото́рый писа́лъ до влады́ки Володы́мерского и Берестейского [Электронны рэсурс] / І. Потій. – Рэжым доступу : http://litopys.org.ua/human/hum32.htm. – Дата доступу : 09.08.2017.

8. Потій, І. Унія греків з костьолом римським 1595 року. Унія або виклад попередніх артикулів, до з'єдинення Греків з костьолом римським [Электронны рэсурс] / І. Потій. – Рэжым доступу : http://litopys.org.ua. – Дата доступу : 09.08.2017.

9. Описаніе документовъ Архива западнорусскихъ униатскихъ митрополитовъ. 1470–1700. – СПб. : Сѵнодальная типографія, 1897. – 503, IV с.

10. Volumina Legum. Prawa, konstytucye y przywileie Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od Seymu Wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego Seymu uchwalone – Petersburg : Nakladem J. Ohryzki, 1860. – T. 5. – 480 s.

11. Volumina Legum. – Petersburg : Nakladem J. Ohryzki, 1860. – T. 7.– 403 s.

12. Volumina Legum. – Petersburg : Nakladem J. Ohryzki, 1860. – T. 6.– 208, VII s.

13. Venerabilis fratribus Metropolitano, Episcopis et Prelatus Ruthenis unitis. Urbanus P.P. VIII // Historica Russiae Monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta. – Petropoli : Typis Eduardi Pratzi, 1842. – Tomus II. – S. 210.

14. Dilecto filio nobili viro Casimiro Sapieho Marescalcho Magni Ducatis Lithuaniae Urbanus Papa VIII // Historica Russiae Monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta. – Petropoli : Typis Eduardi Pratzi, 1842. – Tomus II. – S. 219.

15. Venerabili fratri Mathiae Archiepiscopo Gnesnensi. Urbanus P.P. VIII // Historica Russiae Monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta. – Petropoli : Typis Eduardi Pratzi, 1842. – Tomus II. – S. 211.

16. Універсали Богдана Хмельницького. (1648–1657). – Київ : Вид. дім «Альтернативи», 1998. – 383 с.

17. Стрельбицкий, И. Униатские церковные соборы с конца XVI века до воссоединения униатов с православною церковью / И. Стрельбицкий. – Одесса : Тип. Е.И. Фесеико, 1891. – 165 с.

18. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіці Беларусі (1596–1839 гг.) : аўтарэф. дыс. … д-ра гіст. навук : 07.00.02 / С.В. Марозава ; Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т гісторыі. – Мн. : б.в., 2002. – 46 с.

19. Смотрицький, М. Протестація проти Київського собору, що був у серпні 1628 року, 8 вересня 1628 року [Электронны рэсурс] / М. Смотрицький. – Рэжым доступу : http:// http://litopys.org.ua. – Дата доступу : 09.08.2017.

20. Заборовский, Л.В. Народно-освободительная борьба украинского народа и отношения католической, униатской и православной церквей в Восточной Европе в середине XVII в. / Л.В. Заборовский, Б.Н. Флоря // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. : в 2 ч. – М. : Индрик, 1999. – Ч. 2. – С. 175–188.

21. Літопис Самовидця. – Київ : Наукова думка, 1971. – 207 с.

22. Флоря, Б.Н. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. / Б.Н. Флоря // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. : в 2. ч. – М., 1999. – Ч. 2. – С. 151–174.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 09.04.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 94:327(392+4)“12/13”

Экономические отношения западномалоазийских бейликов с европейскими государствами во второй половине 13 – первой половине 14 вв.

М.М. Шпет

Автор исследует экономические взаимоотношения западномалоазийских бейликов (Ментеше, Караси, Сарухан, Айдын) с европейскими государствами (Венецианская республика, Генуэзская республика, Орден госпитальеров, Кипрское королевство) во второй половине 13 – первой половине 14 вв. Делается вывод, что европейские государства, особенно Венецианская и Генуэзская республики, были заинтересованы в развитии различных форм экономического взаимодействия с западномалоазийскими бейликами, в то время как сами бейлики совершали морские рейды во владения европейских государств в Восточном Средиземноморье.
Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, Венецианская республика, бейлик Ментеше, эмират Айдын, Восточное Средиземноморье.

Economic relations between Westernanatolian beyliks (Menteshe, Karasi, Sarukhan, Aydin) and European states (the Republic of Venice, the Republic of Genoa, the Order of Hospitallers, the Kingdom of Cyprus) in the second half of the 13th – tht first half of the 14th centuries are considered by the author. It’s concluded that European states (especially republics of Venice and Genoa) were interested in the development of various types of economic cooperation with Westernanatolian beyliks. Meanwhile, beyliks were more interested in committed naval raids into possession of European states in the Eastern Mediterranean.
Keywords: Eastern Mediterranean, the Republic of Venice, the Beylik of Menteshe, the Emirate of Aydin.

После превращения Румского султаната в вассальное государство монголов на полуострове Малая Азия начался процесс выделения полунезависимых уджей (ленный удел, дававшийся главам племён в обмен на обязательство по защите границ от внешних врагов) и бейликов (княжеств), особенно активно протекавший в западной части полуострова. Несмотря на большую опасность, в этот период были установлены первые контакты европейских государств с кочевыми племенами на западе Малой Азии. Первым государством, начавшим торговлю с кочевниками, стала Венецианская республика [1, с. 77].

В 1260-е гг. торговая деятельность разворачивалась преимущественно в заливе Макри (залив Фетхие), откуда в Александрию вывозился строевой лес, пшеница, а также ковры [2, с. 83]. В период с 1271 по 1278 гг. Макру посетили многие венецианские купцы, однако до наших дней сохранилась информация лишь о четырёх торговых операциях, во время которых купцы были ограблены пиратами [3, с. 4]. Тем не менее, торговля была настолько выгодной, что венецианцев не останавливала даже угроза со стороны пиратов Эгейского моря, наиболее опасными из которых были Иоанно Дельвако и Кривикиота (губернатор Родоса) [4, с. 443].

После завоевания западномалоазийскими беями византийских земель на рубеже 13–14 вв., установились прямые торговые связи с европейскими государствами. Одним из поводов к расширению торговых отношений стал неурожай в Малой Азии 1300 г. [5, с. 33]. Так, в бейлик Ментеше венецианцы стали ввозить железо и мыло. Известно, что в марте 1300 г. Джорджио Курион, торговец из Крита, намеревался отправиться в Малую Азию с 20 милиариями (около 10560 кг) мыла стоимостью 600 иперперов. В 1301–1302 гг. венецианский Сенат постановил властям Крита закупать лошадей из Малой Азии, на что ежегодно выделялось около 1 тыс. иперперов [6, с. 220]. После захвата сельджуками Эфеса (Айасулук, Алтолуого, Сельчук) 24 октября 1304 г. рынок Кандии (столица венецианского Крита) наводнили рабы-греки. Приток греческих рабов из Эфеса (Айасулук, Алтолуого, Сельчук), Ания (Аней) и других захваченных византийских городов вызвал резкое снижение цен на невольничьем рынке в 1305–1306 гг.: если в 1301–1302 гг. средняя цена за раба составляла 14–17 иперперов, то теперь она снизилась до 10–12 иперперов [2, с. 84].

Крупнейшими центрами торговли в западномалоазийских бейликах стали айдынские города Айасулук (Эфес, Алтолуого, Сельчук) и Палатья (Балат), гавани Смирна (Измир) и Препия (Епретья), а также принадлежащая беям Ментеше гавань Фискос (Мармарис) [7, с. 1]. Гавань Айасулука (Эфес, Алтолуого, Сельчук) отличалась хорошей защищённостью от ветров и значительной глубиной (6–8 морских сажней). Здесь же находилась одна из резиденций айдынских эмиров. Так как город находился в некотором удалении от моря, торговцы были вынуждены нести дополнительные расходы, связанные с транспортировкой товара, в связи с чем, аренда за складские помещения была высокой – половина флорина в месяц [8, с. 40]. Из Айасулука (Эфес, Алтолуого, Сельчук) и Палатьи (Балат) вывозились квасцы, пшеница, ячмень, бобовые, рис, воск и мёд, крупный тёмный изюм, пенька, кунжутное семя, шафран, чернильные орешки, сыр, шкуры, обработанные солью кожи, красный сафьян, лён, ковры с мохнатым ворсом, попоны, войлок [9, с. 140]. Через Фокею (Фочу) вывозили «сельджукский бархат», а через Палатью (Балат) – хлопок [10, с. 613]. Важными статьями экспорта были рабы, скот (быки, ослы, лошади), воск [9, с. 141]. В частности, госпитальеры проявляли особый спрос к рабам, которые были востребованы в качестве строителей и гребцов на галерах. Венецианцы же выкупали христиан чаще из религиозных убеждений. Наиболее крупные невольничьи рынки находились в бейликах Караси и Сарухан [11, с. 250].

Одной из основных импортных статей были ткани, так как, вероятно, собственного ткацкого производства в западномалоазийских бейликах не было. Большим спросом пользовались нарбонское, перпиньянское, тулузское сукно (небесного цвета, бирюзовое, алое, фисташковое, изумрудного оттенка), камлот, полушерстяные ткани, флорентийское шерстяное сукно, ирландская саржа [10, с. 737]. Особое место среди импортных товаров занимали квасцы, добываемые в копях неподалёку от Кютахьи, столицы Гермиянского бейлика. Продажа квасцов в бейликах осуществлялась на рынках Айасулука (Эфес, Алтолуого, Сельчук), Христополя, Палатьи (Балат), Миляса и Ясоса (Яссос, Асын) [3, с. 168]. Большие прибыли купцам приносила торговля мылом (венецианским, анконским, апулийским) [1, с. 81]. В бейлики ввозили также слитки из серебра, олова, свинца, рафинированную медь в брусках, вино [8, с. 41–42].

Итальянские купцы были весьма заинтересованы в расширении экономических отношений с эмиратом Айдын. В связи с этим в начале 14 в. неподалёку от порта Айасулук (Эфес, Алтолуого, Сельчук), возле р. Меандр (Большой Мендерес), связывающей прибрежные бейлики со внутренними областями Малой Азии, появилось итальянское поселение, по реке к которому доставлялись все необходимые товары [12, с. 25]. Итальянские купцы вели торговлю не только около побережья. Много генуэзцев и венецианцев проживало в Филадельфии (Алашехир), караваны которых доходили до Сиваса, центра пересечения важнейших торговых путей на полуострове [1, с. 81]. Однако грабительские набеги как морские, так и сухопутные приносили западномалоазийским беям куда более значительную прибыль, нежели торговля с европейцами.

Стоит отметить, что в то время в бейлике Ментеше, несмотря на перманентные боевые действия с Орденом госпитальеров, находилось около 250 родосских торговцев, закупавших продовольствие и скот [13, с. 31]. Кроме того, госпитальеры промышляли пиратством, перехватывая суда, пытавшиеся доставить в Египет строительный лес, кожу и другие товары из Малой Азии [14, с. 322]. В целом, до начала 14 в. морским разбоем преимущественно занимались византийцы, венецианцы и генуэзцы, но с первого десятилетия 14 в. в пиратскую деятельность активно включились сельджуки, госпитальеры и каталонцы [15, с. 44].

В конце 1320-х – начале 1330-х гг. в западной части Малой Азии произошли военно-политические изменения, приведшие к изменению соотношения сил в регионе. К началу 1330-х гг. западномалоазийские бейлики представляли из себя достаточно сильные в военном отношении государства, представлявшие собой серьёзную угрозу владениям европейских государств [1, с. 31]. Единственным бейликом, имевшим дипломатические отношения с венецианцами, был бейлик Ментеше. В 1320-е гг. торговые отношения между венецианским Критом и Ментеше периодически прерывались, однако после разрыва союза западномалоазийских бейликов с Афинским герцогством венецианцы получили возможность установить дипломатические отношения с беем Ментеше Орханом [3, с. 18]. 13 апреля 1331 г. было подписано соглашение между дукой Крита Марино Морозини и Орханом Ментешеоглу. Статьи

этого договора распространялись только на венецианских подданных – жителей Крита, а также на 5 близлежащих и подчинённых Криту островов (Карпатос, Кифера (Китира), Санторини (Тира), Кеа (Кея) и Серифос) [16, с. 188].

Соглашение устанавливало двухпроцентную экспортную и импортную пошлину (коммеркий), при этом импортную пошлину венецианцы были обязаны платить лишь один раз, даже если товары перевозились по территориям бея в другие места. Такие статьи экспорта, как зерно, бобовые, быки, лошади, рабы подвергались обложению дифференцированной пошлиной: пшеница – 2 аспра за модий (Романии), ячмень и бобовые – 1 аспр за модий, бык – 2 аспра, лошадь – 3 аспра, раб – 10 аспров. В этих случаях двухпроцентная экспортная пошлина с венецианцев не взималась [16, с. 188]. Договор также содержал параграфы, предусматривавшие защиту интересов местных кожевенных ремесленников. Так, критские купцы могли закупать кожи только во владениях и на базарах бея, но не в частных лавках. Само кожевенное ремесло было строго регламентировано: шкуры у мясников имели право закупать только дубильщики. У дубильщиков выделанную кожу закупали кожевенники (сапожники, седельщики, шорники), и только у них могли приобретать кожевенные изделия иностранные торговцы. Бей получал право преимущественной покупки заморских товаров в течение первых трёх дней. Только по их истечению купец получал право продавать свои товары другим покупателям [16, с. 189]. Определённые привилегии имел шарабдар-и бей (хранитель погребов бея), который имел право преимущественного приобретения привозного вина, после чего вино могли приобретать другие откупщики [16, с. 190].

Участившиеся морские набеги со стороны западномалоазийских бейликов Айдын, Сарухан, Караси наносили огромный ущерб владениям европейских государств в Восточном Средиземноморье. В сложившейся ситуации Венецианская республика стала инициатором создания 6 сентября 1332 г. Священной лиги для борьбы с западномалоазийскими бейликами [17, с. 179]. Первоначально в неё вошли Венецианская республика, Генуэзская республика и Орден госпитальеров. Под угрозой объявления войны в 1334 г. в Лигу вступила Византия [18, с. 401]. На протяжении 1334–1337 гг. Лигой был одержан ряд побед над западномалоазийскими бейликами, которые были вынуждены пойти на заключение мирных договоров. Особую выгоду получила Венецианская республика, которой удалось навязать находившимся в трудных условиях эмирам Айдына выгодное для себя торговое соглашение [1, с. 88].

9 марта 1337 г. венецианцы Крита заключили соглашения с эмирами Айдына и беем Ментеше (начало апреля) [19, с. 824]. Так как переговоры велись параллельно, их тексты оказались полностью идентичными. Разница заключалась лишь в том, что к 1337 г. венецианцы уже имели торговый договор с беем Ментеше, а с правителями Айдына (Хызыр-беем и Умур-беем Айдыноглу) данный договор стал первым [1, с. 88]. Кроме того, дука Крита брал на себя обязательство не оказывать поддержки врагам эмира, а Ибрагим-бей обещал не принимать в своих гаванях корабли пиратов-христиан и не снабжать их продовольствием [20, с. 195], [21, с. 190]. Рабы, бежавшие из бейликов в венецианские владения, становились свободными. Однако если владельца корабля уличали в оказании помощи рабу, то он должен был уплатить хозяину раба 12 флоринов [20, с. 198], [21, с. 193].

Согласно тексту договора, в Айасулуке (Эфесе, Алтоулого, Сельчуке) создавалось венецианское консульство, а также предоставлялась территория для постройки церкви и жилья. Судебная и исполнительная власть над венецианскими подданными на территории эмирата принадлежала консулу [3, с. 36], [21, с. 192]. Венецианцы должны были уплачивать шести- или четырёхпроцентную экспортную пошлину в зависимости от ввозимого ими товара, однако им запрещалось продавать сельджукам железо, корабельный лес, парусину и другие виды стратегически важного сырья [3, с. 133–134]. Для сравнения, импортная пошлина для венецианцев в Мамлюкском султанате составляла 10 % от стоимости товара, а экспортная – от 5 до 10 % в зависимости от товара [1, с. 89]. В то же время венецианцы добились от эмира Хызыр-бея Айдыноглу обязательства не отдавать на откуп торговлю такими товарами, как сыр, ткани, квасцы, воск, кожи. Лишь вино и мыло оставались товарами, которыми в эмирате имели право торговать только откупщики и некоторые привилегированные лица [21, с. 192]. Статьи соглашения распространялись на всех подданных Венеции без исключения (в т. ч.

Негропонт (Эвбея), Корон, Модон), что стало существенным отличием от договора с беем Ментеше 1331 г. Договор был заключён сроком на один год с ежегодным автоматическим продлением, если стороны не изъявляли желания его расторгнуть [21, с. 190].

Примечательно, что договоры, заключённые венецианским Критом с западномалоазийскими бейликами, содержали статью, защищавшую интересы венецианцев, потерпевших кораблекрушение; статью, освобождавшую христианских купцов от коллективной ответственности за долги и преступления, совершённые единоверцами; параграф, определявший порядок наследования имущества венецианских купцов; статью, позволявшую венецианским судам пополнять запасы продовольствия и воды без уплаты коммеркия [20, с. 196–197], [21, с. 192–193]. Следует отметить, что по сравнению с договором, заключённым между венецианцами и айдынцами, соглашение с беем Ментеше было более детализировано в вопросах различного рода гарантий безопасности венецианских подданных [20, с. 196–197].

Первые годы после заключения мирного договора с Умур-беем Айдыноглу венецианские купцы чувствовали себя довольно спокойно как в эмирате Айдын, так и в соседних с ним бейликах. До начала 1344 г. венецианцы закупали крупные партии зерна в Старой Фокее (Фоче) и в соседних с ней районах [22, с. 287]. Однако, при активном сотрудничестве с Византией уже в конце 1330-х г. западномалоазийским бейликам удалось восстановить военную мощь своего флота, что позволило им вновь совершать грабительские набеги во владения европейских государств в Восточном Средиземноморье. Кроме того, Умур-бей ввёл дополнительные сборы с венецианских купцов, не предусмотренные соглашением 1337 г. [23, с. 636]. Его сборщики стали взыскивать пошлину и транзитный сбор с товаров, которые везли по морю вдоль берегов, принадлежавших эмиру, а также портовый сбор в Смиренской гавани [24, с. 66]. Сами айдынцы серьёзно нарушали договорённости о поставках зерна [3, с. 44]. Таким образом, уже в конце 1330-х гг. стала очевидной необходимость в создании новой лиги против западномалоазийских бейликов. Основными причинами, подтолкнувшие Венецию проявить инициативу в деле создания новой лиги против сельджуков, стали морские набеги, а также нарушение айдынцами договорённостей о поставках зерна, от которого очень зависел венецианский Крит [3, с. 44].

Вовлечение западномалоазийских бейликов в Гражданскую войну в Византии было воспринято европейцами как удобное время для начала нового крестового похода, который был объявлен папой римским Климентом VI в 1343 г. [25, с. 263]. В нём участвовали Венецианская республика, Орден госпитальеров, а также Кипрское королевство. Несмотря на растущую угрозу, Генуэзская республика не откликнулась на призыв папы римского принять участие в крестовом походе на Смирну (Измир) [17, с. 186]. На начальном этапе удача сопутствовала крестоносцам. В день Вознесения (13 мая 1344 г.) флот Священной лиги сжёг 52 сельджукских корабля у горы Афон, а 28 октября соединённые силы Венеции и Ордена госпитальеров захватили г. Смирну (Измир), после чего война приобрела позиционный характер [26, с. 260].

После смерти Умур-бея новый эмир Айдына Хызыр-бей (1348 – 1360 гг.) вступил в переговоры с участниками Священной лиги, по результатам которых 18 августа 1348 г. между сторонами было подписано предварительное мирное соглашение. Данная договорённость распространялась на срок вплоть до возвращения из Авиньона айдынских послов, которые должны были доставить в эмират окончательный текст договора со Священной лигой [27, с. 205]. Условия предварительного мирного договора предусматривали уступку эмиром участникам Священной лиги половины коммеркия в Айасулуке (Эфесе, Алтолуого, Сельчуке) и других портах эмирата; дружелюбное отношение эмира и его подданных к христианам крепости Смирна (Измир); айдынский флот не должен был находиться в море, а по требованию папы римского мог быть сожжён; эмир обязался пресекать все случаи разбоя и не оказывать поддержки врагам бывших участников Лиги, а также предоставлять помощь при кораблекрушениях [27, с. 207]. Особый пункт соглашения касался передачи тел, павших в битве 17 января 1345 г. предводителей крестового похода. Эмир давал обещание выдать их, как только от него этого потребуют. Несколько статей договора относилось к положению христианской церкви в эмирате [28, с. 316].

Вскоре в Авиньон к папскому престолу для ратификации пакта было направлено айдынское посольство во главе с Изз ад-Дином Балабаном, расходы на содержание которого (1466 флоринов) оплачивались из папской казны [1, с. 91]. Мусульмане провели в Авиньоне почти год,

однако в течение этого времени члены Священной лиги так и не смогли выработать единой позиции по условиям заключения мира с айдынским эмиром. В июле 1349 г. посольство с папскими дарами (два реза флорентийской ткани стоимостью 90 флоринов) отправилось в обратный путь [3, с. 56]. В своём послании Климент VI уведомлял Хызыр-бея Айдыноглу что, прежде чем заключить договор, ему необходимо обсудить этот вопрос с королём Кипра и дожем Венеции [1, с. 92]. Однако после возвращения дипломатической миссии Изз ад-Дина Балабана из Авиньона Хызыр-бей вновь начал осаду Смирны (Измира) [29, с. 234]. Действия Хызыр-бея привели к тому, что 11 августа 1350 г. Священная лига была воссоздана в составе Венецианской республики, Кипрского королевства и Ордена госпитальеров. Однако начавшаяся Третья венециано-генуэзская война (1351–1355 гг.) не позволила выработать план совместных действий для обороны Смирны (Измира), и к сентябрю 1351 г. Лига прекратила своё существование [30, с. 350].

Таким образом, экономические отношения с западномалоазийскими бейликами играли важную роль в экономике государств Восточного Средиземноморья во второй половине 13 – первой половине 14 вв. Экономические связи западномалоазийских бейликов с европейскими государствами взяли своё начало в 1260-х гг., однако более регулярный характер приобрели лишь на рубеже 13–14 вв. Первым государством, установившим торговые связи с западномалоазийскими бейликами стала Венецианская республика, однако вскоре в бейликах появились торговцы из Генуэзской республики, Ордена госпитальеров, Афинского герцогства, Кипрского королевства и Византии. Основу экономических связей между европейскими государствами и западномалоазийскими бейликами составляла торговля ресурсами, продуктами питания, предметами роскоши, а также работорговля (военнопленные).

В конце 13 – начале 14 вв. сельджуки начали осваивать строительство торгового и военного флота. С этого времени начинаются постоянные грабительские набеги сельджукского флота на территории европейских государств. Это побудило европейские государства стать на путь защиты своих владений в Восточном Средиземноморье посредством создания Священных лиг 1332–1337 гг. и 1343–1348 гг., в результате которых военное и политическое влияния западномалоазийских бейликов было ослаблено, однако лишь на некоторое время. Пользуясь противоречиями участников Лиг, беи быстро восстанавливали свои силы и вновь принимались за грабежи и захват новых территорий, что существенно ослабило экономическое и политическое влияние европейских государств в регионе в последующий период.

Литература

1. Жуков, К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. / К.А. Жуков. – М. : Наука, 1988. – 191 с.

2. Жуков, К.А. Начальный этап торговых отношений эмирата Ментеше со странами Леванта (70-е гг. XIII – 20-е гг. XIV вв.) / К.А. Жуков // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) : в 3-х ч. / под. ред. Ю.А. Петросяна. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. – Ч. 1. – С. 82–86.

3. Zachariadou, E.A. Trade and crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin 1300–1415 / E.A. Zachariadou. – Venice : Hellenic Inst. of Byzantine and Post-Byzantine Studies, 1983. – 270 p.

4. Heyd, W. Histoire du commerce du Levant au Moyen-Âge : en 2 vol. / W. Heyd. – Amsterdam : Hakkert, 1959. – Vol. 1. – 554 p.

5. Из «Летописи» Себастаци // Армянские источники о монголах: извлечения из рукописей XIII–XIV вв. ; пер. с древнеармянск., предисл. и примеч. А.Г. Галстян. – М. : Издательство Восточной литературы, 1962. – С. 23–33.

6. Thiriet, F. Les relations entre la Crète et les emirats turcs d'Asie Mineure au XIVe siècle (vers 1348–1360) / F. Thiriet // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines: Ochride 10–16 septembre 1961 : en 3 vol. – Beograd : Naučno delo, 1964. – Vol. 2. – P. 213–221.

7. Хожденье архимандрита Агрефенья обители Пресвятыя Богородица: около 1370 г. [Электронный ресурс] / под ред. архимандрита Леонида (Кавелина) // Православный палестинский сборник. – 1896. – Т. XVI, № 3 (48). – Режим доступа : http://palomnic.org/journal/48/. – Дата доступа : 15.10.2018.

8. Pegolotti, F.B. La pratica della mercatura / F.B. Pegolotti ; hrsg. von A. Evans. – New York : Kraus Repr., 1936. – 443 p.

9. Piloti, E. Traité d'Emmanuel Piloti sur le passage en Terre Sainte: (1420) / E. Piloti ; ed. par P.-H. Dopp. – Leuven : Nauwelaerts, 1958. – 302 p.

10. Les Douanes de Gênes 1376–1377: en 2 vol. / publ. par J. Day. – Paris, 1963. – Vol. 1. – 983 p.

11. The Cambridge History of Turkey: in 4 vol. / ed. by K. Fleet. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – Vol. 1: Byzantium to Turkey 1071–1453. – 522 p.

12. Suchen, von L. Ludolphi, rectoris ecclesiae parochialis in Suchem De itinere Terrae sanctae liber: nach alten Handschriften berichtigt / L. von Suchen ; hrsg. von F. Deycks. – Stuttgart : Litterarischer Verein, 1851. – 104 s.

13. Codice Diplomatico Del Sacro Militare Ordine Gerosolimitano Oggi Di Malta: in 2 vol. / S. Paoli. – Lucca : Marescandoli, 1737. – Vol. 2. – 645 p.

14. Les gestes des Chiprois: recueil de chroniques françaises écrites en Orient aux XIIIe et XIVe siècles / ed. par G. Raynaud. – Genève : Fick, 1887. – 393 p.

15. Колотова, О.Е. О социальном происхождении пиратов Эгеиды (1261–1453) / О.Е. Колотова // История Византии и византийская археология / под ред. М.А. Поляковской, А.И. Романчука, А.С. Козлова. – Екатеринбург : УрГУ. 1998. – С. 44–45.

16. The Treaty between the Duca di Candia Marino Morosini and the Emir of Menteshe Orkhan, April 13, 1331 // Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans / E.A. Zachariadou. – Aldershot : Ashgate, 2007. – P. 187–189.

17. Setton, K.M. The papacy and the Levant: in 4 vol. / K.M. Setton. – Philadelphia : American Philosophical Soc., 1976. – Vol. 1: The thirteenth and fourteenth centuries. – 512 p.

18. Григора, Н. История ромеев: в 3-х т. / Н. Григора ; пер. с греч. Р.В. Яшунского. – СПб. : Своё издательство, 2013. – Т. 1: Книги I–XI. – 438 с.

19. Zachariadou, E.A. The Catalans of Athens and the Beginning of the Turkish Expansion in the Aegan Sea / E.A. Zachariadou // Romania and the Turks: (c. 1300 – c. 1500). – London : Variorum Reprints, 1985. – P. 821–838.

20. The Treaty between the Duca di Candia Giovanni Sanudo and the Emir of Menteshe Ibrahim, 1337, before April // Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans / E.A. Zachariadou. – Aldershot : Ashgate, 2007. – P. 195–200.

21. The Treaty between the Duca di Candia Giovanni Sanudo and the Emir of Aydin Khizir, March 9, 1337 // Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans / E.A. Zachariadou. – Aldershot : Ashgate, 2007. – P. 190–194.

22. Senatus Venetus ad imperatorem Constantinopolitanum. A. d. 1345, die 24 m. Januarij // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia: in 2 pars. / ed. G.M. Thomas. – Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. – Pars 1: a. 1300–1350. – P. 287.

23. Historia Romanae Fragmenta / ed. L.A. Muratori // Antiquitates Italicae Medii Aevi, Sive Dissertationes De Moribus, Ritibus, Religione, Regimine, Magistratibus, Legibus. – Aretti : M. Bellotti, 1775. – P. 443–998.

24. Promotorio, I. de. Die Aufzeichnungen des Genuesen Iacopo de Promontorio – de Campis über den Osmanenstaat um 1475 / I. de Promotorio ; hrsg. von F. Babinger. – München : Verl. der Bayerischen Akad. der Wiss., 1957. – 95 s.

25. Senatus Venetus de armata contra Turcas. Responsio ad litteras papales et ad ambaxalam Clementis VI 1342 (more Veneto, i.e. 1343), indictione XI, die 11 mensis Januarii // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia: in 2 pars. / ed. G.M. Thomas. – Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. – Pars 1: a. 1300–1350. – P. 263–265.

26. Die Byzantinischen Kleinehroniken: in 3 bd. / hrsg. von P. Schreiner. – Wien : Verlag der Österr. Akad. d. Wiss.,1977. – Bd. 2: Historischer Kommentar. – 420 s.

27. The Truce between the «Sancta Unio» and the Emir of Aydin Khizir, August 18, 1348 // Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans / E.A. Zachariadou. – Aldershot : Ashgate, 2007. – P. 205–210.

28. Treugua cum Turco Zalabi Chidr, domino Ephesi. A. d. 1348, die 18 m. Augusti // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia: in 2 pars. / ed. G.M. Thomas. – Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. – Pars 1: a. 1300–1350. – P. 313–317.

29. Lemerle, P. L' émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur la geste d'Umur Pacha / P. Lemerle. – Paris : Presses Universitaires de France, 1957. – 276 p.

30. Clementis VI ad Andream Dandulum litterae de unione contra Turcos. A.d. 1350, die 11 m. Septembris // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia: in 2 pars. / ed. G.M. Thomas. – Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. – Pars 1: a. 1300–1350. – P. 349–350.

Романовичская средняя школа Поступила в редакцию 23.02.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

Филология

УДК 821.161.3

Дэталь-лейтматыў у трылогіі І. Мележа «Палеская хроніка»

Т.А. Аляшкевіч, Н.В. Шмігера

Прадметам вывучэння ў дадзеным артыкуле з'яўляецца дэталь-лейтматыў. Аўтарамі звяртаецца ўвага на дынамічны характар дэталі, здольнасць да трансфармацыі і эвалюцыі. Даследуецца асаблівасць і непаўторнасць сэнсавых адценняў дэталі-лейтматыву ў трылогіі І. Мележа «Палеская хроніка». Аналізуецца, як названы тып дэталі ўплывае на раскрыццё аўтарскай задумы твора, характараў персанажаў.
Ключавыя словы: дэталь-лейтматыў, вобраз, «Палеская хроніка», дынамічны характар, сімвал.

The subject of study in this article is a detail-leitmotif. The author draws attention to the dynamic nature of the details, the ability to transformation and evolution. Special and unique connotations of detail-motif in the trilogy I. Melezh «Poleskaya chronica» are investigated. The authors study how the detail affects the author's intent and character system.
Keywords: detail-leitmotif, image, «Poleskaya chronica», dynamic character, symbol.

У сучасным літаратуразнаўстве асабліва актуальнымі і важнымі з'яўляюцца пытанні паэтыкі мастацкага твора. Мастацкая дэталь з'яўляецца формай выражэння аўтарскай пазіцыі, рэалізаванай ў прыхаваным выглядзе. Паспяховая інтэрпрэтацыя дадзенай з'явы прыводзіць да адэкватнага ўспрымання канцэпцыі твора.

Плённае выкарыстанне мастацкай дэталі прасочваецца ў творчасці выдатнага беларускага раманіста Івана Мележа. Можна гаварыць нават пра тое, што выкарыстанне мастацкай дэталі складае адну з дамінант яго стылю.

Вядома, што мастацкая дэталь падпарадкоўваецца законам жанру. Таму, можна меркаваць, што раманы з цыкла «Палеская хроніка» –«лірычны раман» «Людзі на балоце» і раманы-даследаванні «Подых навальніцы» і «Завеі, снежань» – расстаўляюць акцэнты ў рэалізацыі мастацкай дэталі – пейзажнай, псіхалагічнай, сімвалічнай ці нейкай іншай.

Мастацкая дэталь заключае ў сабе вялікі ідэйна-эстэтычны і сэнсава-змястоўны свет твора. Адзін з тэарэтыкаў літаратуры Я.С. Добін, які копмлексна і грунтоўна займаўся вывучэннем такога феномена, як мастацкая дэталь, адзначае: «Дэталь – мініяцюрная мадэль мастацтва. У індывідуальным характары – тып. У ланцугу адзінкавых падзей – час, гісторыя. У прыватнай калізіі – супярэчнасці грамадства. У асобных лёсах – заканамернасці эпохі» [1, с. 367]. Доказам гэтых слоў і з'яўляецца панарамная карціна «Палескай хронікі» І. Мележа, якая наскрозь «прапітана» мастацкімі дэталямі, якія ў сваю чаргу праз «мініяцюрныя мадэлі» раскрываюць цэлую эпоху жыцця беларускага Палесся.

Звяртаючыся непасрэдна да тэорыі вывучэння мастацкай дэталі, можна падкрэсліць той факт, што тэарэтыкамі літаратуры была прапанавана не адна класіфікацыя дэталяў, за аснову якіх браліся розныя крытэрыі. Але заўважаецца пэўная заканамернасць у адным: кожны з літаратуразнаўцаў не аспрэчвае той факт, што ў мастацкім свеце любога пісьменніка дэталь набывае сваю непаўторную афарбоўку, сваю адметнасць і наватарства. Па словах Ю.Б. Борава, «дзякуючы мастацкай дэталі ў тэксце з'яўляецца магчымасць узікнення дадатковага сэнсу» [2]. Не выключэннем стаў і І. Мележ, якога па праву называюць «майстрам мастацкай дэталі». Ён надзвычай умела «даваў жыццё» кожнай сваёй дэталі, «удыхаў» зусім новыя і нечаканыя адценні ў яе значэнне.

Адной з такіх дэталяў у «Палескай хроніцы» з'яўляецца *дэталь-лейтматыў*, якая чырвонай ніткай праходзіць праз увесь твор. Яна з кожным раманам напаўняецца новым сэнсавым значэннем, узмацняецца яе эмацыйнае напружанне і, адпаведна, уздзеянне на чытацкае ўспрыманне. Сярод даследчыкаў літаратуры менавіта Я.С. Добін поруч з «дэталямі знешняга свету», «дэталямі пластычнага апісання і пластычнага ўзнаўлення свету», «дэталямі-метафарамі» і іншымі асобна вылучаў «дэталь-лейтматыў» [1]. У трылогіі І. Мележа мастацкая дэталь можа выступаць як частка вобраза, а можа, нават, быць роўнай вобразу.

Уяўленне пра дэталь-лейтматыў – *балота* – у чытацкай свядомасці ўзнікае паступова, яно быццам бы вырошчваецца, запаволена і асцярожна. Пэўным чынам дэталь-лейтматыў закладваецца аўтарам у самі назвы раманаў хронікі: «Людзі на балоце», «Подых навальніцы», «Завеі, снежань». Мы можам прасачыць пэўную эвалюцыю ўжо ў саміх назвах, але больш глыбока яна раскрываецца непасрэдна ў тэкстах раманаў. Калі звярнуцца да знакамітай класіфікацыі мастацкай дэталі А.Б. Есіна, які падзяляў іх на знешнія (партрэтныя, пейзажныя, рэчыўныя) і псіхалагічныя, то дэталь-лейтматыў можна аднесці да пейзажных дэталяў [3, с. 75]. У гэтым, сапраўды, ёсць пэўная рацыя, але калі аналізаваць прыроду такой дэталі, яе функцыянальную прыналежнасць, непасрэдна тлумачыць яе змястоўны паказчык, то заўважаецца вялікая сімволіка, філасофскі змест. Такім чынам, нельга адназначна аднесці яе да канкрэтнай групы дэталяў: яна значна шырэй і глыбей, умяшчае ў знешніх рысах псіхалагічна-філасофскія праблемы ўсяго твора. Паспрабуем больш глыбока акрэсліць сутнасць дадзенай дэталі.

У першым рамане «Людзі на балоце» дэталь яшчэ толькі «зараджаецца», «набірае сваю моц». Ярка яна не паўстае перад чытачом, толькі праскальзвае пэўнымі штрыхамі-мазкамі: *«Хаты былі на востраве. Востраў гэты, праўда, не кожны прызнаў бы за востраў – аб яго не плёскаліся ні марскія, ні нават азёрныя хвалі. Навокал адно гніла куп'істая дрыгва ды моклі панурыя лясы…*

Большую частку года востраў быў як бы адасоблены ад іншых вёсак і мястэчак. Нават у непаганыя дні рэдкія газеты ці лісты ад сыноў і братоў дабіраліся сюды ў паляшуцкай торбе нялёгка – каму было прыемна лазіць па гразі без вельмі важнай прычыны, – але і гэтая нямоцная сувязь са светам пры кожным зацяжным дажджы лёгка рвалася.

Але такое становішча тут не палохала, людзям на востраве яно здавалася зусім звычайным» [4, с. 14].

Але якраз гэтыя штрыхі служаць для стварэння скразнога вобраза-топаса *балота*, які з першых старонак неаднаразова пачне згадваць І. Мележ. Невыпадкова першы раман трылогіі мае назву «Людзі на балоце». Хто гэтыя «людзі на балоце»?! На першы погляд здаецца, што гэта звычайныя жыхары з вёскі Курані, якім лёс падараваў даёка не самае багатае і шчаслівае месца для жыцця – балота. Як адзначае даследчыца М.М. Іаскевіч, «гэта гіблае, "праклятае" месца "з душным балотным смуродам", сумесь вады і зямлі. Паводле міфалагічных звестак беларусаў, чорт стварыў балота, таму, паводле слоў аднаго з герояў, гэта "зялёная пагібель", можа нават і смерць» [5]. Але жыццё ў «чортавым месцы» пэўным чынам характарызуе і саміх жыхароў. Нездарма яны апынуліся менавіта тут, бо іх унутрана-псіхалагічны стан пэўным чынам адбіваецца ў гэтым балоце. Яны баяцца і не хочуць перамен у сваім жыцці, не імкнуцца да лепшага, яны «загразлі» ў сваёй паўсядзённасці, не могуць ісці наперад: *«той, хто век жыве на балоце, не мог не прывыкнуць да ядавіта-зялёнага хараства раскі»* [4, с. 153].

Людзі на балоце – гэта ўвасабленне культурна-генетычнага кода саміх беларусаў, якія будуць цярпець да апошняга, будуць баяцца зрабіць крок да лепшай будучыні, бо ўвесь час знаходзяцца на плыткім балоце. І. Мележ акрэслівае пэўныя межы да вялікай бяды, але яна яшчэ зусім далёка, толькі маленькія хмаркі збіраюцца каля яркага і шчаслівага сонейка, пад якім стаіць вялікая і прыгожая грэбля, пэўная надзея на светлую будучыню: *«Можна хадзіць у школу, можна ездзіць на кірмаш, можна ў госці – адзін к аднаму, абы зажадалася!.. Вялікая радасць – грэбля!.. Грэбля гэтая звязвае разам сёлы, лясы, сенажаці. Звязвае людзей з людзьмі!.. Па такіх грэблях пойдзе ў нашы балоты, у нашу цемру святло, новае жыццё! Культура і дастатак!.. Кніжкі, кіно і трактары!..*

Апошнім, ад Куранёў, стаў на калёсы Міканор. Ён сказаў, што беднасць і цемра закрываюць жыццё ў Куранях, як раска закрывае балота. Раска заўсёды чапляецца за балота, за ваду, якая не варушыцца, стаіць. Каб разагнаць раску, трэба разварушыць

жыццё! І грэбля – гэта першае “вочка”, першы пробліск у моры векавечнай раскі! Трэба, не шкадуючы нічога, не баючыся, варушыць балота, затхлае жыццё – і цемра, і раска назаўсёды прападуць. Будзе адна чыстая, светлая вада, светлае жыццё!» [4, с. 386].

І. Мележ-гуманіст, які верыў у чалавека, заканчвае свой першы раман надзеяй, даючы шанс куранёўцам пазбавіцца гэтага балота не толькі знешняга, але і ўнутранага.

Сама назва другога рамана «Подых навальніцы» ўсё ж такі скіроўвае чытацкую ўвагу на тое, што бяда не абміне гэта «чортава месца». Яна проста не можа не адбыцца, бо пэўныя зрухі ў «балоце» прывядуць да вялікага выбуху. Вялікая навальніца ў рамане толькі яшчэ набірае свою моц, удыхаючы яе ў душы нашых герояў. Гром, маланкі ўвесь час з’яўляюцца ў прыродзе, тым самым падкрэсліваючы змены і знешнія, і псіхалагічна-ўнутраныя.

Так, І. Мележ пачынае раман з традыцыйнага апісання прыроды: *«Усёвышні ці не пачуў, ці не паслухаўся маленняў: ужо блізка да сенакосу пачалі нядобра лезці навальніцы. Зранку неба было і чыстае, і яснае, і яснасць стаяла доўга ўдзень, але за полуднем проста ўвачавідкі пачыналі пухнуць белыя, потым сіняватыя хмары… Пад вечар хмары зацягвалі ўжо ўсё неба. У вячэрняй цемры безупынку кідаліся чырвоныя выбліскі. Яшчэ да таго як сяло апаноўваў шумны лівень, неба над прыціхлымі хатамі і агародамі нізалі стрэлы маланак і расколвалі ўдары грому. У навальнічнай цемрадзі бляск маланак быў бела-сіні, прагавіты, грымоты падалі і каціліся так магутна і грозна, што здавалася, на мокрым лапіку зямлі са стрэхамі і ў балотным абшары навакол усё замірала ад страху. У цёмных хатах божкалі, хрысціліся, з неспакоем і надзеяй чакалі, што будзе далей»* [6, с. 4]. Перад намі з’яўляюцца зусім іншыя Курані, якіх мы яшчэ не бачылі. Чытач ужо прывык да вяскоўцаў, якія жылі ў пэўнай згодзе з прыродай, увесь час займаліся справай і «варушыліся» на адным месцы. Яны прывыклі да іх «балотнага» жыцця, але тут здараецца зусім нечаканае. Зараз мы бачым Курані ў вялікім жаху і пэўнай безнадзейнасці ад жыццёвых перамен, якія паставілі іх у тупік. Яны па-сапраўднаму зніякавелі, задрыжалі і не ведалі, у які бок ім падацца, дзе шукаць дапамогі і каму верыць, калі, здаецца, сам Бог адвярнуўся да іх: *«Ранкам ужо адкрылася, што навальніца кінула маланку і на крыж за сялом, на разгалку дарог. Куранёўскія жанкі, калі ўбачылі гэтую неспадзеўку, затрывожыліся: большасць іх меркавала цвёрда, што гэта не на добрае, што чорны крыж – знак божай няміласці… Былі і такія – і не толькі з маладых, якія не толькі не трывожыліся, а нават пасмейваліся: глядзіце, маўляў, і бог сам крыжы паліць. Прызнае, што пара святая прайшла…»* [6, с. 5].

«Унутраная навальніца» адбываецца і ў душах герояў. Так, Ганна, якая апынулася ў хаце Яўхіма і страціла там дзіця, асаблівым чынам адчувала той пах навальніцы, які прадказваў яе будучыню, яе выбух: *«Амаль увесь час нядобра, трывожна шумеў дуб. Пахла навальніцаю.*

Чаканне яе таміла душу. Але зіхала і грымела ўсё наводдаль, нібы навальніцы хацелася больш памучыць яшчэ, падыходзячы. Няхутка набліжаліся бліскавіцы, паволі раслі, мацнелі грамы, а ўсё ж падступаліся, гразіліся. Вось ужо сталі заходзіць збоку, як бы акружаць. Вецер таксама нібы цешыўся людскім неспакоем – то ўціхаў на хвіліну, то налятаў з новым шалам, біў вільгаццю і холадам. Старыя даўно не спалі, гнуліся побач з Ганнаю, хрысціліся на кожны бляск, кожную грымоту» [6, с. 25]. Навальніца, як сімвал, вялікай перамены, разгрому, перабудовы, падштурхоўвала яе да таго «ракавога» ўчынку, пасля якога шмат гаварылі. А гаварылі таму, што да гэтага так ніхто не асмельваўся зрабіць: яна пайшла ад Яўхіма і пераехала ў горад. Не змагла больш трываць, пайшла «ад самаго Яўхіма!», як потым скажуць усе ў Куранях. Навальніца цалкам разварушыла «яе балота».

Навальніца, што навісла над Куранямі, закранула і Васіля. Яна таксама дала шанс хлопцу змяніцца, стаць больш рашучым. Яна вельмі ярка «раскалола» яго душу на дзве палавіны: зямля і Ганна: *«І яшчэ дайшло – бліснула недзе недалёка. Бліснула і загрымела, туга, працавіта…»* [6, с. 91]. Васіль зноў выбраў не яе, не Ганну. Зямля, клопат за сям’ю, адданасць слову і абавязку ўзялі над ім верх. Бо прывык ён да «навальніцы жыцця». Лёс не падарыў яму лёгкага і шчаслівага будзеня, таму і не верыў Васіль у яго.

Найбольш моцна навальніца ўдыхнула небяспекі і трывожнасці ў жыццё старога Глушака: *«Хмару прыгнала не на яснае – на хмарнае, чорнае неба. Не да таго, не да малой было – нюхам старога, бітага воўка чуў неадступна Глушак: ішло на страту большае. Хоць*

не хацелася верыць: усё магло неўзабаве загінуць» [6, с. 95]. Вельмі ярка аўтар падкрэслівае той факт, што хмару прыгнала на чорнае неба. І. Мележ атаясамлівае жыццё Глушака з чорным небам, на якое зараз прыгнала яшчэ хмар. Вось тут навальніца ўдарыць мацней за ўсё, яго валадарства над жыццём скончыцца: *«Перастаць жыць заўсёдным клопатам было яму як смерць. А ён хацеў жыць. Ён ірваўся жыць»* [6, с. 97]. *«У жыцці кожнага чалавека бываюць такія моманты, пра якія раней ці пазней чалавек думае: от ён – пачатак перамены; пачатак радасці ці бяды. Быў і ў Глушака момант, калі стары воўчым нюхам пачуў, што жыццё робіць цвёрды паварот; нядобры паварот – мусіць каціцца ўніз»* [6, с. 98]. У «балотным жыцці» ён быў сапраўды валадар, але прыйшла навальніца, новае жыццё, да якога Глушак быў яўна не гатовы. Не прывык ён, што жыццё можа паварочвацца не так, як зручна гэта яму.

Подых навальніцы стаўся для ўсіх Куранёўцаў сапраўднымі грымотамі і бітвамі маланак, якія не абмінулі нікога. Балота разварушылася, ператварылася на момант у пэўнае месца бітваў. Але сапраўдная «сутычка» з жыццём адбудзецца ў трэцім рамане, на што нам указвае сам І. Мележ у канцы другога рамана: *«З гэтага дня на змену імжы і макрэчы прывалілі маразы. Скамянела гразь на дарогах, зацвярдзелі пацямнелыя балоты, скавала вясёлым лёдам канавы, копані… У Куранях сталі белымі, звонкімі раніцы, шэрымі, пякучымі ночы»* [6, с. 502].

Дэталь-лейтматыў выяўляецца не столькі ў вузкім сэнсе слова (як паўтор), колькі ў шырокім паэталагічным плане. Мележу ўласцівая лейтматыўнасць – вылучэнне ў вобразах шэрагу «скразных» рознапланавых дэталей, якія ён не выпускае з свайго мастацкага поля ад аднаго рамана да іншага. Так, у трэцім рамане пад назвай «Завеі, снежань» аўтар лагічна падводзіць нас да той вялікай жыццёвай завеі, якая павінна была прыйсці на балота пасля навальніцы. Гэтая завея «закружыла» герояў у зусім неспадзяваны бок, падарыла ім унутраны холад, мароз: *«А холад не толькі не адступіў, а як бы нават узяўся мацней. І днямі, і начамі ўсё стыла на роўнай, шкляной халадэчы. І днямі, і начамі, не сціхаючы, гайсаў над зямлёй сухі, сіверны вецер, сунуліся нізкія шэрыя хмары. Пад нелагодным небам, вылізаныя ветрам, цьмяна льсніліся заледзянелыя лужы на вуліцы, балотныя разлівы, што падступалі да голых зараснікаў»* [7, с. 3]. Снежань пэўным чынам «астудзіў» грымотную восень, але разам з тым ён з яшчэ большай заўзятасцю церусіў снегам і «закручваў» усіх у бядзе: *«Увесь час налятаў вецер, сыпаў снегам у твар, усё намагаўся насыпаць за каўнер. Пасмы снегу раз-пораз перабягалі цераз дарогу, праносіліся ў паветры перад вачыма – ад гэтага ўсё выглядала варухлівым, неспакойным і нібы няпэўным. Уражанне неспакойнасці і няпэўнасці яшчэ ўзмацняла цьмяная шэрань, што атульвала ўсё поле…»* [7, с. 68].

Такім чынам, дэталь-лейтматыў у «Палескай хроніцы» І. Мележа – з'ява надзвычай самабытная і неардынарная, сведчанне цэласнасці мастацкага свету пісьменніка. Яна сумяшчае ў сабе элементы пейзажнай дэталі, псіхалагічнай, сімвалічнай. Надзвычай умела пераплятаюцца ў ёй змены ў самой прыродзе, знешнія, і разам з тым змены ўнутраныя, якія адбываюцца ў душах герояў. Дэталь-лейтматыў праходзіць скразной ніткай праз усю трылогію. Яна аб'ядноўвае раманы ў адно цэлае, дае ім паўнавартаснае, цэласнае жыццё. Яна стварае каларытнасць той эпохі, непаўторнасць кожнага мастацкага штрыха, удыхае асаблівае жыццё ў мастацкі твор.

Дадзеная дэталь эвалюцыянуе, змяняецца, пераўтвараецца: *балота → навальніца → завея, снежань.* Яна мае дынамічны характар. З кожным новым сюжэтным паваротам, дэталь узбагачаецца, «напітваецца» новымі сэнсамі, уключае ў сябе яшчэ больш значнай сімволікі. Такім чынам, дэталь, паўтараючыся і набываючы дадатковыя сэнсы, становіцца дэталлю-лейтматывам, нават больш: перарастае да сімвала. Нездарма яна вынесена ў загаловак кожнага з раманаў. Дэталь-лейтматыў, з аднаго боку, не толькі праясняе задуму аўтара, але найперш агаляе яе. З другога, дэталь-лейтматыў у І. Мележа становіцца сэнсавым фокусам, кандэнсатарам аўтарскай ідэі.

Як вядома, «Палеская хроніка» так і не была скончана, невядома, як бы дэталь-лейтматыў раскрылася ў іншых раманах. Але вядома адно: яна з'яўляецца неад'емным элементам твора, які вылучае трылогію І. Мележа сярод іншых твораў мастацтва сваёй арыгінальнасцю і непаўторнасцю аўтарскай задумы і спосабамі яе рэалізацыі.

Літаратура

1. Добин, Е.С. Герой. Сюжет. Деталь / Е.С. Добин. – М., Ленинград : Советский писатель, 1962. – 408 с.

2. Теории, школы, концепции: критические анализы: художественная рецепция и герменевтика / отв. ред. Ю.Б. Борев. – М. : Наука, 1985. – 286 с.

3. Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учебное пособие / А.Б. Есин. – 9-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 248 с.

4. Мележ, І.П. Людзі на балоце : раман з «Палескай хронікі» : у 6 т. / І.П. Мележ. – Мн. : Юнацтва, 1987. – Т. 5. – 388 с.

5. Развернутая метафора заглавия романа И. Мележа «Людзі на балоце»: глубина мифологического контекста [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://docviewer.yandex.by/view/0/?page=5&*=M5c%2FmWK%2BR%2B2KoN7Xdv85g8xv. – Дата доступа: 15.02.2020.

6. Мележ, І.П. Подых навальніцы : раман з «Палескай хронікі» / І.П. Мележ. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1973. – 512 с.

7. Мележ, І.П. Завеі, снежань : раман з «Палескай хронікі» / І.П. Мележ. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1978. – 240 с.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 15.03.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 811'271'243:39

Языковая репрезентация этнокультурных норм и моделей речевого поведения

Л.И. Богатикова

В статье дается интерпретация понятий «языковые и речевые нормы», «этнокультурные модели поведения», «стереотипы поведения», исходя из позиций национально-культурных особенностей восприятия, интерпретации и оценки окружающей действительности. Предлагаются результаты исследования проблемы репрезентации этнокультурных норм и моделей речевого поведения на лексико-семантическом и коммукативно-поведенческом уровнях. Проводится сравнительный анализ репрезентации этнокультурных норм и моделей речевого поведения в англоязычной и русскоязычной культурах.
Ключевые слова: этнокультурная норма, языковая норма, речевая норма, модель поведения, речевое поведение, стереотипы поведения, стереотипное речевое поведение, стереотипы сознания, репрезентация.

This paper considers the issue of language and speech norms, ethnocultural behavior models and stereotypes based on the cultural peculiarities of perception, interpreting and assessment of environment and reality awareness. The results of the research of ethnocultural behavior norms and models representation in lexics, semantics and speech level are suggested.
Keywords: ethnocultural norms, language norms, speech norms, behavior norms, speech behavior, behavioral stereotypes, stereotypes of perception, representation.

Как известно, в языке отражается окружающая человека действительность, все предметы материальной и духовной культуры, включая как обычаи, традиции, ценности, так и национальные особенности общения, которые проявляются в коммуникативном поведении индивидов определенной лингвокультурной общности. Причем, представители разных культур воспринимают, интерпретируют и оценивают окружающую действительность по-разному, что отражается в системе языка на разных уровнях: лексическо-семантическом, грамматическом, синтаксическом и др. Это проявляется в наличии, например, двух лексических единиц в английском языке, имеющих значение *берег* – *bank* of the river и *shore* of the lake, а в русском языке только слово *берег.* Это объясняется тем, что в языковом сознании представителей англоязычной культуры визуализируются два семантических объекта действительности – *берег реки* и *берег озера* как разные объекты. В то время, как в языковом сознании представителя русскоязычной культуры не имеет значения, какой это берег – или реки, или озера, или моря.

Все эти национально-культурные особенности восприятия находят выражение в поведении человека и культурных моделях поведения. Для каждой культуры характерны свои специфические культурные модели социально приемлемого уместного поведения и эффективного для достижения целей общения (взаимодействия). *Модель поведения* представляет собой комплекс знаков (речевых, неречевых, поведенческих), направленный на создание некоторого образа. В повседневной жизни мы воспринимаем поведение другого человека как целостный образ. Выражая свою позицию, мы делаем это одновременно разнообразными средствами. Так, желая проявить симпатию к какому-либо человеку, мы, как правило, не только скажем ему о своих чувствах, но и передадим их в мягких интонациях голоса, в приветливом взгляде. Этот комплекс знаков образует **модель** поведения. Модель воспринимается как единое целое [1].

Выбор модели поведения – это выбор таких вариантов поведения, соответствующих социальным нормам, которые регулируют поведение людей и помогают личности достичь эффективности общения. Нормы поведения – это правила и стандарты, критерии и моральные оценки допустимости поведения людей. Различают языковые и речевые нормы. Первые – языковые нормы – представляют собой принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил, упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида

[2] и, в целом, совокупность наиболее устойчивых, обусловленных традицией языковых средств и правил их употребления, принятых в данном обществе. В соответствии со структурой языка различаются орфоэпические, лексические (употребление выражения *You're welcome* в ответ на *Thank you*; слова *Sure* вместо *Of course*, *quite* вместо *rather*, чтобы сделать ответ менее категоричным и более вежливым; *dangerous dog*, а не *angry* (так как в английском языке только человек может быть *angry* – злым, а собака – опасной – *dangerous* и проч.), грамматические (словообразовательные, морфологические, синтаксические, например, в английском языке – прямой порядок слов в предложении, наличие вспомогательного глагола в вопросительных предложениях, отсутствие вспомогательного глагола в предложениях, где вопрос ставится к подлежащему, инверсия в условных предложениях, употребление страдательного залога в тех случаях, где в русском языке употребляются действительный залог или неопределенно-личные и безличные предложения типа *This house wasn't lived in* – В этом доме никто не жил, *This room can sleep 10 people* – В этой комнате может разместиться 10 человек и др.), орфографические и пунктуационные нормы. Речевая норма – общепринятое употребление речевых средств общения, соответствующих правилам, традиции и конкретной ситуации общения, обусловленные коммуникативной целью и стратегиями взаимодействия коммуникантов. Языковые и речевые нормы поведения в совокупности составляют этнокультурные нормы, отражающие стереотипизированное поведение представителей определенной лингвокультуной общности.

Таким образом, следует отметить, что понятие нормы и модели поведения тесно связано со стереотипами, поскольку последние отражают исторически сложившиеся общепринятые правила и оценки поведения человека в данной лингвокультурной общности. Стереотипы поведения обусловливают форму и содержание речевых и неречевых действий представителя этнокультуры. Причем в некоторых случаях форма выражения содержания речевых действий может противоречить лексико-грамматическим и синтаксическим нормам конкретного языка, что может приводить в заблуждение неносителя языка, в частности, осознание наличия модальности речевого сообщения. Например, угощая гостя, американская хозяйка может сказать: *«You must have some of this cake»*, что для русскоговорящего может звучать довольно категорично. Однако фраза *«You should have some of this cake. My mother baked it»* звучит грубо; форма *may* также нежелательна, так как предполагает более высокий социальный статус адресанта по отношению к адресату. Аналогично, фраза *«This will be five dollars»* звучит вежливо; подобная модальность используется для смягчения высказывания [3, с. 113]. Это объясняется тем, что понятия об одних и тех же предметах и явлениях действительности в разных культурах различны, поскольку строятся на разных представлениях в национально отличных сознаниях [4, с. 63], т. е. все то, что составляет совокупность сведений о социальных параметрах коммуникантов, детерминирующих стереотипы речевого поведения и, соответственно, этнокультурные нормы и модели поведения.

Однако, как считают некоторые исследователи-этнологи, не следует преувеличивать роль стереотипа, так как модель поведения и реальное поведение – это разные явления. Стереотип выполняет роль программы поведения, реализующейся в конкретных обрядах, обычаях, этикете, труде, игре, моде, отдыхе, праздниках, способах воспитания, ухаживания, оскорбления, наказания и т. д. В идеале стереотип и его реализация должны совпадать, но реально между ними всегда есть расхождение, причем каждое общество вырабатывает свои стандарты строгости и терпимости к нарушению в разных сферах поведения. Поскольку стереотипы не навязаны сверху, а внутренне присущи человеку, кроме внешних регуляторов большую роль играют внутренние – стыд, страх, вина, честь. Из всего многообразия этнических стереотипов этнология выделяет группу стереотипов восприятия, под которыми обычно понимается упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех ее представителей. С помощью этнических стереотипов формируется значительная часть представлений о разных народах [5, с. 182].

Таким образом, поскольку все люди действуют в соответствии с ожиданиями их общества, их поведение можно назвать стереотипным речевым поведением [6, с. 145]. *Стереотипы поведения* – это устойчивое регулярно повторяющееся поведение социокультурной группы и принадлежащих к ней индивидов, которое зависит от функционирующей в этой группе ценностно-нормативной системы. *Стереотипы национального поведения* – это устойчивые

схематизированные модели поведения, являющиеся результатом национально осмысленного опыта и свойственные всем представителям данной этнокультурной общности. Они связаны с правилами и нормами национального речевого этикета. Модели поведения создаются на основе стереотипов сознания как фиксирующих идеальные представления ценностно-нормативной системы, которые в свою очередь выступают основой для формирования стереотипов поведения. Стереотипы поведения внедряют эти модели в жизнь.

Стереотипы поведения представляют собой инварианты деятельности, определяют коммуникативное (и в том числе – вербальное) поведение в той или иной коммуникативной ситуации и хранятся в сознании в виде штампов и выступают в роли канонов [7, с. 179]. Фактически, эти стереотипы предписывают определенное поведение и связаны с речевым поведением, характеризуя и обусловливая его, проявляясь в нем в виде штампов сознания, норм и правил общения.

Стереотипное речевое поведение, как культурно обусловленное и социально уместное проявляется, прежде всего, в определенных нормах поведения, общепринятых в данной лингвокультуной общности, среди которых наиболее доминантными являются вежливость, уважение, рациональность. Под рациональностью понимается умение «выбирать для достижения своей цели из субъективно данных альтернатив и применять то действие, которое приносит наивысшую субъективно ожидаемую чистую пользу» [6, с. 146]. Так, краткость, релевантность при изложении мыслей, максимально эффективный обмен информацией – эти нормы ведения общения можно определить как культурные стереотипы речевого поведения носителей английского языка, которые обусловлены рационализмом и прагматизмом их ментальности.

На коммуникативно-поведенческом уровне ценностно-нормативный план коммуникативной личности проявляется в нормах поведения, закрепленных в языке. Эти нормы поведения обобщают и регулируют множество конкретных ситуаций общения и поэтому относятся к особо важным знаниям, фиксируемым в значениях слов и фразеологизмов и, конечно, в наиболее эксплицитном виде представлены в лексическом строе языка, в том числе в поговорках и пословицах. Особенно это заметно во внутренней форме этих языковых единиц, в которой содержатся такие *смыслы*, которые придают им культурно-национальный колорит, характеризующийся не только национально-специфическим восприятием и интерпретацией окружающей действительности представителями разных культур, но и связанной с этим оценкой воспринимаемых предметов, объектов, явлений, событий и других реалий действительности. Это объясняется тем, что с позиций уникально-специфической формы фиксации мира языковыми знаками внутренняя форма слов и фразеологических единиц является наиболее ярким показателем этнокультурного своеобразия соответствующего коммуникативного коллектива.

Как известно, для каждого народа характерна определённая *коммуникативная культура,* к которой относится, прежде всего, речевой этикет, обусловленный специфическими национально-культурными особенностями коммуникативного поведения представителя иной лингвокультуры в различных ситуациях общения. Речевой этикет регулирует не только речевое поведение, но и общение, в целом. Иными словами, речевой этикет, представляющий собой социально заданные, национально специфичные регулирующие правила и нормы речевого поведения, отражает образ жизни, традиции и обычаи, культуру, мораль и национальный менталитет конкретного этнокультурного социума и отличается в разных культурах и языках. В целом, формулы речевого этикета эксплицируются посредством универсальных теорий вежливости, определенных правил и стратегий поведения и всегда сопровождаются этикетными жестами, т. е. невербальными средствами, характерными для данного социально-территориального этнокультурного сообщества. Об этом может свидетельствовать типичная коммуникативная ситуация «Приглашение», которая существенно отличается в русской и американской лингвокультурах. Для последней характерны определенные, ясные, четко выраженные приглашения *«Can you come to my house for dinner Friday night?»* и неопределенные, типа *«Let's get together sometime».*

Таким образом, на языковом уровне этнокультурные нормы и модели речевого поведения выражаются не только в обычных разговорных формулах, но также в различных лексико-семантических единицах, включая и фразеологизмы, поскольку они представляют собой стереотипы народного сознания и, соответственно, этнокультурных норм и моделей поведения в конкретном культурном социуме.

Ярким примером служит апеллирование в разговоре представителей русскоязычной культуры к душе (*поговорить по душам, брать за душу, жить душа в душу, кривить душой* и т. д.), в то время как представители англоязычной культуры обычно апеллируют к уму и сердцу и даже в некоторых случаях опускают эти понятия в аналогичных ситуациях (ср.: *to have a heart to heart talk, to touch someone to the heart, to live in perfect harmony, to play false with someone / twist / bend the truth* etc.). Выражая сожаление, представитель англоязычной культуры может сказать *It's a shame that*…, что эквивалентно словосочетанию «*очень жаль*» и не означает «стыдно» или «постыдно», а значит *It's too bad that / I regret that*…. Например: *It's a shame I didn't know he was looking for a job – there was an opening in our firm which would have been perfect for him* [8, с. 108].

В англоязычной культуре часто лексические единицы в разговорной речи для выражения содержания речевого действия приобретают совершенно иное значение, например: английское слово *Enjoy!* – может быть аналогом фразы «Приятного аппетита», сокращенного варианта «Желаю вам приятного аппетита»; распространенная фраза *Here you go* означает «начинайте, приступайте к чему-либо», (т. е. что-то делать, т. е. выполнять свои обязанности, задание, кушать, пить чай и проч.).

Очень часто представители русскоязычной культуры используют в общении разговорные формулы, наиболее специфичные для своей культуры, например: «Я это точно знаю» – *I know this exactly*, вместо ***I'm sure of that / I know that for sure / I'm sure that's …*** как это принято в англоязычной культуре. Фразу «Я не возражаю» нельзя автоматически переводить как *I do no object* или *I have no objections*, если говорящий не участвует в принятии решения на каком-нибудь официальном заседании и правильнее было бы сказать ***I can accept that / I'll along with / I can agree that*** [8, с. 113]. Фразу «вряд ли» можно передать как ***It is hardly likely that / It seems most unlikely that / I really doubt that***… Возражение «Не может быть!» нельзя переводить *That's impossible!,* правильнее сказать *You don't say! / You must be kidding / joking! / Come on!*

Стереотипные этнокультурные нормы и модели речевого поведения – это выработанные обычаем, клишированные, застывшие способы совершения некоторого коммуникативного действия, которые вербализуются посредством клише, фиксированных форм разной степени сложности и объема, выполняющих одну элементарную коммуникативную функцию даже в тех случаях, когда в их произнесении участвует не один, а несколько участников общения, как это происходит при обмене приветствиями или при прощании [9, с. 120]; к ним относятся формулы приветствия, прощания, извинения, комплименты, соболезнования, вводные разговорные формулы и прочее. Особенно это заметно во фразеологических единицах языка, в которых выражены ценности и установки, принятые в той или иной культуре, которые разделяют представители данной лингвокультуры и которые регулируют и обусловливают поведение представителей лингвокультурной общности в конкретных ситуациях общения. Как правило, в рамках собственной культуры такие «формулы ценностей», норм и этнокультурных моделей поведения не подвергаются критическому осмыслению, а принимаются на веру. Причем как в лексических, так и во фразеологических единицах отражена функционально-содержательная сторона речевых действий (одобрение, порицание, убеждение, осуждение, упреки и другие моральные установки), детерминирующих речевое поведение представителя культуры и выражающих определенные этнокультурные нормы поведения, в целом, т. е. нормативные типы речевого поведения: правдивость, лживость, болтливость, степень участия интеллекта в речевом поведении, доброе намерение и др.

Сюда можно отнести следующие лексические единицы, как понятия *cover charge* – фиксированная входная плата в некоторых барах, поэтому при входе в бар рекомендуется спросить: *Excuse me, is there a cover charge?*; *Happy hour* – в некоторых барах есть время, когда снижаются цены на напитки*; Lady's night* – вечер, когда даме каждый раз подаётся бесплатный бокал напитка, когда спутник заказывает какой-либо напиток себе; *«pot luck dinner»* – когда каждый из приглашенных гостей приносит свое блюдо (т. е. в белорусской культуре это называется «обед в складчину»).

К фразеологическим единицам, наиболее часто употребляемым в англоязычной культуре, в которых имплицитно отражаются определенные правила, нормы и модели поведения

и соответственно регулируются отношения людей и руководствуются представители данного этноса можно отнести следующие:

– *to pass with flying colours* – преодолеть какое-либо препятствие; пройти на «ура», с большим успехом /блестяще; одержать победу (в настоящее время очень часто употребляют студенты и школьника, сдавшие успешно экзамены);

– *to flog a dead horse* – заниматься бесполезным делом, зря тратить силы, напрасно стараться / стремиться оживить угасший разговор, пропавший интерес к чему-л., делать бесполезные попытки, гиблое дело;

– *whistle for it* / *whistle for a wind* – иди свищи / ждать у моря погоды;

– *to get cold feet* – струсить в последнюю минуту, смалодушничать, пойти на попятную;

– *to have a skeleton in the cupboard* – иметь тщательно скрываемую тайну, скелет в шкафу;

– *to go the whole hog* – не останавливаться на полумерах, довести до конца;

– *how the other half lives* – как живут более богатые люди (более бедные);

– *to keep up with the Joneses* – чтобы не отставать от Джонсов /от соседей; быть не хуже других.

Л. Виссон дает рекомендации по ведению разговора с представителями англоязычной культуры и в первую очередь советует, что, говоря по-английски, носитель русского языка должен следить за тем, чтобы его речь не звучала слишком категорично, в частности, это касается безличных положительных конструкций, типа «Надо пойти в магазин / закончить эту работу». Неправильно дословно переводить эти фразы на английский язык, как *It is necessary to go to the store, It is necessary to finish this work*; правильнее эту мысль передать конструкцией *There is a need to…* Например: There is a need to take measures to stop this. Но поскольку эта разговорная фраза звучит слишком официально, рекомендуется употреблять конструкцию – личное местоимение + глагол need / have / got to… Например: *I've /We've got / have to go to the store / We need / have to go to the store / I've / We've got to finish this work* [8, с. 114].

Учитывая различия в этнокультурных нормах и моделях речевого поведения, можно сделать вывод, что положительные результаты обучения межкультурному общению возможны при учете национально-специфических и этнопсихологических особенностей культур, осознании существующих стереотипов, владении средствами языковой системы, наличии умений соотносить языковые средства с задачами и условиями общения, организовать его с учетом этнокультурных норм поведения и овладении культурными стереотипами поведения.

Литература

1. Модели поведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : //**studopedia.su**›9 71193 modeli-povedeniya.html. – Дата доступа : 22.02.2020.

2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

3. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – Волгоград : «Перемена», 2002. – 434 с.

4. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособ. / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 264 с.

5. Мандель, Б.Р. Этнопсихология: учеб. пособ. / Р.Б. Мандель. – М. : Флинта, 2019. – 320 с.

6. Овшиева, Н.Л. О стереотипном речевом поведении / Н.Л. Овшиева //Вестник ОГУ. – 2002. – № 6. – С. 145–148.

7. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М. : «Гнозис», 2002. – 283 с.

8. Виссон, Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Л. Виссон. – М. : Изд-во «Р. Валент», 2003. – 192 с.

9. Токарева, И.И. Этнолингвистика и этнография общения / И.И. Токарева. – Мн. : МГЛУ, 2001. – 244 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 31.03.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 811.161.1'371

Семантическая модель образования неометафор со сферой-источником «компьютер и электронные коммуникации» в современном русском языке

О.С. Гуркова

Статья посвящена проблеме метафорического моделирования реальности, в частности, анализу семантической модели образования неометафор со сферой-источником «компьютер и электронные коммуникации» и её подмоделям в современном русском языке.
Ключевые слова: метафора, семантическая модель, компьютерная неометафора, электронные коммуникации.

The article touches on the problem of metaphorical modeling of reality, in particular, it analyzes the semantic model of neometaphor formation with the source sphere «computer and electronic communications» and its submodels in the modern Russian language.
Keywords: metaphor, semantic model, computer neometaphor, electronic communication.

Одним из наиболее популярных и широко распространенных методов в научно-исследовательской деятельности является моделирование. Этот метод характеризуется наглядностью, компактностью, возможностью преобразований и трансформаций, обладает мощной эвристической силой. В лингвистике широкое распространение термины «моделирование» и «модель» получили в 1950–1970 гг., благодаря возникновению математической лингвистики и проникновению в языкознание идей и методов кибернетики [1, с. 304].

Применительно к анализу семантики в российском языкознании автором термина «модель» считается Д.Н. Шмелев, который писал о распространенности « контекстно обусловленных метонимических замен, опирающихся на более или менее устойчивую *семантическую модель*» [2, с. 32], [3, с. 64].

Изучение метафоры становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая разные области знания – философию, логику, психологию, психоанализ, герменевтику, литературоведение, литературную критику, теорию изящных искусств, семиотику, риторику, лингвистическую философию, разные школы лингвистики. Интерес к метафоре способствовал взаимодействию названных направлений научной мысли, их идейной консолидации, следствием которой стало формирование когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания [4, с. 5].

Теории метафорического моделирования и описанию конкретных моделей посвящено множество специальных публикаций, причем особенно активно это направление развивается в конце XX века – начала XXI вв. Так, В.Д. Стариченок отмечает: «Моделирование как метод познания и структурной характеристики объекта в конце XX века оформилось в самостоятельное научное направление – теорию моделирования действительности» [5, с. 14].

Целью данного исследования является изучение и описание семантической модели образования неометафор со сферой-источником «компьютер и электронные коммуникации (ЭК)».

В описании метафорических моделей имеются существенные различия как в установлении их компонентного состава, так и в характеристике этих компонентов. Однако, несмотря на различия, в параметризации семантических моделей метафоризации, их количественном и качественном составе, все же сходным является указание на обязательное выделение денотативно-понятийных сфер (или других семантических объединений), к которым относятся производящие и производные значения и, реже, основание / мотивация переноса (хотя на практике при описании конкретных метафорических моделей семантический компонент, связывающий первичные и вторичные (метафорические) значения, чаще всего не отмечается). В целом же построение метафорических моделей, как разновидности моделей семантической деривации, воссоздает процедуру проецирования области-источника на область цели и выявляет сущность различных метафорических наименований [6, с. 133].

Существует несколько подходов к моделированию, которые и отмечает Ю.В. Кравцова, – «когнитивный, базирующийся на постулатах лингвокогнитологии с учетом достижения когнитивной и лингвистической семантики (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, И.М. Кобозева, В.В. Петров, А.П. Чудинов и др.), семантический, продолжающий традиции лингвистической семантики и осуществляющийся в русле семантической дериватологии в контексте ключевых положений когнитологии (Л.А. Кудрявцева, М.Н. Лапшина, О.Н. Лагута, Г.Н. Скляревская, Н.П. Тропина и др.), согласно которым метафора рассматривается соответственно как когнитивная и семантическая модель» [7, с. 184], и семантико-когнитивный подход (Ю.В. Кравцова, Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.В. Лукашевич, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.).

И семантическое, и когнитивное направления констатируют факт существования в сознании носителей языка типовых моделей (схем) метафорических употреблений слов [8, с. 28].

Следует подчеркнуть, что когнитивная лингвистика повлияла на развитие теории моделирования действительности, а труд Дж. Лакоффа, М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» стал настольной книгой современных линговометафорологов.

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение».

Высвечивание отдельных свойств источника в области цели, возникающее в процессе метафорической проекции и проявляющееся на уровне предложения в тексте в виде метафорических следствий, часто называют «профилированием» [8, с. 9].

Одним из направлений когнитивной теории метафоры является дескрипторная теория (А.Н. Баранов), которая представляет собой формализованное описание большого корпуса контекстов использования метафор для исследования метафорики дискурса в целом. А.Н. Баранов описывает типы сочетаемости метафорических моделей, их комбинаторику, в частности, на примере контекстов употребления метафорической модели МЕХАНИЗМА [9].

В конце XX – начале XXI вв. лексикологи и специалисты других областей языкознания активно включились в изучение нового коммуникативного пространства – Интернета: его лексики, фразеологии, жанрового репертуара и т. д. Одним из специфических объектов исследовательского интереса стали компьютерные неометафоры, используемые как специалистами, так и рядовыми пользователями, а также, что весьма показательно, вышедшие за пределы «материнской» сферы функционирования – сферы ЭК – в максимально широкое дискурсивное пространство.

Так, для современного коммуникативного пространства характерным явлением стало то, что пользователи современных средств ЭК, таких как SMS, блоги, форумы, чаты в сети Интернет (Рунет, Байнет) стали переносить фразы и слова, восходящие к электронным коммуникациям, в обыденное общение и другие дискурсы, в которых они нередко метафоризируются.

Рассмотрим некоторые примеры наиболее распространенных «сфер отправления», «сфер прибытия», а также сами лексические единицы, восходящие к сфере ЭК, уже «осевшие» в русской разговорной речи последних лет в качестве своеобразных неометафор. Понятия «сферы (зоны) отправления / источника» и «сферы (зоны) прибытия» мы используем вслед за сторонниками когнитивной теории метафоры Лакоффа-Джонсона [8].

Новое коммуникативное пространство электронных коммуникаций породило следующие сферы-источники метафоризации: 1. Интернет-переписка в социальных сетях, чатах, форумах. 2. Компьютерные игры. 3. Компьютер, компьютерные программы.

Неометафоры, тематически связанные со сферой ЭК, вышедшие за пределы изначальной зоны своего бытования, фиксируются в различных дискурсивных практиках – от обыденного общения в молодёжной среде (в том числе жаргонного, представленного прежде всего англицизмами) до медиадискурса и современной художественной литературы, в особенности – сетевой.

Так, О.Н. Лагута отмечает, что «достаточно популярным в когнитивистике стало метафорическое объяснение механизмов коммуникативной деятельности, в том числе и метафорогенной, через сравнение правил функционирования естественного интеллекта и искусственного.

Термином-деперсонификацией «компьютерная метафора» описываются исследования, сравнивающие мозг и разум человека с компьютерными программами. Человек наделяется способностями, подобными компьютерным: оперировать системами символов, осуществлять различные операции с ними, обрабатывать и хранить информацию» [10, с. 71],[11, с. 39].

В процессе моделирования того или иного семантического континуума реализуются прямые и (обратные) модели [12, с. 16]. В обратимых семантических моделях происходит замена сферы-источника сферой прибытия. В диссертационном исследовании А.А. Абрамовой «Обратимость метафорических моделей «человек – это механизм» и «механизм – это человек» в русской языковой картине мира» метафорические модели «человек – это компьютер», «компьютер – это человек» рассматриваются как аналогия механических метафор [2, с. 89]. Например, **компьютер – человек**: *Процессор – **это мозг** Вашего компьютера* (https://www.intel.ru/content/www/ru/ru/architecture-and-technology) ***'Думает'** компьютер программами.* (https://www.trud.ru_kak_dumaet_kompjuter.html); **человек – компьютер:** *Человек – это ёмкость для информации. Человек – это Информационный Программный Модуль* (https://www.proza.ru/2010/08/01/1263). При описании названных выше обратимых метафорических моделей А.А.Абрамова выделяет для каждой из них следующие подмодели: функциональные части компьютера – психологические способности человека, строение компьютера – строение человека, процессы, осуществляемые компьютером – деятельности человека (ментальная и физическая), ментальные способности человека – структурные единицы компьютера, ментальные и психические состояния человека – функционирование компьютера [12].

Предложенную классификацию в несколько скорректированном виде считаем целесообразным адаптировать для описания семантических моделей неометафор, тематически восходящих к ЭК.

Рассмотрим в качестве примеров некоторые семантические модели переноса в сфере образования неометафор, восходящие к сфере электронных коммуникаций, в современном русском языке.

1. Структурные единицы компьютера – ментальные способности человека: *У меня **процессор** многозадачный))) Читаю почту, заодно смотрю косяки бухгалтерии при расчетах, Афта. Ру, две Евы открыто, параллельно отвечаю по телефону периодически, иногда думаю о чем-то, ацку отключил, ..., етс КРОМАНЬОНЕЦ, 2005.01. 19 09: 27. Вот на этот **генетический винчестер** и решили специалисты записывать все, что требует вечного хранения. – Нам уже удалось в одной молекуле закодировать 154 сонета Шекспира, речь Мартина Лютера Кинга и тысячи фотографий…* (Светлана Кузина. На спираль ДНК записали сонеты Шекспира // Комсомольская правда, 2013.03.07); *Если ты захочешь воспользоваться информацией, которой забиты человеческие цифровые носители, тебе придется закачивать ее в себя через **человеческий интерфейс** – два глупых глаза и медленно анализирующий буквы мозг.* (Виктор Пелевин. Бэтман Аполло. 2013).

***2.* Программы и программное обеспечение компьютера – характеристика человека (состояние человека):**

*Девочка, где этот **сбой в программе**, где эта грань*, / Кто все нарушил, смял, в микросхему залез? https://www.stihi.ru.) Как видно, с помощью неометафоры «сбой в программе» происходит организация метафорического контекста, в котором описывается состояние девушки.

*У мужа есть странный **баг** – доедать то, что уже откусила я. На дощечке гора нарезанной колбасы, но он возьмет единственный надкусанный мною кусочек* (Когда у соседа трава зеленее. https://pikabu.ru). Программная ошибка (жарг. баг) означает ошибку в программе или в системе, из-за которой программа выдает неожиданное поведение и, как следствие, результат. Посредством метафоризации неолексемы *баг* автор контекста (женщина) указывает на недостаток воспитания своего мужа.

*Ты **архивирован,** словно таблица, / Ты экспортирован в левый сервак. …* (https://www.stihi.ru/2019/06/09/6739). Архивация – это сжатие одного или более файлов с целью экономии памяти и размещение сжатых данных в одном архивном файле. В данном контексте реализуется метафорическое значение лексемы архивации – 'прекращение общения'.

3.Ментальные и психические состояния человека – функционирование компьютера. В книге Дж. Лакоффа, М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» описывается

концептуальная метафора машины, которая, как мы считаем, семантически очень близка метафоре «компьютер – человек»: «Метафора МАШИНЫ создает представление о разуме как об устройстве, которое характеризуется фазами включения-выключения, эффективностью, производственной мощностью, в котором есть внутренний механизм, источник энергии, которому свойственны те или иные условия эксплуатации» [8, с. 53]. Ср.: ***Безлимитная любовь*** *– / Сколько хочешь бери, сколько хочешь бери! / Я совсем с ума сошла. / Ты меня обнули, ты меня обнули… / Ты подобрал пароль, ты был так близко. / Зачем меня взломал, кидаю в «чёрный список»* (Безлимитная любовь. https://www.gl5.ru).

Переходя к следующим примерам, следует отметить, что «слово … манифестирует свои значения не изолированно, а в контексте, в непосредственной связи с другими словами, которые создают условия для новых трансформаций и семантических изменений лексических единиц» [9, с. 30]. Ср.:

В среду она шагнула в открытое окно. А тот, кому были посвящены ***гигабайты истерики*** *на ее страничке, написал у себя «печалька»…. Вот такие они, современные страсти современных детей… Совсем нешуточные* (Елена Николаева. Сестра-близняшка несколько месяцев уберегала семиклассницу от самоубийства // Комсомольская правда, 2012.04.05).

Гигабайты счастья и терабайты любви нам! (Татьяна Love, «Гигабайт любви». https://www.liveinternet.ru). Гигабайты и терабайты – единицы измерения объема памяти компьютера [13, с. 245]. С помощью данных неометафор можно максимально представить «объем чувств», о которых идёт речь.

4. Компьютерные команды – управление человеческой жизнью. Например, лексема ***delete*** (в прямом значении – 'клавиша компьютерной клавиатуры, которая служит для удаления символов, находящихся справа от курсора') нередко используется для выражения желания избавиться от печали и негативных воспоминаний и эмоций: *Всё любимый, без обид – нажимаю на delete* (Юлика, «Delete»); *К утру я постараюсь уснуть, пусть даже очень сильно болит. А завтра, всё что было с тобой – я в памяти нажму на delete* (КейСи, «Соль от слёз»); *Не оставляя из прошлого следы. Нажму на сердце delete, сотру всё то, что болит* (Н. Гулькина, «Нажму на кнопку «Delete»); *И жизнь поставив на репит, чтоб только не нажать delete* (UniSex, «Delete»). Как видно, слово *delete* используется в метафорическом значении 'стереть из памяти, забыть'. Неометафора *delete* в данных контекстах, таким образом, представляет собой средство передачи психологического состояния человека.

Обратимся еще к одному примеру: *Мальчик мой, что с тобой, почему не весел? /… Бросил! – меня тут мучают скрипом кресел, / Сверлят, ломают; негде нажать cancel…* (https://rustih.ru/vera-polozkova-pyatietazhka). Как известно, ***cancel*** – это 'отмена команды или сигнала; стирание информации или записи'. В данном же контексте эта лексема приобретает значение 'желание прекращения пребывания в определённом психическом состоянии'.

Обратим также внимание на то, что неометафоры, восходящие к ЭК, чаще всего используются как средство вербализации чувств, связанных с неудачно сложившимися отношениями в любви и пр.

Подводя итоги, отметим, что активными сферами-источниками для создания неометафор в современном русском языке являются интернет-переписка в социальных сетях, чатах, форумах; компьютерные игры; компьютер, компьютерные программы, а сферами прибытия при этом чаще всего становятся обыденные понятия повседневной жизнедеятельности человека, сферы его интеллектуальной деятельности, чувств и эмоций, что находит своё отражение в различных видах дискурсивных практик – разговорно-бытовом общении, СМИ, художественных текстах.

Глобальная метафора «компьютер – это человек» является обратной модели «человек – это компьютер», которые в свою очередь, построены по аналогии с моделями «человек – это механизм», «механизм – это человек». В проведённом нами исследовании внимание было акцентировано на семантической модели «человек – это компьютер», что представляется наиболее актуальным при изучении неометафор, вышедших за пределы «материнской» сферы.

Установлено, что метафорическая модель «человек – это компьютер» включает в себя несколько подмоделей: структурные единицы компьютера – ментальные способности чело-

века; программы и программное обеспечение компьютера – характеристика человека (состояние человека); ментальные и психические состояния человека – функционирование компьютера; компьютерные команды – управление человеческой жизнью.

Литература

1. Булыгина, Т.В. Модель / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

2. Абрамова, А.А. Обратимость метафорических моделей «человек – это механизм» и «механизм – это человек» в русской языковой картине мира : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Абрамова.– Томск, 2017. – 254 с.

3. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 248 с.

4. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник ; пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М. : Прогресс, 1990 – 512 с.

5. Старичёнок, В.Д. Образ человека в белорусском языковом континууме / В.Д. Старичёнок. – Мн. : Колорград, 2018. – 292 с.

6. Кравцова, Ю.В. Семантические лингвометафорологические исследования рубежа XX–XXI вв. / Ю.В. Кравцова// Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – 2011 – Т. 24 (63), № 1, ч. 1. – С. 130–136.

7. Кравцова, Ю.В. Моделирование в современной лингвистике [Электронный ресурс] / Ю.В. Кравцова // Вестник Житомирского государственного университета. – Вып. 5 (77). – Режим доступа : eprints. zu. edu. ua. – Дата доступа : 04.02.2020.

8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

9. Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–74.

10. Лагута, О.Н. Метафорология: теоретические аспекты / О.Н. Лагута. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Ч. 1. – 114 с.

11. Алешина, О.Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.Н. Алёшина. – Новосибирск, 2003. – 360 с.

12. Абрамова, А.А. Обратимые метафорические модели «человек – это компьютер» и «компьютер – это человек» в русской языковой картине мира / А.А. Абрамова // Известия Алт. гос. ун-та. – 2012. – № 2/2 (74). – С. 149–152.

13. Скляревская, Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI. Актуальная лексика / Г.Н. Скляревская [и др.] ; под. ред. Г.Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2008. – 1136 с.

Мозырский государственный педагогический
университет им. И.П. Шамякина

Поступила в редакцию 06.04.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 811'371'367.332.7

Оформленность артиклем эмотивной номинации в предикативе

А.А. Кирюшкина

Данная статья посвящена изучению взаимообусловленности артикля, употребляемого перед эмотивной номинацией, позицией в предложении, которую она занимает. В этой связи в центре внимания оказываются проблемы субъективной номинации как результата смещения или потери семантической референции. Автор исследует речевое поведение говорящего и рассматривает артикль как инструмент реализации его коммуникативных установок: неопределенный артикль, выполняя признаково-интенсифицирующую функцию, акцентирует внимание на образе как коммуникативном центре высказывания; определенный артикль перед эмотивной номинацией смещает коммуникативный акцент на наименование исключительного качества, свойства.
Ключевые слова: эмотивные номинации, предикатив, артикль, говорящий субъект.

The article is devoted to the study of the interdependence of the article used with an emotive naming unit and its position in a sentence. The paper focuses on the problem of subjective nomination as a result of displacement and loss of semantic reference. The author investigates the speaker's verbal behaviour and considers the article as a tool for implementing his/her communicative intentions: the indefinite article, performing a sign-intensifying function, draws attention to the image as a communicative center of the utterance; the definite article used with the emotive naming unit shifts the communicative emphasis to the name of an exceptional quality, property.
Keywords: emotive naming units, predicative, article, speaker.

Представляя собой субъективные переживания, эмоции являются одним из наиболее явно обнаруживающихся феноменов внутренней жизни человека. Эмоции пронизывают всю коммуникативную деятельность человека с момента его рождения до ухода из жизни: эмотивность языка охватывает пространство от первого неосознаваемого крика ребенка до разных видов сознательного использования эмоций в речи взрослого человека, она касается выражения эмоций, их описания и обозначения в языке.

Следует отметить существование разногласий в определении эмоций, причины которых заключаются в различии концептуальных подходов авторов к данной проблеме. Отправным пунктом любой теории эмоций является ответ на вопрос о том, каков круг тех психических процессов, которые можно причислить к эмоциям; каковы условия и причины их возникновения; какие функции им свойственны и т. д. На наш взгляд, при анализе механизмов языкового выражения эмоций наиболее привлекательной является точка зрения, согласно которой человек «переживает то, что с ним происходит или совершается, он относится определенным образом к тому, что его окружает. Переживание этого отношения человека к окружающему составляет сферу чувств или эмоций. Чувство человека – это отношение его к миру, к тому, что он испытывает и делает, в форме непосредственного переживания» [1, с. 160]. В данном определении существенны два момента:

1) указание на релятивный характер эмоций (эмоция – это всегда отношение субъекта к кому-либо, чему-либо);

2) акцентирование непосредственности эмоционального переживания.

На наш взгляд, именно эти две константы составляют сущность «типичной» эмоции, получающей номинацию в естественном языке.

Будучи неотъемлемой частью речевой деятельности и человека в целом, эмоции являются в то же время и одной из важнейших характеристик последнего, ибо через языковое выражение эмоций познается и сам человек как языковая личность.

С антропоцентрической точки зрения человек, использующий систему языка, сводится к понятию «говорящий субъект»: акцентируется его роль как главного действующего лица мира, о котором он говорит. При этом речевой акт объективно рассчитан на собеседника /

слушателя. В лингвистической литературе второй (пассивный) участник коммуникации именуется по-разному: получатель (потребитель) речи, рецептор (реципиент), декодирующий, слушающий, собеседник, интерпретатор и т. д. В данной статье мы будем пользоваться термином адресат, в силу того что, на наш взгляд, данный термин особо подчеркивает сознательную направленность высказывания к лицу (референту). Говорящий – человек, которому свойственно радоваться и огорчаться, злиться, разочаровываться, изумляться, бояться и т. д. Испытываемый спектр эмоций находит отражение в речи, направленной к другому человеку, также наделенному способностью испытывать разнообразные эмоциональные состояния. Поскольку для общения *человек–человек* значимость человеческого, субъективного фактора наиболее высока, эмотивные номинации лица как объекта оценки приобретают особую прагматическую важность. Отметим, что термины «эмоциональность», «эмоциональный» соотносятся с психическим состоянием человека (говорящего, адресата), а термины «эмотивность», «эмотивный» – с языковой единицей, указывающей на наличие у говорящего определенного эмоционального проявления. Принимая это положение, мы называем эмотивными средства, способные репрезентировать эмоции и отражать эмоциональность говорящего, его отношение. Употребление частей речи с сигнификативным – оценочным, признаковым – значением характерно для позиции предикатива. Анализируемые эмотивные номинации предикатива соотносятся чаще всего со вторым лицом, что объясняется неоднозначностью семантической референции третьего лица, способного отсылать и к человеку, и к предмету:

Tu sais quoi, George ? Tu es un vrai con [2, p. 116].

Bah, a dit Rufus, toi, tu es un dingue! [3, p. 14].

Vous êtes un génie, vraiment [4, p. 53].

Vous êtes un gentil, un vrai gentil, mais vous êtes irréaliste! [2, p. 45].

В позиции предикатива эмотивные номинации представлены:

предметными именами, содержащими сему *être vivant*:

1. антропонимами:

– именами собственными: *Je suis César. Tu es Brutus* [5, p. 420];

– реляционными: *Tu es la bonne épouse, la bonne mère, la bonne amante, la bonne maîtresse de maison. Tu es cette femme exceptionnelle que j'apprécie* [5, p. 442];

– собственно-оценочными: *L'intrigue est brinquebalante, les personnages n'ont pas d'épaisseur, vous êtes un raté* [5, p. 336];

2. не-антропонимами:

– зоонимами: *Pas toi, toi tu es un affreux canard même pas foutu de voler, tu marches comme un canard* [2, p. 109];

– ботанимами: *Tu es un vrai chou, tu le savais, Eddie*? [3, c. 42];

– именами ирреальных существ : *Je pense que tu es mon ange* [6, c. 342];

3. предметными именами, не содержащими сему *être vivant: On sent que vous êtes une locomotive dans cette société* [4, p. 50];

4. абстрактными именами: *Vous êtes l'amour de ma vie, le prince charmant dont je rêvais étant petite* [5, p. 855].

Отметим, что в позиции предикатива эмотивные номинации регулярно сопровождаются неопределенным артиклем (значительно реже – посессивом, детерминативом или определенным артиклем). В признаковой семантике предикатива артикль un / une позволяет обобщить признак и представить его в форме суждения о референте (подлежащем).

Сравним употребление в позиции предикатива прилагательного и субстантивированного прилагательного с неопределенным артиклем: *Vous êtes gentil. – Vous êtes un gentil* (*Arthur, vous êtes un gentil, un vrai gentil, mais vous êtes irréaliste* [2, c. 45]. И в первом, и во втором случае речь идет об *оценке* субъекта: «gentil – aimable, complaisant, plein de bons sentiments à l'égard d'autrui; qui manifeste ce caractère; délicat» [7]. При этом, проявление качества, названного прилагательным, для описываемого лица может быть случайным, ситуативным, вызванным обстоятельствами конкретной ситуации общения, тогда как во втором случае названный признак превратился в постоянный и характерный для человека, характеризующий

его в принципе как отличительная особенность. Неопределенный артикль выполняет прагматическую функцию и становится показателем интенсификации сигнификативного компонента имени, обогащенного в данном случае семантикой прилагательного *un vrai gentil*, что в совокупности акцентирует внимание на интенсивности проявления качества. Ср. также

Que vous êtes belle, attirante, que vous aimez vos formes, que vous avez de jolis yeux, une belle poitrine, que vous êtes une femme formidable qui réussit ce qu'elle entreprend [8, c. 65].

Bah, a dit Rufus, toi, tu es un vrai dingue! [3, p. 14].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что качественные прилагательные составляют своего рода классический эталон предикатов, значение которых обладает таким свойством, как наличие субъективно-оценочных коннотаций [9, с. 342]. И если идентифицирующие слова «как бы замещают мир в сообщениях о нем», то назначение предикатных слов – выражать то, что мы «думаем о мире»: «Первые ориентированы на объективный мир, вторые – на познающего субъекта» [9, с. 343] Можно высказать предположение, что неопределенный артикль перед предикативом ориентирован на объективный мир, т. е возвращает эмотивную номинацию *в мир говорящего,* но уже как субъективное именование конкретного человека (антропоним). Поэтому *un vrai dingue, une femme formidable, un vrai gentil* и т. п. – номинации, которыми говорящий называет и *вычленяет* своего собеседника среди других, и одновременно выражает то, что *думает* о нем и как оценивает.

Коммуникативной разновидностью предикатива являются конструкции *c'est* с эмотивной номинацией:

C'est un magicien noir, mais vous êtes une magicienne encore plus forte: vous avez le pouvoir de stopper votre mental, et même de le manipuler! [8, p. 63].

Mais c'est une folle, maugréa-t-il. C'est une histoire de dingues [2, p. 25].

Местоимение *ce* передает указание говорящего, часто субъективное, а эмотивные номинации *un magicien noir, une folle* называют конкретного человека. Идентифицируя конкретного человека через эмотивную номинацию, говорящий выражает одновременно и свое личное, субъективное отношение. Иными словами, подобные конструкции представляют собой субъективное обобщение, вывод.

В позиции предикатива можно встретить (довольно редко) эмотивные номинации с определенным артиклем. Ср.:

Tu es la perle rare qui me correspond parfaitement [5, p. 397].

Vous êtes le cristal de sel dans le beurre salé, celui qui fond sur la langue et réveille les papilles, celui qui croque sous la dent et donne une autre saveur à ce que l'on mange, un goût bien meilleur [5, p. 445].

Vous êtes le coup de foudre que je n'ai pas eu plus jeune, celui qui fait battre mon coeur et naître mes sourires [5, p. 455].

Лингвисты, обращая внимание на оформление предикатива определенным артиклем, настаивают на проявлении морального обобщения. Г. Гийом пишет, что в этих случаях артикль *le* выполняет не генерализирующую функцию, а передает моральное впечатление от образа, что выходит за пределы обобщения: «une impression morale plus ample qui déborde cette généralité» [10, p. 220]. Иначе говоря, *le / la,* реализуя в этих случаях референцию предикатива, тем самым превращает его в наименование-олицетворение названного – исключительного, единственного – качества / признака / свойства [11, с. 95].

Предикатив может оформляться и демонстративом, первичным значением которого является его дейктическая природа. Однако в следующем высказывании появляется стилистическое, эмфатическое употребление демонстратива: *Vous êtes ce grain de sable. Juste ce grain, là. Rien de plus* [6, p. 39]. Смещенная референция имени с демонстративом есть результат активности говорящего, который указывает не на идентификацию, а на качество референта, отношение к нему [12, с. 177]. Демонстратив способствует почти физическому восприятию малости, незначительности, заурядности человека, сравниваемого говорящим с песчинкой.

Наконец, в позиции предикатива встречаются эмотивные номинации с посессивом:

Vous êtes ma lionne, indomptable, majestueuse, féline, bondissante de votre perron vers de grands espaces, vers notre liberté dans laquelle nous aurions pour seule limite,les terres inconnues de la passion.

Vous êtes ma Cléopâtre et moi, je suis votre Marc Antoine et, ensemble, nous soumettrons le temps pour des jours fastueux jusqu'à ce que l'amour nous emporte dans la bataille d'Actium [5, p. 912].

В данном случае возникает прагматическое значение посессива вследствие выхода его за пределы значений грамматической категории. Подобное употребление согласно классификации Ж. и Р. Лебидуа передает симпатию говорящего и приобретает аффективное значение: «il s'agit du langage en tant qu'affectif, en tant qu'expression des faits ou des états de sensibilité» [13, p. 187]. При этом согласование посессивного детерминатива с лицом говорящего наиболее ярко транслирует его любовное отношение. Передавая свое отношение к референту, имя которого оформлено посессивом *ma*, говорящий намеренно смещает референцию названного имени в сторону субъективной – эксклюзивной принадлежности.

Таким образом, специфика синтаксической позиции предикатива, его признаковая, оценочная семантика обуславливает преимущественное использование в этой позиции собственно-оценочных имен. Цель высказывания с эмотивным предикативом – выразить отношение к адресату (второе лицо).

Эмотивные номинации в предикативе – яркое проявление их прагматической природы. Г. Гийом пишет: «La faculté de donner à l'attribut soit l'aspect adjectivé soit l'aspect nominal enrichit la langue des écrivains de nuances délicates, difficiles, toutefois, à définir en termes explicites. Il faut les sentir» [10, p. 284]. Итак, эмотивная номинация в предикативе идентифицирует и одновременно характеризует субъект, передает отношение через его положительный или отрицательный *образ* (номинация с *un, une), олицетворение* (номинация с *le, la).* При этом значение идентификации реализуется единичной референцией к подлежащему и индексальной детерминацией.

Литература

1. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 713 с.
2. Levy, M. Et si c'était vrai... / M. Levy. – Paris : Édition Robert Laffont, 2000. – 184 p.
3. Goscinny, R. Le Petit Nicolas / R. Goscinny, J-J. Sempé. – Paris : Gallimard, 1999. – 167 p.
4. Foenkinos, D. La délicatesse / D. Foenkinos. – Paris : Gallimard, 2009. – 224 p.
5. Carteron, N. Viens, on le fait / N. Carteron. – Paris : Librinova, 2018. – 391 p.
6. Gavalda, A. Échapée belle / A. Gavalda. – Paris : France Loisirs, 2010. – 389 p.
7. Larousse: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne [Ressource électronique]. – Mode d'accès : https://www.larousse.fr/portail/. – Date d'accès : 15.01.2020.
8. Giordano, R. Ta deuxième vie commence quand tu comprends que tu n'en as qu'une / R. Giordano. – Paris : Pocket, 2017. – 256 p.
9. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
10. Guillaume, G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. – P. : Hachette, 1999. – 318 p.
11. Грачева, Л.А. Обращение и проекция его семантики на формирование функционально-эмотивных номинаций во французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л.А. Грачева. – Мн., 2000. – 115 с.
12. Степанова, А.Н. Очерки-размышления и цитации о прагмасинтаксисе французского языка: имя и его детерминативы / А.Н. Степанова. – Мн. : МГЛУ, 2000. – 279 с.
13. Le Bidois, G. Syntaxe du français moderne. Ses fondements historiques et psychologiques / G. Le Bidois, R. Le Bidois. – P. : Picard, 1998. – 1354 p.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 29.01.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 811.133.1'373.233-053.9:811.161.1'373.233-053.9

Номинации лиц старшей возрастной группы (на материале французского и русского языков)

А.А. Кирюшкина, Т.В. Куделка

Объектом анализа в статье являются номинации лиц старшей возрастной группы в русском и французском языках на предмет выявления их семантических особенностей и функциональной нагрузки. Авторы рассматривают национально-культурную специфику вышеназванных номинаций и анализируют присущее им коннотативное значение, вскрывая объективно существующие в психике носителя языка, как представителя того или иного этноса, семантические связи слов, языковые стереотипы, иначе говоря все то, что можно обобщить как специфические черты менталитета.
Ключевые слова: номинация, пожилой человек, коннотативное значение, экстралингвистическая информация, национально-культурная специфика.

The analysis object of the article is the nomination of older age groups in the Russian and French languages to concerning their semantic features and functional load. The authors consider the national-cultural specificity of the above-mentioned nominations and analyze their connotative meaning, revealing semantic connections of words, language stereotypes, objectively existing in the psyche of a native speaker of a given ethnic group, in other words, everything that can be generalized as specific features of the mentality.
Keywords: nomination, elderly person, connotative meaning, extralinguistic information, national and cultural specificity.

Развитие медицины и фармацевтики, прогресс в целом, обусловивший улучшение условий жизни людей и облегчение их труда, закономерно привели к увеличению средней продолжительности жизни. Так, во Франции этот показатель за последние 15 лет вырос с 80 лет до 82,4, в России – с 65,3 до 73,6, в Беларуси – с 69 лет до 74,5.

Количество людей в возрастной группе от 65 лет и старше увеличивается быстрее, нежели количество представителей других возрастных групп. Согласно отчету «Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2019 г.», к 2050 г. каждый шестой человек в мире будет старше 65 лет (16 % населения), по сравнению с каждым 11-м в 2019 г. (9 % населения). В 2018 г. впервые в истории число людей в возрасте 65 лет и старше превысило число детей в возрасте до пяти лет во всем мире [1]. Старение населения вследствие вышеназванных процессов стало одной из наиболее значимых социальных трансформаций двадцать первого века. Под старением понимаются динамические явления, связанные с преобладанием темпов деструктивных процессов над реконструктивными, а старость – достижение некоторого предела этих изменений [2, с. 14]. Причем эти изменения происходят на биологическом уровне, когда организм становится более уязвимым, возрастает вероятность смерти; на социальном уровне, когда человек уходит на пенсию, меняется его социальный статус, социальная роль; на психологическом, когда человек осознает происходящие изменения и приспосабливается к ним.

Сложившаяся экстралингвистическая ситуация обусловила изменения в значении и употреблении номинаций возрастных периодов в целом и представителей старшей возрастной группы в частности. Так, президент Франции Жак Ширак еще в 1998 г. заявил: *«Il faut apporter une attention particulière aux mots qui sont accompagnés d'une charge symbolique. J'estime que les mots ne sont plus adaptés a notre temps (...) Au passage, je cherche encore le nom à donner aux retraités et personnes âgées»* («Нужно уделить особое внимание словам, наделяемыми символическим, образным значением. На мой взгляд, эти слова более не соответствуют нашему времени (…) Я, кстати, все еще не знаю, как называть пенсионеров и пожилых людей»).

Рассмотрим лексемы, называющие людей старшей возрастной группы, во французском языке. Словарь «Larousse» предлагает следующую дефиницию лексемы *vieux*, обладающей редкой для французского языка характеристикой использоваться как прилагательное, суще-

ствительное и наречие*: Qui est très avancé en âge, dans la dernière période de sa vie : Un vieil homme. Un vieux cheval. Qui est marqué par la vieillesse : Il a un visage vieux* [3]. Сигнификативный компонент характеризуется явно отрицательным признаковым значением *très avancé en âge, dernière période de sa vie, marqué par la vieillesse,* что привело к усилению отрицательной коннотации. Кроме того, активно развивается лексико-семантический вариант *qui est déjà usé, entamé, par opposition à ce qui est neuf*, в значении которого эксплицитно выражена сема *usé*. *Vieux* приобретает обесценивающее, принижающее значение настолько сильное, что одно его употребление перед нейтральным словом дает возможность превратить последнее в оскорбление: *vieux crabe, vieux tableau, vieille barbe, vieux croûton, vieille noix, vieille peau* и особенно *vieux beau.* «Devant une injure, *vieux* devient un superlatif tout simplement : c'est moins humiliant d'être *un con* qu'*un vieux con*, *un tas* qu'*un vieux tas, une vache* qu'*une vieille vache*», утверждают Максимилиан Леве и Шанталь Пелетье [4]. В настоящее время принято избегать употребления лексемы *vieux* по отношению к людям, достигшим определенного возраста, чтобы не оскорблять их чувств.

Еще более выраженным обесценивающим значением обладает лексема *vieillard*, называющая людей, достигших старческого возраста, полностью утративших былые возможности, неавтономных. Существует даже выражение *de très grands vieillards*, отрицательные коннотации которого не оговариваются с точки зрения восприятия самих стариков, как людей уже неспособных обижаться на подобную номинацию в силу совокупности их недугов.

Чаще всего заменой для *vieux* выступает выражение *personne âgée*. Тот же словарь «Larousse» дает ему достаточно расплывчатое определение: *Qui a déjà un certain âge, vieux* [3]. При этом названное выражение соотносится с образом человека, не имеющего более оплачиваемой профессиональной деятельности и обладающего сниженными возможностями, но при этом избавлено от отрицательных коннотаций упадка, вырождения, износа и утраты возможностей.

Наряду с *personne âgée* используется номинация *un retraité*. В обыденном сознании французов *un retraité* обладает коннотативным значением «*пользующийся уважением, признанием общества*». Это человек, который в течение долгих лет работал, платил взносы, а в настоящий момент пользуется заслуженным правом на отдых и занятия по душе, обладает опять-таки заслуженными финансовыми возможностями и ценится обществом [5]. Однако так было не всегда. В 60-х гг. прошлого века *un retraité* сопутствовала коннотация серьезных финансовых затруднений и, в результате, исключения из процесса потребления. Созданный в 1956 г. прожиточный минимум престарелых (государственное пособие лицам старше 65 лет) и пересмотренная в 70-х гг. система пенсий обеспечили постепенный рост покупательской способности лиц данной возрастной группы. Вышеупомянутые факты привели к возникновению в 70-х гг. номинации *troisième âge*. При выделении трех периодов человеческой жизни: юности (периода, отведенного для обучения), активной жизни (периода, отведенного для работы) и пенсии (периода, отведенного для отдыха) *troisième âge* выступает носителем активистской идеологии, называя социальную категорию, активно участвующую в процессе потребления. Однако эта номинация не покрывает весь период старости, что обусловило возникновение еще и *quatrième âge*, отсылающей к древней старости и называющей людей физически и социально зависимых, неавтономных, синонимичной номинации *vieux-vieux*, периоду, для которого уже не свойственен динамизм *troisième âge*, синонимичного, в свою очередь, номинации *jeune-vieux*. Этот переход от *troisième âge* к *quatrième âge* в восьмидесятых годах был с юмором отражен журналистом Monde Кристиан Гролье в образном заголовке: «*Aller des Baléares en jeans en Lourdes en charentaises...* » («Двигаться от Балеар в джинсах к Лурду в войлочных тапках». Лурд является одним из важнейших центров паломничества в Европе, местом якобы многочисленных чудесных исцелений.)

Seniors, обладающий спортивной коннотацией, воспринимается положительно. Порождение маркетинга 90-х *Senior* призван называть совокупность людей пожилого возраста, новых потребителей, располагающих временем и мощной покупательской способностью. Его возникновение объясняется деликатностью с целью избежать негативных коннотаций других номинаций. Это было реакцией рынка на сложившуюся экономическую ситуацию: распола-

гая к концу карьеры высокими зарплатами или пользуясь пенсионными выплатами, являясь владельцами собственного жилья, люди старшего возраста представляют собой более значимых потребителей нежели молодежь. Теми же стремлениями избежать негативных коннотаций объясняется возникновение множества образных выражений: *des vieux qui sont jeunes, la génération inoxydable, génération dorée, classe 2bis, flamboyants, papys boomers, pêchus* (à savoir ceux qui ont la pêche)*, masters, vénérables,* 1*8 ans à l'envers, 4 fois 20 ans*.

Относительно недавно появилась номинация silver, приобретающая в настоящее время все большее распространение. Она напрямую связана с развивающейся с 2013 г. «silver économie», основными целями которой является улучшение качества жизни пожилых людей, обеспечение их автономного существования на как можно более продолжительное время. Под этим термином понимается совокупность продуктов и услуг, предназначенных лицам старшего возраста, развитие которых обусловлено старением населения.

Таким образом, улучшение социальных и экономических условий, состояния здоровья пожилых людей сопровождалось появлением новых лексем, свидетельствующих об изменении статуса описываемой возрастной категории.

В русском языке для наименования людей старшей возрастной группы используются номинации *пожилой; в возрасте; старый; в годах; в летах; престарелый; солидного возраста; дряхлый, древний, третьего возраста, зрелого возраста, старшего возраста, уважаемого возраста, пенсионер*. При чем отмечается частая взаимозаменяемость перечисленных номинаций [2, с. 16]. Отметим также тот факт, что лексемы *старость, старый* стали значительно реже употребляться в речи, повлияв тем самым на расширение лексического значения слова *возраст*, которое стало активно употребляться вместо них, актуализируя значение своего нового лексико-семантического варианта *старость*, ставшего продуктивной основой для образования новых номинаций: в возрасте – старый, возрастные изменения – старение и т. п. Например, «Воображение отказывается представить сюжет: *возрастная*, морщинистая, в очках, с пегими – на хну нет денег! – волосами пациентка ждет очереди у кабинета, испепеляемая взглядами молодых, ухоженных» (газета «Комсомольская правда») или «Возможно также, он доверился из-за того, что я сам бывший сотрудник, человек уже в *возрасте*, – говорит Мами Сатуев» (газета «Известия). Особенно часто к подобным заменам прибегают авторы рекламных текстов: «Дружище! С кем не бывает? Стресс, *возраст*. Да принимай наш Сеалекс, там 12 капсул, надолго хватит (реклама лекарственного препарата «Сеалекс»)», «Они помогут обогатить ваш рацион питания, сделав его настоящим залогом долгой и здоровой жизни, помогут снизить риск развитии многих болезней и отодвинуть начало *возрастных* изменений (статья в рекламном каталоге «Эвалар»).

Отметим также характерную для порицаний активную сочетаемость определения *старый (старая)* с отрицательно-оценочными словами, характеризующими человека (например: *старый черт, старая собака, старая ведьма, старая кляча, старый кобель, старый осел, старый плут, старая кикимора* и т. д.)

Важно оговорить, что в настоящее время *пожилой* является самой неоднозначной лексемой в тематической группе «старение». Обусловлено это тем, что даже в психологии старения нет четкого определения, что такое пожилой возраст, начиная с какого возраста человека можно считать пожилым [2, с. 14]. Не дают ответа на этот вопрос и толковые словари русского языка. Согласно академическому «Словарю русского языка», *пожилой – начинающий стареть, немолодой* [6, с. 235]. В «Толковом словаре русского литературного языка», *пожилой – немолодой, зрелого возраста* (с признаками приближающейся старости) [7, с. 547]. Представленные определения крайне эвфемистичны, так как не отвечают на вопрос: когда именно начинает стареть человек. Не названы и признаки приближающейся старости. Основная трудность заключается в том, что старение – процесс длительный, плавный, индивидуальный, и поэтому трудно четко разделить средний возраст, пожилой возраст и старость.

При этом надо учитывать, что «любая периодизация жизненного цикла всегда соотносится с нормами культуры, она не столько описательна, сколько ценностно-нормативна» [8, с. 139]. Правильно описать возраст можно, только учитывая специфику социальной среды и

исторически сложившиеся особенности культуры в данное время. «Возрастные категории и стереотипы всегда и везде многозначны, противоречивы и амбивалентны (от лат. Ambo – «оба» и лат. valentia – «сила» – двойственность отношения к чему-либо), одновременно описательны (дескриптивны) и нормативно-предписательны (прескриптивны)» [8, с. 139]. Нормативные критерии возраста – это принятая в данной культуре возрастная терминология, членение жизненного цикла с указанием длительности его этапов, с перечислением задач, решаемых на данном этапе, и вытекающим из этого статусом данной возрастной группы.

Вышесказанное убедительно подтверждается результатами ассоциативного эксперимента, проведенного нами с целью выявить ментальные образы мира, присущие белорусам-носителям русского языка. В эксперименте приняли участие 90 человек в возрасте от восемнадцати до шестидесяти с лишим лет, которых мы попросили дать три ассоциации на слово-стимул «пенсионеры».

Полученное нами в результате эксперимента ассоциативное поле содержит следующие характерные для Беларуси фрагменты картины мира: сложная финансовая ситуация пенсионеров – 25 % (*деньги, маленькая пенсия, бедность, нехватка денег, нищета*), с явным увеличением процента данных ассоциаций в группе опрашиваемых возраста старше 40 лет. Этот результат можно объяснить экстралингвистическими факторами: текущей экономической ситуацией, уже произошедшим поднятием пенсионного возраста и участившимися разговорами о новом возможном его повышении. Преобладание типа пенсионеров, приложение сил которых находится в семье: в домашней работе, работе на приусадебном участке, семейных хлопотах, заботах о внуках (*дача, деревня, внуки, вязание, огород, садоводство, закатки, все последнее внукам, готовка, дом, пирог*) над теми, чья энергия направлена на устройство собственной жизни, материальное благополучие, отдых, развлечения (*прогулка, книги, кресло, телевизор, путешествия, шахматы, покой, природа, путешествия, хобби, спортивный зал, дополнительный доход, работа над собой, свобода/ свободное время*). Соответственно – 20 % и 6 %. При этом ассоциации, связанные с материальным благополучием и развлечениями, дали только лица старше 60, очевидно, успевшие выйти на пенсию до реформы, чья жизнь на пенсии сложилась удачно. Наконец, пенсионеры ассоциируются с конфликтами в общественных местах, где, порой самим фактом своего присутствия, они, по мнению опрашиваемых, создают напряженность – 3 % от общего числа опрошенных (*почта, утро на почте, недовольный жизнью, ворчливый, желание поскандалить, очередь, склоки, занудность, очередь в банке, очередь в магазине, транспорт, «тормозит»*). Отметим, что подобное представление свойственно только лицам моложе тридцати лет, а именно 25 % опрошенных названной возрастной группы.

Таким образом, старение населения характерно для всех существующих лингвосоциумов: увеличение доли пожилых людей в общей численности населения отмечается практически во всех странах. При этом реакция на происходящие изменения со стороны общества и языка разнится и зависит от культурных и социальных факторов. Перспективы дальнейшего исследования предполагают изучение дифференциации номинаций лиц, попадающих в категорию «стареющее население», которая как социальная группа приобрела особую характеристику – гетерогенность, поскольку включает возрастную группу в рамках между шестьюдесятью (возрастом, соответствующим согласно ООН статусу «пожилого человека»), и 122 годами (пределом человеческой жизни согласно мнению ученых из медицинского колледжа Альберта Эйнштейна, которые полагают, что предел человеческой жизни был достигнут в 1997 г. со смертью старейшей в мире женщины Жанны Кальман, называемой «бабушкой всех французов» и скончавшейся в возрасте 122 лет). Еще одно направление научного поиска обусловлено изменением символизации возрастных процессов, т. е. представления о том, как протекают или должны протекать рост, развитие и переход человека из одной стадии возраста в другую. Французский исследователь в области психогеронтологии Жером Пелисьер утверждает, что *«Aux siècles passés, pour déterminer les classes d'âge, nous disposions de critères objectifs: aptitude à travailler ou à faire la guerre pour les hommes, capacité de procréer pour les femmes»* («В прошлом, чтобы определить возрастные группы, мы располагали объек-

тивными критериями: способность трудиться или воевать для мужчин, способность рожать для женщин») [9]. Каждый знал и мог определить свое место в возрастной иерархии. Однако в настоящем ситуация изменилась, общество вошло в эпоху «*brouillage des âges*» (смешения возрастных групп) по определению философа Пьера Анри Тавуайо [10]. Как следствие, возникает языковая проблема номинации лиц, чье поведение и мироощущение отличается от специфического набора признаков и ценностей, по которым представители соответствующего возрастного слоя или группы осознают или утверждают себя в качестве «мы», отличного от всех остальных возрастных общностей.

Литература

1. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.un.org/ru/. – Дата доступа : 05.01.2020.

2. Краснова, О.В. Социальная психология старения: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений / О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. – М. : Издательский центр «Академия», 2002. – 288 с.

3. Larousse: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne [Ressource électronique]. – Mode d'accès : https://www.larousse.fr/portail/. – Date d'accès : 05.01.2020.

4. Levet, M. Le Papy Boom / M. Levet, C. Pelletier. – Grasset, 2008. – 287 p.

5. Trincaz, J. Dire la vieillesse et les vieux / J. Trincaz, B. Puijalon, C. Humbert // Gérontologie et société. – 2011. – № 138. – P. 113–126.

6. Словарь русского языка : в 4-х т. / А.П. Евгеньева (гл. ред.). – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 2001–2004. – Т. 4. – 782 с.

7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под ред. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.

8. Прилепский, И.А. Современные тенденции продления возрастных границ среднего возраста [Текст] / И.А. Прилепский // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств : науч. журн. – 2012. – № 3. – С. 137–142.

9. Pellissier, J. Réflexions sur l'âge de la vieillesse [Ressource électronique] / J. Pellissier // Jerpel.fr, le site de Jérôme Pellissier. – Mode d'accès : http://jerpel.fr/spip.php?article210. – Date d'accès : 11.12.2019.

10. Tavoillot, P.H. Faire ou ne pas faire son âge / P.H. Tavoillot. – Paris : l'Aube, 2014. – 144 p.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 29.01.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 811.161.1'373.46:821.161.1:801.82

Об использовании гендерно маркированной конфликтогенной лексики в художественном тексте

В.И. Коваль[1], О.Л. Ючко[2]

В статье рассматривается употребление в художественных текстах гендерно маркированных лексем, которые создают условия для возникновения конфликта. Представлен анализ феминных и маскулинных конфликтогенных слов, использующихся в ситуациях эмоционального напряжения. Определены речевые ситуации продолжения или прекращения использования конфликтогенной лексики в тексте.
Ключевые слова: оценочная лексика, гендерная лингвистика, конфликт, художественный текст.

The use of gender-marked lexemes in literary texts that create the conditions for conflict is discussed. The analysis of feminine and masculine conflictogenic words used in situations of emotional stress is presented. The speech situations of the continuation or termination of the use of conflictogenic vocabulary in the text are defined.
Keywords: assessment vocabulary, gender linguistics, conflict, art text.

Сюжетообразующая роль конфликта, под которым обычно понимается «столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов» [1, с. 174], очень высока: «Сюжет нельзя понимать только как некую последовательность, некий корпус событий и ситуаций: собственно сюжетом они становятся благодаря конфликту; только конфликт сообщает динамическое начало последовательности частных событий и ситуаций, создает содержание художественного текста» [2, с. 101]. Речевым выражением конфликта является «конфликтный текст», вербализующий «ситуацию столкновения двух и более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях взаимодействия [3, с. 30].

Среди различных типов конфликтов – внутренних и внешних, открытых и закрытых, конструктивных и деструктивных, объективных и субъективных – особое место занимают конфликты, обусловленные гендерными различиями и связанными с ними противоречиями. В философском аспекте, однако, эти различия не без оснований рассматриваются как симметричное «единство противоположностей», поскольку мужское и женское начала являются взаимодополняемыми. Вместе с тем, гендерный конфликт все же неизбежен, и причина его заключается в исторически сложившемся социальном неравенстве: «матриархат и патриархат наиболее ясно выражают две модели системного неравенства по гендерному основанию» [4, с. 89].

В связи со сказанным вполне закономерно предположить, что гендерно маркированные лексемы, употребленные в том или ином художественном тексте, могут являться потенциальными лексемами-«конфликтогенами», поскольку они выполняют роль оценочных (чаще всего – негативно-оценочных) номинаций.

Как известно, гендерно маркированная лексика в той или иной степени отражает стереотипные представления о социальных ролях, качествах характера и взаимоотношениях мужчин и женщин. Так, традиционно считается, что мужчины обычно склонны к занятиям спортом, мало беспокоятся о собственной внешности и почти не боятся старости, стремятся к власти, лидерству и успеху. Стереотипно мужские качества вербализуются при этом набором определенных аксиологически значимых имен прилагательных: *сильный, неэмоциональный, стойкий, логичный, рациональный, объективный, независимый, свободный, активный, честолюбивый*. В то же время женщины характеризуются как не склонные к занятиям спортом, беспокоящиеся о своей внешности, боящиеся старости, проявляющие привязанность к семье, обладающие тонкой интуицией, нуждающиеся в защите и поддержке. Стереотипно феминные качества определяются перечнем соответствующих адъективов: *слабая, добродетельная, эмоциональная, нежная, легкомысленная, непоследовательная, уступчивая, услужливая, зависимая, пассивна, робкая, застенчивая* [5, с. 11].

Приведенные адъективные номинации, указывающие на гендерную идентичность, вполне объективны и поэтому, будучи использованы в художественном тексте, проявляют незначительный «конфликтогенный потенциал». Гораздо бóльшую конфликтогенную нагрузку приобретают гендерно маркированные имена существительные, обладающие (как в прямом, так и в переносном значении) ярко выраженной негативно-характеризующей функцией.

Цель данной работы заключается в выявлении роли гендерно маркированных лексем в создании конфликтных ситуаций, представленных в различных художественных текстах.

«Феминно ориентированные» конфликтогенные номинации используются в художественных текстах для уничижительно-оскорбительной характеристики внешнего вида и внутренних качеств женских персонажей.

Подобными номинациями насыщен рассказ А.П. Чехова «Дочь Альбиона», в котором помещик Иван Кузьмич Грябов презрительно отзывается о находящейся рядом с ним на рыбалке гувернантке-англичанке, называя ее словами, соотносящимися прежде всего с демонической, потусторонней сферой: *Плохо что-то сегодня ловится. Ничего не поймал ни я, ни эта кикимора*; *О женихах, небось, мечтает, чёртова кукла*; *Вчера в Хапоньеве преосвященный служил, а я не поехал, здесь просидел вот с чертовкой с этой*. Слово *кикимора* в русском языке употребляется не только для названия мифологического персонажа – злого духа в образе маленькой старушки, досаждающей по ночам хозяевам, причиняющей вред домашним животным и птицам, но и для характеристики неряшливой, неопрятной, сварливой женщины. Кроме того, Грябов характеризует англичанку и по ее умственным способностям, используя стереотипное в этом случае слово *дурища*, образованое от просторечной номинации *дура* ‘глупая, тупая женщина’ при помощи увеличительно-пренебрежительного суффикса *-ищ(а)-*: *Живет дурища в России десять лет, и хоть бы одно слово по-русски!* Общеотрицательное значение реализует и номинация *каналья* ‘плутовка, пройдоха’: *Стоит, каналья, и сознает, что она человек и что, стало быть, она царь природы*. Так же презрительно оценивает помещик и внешность мисс Тфайс: *Для детей только и держу этого тритона*. *Нос точно у ястреба... А талия? Эта кукла напоминает мне длинный гвоздь*. Слово *тритон* ‘хвостатое земноводное животное, по виду похожее на ящерицу’ используется по отношению к женщине в данном случае, скорее всего, для возникновения сниженных, негативных ассоциаций, связанных не только с внешностью, но и внутренним миром англичанки. Очевидно к тому же, что характеристики «женщина = кукла», «женщина = длинный гвоздь» лишают гувернантку привлекательности. Несмотря на обилие представленных в тексте негативно маркированных феминных номинаций, их употребление не приводит к возникновению конфликтной ситуации, поскольку гувернантка не владеет русским языком. Она, понимая, видимо, негативное отношение к ней помещика Грябова, лишь внешне, невербально выразила свое отношение к ситуации: *Мисс Тфайс облила Грябова презрением и издала носовой звук*.

Гендерно маркированную номинацию *кикимора* употребляет в пьесе А.П. Чехова «Юбилей» бухгалтер банка Хирин, выпроваживающий непрошенную посетительницу – жену губернского секретаря Мерчуткину: *Я тебе еще раз говорю... Слышишь! Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя в порошок сотру! У меня такой характер, что я могу из тебя на весь век калеку сделать!* В данной ситуации, как видим, степень конфликтогенности лексемы *кикимора* значительно возрастает, поскольку вербальная угроза сопровождается угрозой физической расправы. Мерчуткина, однако, не только не усугубляет конфликтной ситуации, но и отвечает Хирину унизительной для него – образованного человека, служащего банка – обидной номинацией *мужик*, имеющей переносное значение ‘невоспитанный, грубый мужчина’: *Собака лает, ветер носит. Не испугалась. Видали мы таких. Я не чужое прошу, а свое, по закону. Ишь срамник! В присутственном месте в валенках сидит... Мужик...*

Употребление слова *кикимора* ‘неопрятная, сварливая женщина’ в «интерфеминной» коммуникации создает ещё больше оснований для возникновения конфликта. Так, в рассказе М. Зощенко «Валя» интеллигентная женщина, «член райсовета», обращается к кондуктору трамвая с просьбой сообщить свою фамилию для того, чтобы отметить ее хорошую работу. Однако кондуктор, не зная о ее благих намерениях, отвечает ей в непозволительно-грубой

форме, употребляя наряду со словосочетанием *старая кикимора* не менее сниженный оборот *старая хрычовка*: *Милая кондукторша изменилась в лице. Сначала покраснела, потом побелела и вдруг крикнула: «А тебе на что моя фамилия? Ты что, старая кикимора, не в своё дело нос суёшь? Или ты хочешь сказать, что я неправильно сделала, что пьяного в вагон пустила? Так я тебе, старая хрычовка, на это скажу: лучше бы я тебя в вагон не пустила, чем я бы оставила немного выпившего на улице…* Убедившись в дальнейшем в собственной неправоте, кондуктор извиняется и тем самым исчерпывает конфликт.

Тимофей, герой рассказа В.М. Шукшина «Билетик на второй сеанс», разговаривая со своей сожительницей Полиной, считает, что ее ограниченность – черта всех женщин: *Поля стала старая, некрасивая. Тимофей со злости подумал: «Она красивой-то и не была сроду». Стало вдруг жалко себя. – «Хошь, анекдот один расскажу?» – Вона! – Чего ты, как попка, заладила: «Вона! вона!». Как дикари, честное слово. Ну, зашел... Ну и что? Глупые вы какие-то, бабы, честное слово! – Чего же ходите – к глупым-то? – А где вас, умных-то, взять? Так и меняешь – шило на мыло.* Лишь после повторного унижения – замечания Тимофея о том, что его «сударка» некрасивая и у нее кривые зубы – Полина огрызается, употребляя «стереотипно мужское» оскорбительное словосочетание *козел вонючий* и угрожая Тимофею физически – применением сугубо женского предмета домашней утвари: *Эхма! Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак все в жизни – и образование, и оклад дармовой, и сударка пригожая, с сахарными зубами. А Тимохе, ему с кривинкой сойдет, с гнильцой... – Во змей-то! – изумилась Поля. – Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной... Умник!*

Унижающее женщин гендерно маркированное обобщение использует еще один шукшиновский персонаж (его сестра родила вне брака), считающий, что все женщины склонны к греховному поведению: *«Что же вы такие, Света?» – спросил Костя как можно спокойнее. И сжал трубку, аж пальцы побелели. – «Какие?» – удивилась Света. – «Да лахудры-то такие... Что, совсем, что ли, дуры полные?». Света положила трубку* (В.М. Шукшин. Други игрищ и забав). Сравн.: *лахудра* ‘женщина легкого поведения, проститутка’ [6, с. 488]. Безосновательное использование приведенной номинации, казалось бы, создает реальную почву для конфликта (хотя бы вербального), но, как и в предыдущих ситуациях, женщина в данном случае предпочитает усугублению противостояния пассивное сопротивление.

Стилистически сниженную вульгарную номинацию *курва* ‘женщина легкого поведения, блудница’ [7, с. 135]; ‘потаскуха’ [8, с. 423] употребляет в адрес своей тещи Вениамин – главный герой рассказа В.М. Шукшина «Мой зять украл машину дров» в ответ на использование женщиной в его адрес конфликтогенных гендерно маркированных номинаций *молокосос* и *сопляк*: *«Молчать! – строго осадила Лизавета Васильевна. – А то договоришься у меня! Молокосос. Сопляк». Веня взмыл над землей от ярости... И сверху, с высоты, окружил ястребом на тещу. – «А ты чего это голос-то повышаешь?! Ты чего тут голос-то повышаешь?! Курва старая» – «Так... Как ты сказал? Курва Хорошо! Курва?.. Хорошо. При свидетелях». – Она побежала в горницу – писать заявление в милицию. – Ты у меня получишь за курву! – громко, с дрожью в голосе говорила она оттуда. – Ты у меня получишь!.. Я первые колхозы создавала, а ты мне – курва!»* В приведенном фрагменте «потерпевшая сторона», как видим, использует не вербальную агрессию или угрозу физического воздействия, а прибегает к разрешению конфликта с помощью «третейского судьи» – милиции.

«Маскулинно ориентированные» конфликтогенные номинации употребляются в художественных текстах с целью «дискредитации» стереотипно мужских качеств персонажей – мужественности, зрелости, взрослости, смелости, решительности и «приписывания» мужским персонажам тех или иных проявлений женственности.

В качестве выразительного примера использования подобных лексем может быть приведен текст известной песни «Из-за острова на стрежень…», автором которого является Д. Садовников. Начало этого текста не предвещает ничего трагического, поскольку картина представляется идилличной: *На переднем Стенька Разин, обнявшись, сидит с княжной, // Свадьбу новую справляет, сам весёлый и хмельной…* Но далее внезапно назревает конфликтная ситуация, «спусковым механизмом» которой является слово *баба*, обращенное к самому

Разину: *За спиной он слышит ропот: «Нас на бабу променял. // Только ночь с ней провозился – сам наутро бабой стал»*. Совершенно очевидно, что боевые соратники Разина говорят ему весьма нелицеприятные слова, которыми недвусмысленно унижают и даже оскорбляют его мужское достоинство, сравнивая свободолюбивого казака с женщиной / бабой, в любовной зависимости от которой он оказался. Таким образом, Степан Разин – казак, мужчина-воин, и тем более – казачий атаман, воплощающий стереотипные мужские качества, оказывается публично обвиненным в поведении, характеризующимся зависимостью от женщины, что, несомненно, дискредитирует его не только как мужчину, но и как руководителя восстания. Трагическая развязка «гендерной противопоставленности» общеизвестна: «грозный атаман» по-мужски решительно, но очень жестоко восстанавливает свой авторитет ценой жизни женщины: он бросает «красавицу-княжну» «в набежавшую волну», однозначно доказывая тем самым, что он – настоящий мужчина, казак и что он «бабой» не стал. Несомненно, что источником возникшего конфликта стало отождествление (применительно к мужчине) концептов «казак» и «баба», каждый из которых в русском культурно-языковом сознании соотносится с набором специфических, гендерно значимых характеристик. Как известно, слово *баба* используется в просторечии (с оттенком пренебрежения) для называния «женщины вообще». Но «гендерная специфика» данного слова заключается в том, что оно в переносном значении употребляется для характеристики лиц мужского пола, реализуя при этом негативно окрашенное (сопровождающееся стилистическими пометами «разговорное», «презрительное») значение ‘о слабом, слабохарактерном мужчине’ (БТСРЯ, с. 54). Не случайно Сергей Паратов, отвечая на вопрос Ларисы Огудаловой о том, почему в любви приходится плакать не мужчине, а женщине, поясняет: *Очень просто, потому, что если мужчина заплачет, так его бабой назовут, а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобресть ум человеческий* (Н. Островский. «Бесприданница») [5, с. 135–136].

Один из персонажей гоголевских «Мертвых душ» – помещик Ноздрев – называет своего зятя Мижуева *фетюком*, имея в виду демонстрируемую им зависимость от молодой жены. Зять, желая поскорее покинуть застолье у Ноздрева, объясняет свое желание необходимостью скорейшей встречи с женой: *Нет, брат! Она такая почтенная и верная! Услуги оказывает такие... Поверишь, у меня слезы на глазах. Нет, ты не держи меня; как честный человек, поеду*. Уступая ему, Ноздрев говорит: «*Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк*!». В этом же фрагменте произведения приводится следующее «гендерно маркированное» примечание самого Н.В. Гоголя: «Фетюк – слово, обидное для мужчины, происходит от фиты – буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою». Унизительным для мужчины является и употребленный в его адрес оценочный глагол *бабиться* ‘вести себя подобно женщине; быть в зависимости от женщины’. Мижуев, осознавая конфликтогенность диалога, вполне спокойно, примирительно реагирует на оскорбление Ноздрева и снова ссылается на высоко оцениваемые им качества супруги: *«Нет, брат, ты не ругай меня фетюком, – отвечал зять, – я ей жизнью обязан. Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает... до слез разбирает; спросит, что видел на ярмарке, нужно все рассказать. Такая, право, милая…»*.

В отношениях между Семеном Давыдовым и Макаром Нагульновым – героями романа М. Шолохова «Поднятая целина» – роль конфликтогенной номинации выполняет слово *барышня* в значении ‘изнеженная, не приспособленная к труду девушка; белоручка’, которое в ходе спора сгоряча употребляет Давыдов для характеристики поведения своего друга – активного участника Гражданской войны, бывшего командира Красной Армии, орденоносца. Конфликта друзьям удается избежать благодаря тому, что Семен Давыдов предусмотрительно «берет назад» оскорбительное для казака Нагульнова слово *барышня*, то есть фактически извиняется перед ним: *«Проморгали все мы эту кампанию, а теперь надо исправлять, не о расстрелах говорить! Хватит тебе истерики закатывать! Работать берись! Барышня, черт! Хуже барышни, у которой ногти крашеные!» – «У меня они кровью крашенные!» – «У всех так, кто без перчаток воевал, факт!» – «Семен, как ты могешь меня барышней прозывать?» – «Это к слову». – «Возьми это слово обратно», – тихо попросил Нагульнов. Давыдов молча посмотрел на него, засмеялся: «Беру. Ты успокойся, и пойдем на собрание»*.

Таким образом, негативно коннотированные гендерно маркированные номинации регулярно используются в художественных текстах, выполняя роль «точки отсчета» в создании конфликтных ситуаций. При характеристике женских персонажей подобные номинации уничижительно оценивают внешность, внутренние качества и поведение женских персонажей; употребление таких слов при оценке мужских персонажей направлено либо на отождествление их поступков с поведением женщин, либо на указание на зависимость от женщины.

Литература

1. Психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.

2. Семенов, А.Н. К проблеме конфликта художественного текста / А.Н. Семенов // Вестник Югорского государственного университета. – 2011. – Вып. 1 (20). – С. 101–106.

3. Тубалова, И.В. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 377. – С. 30–35.

4. Луков, В.А. Гендерный конфликт: система понятий / В.А. Луков, В.Н. Кириллина // Гуманитарные науки : теория и методология. – 2005 – № 1. – С. 86–101.

5. Коваль, В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики : монография / В.И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 217 с.

6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.

7. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Изд-во «Наука», 1981. – Вып. 8. – 351 с.

8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.

[1]Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

[2]Мозырский государственный педагогический
университет им. И.П. Шамякина

Поступила в редакцию 11.04.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 811.161.1'39: 811.161.3'39:659.123.1

Динамика рекламного текста в белорусской газете в 1950–2010-е годы (на материале газеты «СБ. Беларусь сегодня»): структурно-композиционный и функционально-стилевой аспекты

Е.Т. Костюшко

Статья посвящена динамике структурно-композиционных и функционально-стилевых характеристик рекламного текста в белорусской газете в 1950–2010-е гг. Анализируются изменения, связанные с позицией рекламного текста в структуре целого издания и в композиции отдельной полосы, с предпочтением графических и языковых изобразительно-выразительных средств, с апелляцией к тем или иным ценностям общества. Делается вывод о повышении роли рекламного контента в содержании газеты, о конвергенции рекламных и публицистических материалов.
Ключевые слова: рекламный текст, газетная реклама, динамика рекламного текста.

The article is devoted to the dynamics of structural-compositional and functional-style characteristics of an advertising text in a Belarusian newspaper in the 1950–2010s. The author analyzes the changes associated with the position of the advertising text in the structure of the whole publication and in the composition of a separate page, with the preference for graphic and linguistic visual and expressive means, with an appeal to certain values of society. The conclusion is made about the increasing role of advertising content in the content of the newspaper, about the convergence of advertising and journalistic materials.
Keywords: advertising text, newspaper advertising, advertising text dynamics.

Введение. Актуальность исследования рекламного текста (далее – РТ) в динамическом аспекте обусловлена рядом факторов. Во-первых, быстрые изменения в коммуникационной сфере, вызванные глобализацией, дигитализацией, появлением новых медиа, приводят к трансформации рекламного дискурса. Исследование рекламной коммуникации в динамике, на нескольких хронологических срезах позволяет определять и прогнозировать тенденции её развития. Во-вторых, в условиях возрастания значимости маркетинговых коммуникаций [1, с. 101] реклама, как часть контента СМИ [2], сама производит потребности общества [3, с. 7], приобретает свойства социального института и оказывает всё более существенное влияние на все стороны жизни социума, «сопровождает человека повсюду, плотно вливаясь в культуру повседневности», в экономические и социальные отношения [4, с. 3]. В-третьих, сделанное в 2012 г. относительно российского рекламоведения замечание О. А. Ксензенко о том, что исследования в области рекламной коммуникации «не просто новы (особенно для отечественной лингвистики), а находятся в самом начале становления» [5, с. 45], можно в полной мере отнести к изучению белорусской рекламы. Исследования белорусского рекламного дискурса пока являются единичными. Отметим, в частности, диссертационные труды О.И. Воробьёвой, Т.В. Еромейчик, О.В. Пачковской, А.В. Чухановой. При этом значительная часть исследований посвящена коммуникативным практикам и речевым особенностям зарубежной рекламы и проведена на материале английского (И.Л. Ильичева, С.П. Кудис, Э.П. Несветайлова, Л.А. Снегирева), немецкого (Т.В. Внук, А.М. Горлатов, И.Г. Осмоловская) и французского (С.А. Семеницкий) языков.

Объектом рассмотрения в данной статье являются РТ, представленные на страницах газеты «СБ. Беларусь сегодня» (далее – «СБ») в 1950–2010-е гг. Предмет исследования – динамика структурно-композиционных и функционально-стилевых характеристик РТ в их взаимосвязи с тематикой рекламы и жанровыми формами. Материалом для анализа послужили РТ, извлечённые методом сплошной выборки из 4224 номеров белорусской республиканской газеты «СБ» (1951–2018 гг.).

Результаты исследования и их обсуждение. Формирование белорусской печатной рекламы в XX в. было тесно связано с развитием национальной системы печатных СМИ, вы-

ступавших основными медианосителями рекламной информации. С одной стороны, и на прессу, и на рекламу действовали единые политические, экономические, социальные, культурные факторы, с другой стороны, материалы рекламного характера, будучи частью печатного издания, коррелировали с другими публикациями на газетной полосе, подчинялись общей содержательно-тематической и композиционно-графической концепции газеты. Для наблюдения динамических изменений рекламы нами выбрана газета «СБ» – одно из наиболее влиятельных, авторитетных и популярных общественно-политических изданий страны, отражающее в своём развитии «тенденции, характерные для современного состояния печатного медиарынка Беларуси в целом» [6, с. 176].

РТ в композиции издания и газетной полосы. На протяжении 1950–1980-х гг. реклама в четырёхполосных номерах «СБ» размещалась почти исключительно на последней странице – как второстепенный материал. Являясь общеполитическим органом республики, газета с помощью строгой содержательно-тематической иерархии полос (от первой, на которой печатались официальные документы и агитационно-пропагандистские передовицы, до последней – с материалами справочно-рекомендательного характера) формировала у аудитории представление о значимости соответствующей информации и устанавливала необходимую повестку дня. В условиях плановой экономики, отсутствия конкуренции, несбалансированности спроса и предложения, возможности заниматься рекламной деятельностью лишь уполномоченным государством организациям [7], доминирования в содержании газеты официальных материалов и партийных постановлений [8] реклама на протяжении длительного периода не могла быть важным элементом газеты.

В 1950-е гг. материалы рекламного характера размещались в нижней части четвёртой полосы – в т. н. «подвале», соседствуя в общей подборке с объявлениями о приёме на работу и некрологами и выполняя справочно-информационную функцию. В редких случаях рекламу можно было встретить в средней части четвёртой либо на третьей полосе. В 1960-е гг. начинается «подвижность» рекламных объявлений (далее – РО) в рамках газетной страницы: из «подвала» они перемещаются в правую вертикальную колонку по всей высоте полосы (пока это редкое явление), в самом «подвале» реклама перестаёт фиксироваться в правом углу, передвигаясь то в центр, то к краям полосы, хотя визуально всё ещё не выделяется на фоне других текстов. Тенденция размещения РО лишь на последней полосе сохраняется до 1980-х гг., при этом в некоторых случаях РО занимают всю полосу.

В 1970–1980-е гг. РО становится меньше, чем в предыдущие годы, что может быть связано с периодом «застоя» (1968–1985 гг.): условиями директивной экономики, перекосом в пользу тяжёлой и оборонной промышленности, дефицитом продуктов питания и товаров лёгкой промышленности, когда «в обыденном языке понятие “купить” фактически было заменено понятием “достать”» [9, с. 29–30]. Например, если в марте 1951 г. РО были представлены в 72,7 % номеров, то в марте 1975 г. реклама обнаружена только в 40 % выпусков. Если в 1951 г. в отдельном газетном номере размещалось до восьми РТ, то в 1975 г. чаще всего в номерах представлено по два текста рекламного содержания.

В начале 1990-х гг. реклама в «СБ» всё чаще публикуется на третьей странице, что связано с изменениями в содержательно-тематическом наполнении газеты: увеличивается число развлекательных материалов и справочно-утилитарных публикаций (кроссворды, сканворды, анекдоты, рецепты и т. д.), которые постепенно «вытесняют» рекламу с последней страницы. Показательным в истории рекламной составляющей газеты «СБ» стал день 31 октября 1990 г., когда информация о рекламе появилась на первой полосе издания: был опубликован анонс нового рекламно-информационного раздела *Посредник*, целевой аудиторией которого выступали представители частного бизнеса. И уже с 1992 г. размещение РО на первой полосе газеты становится постоянной практикой.

В 1990-е гг. реклама заполняет всю газету, становится элементом, равноправным с публицистикой: например, 14.02.1995 размещено 71 объявление; 19.04.1995 реклама занимает около 37 % номера). Рост числа РО связан с переходом к рыночным отношениям, в рамках которых редакция, с одной стороны, была вынуждена самостоятельно зарабатывать деньги, а с другой стороны, принимала активное участие в продвижении и поддержке бизнеса. Нема-

ловажную роль сыграл и фактор увеличения объёма газеты (12, 16, 24, 32 полосы). Закон Республики Беларусь «О рекламе» 1997 г. регламентировал допустимый объём рекламы в газетном номере (не более 25 % объёма одного номера [10]), что повлияло рекламную на политику «СБ» в последующие десятилетия. В 2010-х гг. реклама окончательно исчезла с последней полосы газеты, переместившись на первую и внутренние полосы. При этом модульная реклама размещается преимущественно в «подвале» страниц, а рекламные статьи обычно занимают объём не менее целой полосы.

Графико-композиционные особенности в оформлении РО. В 1950–1980-е гг. графически реклама выделялась на газетной полосе с помощью рамок и шрифтов, отличающихся от основных элементов в оформлении собственно журналистских материалов. В этот период на страницах газеты мало изображений, в том числе в РО, вследствие чего реклама не выделяется на фоне объёмных журналистских текстов (на полосе нет «воздуха», тексты отделяются линиями и расположены близко друг к другу). Изображения (фотографии и рисунки) используются преимущественно в рекламе кинофильмов, банковских услуг, образования, продуктов пищевой и химической промышленности, изделий для женщин, а также любых товаров и услуг в рамках предпраздничной торговли (8 Марта, Новый год, Первое мая и т. д.).

Нетипичная для данного периода форма подачи используется в 1970-м г. (26.11.1970) в рекламе телевизоров: РО размещено в центре нижней части страницы и занимает четверть полосы. В модуле используется кегль в 3–4 раза больший (несколько вариантов в рамках одного объявления), чем в остальных материалах. Выделенное слово «ТЕЛЕВИЗОРЫ» исполнено кеглем большим, чем в заголовках журналистских материалов на данной полосе. Появление такой рекламы обусловлено проблемами со сбытом товаров-новинок (в том числе телевизоров), разрушавших устоявшиеся бытовые привычки населения [11].

Основным отличием в графико-композиционном оформлении рекламы 1990-х гг. стало большее количество изображений по сравнению с рекламой предыдущего периода. Долгое время «СБ» оставалась чёрно-белой (один дополнительный цвет мог появляться лишь в праздничных выпусках), постоянный цвет – фирменный красный – появился в 2000-м г., потому реклама до середины 2000-х гг. преимущественно оставалась чёрно-белой (исключение – дополнительные вкрапления красного). Цветная реклама середины 2000–2010-х гг. продолжает использовать уже традиционные элементы: рамки, различные начертания шрифтов, кегли разных размеров, рисунки и фотографии.

Рубрики и тематические разделы с РО. В разные периоды объектом рекламы в первую очередь становятся те товары и услуги, которые, с одной стороны, являются новыми, ещё непривычными для потребителя, а с другой стороны, отражают дух времени, т. е. «реклама транслирует различным аудиториям материальные, социальные, культурные возможности» [2], чем и обусловлены изменения в тематике РТ в разные годы. В 1950–1980-е гг. в «СБ» в основном представлена реклама культурных мероприятий и артефактов: кинофильмов, театральных спектаклей, концертов, цирковых представлений, книжных новинок и периодических изданий. Подобные объявления совмещали в себе свойства РТ и «констатационно-оценочного вида» [6, с. 169] литературно-художественной критики, участвовали в выполнении социально-ориентирующей функции газеты, направленной в том числе на пропаганду новой, советской, культуры быта, новых форм организации досуга [12]. В связи с этим постоянными в газете были рубрики-афиши: 1950-е гг. – *В театрах и кино; Новые книги*; 1960-е гг. – *Слушайте и смотрите!*; *Сегодня в Звязде*; *Воскресная афиша Минска*; *Неделя телеэкрана*; *В вашу библиотеку*; 1980-е гг. – *Телевидение – Радио – Театр – Кино*; *На голубом экране*; *Фильмы недели*; *Афиша дня*. Особое внимание таким рубрикам уделялось в дни государственных и календарных праздников, поскольку праздничные символы и ритуалы свободного времени играли важную роль в становлении и развитии советского образа жизни: *Куда пойти в первомайские дни* (1955); *Театры – Концертные залы – Кино в новогодние дни* (1965); *Новогодняя афиша Минска* (1970).

Важное место в 1950–1980-е гг. отводилось объявлениям о приёме в высшие и средние специальные учебные заведения, которые размещались на тематической полосе *Куда пойти учиться* и занимали от трети до целой полосы формата А3. В годы советских пятилеток бы-

стро развивались разные отрасли экономики и социальной сферы, при этом «наблюдался острый дефицит специалистов во всех сферах политической и экономической деятельности» [8, с. 263]. Газета формировала ценность образования, информировала о возможностях его получения. В 1985 г. тематическую полосу сменяет раздел *Абитуриенту*, который с разной регулярностью выходит и в 1990-е гг. Помимо тематических полос, приуроченных к сезону приёмной кампании, на протяжении всего года размещаются объявления о приёме в аспирантуру, водительских школах и других образовательных курсах.

Менее регулярно на страницах «СБ» появляется реклама сберегательных касс, бытовых услуг, розничной торговли, заведений общественного питания и пищевой продукции, услуг аэрофлота. Советские рекламисты в первую очередь «ориентировались на идеологический эталонный образ советского человека: духовное доминировало над материальным; культивировались рациональность и сознательность, в том числе в сфере потребления; «разумные потребности» противопоставлялись «искусственно создаваемым» капиталистической рекламой» [11, с. 150]. Например: *Граждане! Посылайте вашим родным и друзьям цветные маркированные открытки с видами столицы Белорусской ССР – Минска* (01.03.1955); *Сычуги телят – ценное сырьё для сыродельной и медицинской промышленности. <…> Сдавать сычуги выгодно* (26.03.1980).

Собственно рекламная рубрика *Реклама, объявления* (как и слово «реклама») появилась на страницах «СБ» в 1960-е гг., при этом печаталась не во всех номерах, поэтому рекламные материалы появлялись и вне данной рубрики. Появление новой рубрики на страницах ведущей газеты республики было обусловлено политикой «оттепели» и восстановлением Всесоюзного объединения «Союзторгреклама». В 1980-х гг. рубрика выходила под разными названиями: *Реклама, объявления; Реклама; Реклама, объявления, справки; Объявления; Справки, объявления*; в начале 1990-х гг. – *Реклама – Объявления; Объявления*, затем – рекламно-информационный раздел *Посредник*, а также рубрика *Пресс-релиз*.

В 1990-е гг. услуги из сферы культуры и образования всё ещё важны в рекламном контенте, однако внимание перемещается в сферу B2B: активно рекламируются услуги для бизнеса, специализированные выставки и ярмарки, актуальна тема брокерства и биржи. К числу наиболее рекламируемых товаров относятся автомобили, запчасти, ЭВМ. Такая тенденция обусловлена развитием рыночных отношений, появлением частных предприятий.

В 2000–2010-х гг. сохраняются рубрики *Реклама, Пресс-релиз, Экспресс-реклама*, однако из-за негативного отношения к рекламе, незаинтересованности адресата в получении рекламной информации, рубрики получают иные названия. Например, рубрика *Потребитель* отражает адресатоцентричность современной рекламы, маркетинговый подход к бизнесу, делает акцент не на товаре и адресанте, а на целевой аудитории и её потребностях. Рубрика *Дело* характеризует рекламодателя как партнёра, а процесс купли-продажи как надёжный, удобный, выгодный. Происходит подстройка под тематическое наполнение газеты. Так, реклама центра вспомогательной репродукции «Эмбрио» (12.01.2018) и медицинского центра «Новое зрение» (23.01.2015) размещаются на тематической полосе *Здоровье*, лекарственного средства «АФАЛА» – в рубрике *ТВоё здоровье* (19.02.2010), рекламная статья ОАО «НИИ Стройэкономика» – в рубрике *Наука* (23.01.2015) и т. д. Такое расположение делает рекламу менее навязчивой, а соседство с тематически близкими материалами способствует её восприятию, как полезной справочной информации.

Тематика рекламируемых товаров и услуг в этот период обусловлена ростом уровня жизни населения и формированием культуры потребительства (консьюмеризма): в центре внимания оказываются красота и здоровье (стройность и похудение, лечение зависимости, украшения), финансы (кредиты, лотереи, экспресс-кредиты, депозиты). Частотна реклама товаров, связанных с сельским хозяйством, строительством, автомобилями и комплектующими, различной техникой и электроникой, розничной торговлей. В первой половине 2000-х гг. публикуется большое количество тендерных предложений, в 2010-х гг. – имиджевых материалов, а также информации о рекламных играх.

Функционально-стилевые характеристики рекламы. РТ на протяжении 1950–2010-х гг. меняется под влиянием экономических, политических, культурных и социальных факторов:

«С момента появления прагматической коммуникации реклама становится сферой активного жанрообразования и успешного приспособления жанров разных функциональных стилей (официально-делового, публицистического, научного, разговорного) для выполнения рекламной задачи» [13, с. 3]. В рекламе 1950–1980-х гг. преобладает рациональная аргументация: *большой выбор литературы, сохранность и сроки доставки грузов гарантируются, в неограниченном количестве изразцы печные глазурованные.* Большая часть сообщений информирующего характера выстраивается по правилам официально-делового стиля с клишированными речевыми формулами: *предприятие имеет в продаже, магазин имеет в большом выборе, доводится до населения, к сведению, вниманию населения;* авторизацией в форме подписи: *Дирекция, Ректорат, Главаптекоуправление* и т. д. Длительный период реклама носит информативный характер: её цель – сообщить о возможности, а не призвать к действию. Для констатации ситуации используется страдательный залог глагола: *принимаются заявки; открыта подписка; имеются дрова.* В то же время текстам свойственна открытая директивность: *смотрите, изучайте, требуйте, посылайте, посещайте* и др. В рекламе данного периода широко используются должностные, демографические и функциональные наименования адресата: *руководители предприятий, граждане, подписчики, покупатели, население, отдыхающие, клиентура.*

На одной полосе (20.02.1955) можно увидеть воздействующий текст и информирующий. Сравните: *Электрические пылесосы и полотёры* ***значительно облегчают*** *труд по натирке крашеных, паркетных и плиточных полов, очистке от пыли и мусора помещений, мебели, ковров, одежды.* ***Универсальным*** *пылесосом можно увлажнять воздух, покрывать лаком и краской мебель, стены, потолки, опрыскивать растения. Пылесосы и полотёры* ***просты и удобны в эксплуатации***; *Минский универмаг Министерства торговли БССР* ***заключает договоры*** *с предприятиями государственной, местной и кооперативной промышленности на покупку в 1955 году промышленных товаров народного потребления <…> Предложения и условия поставки* ***направлять*** *по адресу: <…>.* Разница между объявлениями обусловлена их тематической принадлежностью и целевой аудиторией. Так, реклама электрических пылесосов и полотёров адресована широкому кругу потребителей (B2C) и выстраивается по принципу публицистического стиля, сочетая экспрессию и стандарт, выполняя одновременно информативную и экспрессивную функции. Креолизованный текст встраивается в культуру повседневности советских граждан (преимущественно женщин): при помощи иллюстраций демонстрирует способ использования рекламируемых товаров, формирует определённый образ жизни адресата, показывая, как должна выглядеть женщина, какие предметы интерьера находятся в квартире и т. д. Реклама Минского универмага относится к сфере B2B, а значит, подразумевает деловые отношения и тяготеет к официально-деловому стилю: выполняет функцию сообщения и характеризуется такими чертами, как точность, логичность, императивность, официальность, бесстрастность, неличный характер речи. В 1970-е гг. частотны журналистские материалы, которые положительной оценкой схожи с рекламными и формируют позитивный имидж определённого объекта. У таких публикаций есть автор, они не содержат контактных данных и прямых призывов приобрести товар, поэтому ближе к современным PR-текстам. Примером может послужить фотофакт в № 3 от 06.01.1970, выполняющий и идеологическую функцию: *В книжные магазины республики поступил первый том Белорусской советской энциклопедии. Объём его – 624 страницы. Авторами статей, включённых в первый том, являются видные учёные, общественные деятели, преподаватели вузов, деятели литературы и искусства, партийные работники и учителя. В нём помещено свыше 650 текстовых иллюстраций, а также 26 вклеек глубокой и офсетной печати.*

В 1990-е гг. РТ начинает диффузировать, встраивать элементы бытового общения и ценности повседневной культуры. Примером проявления диффузности являются тексты в жанре поздравления, обращённые к партнёрам и клиентам, что соответствует маркетинговой концепции взаимоотношений: *Поздравляем всех своих друзей с Рождеством и Новым годом!* (03.01.1995); *Компания «Косвик» поздравляет Вас с Новым годом и Рождеством!* (06.01.2010). Праздники как информационный повод для рекламирования определённых то-

варов и услуг использовались и ранее, однако такие рекламные объявления информировали аудиторию о возможностях организации быта, что сближало их с текстами официально-делового стиля, выполнявшими справочно-разъяснительную, а в некоторых случаях и директивную функцию: *БЕЛОРУССКИЙ ТРЕСТ ПОКАЗАТЕЛЬНЫХ РЕСТОРАНОВ к празднованию Международного женского дня 8 Марта организует в своих предприятиях обслуживание вечеров* (06.03.1951). Через 50 лет та же праздничная дата совсем иначе обыгрывалась в рекламных обращениях – с прямой апелляцией к аудитории, широким ассоциативным контекстом, элементами иронии: *РЕБЯТА, ДЕРЖИТЕСЬ! Gallina Blanca вам поможет! Праздничный обед для ваших женщин с Gallina Blanca – это быстро и очень вкусно* (03.03.2000). Текст сопровождается праздничным рецептом с рекламируемым продуктом и коррелирует с фотографией: мужчина и мальчик с озадаченным видом стоят перед кухонным столом с продуктами. В данном обращении рекламодатель выступает в позиции друга-советчика, знающего о проблеме адресата и способах её решения. Текст не директивный, а диалогичный, тяготеет к бытовому дискурсу.

Большое количество рекламных материалов в 1990-е гг. приводит также к тому, что появляется всё больше рекламных статей, оформленных в соответствии с жанровыми признаками публицистических текстов и выделяемых на страницах газеты среди других публикаций лишь принятым в «СБ» условным обозначением рекламы. Если реклама 1960-х гг. поучает, воспитывает, учит жить: ***Своевременно*** *сдавайте в химчистку и окраску одежду!* (28.01.1965), то реклама 1990-х гг. указывает на то, что производитель заботится о клиенте: ***Берегите*** *здоровье! Тяжести должна поднимать техника* (22.02.1995). В 1950–1980-е гг. реклама очень часто выполняла просветительскую функцию, поэтому в первом примере пресуппозиция «адресант предполагает, что адресат не совершает те действия, которые должен совершать» соответствует идеологии нормы и соответствия норме. Рекламе 1990–2010-х гг. свойственен аксиологический плюрализм, вариантность.

В центре внимания рекламы 1990-х гг. – плодотворное сотрудничество, коммерческий успех, финансовая стабильность: *Участие в торгах на Брестской универсальной бирже – залог* ***вашего*** *коммерческого* ***успеха****!* (22.01.1992); *Вы хотите* ***сберечь*** *от инфляции* ***свои*** *сбережения?* (24.01.1992); *Вниманию* ***деловых*** *и* ***надёжных*** *партнёров!* (24.02.1990). «В 1989–1991 гг. происходило нарастание дефицита, из магазинов исчезали даже мыло, сахар и табачные изделия» [9, с. 51], в связи с чем в рекламе 1990-х гг. акцент делается на беспрерывности торговли, постоянном наличии товара у продавца: *Организация реализует* ***постоянно в неограниченном количестве*** *со складов в Минске АВТОМОБИЛЬНЫЕ АККУМУЛЯТОРЫ производства EXAIDE всех марок* (04.01.1995). Важными являются также товарно-денежные отношения в валюте: *за наличную свободно конвертируемую валюту; автомобиль – за свободно конвертируемую валюту; итальянскую обувь – за свободно конвертируемую валюту* и т. д.

Современная реклама отражает новые ценностные ориентиры белорусского общества (национальная и культурная идентичность, интеграция, открытость): ***Прекрасный*** *летний лагерь для ваших детей <…> вы сможете* ***ознакомиться с еврейской культурой, песнями и танцами*** *вместе с опытными воспитателями, молодёжью из* ***Израиля и США*** (14.06.2000); а также свидетельствует о совершенно новом статусе самой рекламы: *Все, кто заинтересован* ***эффективно*** *и* ***своевременно*** *провести рекламные кампании через «СБ», имеют возможность обсудить условия предстоящей совместной работы и заключить* ***взаимовыгодные*** *договоры на любой срок, в том числе и на 2000 год* (13.01.2000).

Выводы. Изменения, наблюдаемые в газетном РТ на протяжении 1950–2010-х гг. в таких его характеристиках, как а) позиция в структуре целого издания и в композиции отдельной полосы, б) особенности использования графических и языковых изобразительно-выразительных средств, в) специфика апелляции к тем или иным ценностям общества, в целом свидетельствуют о повышении роли рекламного контента в содержании газеты, о конвергенции рекламных и публицистических материалов, о возрастании значимости маркетинговых коммуникаций и рекламы в жизни общества. Газетный РТ эволюционировал от справочно-информационного к маркетингово-воздействующему, от социально-ориентирующего и просветительского к продающему, приобретал черты полимодальности, диалогичности,

аксиологической амбивалентности. Белорусская реклама чутко реагировала на общественно-политические и культурные изменения социума и адаптировалась к новым коммуникативным условиям, в связи с чем меняется на различных уровнях: дискурсивном, жанровом, тематическом, стилистическом, прагматическом и структурном.

Литература

1. Ксензенко, О.А. Лингвистические аспекты изучения и оценки креативности в рекламной коммуникации / О.А. Ксензенко // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 4. – С. 101–109.

2. Щепилова, Г.Г. Функциональный подход к изучению рекламы в СМИ / Г.Г. Щепилова // Медиаскоп [Электронный ресурс]. – 2011. – № 2. – Режим доступа : http://www.mediascope.ru/node/847. – Дата доступа : 26.09.2019.

3. Белоусова, Н.П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.П. Белоусова ; Кемеровский государственный университет. – Самара, 2006. – 16 с.

4. Сухотерин, Д.Я. Реклама в русской периодике рубежа XIX–XX вв. как пространство формирования массовой культуры : автореф. дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / Д.Я. Сухотерин ; Башкирский гос. ун-т. – Киров, 2012. – 22 с.

5. Ксензенко, О.А. Гносеологические и методологические проблемы современного лингвистического рекламоведения / О.А. Ксензенко // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 42–55.

6. Медиапространство Беларуси: история и современность (к 100-летию газеты «Звязда» и 90-летию газеты «Советская Белоруссия») : матер. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 октября 2017 г. / БГУ, Институт журналистики; редкол.: С.В. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 144–152, 161–169, 171–178.

7. Рожков, И.Я. Реклама советского периода: как это было / И.Я. Рожков // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 2. – С. 171–178.

8. Слука, А.Г. Беларуская журналістыка : падручнік / А.Г. Слука. – Мн. : БДУ, 2011. – 447 с.

9. Сидорова, Г.П. Культура советской эпохи. Актуальные проблемы современной отечественной культуры : учебно-методическое пособие по культурологии / Г.П. Сидорова. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – 87 с.

10. О рекламе : Закон Республики Беларусь от 18 февраля 1997 г., №19-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1032.htm. – Дата доступа : 08.04.2020.

11. Старых, Н.В. Торговая реклама эпохи развитого социализма / Н.В. Старых // Связи с общественностью и реклама в системе коммуникаций : Сб. тр. кафедры рекламы и связей с общественностью. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2014. – Вып. 9. – С. 143–156.

12. Пивоварчик, Т.А. Речевой жанр поздравления как «образ времени» в дискурсе районной газеты / Т.А. Пивоварчик // Медиалингвистика : сб. ст. – Спб., 2014. – Вып. 3. Речевые жанры и массмедиа. – С. 96–101.

13. Миронова, А.А. Русская реклама в аспекте диахронической стилистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А.А. Миронова ; Челябинский государственный педагогический университет. – Челябинск, 2011. – 49 с.

14. Джинджолия, Г.П. Стилистическая система конца XX – начала XXI вв. / Г.П. Джинджолия // Вісник Запорізського державного університету. –2002. – № 2.– С. 23–26.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 13.04.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

*УДК 821.161.3-3:7.071*В.Короткевич*

Неоромантическое восприятие мира в произведениях В. Короткевича, посвященных художникам

А.И. Ляшенко

В данной статье анализируются некоторые аспекты наследия В. Короткевича, его мировосприятия и мировоззрения. Рассматривается неоромантическое восприятие окружающей действительности В. Короткевичем в его произведениях, посвященных художникам, которые до сегодняшнего времени почти не изучались в литературе. Выделяется основная тематика и стилистика творчества белорусского писателя.
Ключевые слова: художник, литературно-художественное явление, творчество, неоромантизм, мотивы.

Some aspects of the heritage of V. Korotkevich, his worldview and ideology are analyzed. The neo-romantic perception of the surrounding reality by V. Korotkevich is considered in his works devoted to artists, which until now has hardly been studied in literature. The main themes and stylistics of the works of the Belarusian writer are highlighted.
Keywords: artist, literary and artistic phenomenon, creation, neo-romanticism, motives.

Владимир Семёнович Короткевич – одна из самых ярких фигур белорусской литературы XX в., поэт, прозаик, драматург, публицист, литературный критик, переводчик. Он также владел и даром художника, хотя относился к этому весьма скептически. Так, в письме к Н.М. Молевой от 16.1.60 он пишет: «Ну, ладно, серию рисунков пока прекратил по явной бесталанности. Впрочем, Чехов рисовал и писал стихи, кажется, ещё хуже меня. Всё-таки маленькое утешение» [1, с. 251]. Далее сарказм по отношению к собственной значимости в мире изобразительного искусства только увеличивается. Он с усмешкой предсказывает, что его собственные рисунки «когда-нибудь будут по шамашедшей цене и продаваться как по невероятному мастерству, так и по тому, что это “я” своей головой дошел до таких вершин».

Н.М. Молева читала курс «Психология создания художественных произведений и психология восприятия художественных произведений» на Высших литературных курсах при Государственном литературном институте имени М. Горького, на которых учился В. Короткевич. Нина Михайловна была эрудированным специалистом по отечественной и зарубежной культуре: знала несколько иностранных языков, в соавторстве с мужем выдала шесть фундаментальных книг по европейской живописи. Для писателей со всего Советского Союза, среди которых были Виктор Астафьев, Новелла Матвеева, Римма Казакова, Раиса Ахматова, она открывала новый мир. Кроме того, были организованы экскурсии по «Золотому кольцу», в ходе которых писатели посещали заброшенные церкви и усадьбы. Для многих это было настоящим открытием и, несомненно, оказало влияние на дальнейшее духовное развитие и собственное творчество. Особенно на белорусского писателя, который выделялся своей импульсивностью, неординарностью, повышенным интересом ко всему новому и необычному. Так, церковь Покрова на Нерли, старославянские тексты, которые профессор читала с хоров в гулкой и радостной тишине храма, настолько впечатлили молодого поэта, что он написал стихотворение «Дзіва на Нерлі», которое посвятил Н.М. Молевой. Изумительный по своей красоте храм он сравнивает «з белай песняй у лугах залацістых», «з прыгожай нявіннай жанчынай», з «клічам адзвінеўшых стагоддзяў зямлі». Это своего рода безмолвный свидетель истории, чудом уцелевший в огне и дыме бесконечных пожарищ. Не случайно церковь снилась тем, кто уходил к теням на райские луга с «тенью улыбки в мокрых очах».

Несмотря на то, что сам В. Короткевич не считал себя романтиком («Я не пісьменнік рамантычнага складу. Хто хоча, каб я яго паважаў – хай здасць гэта азначэнне, гэты ярлык у архіў»), с этим нельзя согласиться полностью. И сам Владимир Семенович убеждает в этом: «Я, можа, больш чым хто, авантурыст, і жыццё падсоўвае мне і такіх людзей, і такія выпадкі,

якія не назавеш штодзённымі».) Стоит согласиться с Иваном Штейнером, утверждавшим: «Ён – РАМАНТЫК. І прычым адзіны рамантык у гісторыі беларускай літаратуры, чый светапогляд і творчая дзейнасць цалкам адпавядаюць асноўным канонам рамантызму» [2, с. 7].

Принято считать, что особая заслуга В. Короткевича перед белорусской литературой заключается в создании оригинальных произведений на историческую тематику, выработке оригинальной концепции видения истории. Как никто другой, писатель сумел передать дух прошедших эпох, освоил забытые пласты национальной истории, создал особые характеры, раскрыл богатый духовный мир своих героев и связал их личную судьбу с судьбой народной. Именно Владимир Короткевич сделал очень много для развития возрожденческих идей, пробуждения национального сознания белорусов. Его творчество отличается исключительной романтизацией истории, высокой художественной культурой, патриотическим духом, значительной узнаваемостью и гуманистическим пафосом.

В душе своих героев В. Короткевич фиксирует упорную ментально-умственную борьбу между духовным (светлым) и животным (отталкивающим) началами, между философией конформизма, равнодушием ко всему окружающему и гуманистической идеей сопереживания, милосердия, взаимопомощи друг другу. Как один из самых ярких и выдающихся писателей XX в., В. Короткевич оказал значимое влияние на развитие такого литературно-художественного явления, как неоромантизм.

Неоромантизм, как самостоятельный жанр, зародился на основе неприятия буржуазного общества. Неоромантические писатели в своих трудах придерживались противостояния, с одной стороны, упадничеству, бытописательскому прозаическому натурализму, изысканной изнеженности эстетов, а с другой стороны, категорически отрицали реалистическую правдивость изображения реальной жизни. В этом плане особенно интересны произведения поэта, посвященные художникам.

Новаторским для белорусской литературы было введение в анналы национальной традиции имен великих художников разных эпох и столетий (Чурлёнис, Гойя, великих голландцев). Так, в стихотворении «Трызненне Мужыцкага Брэйгеля» В. Короткевич изобразил голландского художника середины XVI в. Питера Брейгеля, причем дал соответствующую ссылку (Пітэр Брэйгель Старэйшы, празваны «Мужыцкім» (памёр у 1569 г.), – славуты нідэрландскі мастак XVI ст., аўтар карцін «Падзенне Ікара», «Сляпыя», «Сялянскі танец», «Краіна гультаёў» і інш.) [3, с. 91]. Он создает фантасмагорическую ситуацию: якобы художник бродит среди обжорных рядов приморского города и в висящих тушах мяса в торговых лавках ему видится отображение духовного упадничества родины:

Індычкі ў папяровых панталонах,
Цяляты, ўзрошчаныя без вады,
На цёплым малацэ. Ігрушы шынкаў,
Што пахнуць горка елянцовым дымам
І часнаком. А ў ваннах ледзяных
Блажэнна парсюкі адпачываюць.
Для студзіны.
І ўся твая радзіма
Нагадвае такога парсюка [3, с. 91].

Перечисление обжорских соблазнов выполнено в стиле мастеров фламандской школы. Однако данный прием, чрезвычайно популярный у романтиков, необходим белорусскому поэту для контрастного изображения противоречий бытия. Мужицкий Брейгель (такое прозвище получил художник от современных ему критиков) ощущает глубокое непонимание своих соотечественников, чьи интересы ограничивались исключительно материальным благополучием и желанием лишь набить свои животы:

Павекі Брэйгеля прыкрылі зрэнкі.
Ён думае, што млынару з шынкаркай
Цудоўна будзе спаць на сенавале,
А там усё на свеце хоць бы што.
За сытасцю яны не заўважаюць,
Што шашаль есць іх дом, што іх абкрадуць,
І назву самую «край Нідэрландаў»
Забудуць спячыя. Пракляты край! [3, с. 92].

Именно в стиле поэтов-романтиков показан контраст между высокими идеалами и реальностью, осуждается духовное упадничество народа, равнодушное отношение к искусству, а также нежелание познать свободу:

Што ім да ўзлётаў і да летуценняў,
Да гожай мужнасці ў імя свабоды?
Яны валлё наб'юць – і пад пярыну.
Краіна гультаёў! [3, с. 92].

В пламенно-монологическом «Трызненне мужыцкага Брэйгеля», а также в его подтексте В. Короткевич описывает свои размышления и волнения о родном крае, о своем народе. Поэт, обращаясь к исторической ретроспективе, параллелям и аналогиям с прошлым, по сути высказывает свою патриотическую позицию и гражданскую тревогу:

Што ж ты пракінуўся, мужыцкі Брэйгель?
Шпурляй у твар ім горкія палотны,
Дражні, як бугая чырвонай хусткай,
Паказвай ім, сляпым, канец Ікара, –
Яны ж усё адно не зразумеюць [3, с. 92].

В основе произведений неоромантизма лежало романтическое несогласование мечты и действительности. Однако, применяя романтический подход, неоромантики значительно отличались от своих предшественников-романтиков. Неоромантизм расширяет границы влияния на читателя и обнаруживает глобальные изменения в коллективном опыте общества, где жить – значит бороться за счастливую судьбу Родины, победить зло и уберечь духовное (культурологическое, просветительское, интеллектуальное) богатство народа. Выражение «канец Ікара» навеяно аллюзиями на картину «Падение Икара», на которой показаны последние мгновения из жизни великого героя. Однако она может привести неподготовленного зрителя в замешательство. На переднем плане мы видим пахаря, рыбака, мореплавателя, однако нет заглавного героя, от которого остались только две ноги над водой. Через мгновение волны, поднятые падением тела, сомкнутся, и уже ничто не будет напоминать о трагедии.

Штож ты пракінуўся, мужыцкі Брэйгель?
Шпурляй у твар ім горкія палотны,
Дражні, як бугая чырвонай хусткай,
Паказвай ім, сляпым, канец Ікара, –
Яны ж усё адно не зразумеюць,
Хіба нашчадкі, можа? [3, с. 94].

А мир продолжит жить по своим законам. Именно поэтому от него необходимо спрятаться, скрыться, как поступали романтики в разные века. Или же стать глухим, чтобы не слышать земной несправедливости, как это сделал великий испанский художник Гойя («Глухі геній»):

Сон розуму пачвар раджае,
І панствуюць яны над ім,
Паветра крыкам запаўняюць,
Вішчаць і кідаюцца ў дым.
І вар'яцее мозг ад плачу
На самай праведнай з планет.
Чуць не магу!!! [3, с. 286].

Лучше не жить вообще, чем видеть слезы мальчика, идущего за телом матери. Никто уже не вытрет ему слезы: истина и правда умерла, умерла под веселый смех страшного мира, который и сам катится в небытие. Не случайно в стихотворении, посвященном литовскому художнику и композитору, В. Короткевич сравнивает земной шар с одуванчиком («Чурлёніс»). И не только потому, что они круглые, шароподобные, несмотря на свои разновеликие размеры. Одуванчик в нашем сознании символизирует хрупкость, неустойчивость: мгновение – и от его красоты ничего не остается. Такова и наша Земля над обрывом вечности.

В произведениях неоромантического характера часто встречаются мотивы путешествия по экзотическим странам, а также мотивы поиска самого себя в жестоком и безжалостном мире, где разворачивается непримиримая борьба между добром и злом. Восприятие художественного ми-

ра читателем базируется на единстве возвышенного и трагического, а в самих текстах раскрывается тема преодоления трудностей согласно принципам неоромантического героя, который считает свободу выбора во всех сферах жизни не просто правом, а духовной необходимостью.

Во всех видах искусства, в том числе и в литературе, неоромантизм основывается на идеях романтизма, но дополняется принципиально новыми свойствами и признаками в плане выражения противоположных реализму тем, проблем, мотивов, образов. Основополагающими признаками неоромантизма следует считать идеализацию лирического героя, обращение к национальному колориту, а также наличие в тексте мистических мотивов.

Так, в повести В. Короткевича «Ладья отчаяния», действия которой происходят в Великом Княжестве Литовском в XVI в., главный герой Гервасий Выливахо не вписывается в общепринятые нормы поведения. Будучи жизнелюбивым человеком, а также ценителем поэзии, он имеет весьма негативную репутацию среди большинства жителей. Однако главный герой, в отличие от всех остальных горожан, внутренне свободен и не скован общепринятыми правилами поведения, а именно: ханжеством, скупостью, жизненными перспективами, не простирающимися дальше заветной кубышки, набитой золотом и серебром.

Далее писатель вводит мистические мотивы в виде Смерти, которая приходит к главному герою и говорит, чтобы он собирался с ней на тот свет. В. Короткевич описывает путешествия Гервасия, а с ним еще нескольких жителей в царство мертвых, что явно представляет собой параллель путешествию Орфея в Аид. Гервасий был единственным, кто не утратил веры в лучшее будущее. Увидев это, Смерть предлагает сыграть ему партию в шахматы. В решающий момент, когда герой видит, что он проигрывает, ему приходит на ум мысль, которая подсознательно руководила всей его жизнью: «Поступай неожиданно, действуй не так, как принято, делай то, чего не делает никто – и тогда победишь». Таким образом, В. Короткевич открывает героя в самом обычном человеке, того, кто готов столкнуться с проблемами и свободно принять решение, в отличие от остальных людей, стеснённых общепринятыми правилами.

Для понимания концепции автора большое значение имеет баллада «Прарок Геронім Босх», также посвященная Н.М. Молевой. Поэт и на этот раз предварирует текст ссылкой (Геронім Босх – славуты нідэрландскі мастак канца XV – пач. XVI ст. У такой яго карціне, як «Страшны суд», народная сатыра спалучаецца са змрочнай, кашмарнай фантазіяй. Дзіўнае супадзенне: на яго карцінах намаляваны машыны, якія падобны на танкі і сучасныя гарматы) [3, с. 89]. В произведении доминируют эсхатологические мотивы, характерные для всего средневекового искусства. Босх считает нашу Землю ареной борьбы божественного и дьявольского начала, добра и зла. Именно поэтому на триптихе изображена вся история человечества: сотворение мира; грехопадение; вечные страдания. Однако художник избегает простого копирования: все образы на его картине аллегорические, глубоко символические, что вызывает восхищение у белорусского поэта, склонного к подобному восприятию действительности:

І прарочыў дрэнным людзям
Геній Геронім Босх.
Сваёй неўтаймоўнай фантазіяй
Выклікаў ён пачварныя здані… [3, с. 90].

Владимир Короткевич продолжает традицию, когда литературные произведения зарождались под влиянием живописи. На многие вещи он смотрит глазами художника, что повлияло на тематику, стилистику, изобразительную систему его произведений и, прежде всего, на мировоззрение и мировосприятие.

Литература

1. Молева, Н.М. Высшие литературные / Н.М. Молева // Уладзімір Караткевіч: вядомы і невядомы : зборнік эсэ, вершаў, прысвячэнняў. – Мн., 2010. – С. 255–260.

2. Штэйнер, І. «Свет шчодры. Свет мяне паўторыць»: паэзія У. Караткевіча і класічныя традыцыі / І. Штэйнер. – Мн., 2008. – 120 с.

3. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мн., 1987. – Т. 1. Вершы, паэмы. – 481 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 28.02.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 81'23(=161.1):811.111'373.23

Восприятие английских антропонимов носителями русского языка

А.В. Собко

В настоящее время в научной среде возрос интерес к социолингвистике в целом и к межкультурной коммуникации в частности. Это вызвано тем, что барьеры и границы между странами, по сути, стёрты. Актуальность данного исследования определяется необходимостью дать обобщающее описание англоязычной антропонимии, присутствующей в современных русских художественных текстах, а также изучить своеобразие антропонимической системы, равно как и закономерности её функционирования.
Ключевые слова: имя собственное, антропонимическая система, англоязычное имя, русскоговорящие люди, русскоязычный писатель, антропонимия, антропонимикон.

Nowadays in the scientific environment we observe a growing interest to sociolinguistics in general and to the intercultural communication in particular. It is caused by actual erasing of the borders and barriers between different countries all over the world. The relevance of the research depends on the necessity of giving the generalized description of English anthroponymy which is present in modern Russian literary texts as well as the study of the originality of the anthroponymic system with its patterns of functioning.
Keywords: personal name, anthroponymic system, English name, Russian-speaking people, Russian writer, anthroponymy, anthroponymycon.

Современный человек может отправиться в увлекательное путешествие по миру, не покидая стен своей квартиры или дома. Достаточно иметь доступ к интернету, книгам или телевидению. Книги и журналы, в определённом смысле, являются самыми проверенными и надёжными проводниками человечества в мир прошлого, настоящего и возможного будущего. Печатные издания способны дарить читателю общение с другими людьми. Они дают возможность проникнуть глубоко в подсознание другого человека, получить важные и необходимые сведения о том или ином вопросе, интересующем того человека, который берёт в руки книгу, чтобы погрузиться в мир эмоций, фантазий, опыта и знаний писателя, являющегося, возможно, выходцем из другой страны или представителем иной эпохи.

Безусловно, общение, напрямую или косвенно, людей различных культур оставляет свои следы в их языке. Межкультурное взаимодействие людей влияет на определённые психолингвистические особенности, присутствующие у той или иной нации. Происходит ряд заимствований не только обычаев и традиций, но и словотворчества, а вместе с ним и словоупотребления.

В современном научном мире особенное внимание уделяется непосредственно антропонимике. Многие лингвисты изучают антропонимы, т. е. собственные имена, используемые для именования человека в каком-либо языке [1, с. 64], с целью создания словарей, а также изучения качественных и количественных характеристик антропонимикона в том или ином ареале, языкового сознания и речевого этикета в речевой культуре в целом.

Часто антропонимические исследования представляют собой изучение истории того или иного имени или фамилии. Людям интересно знать, как возникли их фамилии, ведь это рассказывает человеку о том, чем занимался его предок, как его звали, какой у него был характер и многое другое [2]. С данным направлением исследования связана диалектология и такие разделы ономастики, как топонимика, зоонимика и этнонимика. В данной области исследования нам бы хотелось особо отметить интересные и содержательные работы таких лингвистов, как И.А. Каськова, Е.В. Курицкая, К.А. Дегтяренко, Т.Г. Калинин, И.А. Королёва.

Существует большое количество работ и по исследованию употребления антропонимов в художественных текстах различной тематики. Изучаются структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов, их стилистические функции в литературных текстах. Чаще всего за основу такого рода исследования берётся определённое художественное произведение или же исследуется антропонимическое пространство нескольких произведений одного автора. В данной области лингвистических научных изысканий преуспели Е.Ф. Исаева, Л.М. Ахметзянова, Д.И. Стахеева, Н.С. Яковенко [3].

Ввиду наличия различных точек зрения на семантическую структуру онимов, вопросами семантики имён собственных занимаются тысячи лингвистов. По нашему мнению, особенно содержательными и информативными можно считать научные труды И.А. Гузновой, О.А. Васильевой, Е.С. Плешкова.

Мы бы хотели отметить тот факт, что изучение англоязычного ономастического пространства в сфере межкультурной коммуникации является относительно новым направлением в лингвистике. Исследования в области взаимодействия и влияния друг на друга представителей разных культур и выходцев из различных языковых сред представляют большой научный интерес в таких гуманитарных и общественных науках, как культурная антропология, педагогика, психология, краеведение, культурология, социология, языкознание, история.

Интересные работы в области отражения взаимодействия языка и культурно-исторического контекста в жизни общества на примере английских, вьетнамских, русских и казахских имён представил лингвист Чыонг Тхи Суан Хыонг.

Предметом нашего исследования на протяжении нескольких лет является творчество современных русских писателей конца XX – начала XXI вв., ввиду чего нами было проанализировано 16 художественных произведений и свыше 30 кинолент, созданных русскоговорящими авторами.

Целью нашего исследования являлось комплексное рассмотрение особенностей англоязычного антропонимического пространства в современных русскоязычных художественных текстах.

Занимаясь исследованием вопросов употребления английских имён собственных русскоговорящими авторами в различных современных художественных текстах, мы решили подкрепить полученные нами данные в этой области результатами теста, в котором приняли участие студенты неязыковых факультетов УО «ГГУ имени Ф. Скорины» в количестве 71 человека. Мы составили тест, в котором студентам предлагалось ответить на 6 вопросов, при этом варианты ответов не были заданы условиями теста, поэтому молодым людям необходимо было давать свои ответы, исходя из личных предпочтений и жизненного опыта.

Целью нашего теста являлось выявление закономерностей и особенностей восприятия, а также возможного употребления англоязычных имён, известных участникам эксперимента, в смодулированной нами ситуации. Нам было интересно выявить совпадения выбора, сделанного студентами ВУЗа и авторами художественных произведений, которые мы исследовали в своих научных работах.

Таким образом, при ответе на вопрос «Если бы Вы были писателем или сценаристом, то как бы Вы назвали героя своего произведения, являющегося английским шпионом?», имя *Джеймс (James)* было упомянуто 18 раз. При этом предлагалось сочетание имени и фамилии *Джеймс Бонд (James Bond)*, а также был дан вариант *Бонд (Bond)*.

Нужно признать, что выбор имени *Джеймс* для шпиона вполне предсказуем и очевиден, ведь это имя принадлежало герою многочисленных кинолент про секретного суперагента 007, разведчика, шпиона *Джеймса Бонда*. Срабатывает ассоциативное мышление, ввиду чего в сознании всплывает образ конкретной личности, обладающей определённым набором качеств и характеристик.

Так называемая «бондиана», т. е. серии фильмов про вымышленного секретного агента британской разведки, созданного писателем Яном Флемингом, оказала сильное влияние на современную культуру. При создании определённой атмосферы в общественном заведении, рестораторы используют имя *Джеймса Бонда* для привлечения клиентов. Так, например, в Минске несколько лет назад был открыт бар-ресторан «Джеймс», стилизованный, со слов его создателей, «под Бонда».

Нет сомнений в том, что современный человек живёт в мире образов, символов, клише и стереотипов, которые глубоко укоренились в сознании многих людей. Таким образом, иностранные имена приходят в русский корпус имён собственных и приобретают в нём определённую психо-эмоциональную окраску.

Лидирующие позиции были также и у имени *Джон (John)*, с его вариантом *Джонни (Jonny)*, у имени *Роберт (Robert),* с его вариантами *Боб (Bob)* и *Бобби (Bobby)* [4]. Студенты предлагали и такие имена своим героям-шпионам, как *Джэк (Jack)*, *Билли (Billy)* и *Хенри (Henry)*. Имена *Хенри* и *Генрих* скорее всего были предложены студентами, как варианты одного и того же имени *Henry*.

Интересен тот факт, что некоторые испытуемые предложили вариант имени вместе с фамилией: *Хенри Джекил (Henry Jekyll)*, *Том Харди (Tom Hardy)*, *Эдвард Картер (Edward Carter)*, *Патрик Бэмфорд (Patrick Bamford), мистер Бин (Mr. Bean)*. Данные антропонимы принадлежат или реально существующим, известным личностям, или же персонажам художественных произведений, а именно: актёру английского происхождения *Тому Харди*; американскому солдату *Эдварду Картеру*, награждённому Почётной медалью за доблесть и отвагу, проявленные в 1945 г. на территории фашистской Германии; английскому футболисту клуба «Лидс Юнайтед» *Патрику Бэмфорду*; главному герою произведения Роберта Льюиса Стивенсона «Доктор Джекил и Мистер Хайд», герою многочисленных фильмов и мультфильмов; известному персонажу из британского комедийного сериала *мистеру Бину*.

Все вышеперечисленные варианты предложенных студентами антропонимов говорят о том, что современные русскоговорящие молодые люди имеют представление об англоязычных людях, они знакомы с культурой Англии и Америки, им известны не только медийные личности, но и исторические, и литературные персонажи. Важно то, что на просьбу назвать подходящее англоязычное имя, в большинстве случаев, студенты упоминали именно английские имена, а не немецкие, итальянские, французские, испанские и т. д.

Вторым вопросом нашего теста был следующий: «Какое английское имя подошло бы главному злодею фильма или художественного произведения?». При ответе на него имена *Роберт (Robert)*, *Майк (Mike), Марк (Mark), Вильям (William), Джордж (George), Джейсон (Jason), Генри (Henry), Джек (Jack), Джон (John), Джеймс (James), Грэг (Greg)* заняли лидирующие позиции.

Вновь вызвали интерес предложенные варианты имени вместе с фамилией. Например, вариант *Робби Роттен (Robby Rotten)* был дан с переводом *Робби Злобный*, что говорит о знании перевода некоторых английских слов. Такие варианты, как *Брэд Бодник (Brad Bodnik), Мистер Джекил (Mr. Jekyll), Доктор Стрэндж (Dr. Strange)* отсылают нас к персонажам известных фильмов, которых нельзя назвать «хорошими парнями».

Среди различных предложенных студентами антропонимов заслуживают внимания такие варианты, как *Мариарти, Воланд, Черчель, Пенетрон, Архивариус*. Данные имена принадлежат или известным персонажам, личностям, или героям видеоигр.

В очередной раз мы убеждаемся в том, что в современном мире невероятно популярно англоязычное киноискусство, литературное и историческое наследие, а также видеоигры.

При постановке вопроса о подходящем английском имени для красавицы-героини имя *Элизабет (Elisabeth)* явилось лидером, с небольшим отрывом имя *Анна (Anna)* заняло второе место по количеству упоминаний. Достаточно популярными явились имена *Анджелина (Angelina)*, *Джессика (Jessica)*, *Лили (Lilly), Дженнифер (Jennifer), Мэри (Mary), Кейт (Kate), Луиза (Luisa)*.

Был предложен вариант *Мисс Мисти*. Важно то, что именно мисс, а не миссис, ведь это слово используется для обозначения статуса молодой, незамужней девушки, в отличие от миссис, которое используется для обращения к замужним дамам. Что же касается предложенного антропонима *Misty*, то его можно перевести, как «туманная», от английского слова «mist» (туман), т. е. невесомая, едва уловимая, а, соответственно, нежная.

Для злодейки-иностранки опять же были предложены имена *Анна, Элизабет* и *Кейт*. Такие имена, как *Анджела (Angela), Вирджиния (Virginia), Беллатриса (Bellatrix), Дженифер (Jennifer), Сьюзи (Susy), Алекса (Alexa)* и *Роуз (Rose)* были упомянуты многими участниками тестирования.

Вариант *мисс Хора* вызывает интерес ввиду того, что он связан с английским словом «хоррор» (horror), которое переводится, как «ужас».

Неожиданным результатом нашего исследования явилось то, что достаточно распространённые русские имена *Дария* и *Юлия (Юлиана)* давались испытуемыми в качестве подходящих имён для англоговорящих героев. Возможно, это вызвано тем, что русское имя *Юлия* ассоциируется русскоговорящими людьми с английским именем Джулия (Julia). Известными личностями с данным именем являются актриса *Джулия Робертс (Julia Roberts)*, певица *Джулия Майклз (Julia Michaels)*. Знаменитая музыкальная композиция группы «Pink Floyd» носит название «Julia Dream» (Джулия-сон).

Что касается имени *Дария (Дарья)*, то оно встречается в названии популярного мультипликационного сериала «Дарья» (Daria), который шёл на канале MTV с 1997 по 2002 гг. Позже по мотивам данного сериала была создана компьютерная игра Daria's Inferno.

Среди предложенных женских имён мы встретили антропоним *Марго (Margo)*. На территории постсоветских республик можно нередко встретить имя *Маргарита*. Часто это имя собеседники сокращают до *Марго*. Следует отметить, что сокращение имён до одного слога в русскоязычной молодёжной среде является распространённой тенденцией. Это делается для того, чтобы имя человека звучало более современно, по-особенному, «на западный манер». По данному принципу имя *Денис* превращается в *Дэна*, а *Алексей* становится *Алексом*.

Многократно предложенное имя *Марта (Marta)*, хоть и не является типичным английским именем, но оно достаточно популярно на территории многих европейских государств.

Лидирующие позиции в списке наиболее подходящих английских имён для положительного главного героя заняли такие имена, как *Джон(John)* и *Том (Tom)*. Третье место по частотности упоминания разделили такие имена, как *Джеймс, Джек, Роберт, Боб, Майк, Генри, Артур.*

Имя *Даниэль* (*Daniel*) употреблялось с таким вариантом, как *Дэни* (*Dany*). Среди прочих встретился антропоним *Файнс* (от английского слова «fine» – хороший).

Стоит отметить такие интересные варианты имён, как *Монро, Хантер, Аврора, Вест* (от английского слова «west» – запад), *Данте, Олаф, Остин, Дориан*. Снова мы угадываем в предложенных именах, живших когда-то известных личностей и героев знаменитых художественных произведений или современных мультипликационных фильмов.

Помимо вышеперечисленных вариантов в тесте встретились такие антропонимы, как *Мистер Гектор (Mister Hector)* и *Мисс Мэри (Miss Mary)*.

Для героя комедии большинство испытуемых предложили имя *Чарли*. Видимо, по аналогии с *Чарли Чаплиным*. Лидирующие позиции по частотности упоминания заняли имена *Боб (Бобби), Джим, Джон*. На третьем месте оказались имена *Эндрю (Andrew)* и *Майк (Mike)*.

Дважды был предложен вариант *мистер Бин* и *Эйс Вентура*, что говорит о том, что имена героев популярных англоязычных фильмов надолго запоминаются русскоговорящим зрителем. А образ персонажа мистера *Бина* даже используется в рекламных роликах шоколада Сникерс, которые часто можно увидеть на наших телеэкранах.

Проанализировав все полученные от студентов ответы на поставленные нами вопросы, мы пришли к однозначному мнению о том, что на выбор имени для героев художественных текстов часто влияют книги и фильмы. Это проявляется в случаях упоминания студентами таких вариантов антропонимов, как *Дон Жуан, Спайдер, Данте, Воланд, Гермиона, Мариарти.*

Некоторые студенты оказались склонными к словотворчеству, придумав такие имена, как *Кибелла* и *Стервелла*.

Основываясь на сделанных нами задолго до данного тестирования выводах и подсчётах, мы приходим к выводу о том, что в основе тенденции именования русскоязычными людьми персонажей своих художественных текстов лежит распространённость английского имени, его известность и лёгкость произношения в русском языке.

Мы видим, что наиболее часто для именования англоговорящих лиц используются короткие, легко запоминающиеся имена и фамилии, знакомые большинству зрителей и читателей из иностранных книг и фильмов.

Часто срабатывает ассоциативное мышление, и у русского человека возникают образы вымышленных персонажей или реально существующих людей с соответствующими именами и фамилиями. Данные образы носят ярко выраженную положительную или отрицательную окраску, что даёт читателю или зрителю дополнительную информацию о возможном поведении персонажа по мере развития сюжета произведения.

Сделанные нами выводы подтверждают идеи Л.М. Ахметзяновой и А.В. Суперанской о том, что имена собственные, используемые автором в его произведении, являются показателями знаний и представлений писателя о мире, при этом, по словам А.В. Суперанской, являются ориентиром в пространстве и времени [5, с. 313].

Итак, возвращаясь к основному объекту нашего исследования, а именно к проанализированным нами ранее русскоязычным литературным текстам (16 художественных произведений и 47 кинофильмов), мы выяснили, что наиболее часто встречающимися английскими именами в русскоязычных литературных текстах являются *Джон*, *Джим*, *Джек* и *Джеймс*. А результаты нашего теста это в очередной раз подтвердили.

При этом вышеуказанные имена не всегда имеют яркую психо-эмоциональную окраску, помогающую раскрыть образ героя произведения, сделать выводы о его дальнейшем поведении, предугадать его реакции на те или иные события, ожидающие героя литературного произведения или киноленты в течение повествования и развития сюжета.

Так, в фильме «Война» англичанин *Джон Бойл* является простым актёром; в фильме «Человек с бульвара Капуцынов» главный герой *Джонни* первым знакомит жителей города с кинематографом, а благородного и авторитетного наёмника и грабителя зовут *Джек*; в фильме «На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-Бич опять идут дожди», режиссёр знакомит нас с генералом ЦРУ по имени *Джек*; в комедийном телесериале «Отель Элеон» главный герой носит отчество *Джекович*; в фильме «Дежа вю» *Джоном* зовут нью-йоркского киллера.

Говоря об имени *Джек*, следует отметить тенденцию перехода имени русскоговорящего героя произведения *Евгений* в английское имя *Джек*. Так происходит, например, в сериалах «Убойная сила» и «Ментовские войны».

Проведённое в декабре 2008 г. изучение антропонимического пространства в ряде англоговорящих стран показало, что имя *Джек* является самым популярным именем в Великобритании 14-й год подряд. Согласно переписи населения США 1990 г., имя *Джек* являлось необычным американским именем, имеющимся у 0,315 % мужского и 0,001 % женского населения. Тем не менее, частота использования имени *Джек* при даче имени ребёнку выросла со 160–170 места перед 1991 до 35 места в 2006. В 2014 г. имя *Джек* снова стало самым популярным в Ирландии. В 2008, 2009, 2010 и 2013 гг. данный антропоним был наиболее популярным именем для мальчиков в Австралии [6].

Учитывая данную статистику, а также тот факт, что «jack» означает «валет» в колоде карт, можно утверждать, что данное имя часто выбирается для именования персонажа того или иного произведения, чтобы оставить его незаметным в англоговорящем обществе.

Говоря об имени *Джек (Jack)*, следует отметить тот факт, что в современном английском языке оно часто используется, как уменьшительная форма имён *Джон* (*John*) или, в меньшей степени, *Джеймс* (*James*), хотя имя *Джек* часто дают как самостоятельное имя собственное.

Данная тенденция позволяет нам прийти к крайне удивительному выводу о том, что занимающие лидирующую позицию по частоте использования четыре английских имени *Джон*, *Джим*, *Джек* и *Джеймс* являются, по сути, одним именем. В сознании русскоговорящего человека данные онимы являются своего рода индикаторами присутствия английской речи или культуры в конкретной жизненной ситуации.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод о том, что в случае необходимости создания определённой, так называемой «западной» атмосферы, а также при описании событий, происходящих в стране, где говорят на английском языке, русскоговорящие писатели используют определённый корпус английских имён собственных.

Эти имена выбираются по принципу известности, лёгкости произношения и запоминания русским читателем или зрителем. Нередко авторы прибегают к ассоциативному восприятию образа персонажа с известной личностью или героем какого-либо другого всемирно-известного произведения.

Литература

1. Советский Энциклопедический словарь / А.М. Прохоров (гл. ред.). – М., 1989. – 1632 с.

2. Бондалетов, В.Л. Русская ономастика / В.Л. Бондалетов. – М., 1983. – 224 с.

3. Гарагуля, С.И. Языковая личность: индивид и его имя в иноязычной среде / С.И. Грагуля. – М. : Либроком, 2012. – 160 с.

4. Рыбакин, А.И. Словарь английских личных имён / А.И. Рыбакин. – М. : АСТ, 2000. – 224 с.

5. Суперанская, А.В. Ономастика в Бурятии / А.В. Суперанская // Вестник Бурятского государственного университета. – 2007. – Вып. 7. – С. 312–316.

6. Джек (имя) [Электронный ресурс] // Википедия, свободная энциклопедия. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/?oldid=105312050. – Дата доступа : 24.02.2020.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 24.03.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 811.161.1'373:070

Активные семантические процессы в лексике современного русского языка (на материале НКРЯ)

А.Л. Стрижак

В статье анализируются основные семантические процессы в лексике современного русского языка: расширение значения, сужение значения, переосмысление семантики слов, а также процессы деполитизации и деидеологизации значения лексем. Рассматривается явление семантико-стилистической трансформации лексики в языке современных газет, утрата рядом слов идеологически отмеченных компонентов значения, что влияет на сочетаемость, стилистическую закреплённость и экспрессивную окраску такого рода лексем.
Ключевые слова: расширение значения, сужение значения, оценочная коннотация, семантические особенности, деполитизация и деидеологизация значения, семантический объем слова.

The basic semantic processes in the vocabulary of the modern Russian language are analyzed: expansion of meaning, narrowing of meaning, rethinking of semantics of words, and also processes of depoliticization and deideologization of the meaning of lexemes. The article considers the phenomenon of semantic-stylistic transformation of vocabulary in the language of modern newspapers, the loss of a number of words ideologically marked components of meaning, which influence on the compatibility, stylistic fixation and expressive coloring of such lexemes.
Keywords: expansion of meaning, narrowing of meaning, evaluative connotation, semantic features, depoliticization and deideologization of meaning, semantic volume of a word.

Внимание к языку газеты и функционирующим в нем новациям обусловлено сложившейся внеязыковой ситуацией конца XX – начала XXI вв., что выражается в значительном влиянии масс-медиа на формирование общественного мнения, на сознание людей, а также на национальную культуру и речевую практику социума. Изучение активных семантических процессов в лексике современного русского языка на материале СМИ приобретает особое значение с учетом усиления воздействующей функции газетных текстов, изменения характера оценочной модальности, появления на страницах современных газет огромного количества лексических и семантических неологизмов.

Целью настоящей статьи станет анализ основных семантических процессов в лексике современного русского языка, наиболее рельефно проявляющихся в языке газет постсоветского периода: расширения значения, сужения значения, переосмысления семантики слов, а также процессов деполитизации и деидеологизации значения лексем.

Материалом для настоящей статьи послужили тексты ведущих российских газет последнего десятилетия. В ходе работы нами использовались ресурсы Национального корпуса русского языка, в частности, газетного подкорпуса, объем которого – 228 млн словоупотреблений позволяет в полной мере отразить особенности названных выше семантических процессов.

Для обработки материала применялись описательно-аналитический метод и метод контекстуального анализа. Описательно-аналитический метод способствовал осуществлению всестороннего анализа выявленных групп лексики; метод контекстуального анализа позволил определить специфику употребления конкретной речевой единицы в каждом из рассмотренных контекстов.

Многие отечественные лингвисты отмечают, что язык рубежа XX–XXI вв. размывается, выходит из жесткой системы книжных стилей [1]–[9]. Высокий динамизм языковых преобразований, их крайняя противоречивость и неоднородность привели к возникновению полярных точек зрения на состояние современного русского языка, на перспективы его дальнейшего развития [10, с. 16].

Сложность и глубину происходящих в лексике современного русского языка семантических процессов можно наблюдать в ходе анализа слов, значение которых подверглось расширению: при лексикографической фиксации новое или обновленное значение такого

рода слов нередко содержит помету *разговорное*, что свидетельствует о семантико-стилистической трансформации. Так, новое значение адъектива *чистый* толковый словарь Ефремовой трактует следующим образом: *перен., разг.* ‘добытый честным путём; не мошеннический, законный’. Обратимся к иллюстрациям: *Да, поначалу думал, что это* ***чистый бизнес****. Потом было уже поздно, да к тому же уповал на то, что никаких секретов на самом деле не выдает* (Новый регион 2, 2007.07.02); ср.: *Предприниматели, которые ведут* ***чистый бизнес*** *и не сдаются, всегда имеют шанс отыграть ситуации* (КП, 2005.11.02). В ряде контекстов слово *чистый* реализует адвербиальную семантику *‘исключительно, только’, не зафиксированную в словарях: *Он только называл требования, которые спускали сверху. И это* ***чистый бизнес****, ничего личного* (Советский спорт, 2013.07.15); или: *Услужливый интернет подскажет вам, что написать за вас и защитить «вашу» диссертацию не составляет никаких проблем. Ничего личного,* ***чистый бизнес*** (Известия, 2013.02.06).

Стилистическую помету *разговорное* имеет и прилагательное *желтый*, которое в значении ‘бульварно-сенсационный, содержащий не всегда проверенные факты; низкопробный, лживый (*о прессе*)’ приобрело узко специализированную сферу применения: *Я сразу обратилась к нему – надо требовать опровержение. А он сказал: это* ***желтая пресса****, она пишет, что хочет, и потому не надо никаких опровержений* (КП, 2014.06.16); или: *У нас есть управа на* ***желтую прессу****, которая пишет что угодно и про мэра нашего, и про вас?! – возмущался он, обещая «костьми лечь» за президента* (Известия, 2013.04.29).

По мнению многих исследователей, в последние десятилетия роль воздействующей функции СМИ существенно возросла, что проявляется прежде всего в актуализации категории оценки: «Глубокий и системный характер носят изменения в реализации оценочности в газете, находя выражение в функционировании языковых единиц всех уровней (лексических, фразеологических, словообразовательных, грамматических)» [11, с. 667]. Представляется, что именно усиление оценочной составляющей языка масс-медиа определяет специфику рассматриваемых нами лексем: *Дагестанцы вышли из части, ни у кого не спрашиваясь (словно это не военный объект, а* ***шарашка*** *какая-то), сели в такси и приехали к другу* (КП, 2011.03.01); ср.: *Лаборатория коневодства, а не* ***шарашка*** *какая!* (КП, 2006.06.27), где *шарашка* – разг.-сниж. ‘жульническое предприятие, плутовская компания’.

Стремительное развитие технологий нередко приводит к возникновению новых лексико-семантических вариантов у давно известных слов. Так, характерный для разговорной сферы употребления глагол *скачивать* ‘удалять откуда-либо что-либо жидкое, выкачивая; обдавать водой, смывая что-либо; окатывать’ в настоящее время активно используется в значении *‘сохранять информацию из сети Интернет на персональный компьютер или мобильный телефон’: *Правильно было бы разместить ее в открытом доступе, чтобы любой желающий мог свободно* ***скачать*** *ее и ознакомиться с содержанием* (Известия, 2014.05.21); ср.: *Чтобы сделать подарок, нужно* ***скачать*** *приложение и зарегистрировать аккаунт* (РБК Дейли, 2014.03.21); или: *А учебники надо приносить? Или можно в планшет* ***скачать****?* (КП, 2013.09.16).

Обратный процесс – сужение значения – представлен в языке современных газет в меньшей степени, что вполне закономерно и подтверждает действие закона экономии речевых усилий, согласно которому максимум информации язык стремится передать с помощью минимума средств. Как показывает анализ собранного материала, сужение значения происходит в результате развития устойчивого словоупотребления той или иной лексемы, чему в немалой степени способствуют существенно изменившиеся социально-политические реалии. В качестве иллюстрации можно рассмотреть стилистически нейтральное прилагательное *заказной*, которое в настоящее время реализует преимущественно значение ‘изготовленный, сделанный, выполненный по заказу, по просьбе, по поручению или по требованию’: *Одновременно нельзя не видеть, что эта акция носит* ***заказной****, провокационный характер* (Известия, 2014.06.09); или: *Пожилые люди обеспокоены тем, что происходит. И негативные последствия однополых отношений объясняют вседозволенностью и* ***заказной*** *пропагандой* (Известия, 2014.04.09); ср.: *А весь этот пиар* ***заказной****. Давайте тогда напишем, кто заказал* (КП, 2003.07.21). Не вызывает сомнения тот факт, что круг явлений и ситуаций, для

оценки которых регулярно используется адъектив *заказной*, в скором времени может вызвать определенные стилистические преобразования в семантике данного слова, закрепив в его значении устойчивую негативную коннотацию.

Процесс сужения значения проявляет себя также в уменьшении семантического объема слова, что приводит к утрате дополнительных компонентов значения и одновременному усилению стержневого компонента – архисемы: ***Идеология*** *такова, – поясняет Владимир Жидкин, – здесь будут размещаться офисы реальных производителей качественной продукции* (РБК Дейли, 2013.11.21); или: ***Идеология*** *такая. На мой взгляд, она абсолютно правильная. Параллельно с реконструкцией кварталов запускаются еще шесть подпрограмм общей стоимостью 180 млрд руб* (РБК Дейли, 2012.05.16), где значение слова *идеология* ‘система идей, представлений, взглядов, характеризующая воззрения на социально-политическую и иную жизнь какой-либо социальной группы, политической партии, какого-либо класса или общества’ трансформируется в семантику ‘идея, представление, взгляд’.

Интересной особенностью слов, для которых характерно сужение значения, является их недавняя отнесенность к разряду так называемых ключевых (концептуальных) слов, под которыми понимаются «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания. К таким словам относятся и высокочастотные имена собственные, и имена нарицательные» [12, с. 92]. Так, номинация *аппаратчик* в современном русском языке реализует преимущественно свое разговорное значение ‘номенклатурный сотрудник административного или партийного аппарата, выполняющий определённые функции; функционер’: *Ни Ленин, ни Сталин – действительно личности эпохального масштаба, – а ничтожный* ***аппаратчик*** *Горбачев* (КП, 2013.09.23); ср.: *Опытный* ***аппаратчик*** *Цзиньпин сразу после школы стал секретарем парторганизации* (Известия, 2012.11.08). Вместе с тем советизм *аппаратчик* уступает место ключевому слову нашей эпохи – *политтехнолог*: *Во введении к партитуре упомянут Опостылов, под которым выведен один из бессовестных гонителей Шостаковича, музыковед-****аппаратчик*** *(сегодня сказали бы: политтехнолог) Павел Апостолов* (КП, 2006.09.25).

Один из самых активных процессов в лексике современного русского языка – переосмысление значений общеупотребительных слов, который приводит к возникновению семантических неологизмов: «Своеобразие подобных слов состоит в том, что как лексемы они давно известны в языке, но, обновив своё значение, из прежних тематических групп перемещаются в совершенно новые, изменяя при этом лексическую сочетаемость, стилистическую закреплённость, экспрессивную окраску» [13, с. 246].

Яркой иллюстрацией такого рода слов может служить лексема *икона* ‘живописное изображение Иисуса Христа, Богоматери, святых и т. п., которому приписывается священное значение, которое является предметом поклонения’ → ‘тот, кого боготворят, кого любят, перед кем преклоняются’. Слово *икона* стремительно утратила устойчивый на протяжении столетий сакральный оттенок значения: *АвтоВАЗ – это русская* ***икона****, символ* (РБК Дейли, 2014.04.16); или: *А вот Adidas любили еще в советском прошлом. Это была* ***икона****, которая и сегодня выглядит актуально и привлекательно* (РБК Дейли, 2013.10.23); ср.: *В начале осени в блогосфере прокатился нехороший слух о том, что* ***икона*** *российской оппозиции на заре своей карьеры избежал службы в Вооруженных силах* (КП, 2013.10.12).

Можно с уверенностью говорить о том, что одну из самых продуктивных групп слов, в которых происходит переосмысление значения, формируют лексемы, относящиеся к религиозной сфере или же связанные с ней тематически: *Следующие три года он консультировал различные компании, пока ему не подвернулась возможность купить* ***культовый*** *бренд Moncler* (РБК Дейли, 2013.12.19); или: ***Культовый*** *рок-музыкант Мэрлин Мэнсон сыграет почти главную роль в американском сериале «Once Upon A Time»* (КП, 2013.10.26); см. также: *«Залечь на дно в Брюгге», едва выйдя на экраны, тут же стал национальным суперхитом и приобрел* ***культовый*** *статус во всем мире* (Известия, 2012.03.13), где адъектив *культовый* реализует новую, не зафиксированную словарями оценочную семантику *‘легендарный, знаменитый, известный’.

Характерная примета нашего времени – стремление к обогащению и осознание собственного благополучия прежде всего как благополучия финансового – нашла воплощение в

семантических трансформациях слова *милосердие*, значение которого ‘готовность помочь кому-либо из чувства сострадания, человеколюбия; снисхождение, помощь кому-либо, вызванные такими чувствами’ преобразовалось в семантику *‘денежные, вещевые пожертвования’. Современные контексты употребления слова *милосердие* показывают не только трансформацию его значения, но и изменение сочетаемости: *Местом для конкурсного прослушивания стал минский* ***Дом милосердия*** *– гордость всей республики* («Российская музыкальная газета», 2003.03.12); ср.: *Страна с великой историей и богатейшей культурой, с вековыми традициями* ***милосердия*** *и* ***благотворительности*** *должна выполнить ее самостоятельно»* (КП, 2013.04.17); или: *Церковная община сильна совместным участием в делах* ***милосердия****, благотворительности, помощи ближним* (Труд-7, 2003.02.01); и даже: ***Милосердие*** *строгого режима: Принудительное выселение бомжей за 101 километр* (КП, 2013.09.06).

Как справедливо отмечает Н.С. Валгина, «к семантическим процессам в лексике относится и процесс деполитизации и деидеологизации некоторых групп слов. Происходит освобождение семантики слов от политических и идеологических довесков» [14, с. 73]. Анализ собранного материала показывает, что утрата лексемами идеологически отмеченных элементов значения сопровождается определенными семантико-стилистическими трансформациями, которые заключаются в приращении значения слова дополнительными оттенками смысла, а также развитием оценочного компонента: *В Европе вообще, и в Великобритании в частности, нынче цветет мода на* ***плюрализм*** *в личной жизни* (КП, 2003.11.10), где *плюрализм* ‘множественность мнений, суждений, взглядов и т. п. как один из принципов общественного устройства’ → *‘разнообразие, свобода отношений’. Сравним: ***Плюрализм*** *развели такой, что никто не желал ничему и никому подчиняться, олигархи уверенно смотрели в завтрашний день* (РИА Новости, 2006.11.07) или: *Непонимание, дикий* ***плюрализм****, усталость, утрата доверия, внутренняя противоречивость* (КП, 2001.02.15), где *плюрализм* – ‘множественность мнений, суждений, взглядов и т. п. как один из принципов общественного устройства’ → *‘беспорядок, путаница’.

Негативная номинация советского времени *диссидент* ‘человек, не согласный с господствующей идеологией, инакомыслящий’ в наши дни утратила устойчивый идеологический компонент значения, но приобрела дополнительную оценочную коннотацию, позволяющую авторам публикаций характеризовать объект описания в насмешливо-ироническом тоне. Следствием этого является «снижение языковой планки текста, уменьшение его пафосности и, напротив, возрастание экспрессивности, усиление «личностного» начала» [15, с. 101]: *По судам затаскают! Такой нынче* ***диссидент*** *у нас. Посидел в парке у Чистых прудов, песни про свободу попел – все! Ты – вдвойне* ***диссидент****!* (КП 2012.05.13); или: *Путин объявил, что 581 делегат – за, 4 бюллетеня недействительны, 1 против. – Кто этот* ***диссидент****? – усмехнулся и обвел взглядом зал Путин. – Показался бы* (КП, 2011.09.26).

Интересной особенностью отмечено употребление в языке современных газет слова *гласность*, которое функционирует не только в привычном значении ‘доступность, открытость информации о деятельности различных государственных структур и возможность её обсуждения’, но и реализует устаревшую семантику – ‘огласка’: ***Гласность*** *в СССР вовсю бушевала, любую чушь можно было писать* (КП, 2014.08.07); ср.: *Юзеры сами с удовольствием указывают свои персональные данные. Впоследствии* ***такая гласность*** *позволяет компаниям зарабатывать миллиарды долларов на размещении адресной рекламы* (РБК Дейли, 2013.01.22); или: *После этого нас замучили «ходоки» от фракций. Многим не понравилась* ***такая гласность*** (Труд-7, 2000.11.23).

Таким образом, анализ активных семантических преобразований в лексике современного русского языка позволил определить, что к наиболее продуктивным явлениям могут быть отнесены процессы расширения и сужения значения, переосмысления семантики слов, а также явление деполитизации и деидеологизации значения лексем. Установлено, что функционирование лексики в языке современных газет сопровождается определенными семантико-стилистическими трансформациями, а также утратой идеологически отмеченных компонентов значения, что влияет на сочетаемость, стилистическую закреплённость и экспрессивную окраску таких слов.

Литература

1. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т.Г. Добросклонская. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во МГУ, 2005. – 288 с.

2. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.

3. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.

4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А.Н. Николюкин (гл. ред.). – М. : Интелвак, 2001. – 1600 с.

5. Лысакова, И.П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование / И.П. Лысакова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – 256 с.

6. Лысакова, И.П. Опыт использования методики социолингвистического исследования прессы / И.П. Лысакова // Вестн. ТГПУ. – 2005. – № 3 (47). – С. 116–123.

7. Солганик, Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990–1996 гг.) / Г.Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 13–25.

8. Солганик, Г.Я. Язык газеты, радио, телевидения. Толковый словарь / Г.Я. Солганик. – М. : АСТ, Астрель, 2008. – 752 с.

9. Скороходова, Е.Ю. Динамика речевых норм в современных средствах массовой информации : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.Ю. Скороходова ; Военный ун-т МО РФ. – М., 2008. – 29 с.

10. Стрижак, А.Л. Лексические инновации в газетных текстах конца XX – начала XXI века (на материале российских и русскоязычных белорусских изданий) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А.Л. Стрижак. – Гомель, 2015. – 191 л.

11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М. : 2003. – 696 с.

12. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Е.А. Земская [и др.] ; под. общ. ред. Е.А. Земской. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.

13. Москалёва, М.В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке / М.В. Москалёва // Известия РГПУ. – 2008. – № 80. – С. 246–250.

14. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.

15. Нещименко, Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы. Тенденции развития / Г.П. Нещименко // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98–132.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 30.04.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 81-42

Композиционно-содержательная структура синопсиса к кинофильму (на материале английского и русского языков)

Д.Л. Тригубова

В статье рассматривается структура и содержание синопсиса к художественному фильму как одного из типов киноаннотаций. Представлен сопоставительный анализ синопсисов на английском и русском языках. Выявлены структурные и содержательные сходства и различия синопсисов на двух языках.
Ключевые слова: киноаннотация, синопсис, структура, содержание, оценочная лексика.

This article focuses on the structure and content of the feature film synopsis as one of the film annotation types. A comparative analysis of synopses in the English and Russian languages is presented. The similarities and differences of the structure and content of synopses in the two languages are defined.
Keywords: film annotation, synopsis, structure, content, evaluation lexis.

В современном информационном пространстве кинематограф является одним из эффективных способов воздействия на общественное мнение, поведение и вкусы. Особое значение приобретают исследования различных аспектов кино, в том числе исследования лингвистического характера. Интерес представляет изучение кинотекста, кинодискурса, киносценария, киноаннотирования, а также сопоставительные исследования лингвистики кино на разных языках. Данная статья посвящена рассмотрению синопсиса как одного из самых частотных типов аннотаций к художественным фильмам, выявлению сходств и различий их композиционно-содержательной структуры в английском и русском языках.

Автором исследования ранее выявлено шесть видов аннотаций к кинофильмам: тэглайн (англ. *tagline*), логлайн (англ. *logline*), синопсис (англ. *synopsis*), тритмент (англ. *treatment*), трейлер (англ. *trailer*), рецензирующая аннотация (англ. *blurb*). Анализ частотности употреблений киноаннотаций выявил, что самым частотным типом аннотации как в английском, так и в русском языках является синопсис, представленный в описании всех фильмов, рассмотренных в ходе исследования. Достаточно распространены также трейлеры и тэглайны. Остальные типы киноаннотаций обладают ограниченной употребительностью [1]. Таким образом, синопсис как самый частотный тип киноаннотации представляет особый интерес для изучения. В рамках данного исследования осуществляется попытка провести сопоставительный анализ оригинальных англоязычных синопсисов к кинофильмам и их русскоязычных версий.

Синопсис можно охарактеризовать как краткое изложение содержания фильма в последовательности, схожей с сюжетом фильма. Синопсис может включать такую информацию, как персонажи фильма, конфликт, место и время событий, имена актеров, режиссеров и др. [2]. Англоязычные синопсисы размещаются на официальных сайтах кинокомпаний, а также в англоязычной онлайн базе данных о кинофильмах IMDB (http://www.imdb.com/). Русскоязычные варианты синопсисов можно найти на русскоязычных базах данных о кинофильмах, например, КиноПоиск (https://www.kinopoisk.ru/). В качестве практического материала исследования из данных интернет-источников собраны синопсисы на английском и русском языках к 50 художественным фильмам производства США, вышедшим в кинопрокат в 2018–2019 гг.

Рассмотрим объем синопсисов на двух языках. Большинство синопсисов как на английском, так и на русском языках содержат 2–4 предложения. Такое количество предложений отмечено в 74 % англоязычных и 62 % русскоязычных аннотаций данного типа. В частности, 26 % проанализированных синопсисов на английском языке и 24 % на русском языке содержит два предложения, 28 % и 18 % соответственно – три предложения, по 20 % синопсисов на обоих языках имеют в своем составе четыре предложения. Несмотря на примерно

одинаковое в синопсисах количество предложений, в них заметно различается количество слов. Так, средний объем русскоязычного синопсиса – 56 слов, а синопсиса на английском языке – 86 слов, что на 54 % больше. Такое различие может быть частично объяснено типологической характеристикой двух языков и рядом алломорфных черт их синтаксических систем [3]. Общий вывод подтверждается также частными примерами: синопсис на английском языке к фильму Nobody's Fool ‘Нас не проведешь’ (Paramount, 2018), состоящий из 105 слов, на 69 % больше содержащего 62 слова синопсиса на русском языке к тому же фильму. Синопсисы на английском и русском языках к кинофильму Escape Room ‘Клаустрофобы’ (Sony Pictures, 2019) включают 71 и 46 слов соответственно, то есть англоязычный синопсис на 54 % больше русскоязычного.

Особенностью англоязычных синопсисов является частое упоминание названия фильма. Это отмечено в половине исследованных синопсисов на английском языке. Например, *The Last Black Man in San Francisco is a poignant and sweeping story* ‘Последний черный в Сан-Франциско – это горькая и масштабная история’ (The Last Black Man in San Francisco ‘Последний черный в Сан-Франциско’, A24 Pictures, 2019), *«Aquaman» reveals the origin story* ‘«Аквамен» раскрывает историю происхождения’ (Aquaman ‘Аквамен’, Warner Bros, 2018). В русскоязычных синопсисах упоминание названия кинофильма не обнаружено.

Также выявлены различия в способе указания жанра кинофильма. Аутентичные англоязычные синопсисы к 58 % рассмотренных фильмов прямо сообщают читателю о жанре и теме кинофильма, например: *an action thriller infused with irreverent humor* ‘боевик, пронизанный неприличным юмором’ (Cold Pursuit ‘Снегоуборщик’, Lionsgate, 2019), *this critically acclaimed, nonstop action epic* ‘этот признанный критиками, безостановочный экшн’ (Overlord ‘Оверлорд’, Paramount, 2018), *this hilarious comedy* ‘эта уморительная комедия’ (The Hustle ‘Отпетые мошенницы’, Universal, 2019), *this thrilling Western* ‘этот захватывающий вестерн’ (The Kid ‘Малыш Кид’, Lionsgate, 2019). Для русскоязычных аннотаций не свойственно прямое указание на жанр фильма, вместо чего представление о жанре формируется за счет используемой в синопсисе лексики. Так, слова и словосочетания *с маньяком*, *убить*, *охотится* в синопсисе к кинофильму Happy Death Day 2U ‘Счастливого нового дня смерти’ (Universal, 2019) способствуют пониманию, что данный фильм является триллером или фильмом ужасов, а по словам и словосочетаниям *в один волшебный день*, *влюбляются*, *искры вспыхивают*, *созданы друг для друга* можно предположить, что кинофильм The Sun is Also a Star ‘Солнце тоже звезда’ (Warner Bros, 2019) – мелодрама.

Результаты анализа собранных синопсисов позволяют говорить о наличии обязательных и факультативных компонентов типовой структуры исследуемого типа аннотации. К обязательным относятся протагонист (главный герой) и проблема/цель/событие. Также синопсис может включать ряд факультативных компонентов, например, информацию о месте и времени событий, антагонисте (противнике главного героя) и других персонажах фильма, развязке, а также ссылки на другие фильмы, режиссеров, авторов книг, известных людей.

Рассмотрим в сопоставительном аспекте обязательные компоненты синопсиса и их особенности в английском и русском языках. Протагонист, или главный герой фильма, является обязательным для исследуемого типа аннотации, что подтверждается анализом: упоминание главного героя отмечено в 100 % рассмотренных синопсисов на двух языках. Для описания главного героя характерно упоминание его имени (в 88 % проанализированных синопсисов на английском языке и в 84 % – на русском языке). В большинстве случаев имя героя не несет в себе особой смысловой нагрузки, однако в ряде синопсисов упоминание имени обусловлено узнаваемостью персонажа. Например, синопсисы к кинофильму Bohemian Rhapsody ‘Богемская рапсодия’ (Twentieth Century Fox, 2019) содержат имя Freddie Mercury/Фредди Меркьюри, поскольку данное имя само по себе является характеристикой протагониста. Схожую цель преследует упоминание имени известного персонажа Mary Poppins в англоязычном синопсисе к кинофильму Mary Poppins Returns ‘Мэри Поппинс возвращается’ (Disney, 2018) и имени популярного писателя Толкина в русскоязычном синопсисе к кинофильму Tolkien ‘Толкин’ (Twentieth Century Fox, 2019).

В описании главного героя часто используются имена прилагательные и существительные, указывающие на профессию, возраст и/или социальный статус протагониста. Рассмотрим фрагменты синопсисов на английском языке: *a struggling attorney and a young mother* ‘борющийся адвокат и молодая мама’ (On the Basis of Sex ‘По половому признаку’, Focus Features, 2018), *a man in his 80s who is broke, alone, and facing foreclosure of his business* ‘восьмидесятилетний мужчина, который разорен, одинок и скоро потеряет право выкупа своего бизнеса’ (The Mule ‘Наркокурьер’, Warner Bros, 2018). Приведем также примеры из русскоязычных синопсисов: *утонченный светский лев, богатый и талантливый чернокожий музыкант* (Green Book ‘Зеленая книга’, Universal, 2019), *специалист по кибербезопасности в ФБР* (Shaft ‘Шафт’, Warner Bros, 2019), *известный актер* (Once Upon a Time… in Hollywood ‘Однажды… в Голливуде’, Sony Pictures, 2019). Кроме того, могут описываться черты характера и личностные качества протагониста, например: *an utterly fearless and rebellious spirit* ‘совершенно бесстрашная и мятежная душа’ (A Private War ‘Частная война’, Universal, 2018), *романтик*, *прагматичная девушка* (The Sun is Also a Star ‘Солнце тоже звезда’, Warner Bros, 2019).

В синопсисах выявлено употребление оценочно маркированных единиц, связанных с протагонистом, его поступками, чертами характера и др. Оценочная лексика, описывающая протагониста, встречается в 66 % проанализированных синопсисов на английском языке и 54 % синопсисов на русском языке. Оценочная лексика формирует образ главного героя в представлении потенциальных зрителей. В большом количестве англоязычных (55 %) и русскоязычных синопсисов (52 %) отмечена положительная оценка, что объясняется тем, что главный герой часто является положительным персонажем. Приведем в подтверждение данного вывода следующие примеры: *the most beloved, the most powerful* ‘самая любимая, самая сильная’ (X-Men: The Dark Phoenix ‘Люди Икс: Тёмный Феникс’, Marvel Entertainment, 2019), *выдающийся, один из самых любимых* (Bohemian Rhapsody ‘Богемская рапсодия’, Twentieth Century Fox, 2019). Примерно в трети случаев (30 % англоязычных и 26 % русскоязычных синопсисов) обнаруживается отрицательная оценочная лексика, характеризующая протагониста как персонажа с проблемами или трудным характером. Например, протагонист кинофильма Happy Death Day 2U ‘Счастливого нового дня смерти’ (Universal, 2019) описывается в синопсисе как *snarky* ‘язвительная’, а для характеристики протагонистов кинофильма Drunk Parents ‘Родители лёгкого поведения’ (Vertical Entertainment, 2019) используется слово *горе-авантюристы*. Встречается также одновременное использование как положительной, так и отрицательной оценки для разностороннего описания протагониста (22 % англоязычных и 15 % русскоязычных синопсисов). Например: *sweet, naive* ‘милая, наивная’ (Greta ‘В объятиях лжи’, Focus Features, 2018), *бесстрашная, один из самых знаменитых корреспондентов, бесконечно много курит, не всегда разборчива в связях* (A Private War ‘Частная война’, Universal, 2018).

Вторым обязательным компонентом синопсиса является описание цели, проблемы или главного события фильма. Данный компонент может быть выражен с помощью глаголов со значением действия, чтобы подчеркнуть динамичность ситуации. Глаголы используются в форме настоящего времени в значении настоящего исторического для придания эффекта оживления повествования и большей наглядности событий. Например, в англоязычном синопсисе к кинофильму Bumblebee ‘Бамблби’ (Paramount, 2018) используются глаголы *sends, find, defend, repairs, hunt down, protect* ‘отправляет, находят, защищают, чинит, охотятся, защищают’. Русскоязычный синопсис к кинофильму A Star is Born ‘Звезда родилась’ (Warner Bros, 2018) содержит глаголы *катится, знакомится, вспыхивает, помогает, набирает обороты*.

Также для описания проблемы или ситуации отмечено употребление прилагательных, существительных и наречий со значением оценки для придания драматизма. Данный прием более характерен для англоязычных синопсисов и выявлен в 92 % из них. Например: *intriguing invitation, sickening discovery, sadistic game, terrifying scenario, darkest secrets* ‘интригующее приглашение, отвратительное открытие, садистская игра, ужасающий сценарий, самые мрачные секреты’ (Escape Room ‘Клаустрофобы’, Sony Pictures, 2019); *massive shark, unstoppable threat, terrifying creature, the greatest and largest predator of all time* ‘огромная акула, неостановимая угроза, ужасающее существо, величайший и самый большой хищник всех времен’ (The

Meg ‘Мег: Монстр глубины’, Warner Bros, 2018). Оценочная лексика для характеристики проблемы, цели или события отмечена в несколько меньшем количестве синопсисов на русском языке (64% из рассмотренных синопсисов): *невероятные приключения, удивительные открытия* (A Dog’s Way Home ‘Путь домой’, Sony Pictures, 2019), *невероятно большие уши, необычные способности, грандиозное развлекательное предприятие* (Dumbo ‘Дамбо’, Disney, 2019).

Место и время также могут упоминаться в синопсисах, притом в двух исследуемых языках компонент места встречается чаще компонента времени. Так, из общего числа проанализированных аннотаций описание места событий встречается в 58 % как англоязычных, так и русскоязычных синопсисов, описание времени – в 10 % англоязычных и 14 % русскоязычных синопсисов. Следует отметить, что для русскоязычных аннотаций отличительной чертой является выделение времени и/или места событий в отдельное предложение в начале синопсиса. Рассмотрим первые предложения русскоязычных синопсисов ряда кинофильмов: *1987 год* (Bumblebee ‘Бамблби’, Paramount, 2018), *Готэм, начало 1980-х годов* (Joker ‘Джокер’, Warner Bros, 2019), *Лос-Анджелес* (Under the Silver Lake ‘Под Сильвер-Лэйк’, A24 Studios, 2018). В исследованных англоязычных синопсисах данный прием не выявлен. Для сравнения приведем фрагменты начала англоязычных синопсисов к вышеупомянутым фильмам, где с первого предложения начинается повествование о сюжете или жанре: *Cybertron has fallen* ‘Кибертрон пал’ (Bumblebee), *«Joker» centers around the iconic arch-nemesis* ‘«Джокер» посвящен культовому заклятому врагу’ (Joker), *From the dazzling imagination that brought you It Follows comes a delirious neo-noir* ‘Ослепительное воображение, подарившее нам «Оно», выпустило этот бредящий нео-нуар’ (Under the Silver Lake).

В синопсисе может содержаться намек на развязку без ее полного раскрытия. Это отмечено в одной пятой части англоязычных и русскоязычных синопсисов (18 % и 22 % соответственно). К примеру, англоязычный синопсис к кинофильму Vice ‘Власть’ (Twentieth Century Fox, 2018) указывает на то, чего сможет добиться главный герой: *this epic tale of how a bureaucratic Washington insider quietly became the most powerful man in the world* ‘эта эпическая история о том, как инсайдер-бюрократ в Вашингтоне незаметно стал самым влиятельным человеком в мире’. Русскоязычный синопсис к фильму Shaft ‘Шафт’ (Warner Bros, 2019) сообщает, что поиск преступника окажется успешным благодаря помощи отца протагониста: *чьи старые методы помогут ему найти убийцу*. Из русскоязычного синопсиса к кинофильму On the Basis of Sex ‘По половому признаку’ (Focus Features, 2018) следует, что *героиня преодолевает все трудности на пути*. Анализ позволяет сделать вывод о том, что часто развязка раскрывается в синопсисах фильмов, основанных на реальных событиях или книгах, поскольку в данном случае разрешение конфликта уже известно публике, и необходимо сделать акцент не на самом факте решения проблемы, а на способе и процессе ее решения.

Характерной чертой синопсисов на английском языке является упоминание имен авторов или режиссеров, названий и ссылок на другие фильмы. Данный прием используется для привлечения внимания определенной целевой аудитории, знакомой с писателем, режиссером или ранее вышедшими фильмами, которые упоминаются в синопсисе. Результаты анализа показывают, что в 62 % английских синопсисов присутствует упоминание актеров, задействованных в фильме, например: *the deadly forces of evil controlled by Dr. Thaddeus Sivana (Mark Strong)* ‘смертельные силы зла, контролируемые доктором Таддеусом Сиваной (Марк Стронг)’ (Shazam! ‘Шазам!’, Warner Bros, 2019), *Josephine Chesterfield (Anne Hathaway) is a glamorous, seductive Brit* ‘Жозефина Честерфилд (Энн Хэтэуэй) – гламурная, соблазнительная британка’ (The Hustle ‘Отпетые мошенницы’, Universal, 2019). В 28 % рассмотренных синопсисов на английском языке упоминаются имена режиссеров, авторов, кинокомпаний, в 26 % – названия других фильмов или книг. Например, в синопсисе к кинофильму Skin ‘Скин’ (Madman Films, 2018) упоминается режиссер *filmmaker Guy Nattiv* ‘кинорежиссер Гай Наттив’, а синопсис к кинофильму If Beale Street Could Talk ‘Если Бил-стрит могла бы заговорить’ (Annapurna Pictures, 2018) ссылается на автора романа, по мотивам которого снят фильм: *based on the novel by James Baldwin* ‘основанный на романе Джеймса Болдуина’. Для большей убедительности и усиления воздействия на аудиторию в ряде синопсисов используется одновременное упоминание имени актера или режиссера вместе с их предыдущими уже

известными и узнаваемыми работами. Так, синопсис к кинофильму The Predator ‘Хищник’ (Twentieth Century Fox, 2018) содержит ссылку как на режиссера, так и на его другой, уже известный и узнаваемый фильм: *director Shane Black (Iron Man 3)* ‘режиссер Шейн Блэк (Железный человек 3)’, а синопсис к фильму Escape Plan: The Extractors ‘План побега 3’ (Lionsgate, 2019) упоминает актеров и фильмы, где они снимались ранее: *his team, which includes Dave Bautista (Guardians of the Galaxy)* ‘его команда, в которую входит Дэйв Батиста (Стражи Галактики)’. Также 12 % синопсисов на английском языке в той или иной форме упоминают кинопремию Оскар, например: *From Academy Award-winning visionary Jordan Peele comes another original nightmare* ‘Еще один оригинальный кошмар от лауреата премии Оскар мистика Джордана Пила’ (Us ‘Мы’, Universal, 2019), *Vice stars Christian Bale in his Oscar-nominated role as Dick Cheney* ‘В главных ролях фильма Власть – Кристиан Бэйл, номинированный на Оскар за роль Дика Чейни’ (Vice ‘Власть’, Twentieth Century Fox, 2018).

В русскоязычных синопсисах выявлен один случай упоминания актеров: *история загадочного капитана рыбацкого судна Бэйкера Дилла (Мэттью МакКонахи); его бывшая жена Карен (Энн Хэтэуэй)* (Serenity ‘Море соблазна’, Madman Films, 2019). Интересно, что в англоязычном синопсисе к данному фильму также содержится указание имен актеров: *Baker Dill (Matthew McConaughey) is a fishing boat captain; his ex-wife Karen (Anne Hathaway)* ‘Бэйкер Дилл (Мэттью МакКонахи) – капитан рыбацкого судна; его бывшая жена Карен (Энн Хэтэуэй)’

Не отмечено ни одного упоминания режиссера, автора, кинокомпании, премии Оскар, другого фильма или книги в русскоязычных синопсисах, изученных в рамках данного исследования. Соответственно, данный прием характерен для синопсисов на английском языке и не свойственен их русскоязычным вариантам.

Таким образом, автором исследования выявлены основные сходства и различия композиционно-содержательной структуры синопсиса как одного из самых частотных типов киноаннотаций на английском и русском языках. Определены следующие сходства англоязычных и русскоязычных синопсисов. В двух языках в синопсисах присутствуют одинаковые обязательные компоненты: протагонист и проблема/цель/событие. Для описания протагониста характерно упоминание его имени, использование имен прилагательных и существительных, указывающих на профессию, возраст, социальный статус, черты характера и личностные качества протагониста, а также употребление оценочно маркированных единиц. Компонент цели, проблемы или главного события фильма обычно выражен с помощью глаголов со значением действия в форме настоящего исторического времени для акцента на динамичности ситуации. Также для описания проблемы или ситуации отмечено употребление прилагательных, существительных и наречий со значением оценки для придания драматизма. Согласно результатам анализа, еще одним сходством является упоминание места и времени событий как факультативного компонента синопсиса. Отмечено, что в двух исследуемых языках компонент места встречается чаще компонента времени. Общей чертой является содержание в ряде синопсисов намека на развязку без ее полного раскрытия. Схоже также количество составляющих синопсис предложений.

Что касается различий синопсисов на двух языках, особенностью англоязычных синопсисов является упоминание названия фильма, что не обнаружено в русскоязычных синопсисах. Также, аутентичные англоязычные синопсисы часто напрямую сообщают о жанре кинофильма. Данный прием не свойственен русскоязычным аннотациям, вместо чего представление о жанре фильма формируется за счет используемой в синопсисе лексики. Упоминание имен авторов или режиссеров, названий и ссылок на другие фильмы и книги, а также премию Оскар является характерной чертой синопсисов на английском языке и не типично для русскоязычных синопсисов. Отличительной чертой синопсисов на русском языке является выделение времени и места событий в отдельное предложение в начале синопсиса, что не выявлено в исследованных англоязычных синопсисах. Отмечено также большее количество употребленных слов в синопсисах на английском языке.

Таким образом, данная статья представляет собой результаты сопоставительного исследования композиционно-содержательной структуры синопсиса к художественному фильму как самого частотного типа киноаннотации в английском и русском языках.

Литература

1. Тригубова, Д.Л. К вопросу о сравнительной характеристике частотности киноаннотаций на английском и русском языках / Д.Л. Тригубова // Ежемесячный рецензируемый междисциплинарный журнал «Scientific discussion». – 2020. – Вып. 2, № 40. – С. 41–44.

2. Лашук, А. Логлайн и синопсис: характеристики, особенности, требования [Электронный ресурс]/ А. Лашук // Фестагент – Журнал о кинопроизводстве и фестивалях. – Режим доступа : https://festagent.com/ru/articles/longline. – Дата доступа : 12.03.2020.

3. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – 3-е изд. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.

Минский государственный
лингвистический университет

Поступила в редакцию 19.05.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 811.161.3'373.231:398.61(=161.3)

Уласныя найменні ў беларускіх загадках

К.Л. Хазанава

У артыкуле даследуюцца адметнасці выкарыстання ўласных імёнаў у беларускіх загадках, дзе антрапонімы іншасказальна называюць рэалію-адгадку. Сярод уласных назваў у загадках пераважаюць мужчынскія антрапонімы, якія ў розных загадках метафарычна абазначаюць розныя з'явы. Адна і тая з'ява можа захоўваецца за рознымі імёнамі. Сустракаюцца дэмінутыўныя формы антрапонімаў. Выбар імя ў загадцы заснаваны на пашыранасці ўжывання ў народнай традыцыі і магчымасці рыфмоўкі з іншымі слоўнымі складнікамі ў тэксце.
Ключавыя словы: фальклор, загадка, антрапонім, імя, прозвішча, іншасказанне, рыфмоўка, дэмінутыў, анамастыка, варыянтнасць.

The peculiarities of the use of the proper names in Byelorussian riddles, where the anthroponyms call allegorically the realities-guesses are studied. The male anthroponyms prevail among the proper names, which denote metaphorically the different phenomena in the different riddles. The same name is stored often by different names. There are diminutive anthroponyms in the riddles. The choice of the name in a riddle is based on the frequency of the use in the folk tradition and the opportunity of the rhyme with other verbal components in the text.
Keywords: folklore, riddle, anthroponym, name, surname, allegory, rhyme, diminutive, onomastics, variation.

Загадкі адносяцца да малых жанраў вуснай народнай творчасці. Такое вызначэнне традыцыйна замацавалася за гэтымі фальклорна-моўнымі адзінкамі ў выніку невялікага слоўна-колькаснага напаўнення твора. Аднак па сэнсавым багацці і функцыянальнасці ў інфармацыйна-культурнай прасторы загадкі з'яўляюцца надзвычай значымымі культурнымі адзінкамі. У параўнанні з іншымі фальклорнымі творамі загадкі не толькі намнога ў большай ступені ўздзейнічаюць на эстэтычныя пачуцці ўспрымальнікаў, але і патрабуюць іх разумовай актыўнасці. Як ніякі іншы твор народнай культуры, загадкі патрабуюць інтэлектуальнага рэагавання аўдыторыі.

Часцей аб'ектам увагі даследчыкаў становяцца літаратуразнаўчыя і фалькларыстычныя аспекты загадак. Грунтоўнасцю навуковага даследавання адзначаюцца манаграфіі Н.С. Гілевіча [1], К.П. Кабашнікава [2], А.Г. Алфёравай [3]. Названыя даследаванні даюць цікавыя звесткі пра адметнасці жанру, утрымліваюць падрабязную класіфікацыю загадак паводле тэматыкі, адзначаюць функцыі загадак у грамадстве, аналізуюць вобразнасць, вобразна-выяўленчыя сродкі мовы і рытміка-гукавы склад загадак [1]. Даследаванне загадак разам з іншымі малымі жанрамі беларускага фальклору вельмі трапна і ўдала праводзіцца ў параўнанні на міжславянскім фоне [2], [3].

У лінгвістычным аспекце беларускія народныя загадкі даследаваны далёка не поўнасцю [4]–[7]. А чароўнае паэтычнае хараство беларускіх загадак ствараецца перш за ўсё ў іх мове.

Адной з базавых уласцівасцей загадак як жанру фальклору з'яўляецца іншасказальнасць. Пэўная рэалія ў загадцы абавязкова захоўваецца за іншай. У некаторых беларускіх народных загадках гэтыя дзве рэаліі маюць падобнасць некаторых прыкмет (*Каля прарубы стаяць белы галубы* (зубы) [8, с. 313]), у іншых – аснову супастаўлення выявіць не настолькі проста: *Маленькі шарык пад лаўкай шарыць* (мыш) [9, с. 143].

Беларускі фальклор прапануе вялікую множнасць загадак, у якіх за вобразамі людзей захоўваюцца разнастайныя прыродныя з'явы, у тым ліку – жывёлы, насякомыя, расліны, а таксама прадметы побыту і гаспадаркі: *Чорненькі* ***мужычок*** *паварочвае на бачок* (блыха) [9, с. 179]; *Гарбаты* ***дзядок*** *усё аполе абегаў* (серп) [8, с. 314]; ***Два браты*** *адзін на аднаго глядзяць, а разам не сыйдуцца* (падлога і столь) [9, с. 248].

У беларускай фальклорнай скарбніцы выяўляецца значная колькасць загадак, дзе пэўная прыродная з'ява або прадмет гаспадаркі іншасказальна ўтойваецца за антрапонімам: *Стаіць* ***Ціт*** *у траве па калена ў крыве* (камар) [9, с. 183].

Мэта артыкула – характарыстыка асноўных спосабаў метафарызацыі ўласных імёнаў у беларускіх народных загадках.

Назіранне за лексічным складам беларускіх загадак узнімае пытанне пра падставы ўвядзення пэўнага імя чалавека ў тэкст загадкі. Перш за ўсё трэба сказаць, што ў загадкі, як, дарэчы, і ў іншыя фальклорныя творы, прыцягваюцца антрапонімы, найбольш папулярныя і пашыраныя ў пэўны гістарычны перыяд існавання грамадства: *На полі* ***Ярох*** *рассыпаў гарох, стала світаць – няма чаго сабіраць* (неба і зоркі) [9, с. 29]; *Іграе, іграе, а* ***Трахім*** *смяецца* (рубанак) [9, с. 310]. Іншыя імёны з загадак не такія пашыраныя: *Стаіць* ***Ірмак****, на тым* ***Ірмаку*** *каўпак, не шыты, не мыты, не каяркавы* (пень у снезе) [9, с. 68]. Пры неабходнасці загадаць рэалію, што складаецца з асобных складнікаў, загадка называе два мужчынскія імя: ***Мішка*** *ды* ***Грышка*** *ды дзве палазёнкі* (санкі) [9, с. 328].

Для многіх беларускіх загадак уласціва рыфмаванне. І загадкі з антрапонімамі ў большасці ўяўляюць сабой рыфмаваныя тэксты: *Сярод хаты стаіць* ***Сямён*** *рагаты* (ткацкі станок) [9, с. 222]; *Сядзіць* ***Пахом*** *на кані вярхом, сам непісьменны, а чытаць памагае* (акуляры) [10, с. 335]; *Стаіць* ***Давыд****, на кол (на калу) узбіт, яму даюць і кланяюцца* (жорны) [9, с. 230].

Менавіта рыфма часта становіцца асноўнай прычынай выбару канкрэтнага імя ў тэкст загадкі. Як заўважыў Н.С. Гілевіч, «у большасці выпадкаў імя падбіралася ў рыфму да сэнсава значымага характарыстычнага слова наўмысна, каб загадка гучала “складна” і добра запаміналася» [1, с. 83]: *Сядзіць* ***Мікіта****, глядзіць сярдзіта, адным вокам са сцяны, ці далёка сыны* (сук у дрэве) [11, с. 176]; *Румяны* ***Піліп*** *да палкі прыліп* (яблык) [11, с. 179]; *Сізы* ***Салівон*** *пайшоў вон* (дым) [8, с. 315]. Рыфмоўка паўплывала на ўзнікненне варыянта загадкі з увядзеннем у тэкст іншага імя: *Прыйшоў* ***Халімон****, звярнуўся і вон* (дым) [9, с. 263].

Мужчынскія імёны ў некаторых загадках рыфмуюцца з прыдаткамі, якія даюць вобразную характарыстыку зашыфраванаму ў тэксце прадмету, што, па задуме аўтараў, мусіць стаць падставай для аблягчэння адгадвання: ***Іван****-касцян цераз гару свіней гнаў* (грэбень) [11, с. 179].

Загадкі з антрапонімамі характарызуюць варыянтнасць розных тыпаў. Асобныя мужчынскія антрапонімы сустракаецца ў некалькіх загадках: *Стаіць* ***Гаўрыла*** *замазана (мазанае) рыла* (каганец, светач) [9, с. 272]; *Вісіць* ***Гаўрыла****, памазаўшы рыла* (свецец) [9, с. 273]. Выкарыстанне мужчынскіх імёнаў у тэкстах беларускіх народных загадак адлюстроўвае папулярнасць некаторых з іх, выражаную ў вар’іраванні онімаў: *Сухі* ***Мартын*** *па хаце скача* (венік) [9, с. 295]; *Касцяшка сячэ, дзеравяшка вязе, а мокры* ***Мартын*** *падкладвае* (зубы, лыжка, язык) [9, с. 121]; *Дзеравяшка бярэ, касцяшка сячэ, а мокры* ***Марцін*** *падкладвае* (лыжка, зубы, язык) [9, с. 244].

Адна і тая самая рэалія ў загадках можа іншасказальна іменавацца рознымі мужчынскімі антрапонімамі: *Сухі* ***Трахім*** *далёка б’е* (ружжо) [11, с. 178]; *Сухі* ***Матвей*** *далёка лье* (ружжо) [11, с. 178]. Некалькі імёнаў беларускі фальклор выкарыстаў для метафарычнага наймення веніка: *Сухі* ***Стахій*** *да па хаце скача* [9, с. 295]; *Па хаце сухі* ***Васілька*** *скача* [9, с. 295]; *Сухі* ***Даніла*** *лычком падвязаўся і па хаце скача* [9, с. 295]; ***Сергін****-мергін па хаце скача* [9, с. 295].

У беларускіх загадках сустракаюцца дэрывацыйныя варыянты антрапонімаў з суфіксамі суб’ектыўнай ацэнкі і без іх, якія ствараюць адрозныя стылістычныя адценні і выражаюць розную ступень эмацыянальнасці тэксту: *Маленькі* ***Даніла*** *ў пельцы ўтапіўся* (гузік і іголка) [11, с. 178]; *Маленькі* ***Данілка*** *ў пяцельку ўдавіўся* (гузік) [8, с. 314]; ***Пятро*** *бяжыць, а варона крычыць* (воўк) [9, с. 162]; ***Пятрок*** *ля варот цяпло ўвалок, сам не бяжыць, а стаячых не любіць* (мароз) [9, с. 48].

Даследаваныя тэксты звяртаюць на сябе ўвагу частымі антрапонімамі з суфіксам *-к-*: ***Анціпка*** *нізак, на ім сто рызак* (качан) [9, с. 94]. Імёны людзей з гэтым суфіксам у многіх тэкстах становяцца асновай рыфмоўкі: *У нашага* ***Антонка*** *сярэдзіна тонка* (цэп) [9, с. 209]; *Маці – таўстуха, дачка – краснуха, а бацька –* ***Лявонка****, пабег з хаты гонка* (печ, агонь, дым) [9, с. 177]. Для іншых тэкстаў загадак уласцівы падбор антрапоніма з дэмінутыўным афіксам па сугучнасці з назвай утоенага прадмета: *Малы Сідорка кусае і выкідае* (свярдзёлак) [9, с. 309].

Менш пашыраныя ў дэрывацыйным складзе антрапонімаў, ужытых у беларускіх загадках, іншыя дэмінутыўныя афіксы: *Сечкі сякуць, дзеравяшкі вязуць.* ***Андруша****, брат,*

паварачвайся (зубы, лыжкі, язык) [9, с. 121]; *Татка-рагатка, дачушка-паўзушка, сынок* ***Васілёк*** (яблыня) [9, с. 109].

Разнастайнасць мужчынскіх антрапонімаў у беларускіх загадках сумяшчаецца з асаблівай частотнасцю асобных з іх. Паводле распаўюджанасці ўжывання найбольш папулярнае з імёнаў мужчын – *Рыгор*. Мужчынскае імя *Рыгор* уяўляе сабой беларускі варыянт антрапоніма грэчаскага паходжання *Грыгорый*, які ўзыходзіць да старажытнагрэчаскага γρηγορέω (grĕgoreō) ‘не сплю’ [12, с. 82]. У хрысціянскім іменаслове антрапонім суадносіцца са шматлікімі Святымі, што абумовіла яго частае ўжыванне ў каталіцкай і праваслаўнай традыцыі [13]. Традыцыйна імя адносілася да распаўсюджаных у народнай традыцыі славян [13], што, безумоўна, паўплывала на частае выкарыстанне ў фальклорных творах. Славянскія варыянты антрапоніма фіксуюцца ў прыказках: беларуская – *Цярпі,* ***Грышка****, збавенне блізка* [10, с. 58], украінская – *Без* ***Гриця*** *й вода не освятиться*, польская – *Co wie Grześ, to i cała wieś.*

Загадкі з антрапонімам *Рыгор* прапануюць рознае лексічнае напаўненне і захоўваюць розныя адгадкі. Тэксты, у якіх ідзе гаворка пра гарбуз, вар’іруюць колькасны і лексічны склад, а таксама парадак кампанентаў: *Паміж гор ляжыць* ***Рыгор***; *Ляжаў* ***Рыгор*** *паміж гор; Ляжыць* ***Рыгор*** *паміж гор хвартушком накрыўшыся; Паміж гор сядзіць* ***Рыгор*** *капелюшом накрыты; Між гор ляжыць* ***Рыгор*** *плашчом накрыты, кійком падпёрты* [9, с. 100]. У іншых загадках імя *Рыгор* іншасказальна называе адрозныя персанажы: *Паміж гор ляжыць* ***Рыгор*** *і вусамі водзіць* (прусак у шчыліне) [9, с. 178]; *Стаіць* ***Рыгор*** *паміж гор, віламі падпёрты* (слуп) [10, с. 334]; *Ляжыць* ***Рыгор*** *паміж гор, а як устане – неба дастане* (дарога) [9, с. 334]; *Стаіць* ***Рыгор*** *паміж гор, кіямі апёршыся* (азярод) [9, с. 210]. Звернем увагу, што прыведзеныя тэксты маюць падобнасць ва ўводнай частцы: *паміж гор ляжыць (стаіць) Рыгор*.

Беларускі фальклор захаваў варыянт прыведзенай апошняй загадкі з антрапонімам *Ягор*: *Стаіць* ***Ягор*** *летам адзеты, зімою голы* (азярод) [9, с. 210]. Выкарыстанне розных па паходжанні і ўжыванні імёнаў, як варыянтных, у беларускіх загадках тлумачыцца іх сугучнасцю. *Ягор* – імя, вытворнае ад іншага антрапоніма грэчаскага паходжання *Георгій* (γεώργιοσ geōrgio ‘земляроб’) [12, с. 75]. Варыянты імя *Ягор* і *Юрый* у народнай традыцыі ўсходніх славян выкарыстоўваліся надзвычай актыўна. «Святы Георгій, або Юрый ці Ягор, у міфалагічных апавяданнях Гомельшчыны, таксама асоба вядомая» [14, с. 117]. З часам, дзякуючы народнай традыцыі, што актыўна выкарыстоўвала менавіта варыянт *Ягор*, імя стала нават прызнавацца самастойным [12, с. 101]. Імя *Ягор* сустракаецца і ў іншых беларускіх загадках: *Малады* ***Ягор*** *сеў на конь, паехаў у агонь* (гаршчок) [9, с. 287]; *Узойдзе* ***Ягор*** *на бугор – вышэй лесу, вышэй гор, з бугра спускаецца – з вачэй хаваецца* (сонца) [9, с. 25].

Патрыярхат грамадскай, прававой, палітычнай і эканамічнай арганізацыі традыцыйнай ўсходнеславянскай культуры адбіўся на перавазе выкарыстання ў беларускіх загадках мужчынскіх імёнаў. Жаночых антрапонімаў у тэкстах загадак выяўлена менш: *Сядзіць* ***Маруся*** *ў чырвоным кажусе, хто ўбача, той заплача* (цыбуля) [9, с. 90].

Выкарыстанне жаночых імёнаў у беларускіх загадках мае амаль тыя самыя адметнасці, што і ўжыванне мужчынскіх антрапонімаў. У першую чаргу, загадкі адлюстроўваюць распаўсюджанасць некаторых імёнаў: *Сядзіць* ***Алёнка*** *ў сямёх пялёнках, хто яе абідзіць, той сцягі не ўвідзіць* (цыбуля) [9, с. 90]; *Стаіць* ***Хадоссся****, распусціўшы валосся* (цыбуля) [9, с. 90].

Загадкі, у склад якіх уваходзяць жаночыя імёны, таксама характарызуе рыфмоўка: *Прыйшла* ***Эльжуха*** *ў сямі кажухах* (цыбуля) [9, с. 91]; ***Пара́ся*** *на ўсей свет распярлася* (дарога) [9, с. 334].

Для загадак уласцівы і дэмінутыўныя ўтварэнні жаночых імёнаў. Асобныя, найбольш пашыраныя ва ўсходнеславянскай традыцыі, жаночыя антрапонімы ў загадках адлюстроўваюцца ў многіх варыянтах памяншальна-ласкальных імёнаў: *Засваталі* ***Машу*** *ў вёску не нашу* (перасадка яблыні) [9, с. 193]; *Сядзіць* ***Маруся*** *ў чырвоным кажусе, хто ўбача, той заплача* (цыбуля) [9, с. 90]; *Ехала* ***Машуха*** *ў сямі паўшубках, хто на яе гляне, усякі заплача* (цыбуля) [9, с. 91].

Зварот да жаночых антрапонімаў з дэмінутыўнымі суфіксамі паказвае, як і ў выпадку з мужчынскім імёнамі, перавагу суфікса *-к-*: *Ехала* ***Маруська*** *ў чатырох кажушках, яе хароша*

ўдача, хто ні зірне, то заплача (цыбулька) [9, с. 91]; *Ехала* ***Марушка*** *ў сямі кажушках, хто яе зачэпіць, той заплакаць мусіць* (цыбуля) [9, с. 91]; *Сядзіць* ***Гануська*** *ў сямі каптурках, хто ёй паклоніцца, той заплача* (цыбуля) [9, с. 91]; *Сядзіць* ***Хадоська****, растрапаўшы валоссі. Хто мінае – той аскубае* (зялёная цыбуля) [8, с. 178].

Прыведзеныя тэксты беларускіх загадак даюць падставы заўважыць, што стваральнікі фальклорных тэкстаў найбольш часта звярталіся да жаночых імёнаў пры складанні твораў пра цыбулю, што абумоўлена пашыранасцю садавіны ў беларускай - ды і шырэй – ва ўсходнеславянскай – сельскагаспадарчай і кулінарнай традыцыях.

Фалькларысты лічаць працэс іншасказальнага наймення прадметаў уласнымі імёнамі прыватным выпадкам увасаблення [1, с. 83]. У лексічны склад асобных беларускіх загадак уваходзяць уласныя імёны, якія неабходна лічыць новаўтварэннямі аўтараў фальклорных твораў. Такія словаформы ўтвараюцца па прадуктыўных дэрывацыйных мадэлях і паводле марфемнага складу ўяўляюць сабой аналагі беларускіх тыповых імёнаў і іх дэмінутываў: *Сухі* ***Хацейка*** *па падлавіччу бегае* (пранік) [9, с. 301].

Паколькі загадкі ў сваёй пераважнай большасці захаваліся нам як духоўная спадчына ад папярэдніх старажытных пакаленняў, то разгляд моўных асаблівасцей адзінак гэтага малога жанру фальклору дае магчымасць выявіць рысы мовы продкаў, бо асобныя моўныя факты пры захаванні ў мове загадак у літаратурнай мове ці ў мове іншых фальклорных жанраў не замацаваліся або змяніліся. Так, у лексіцы загадак адзначаецца антрапонім *Ладыка*: *Святы* ***Ладыка*** *ўгарнуўся ў лыка, накрыўся лістом і лёг пад кустом* (агурок) [8, с. 179]. Для сучаснай антрапанімічнай усходнеславянскай прасторы імя *Ладыка*, або *Ладыга*, успрымаецца хутчэй як прозвішча, што паходзіць па розных версіях:

– ад старажытнага *лодыга* ‘шчыкалатка’, пераноснае ‘лайдак’ [15];

– ад імя *Лаодзікій* – з грэчаскага *laos* ‘народ’ і *dikazo* ‘судзіць’ [12, с. 142];

– ад дзеяслова *ладзіць* ‘жыць у згодзе, сябраваць’ – ‘прыязны чалавек’, ‘майстар’ [16].

У некаторых тэкстах беларускіх загадак назіраецца спалучэнне антрапонімаў з назвамі роднасці і сваяцтва: *Мой* ***брат Кандрат*** *зрабіў будынак, дзе ні глянь – там і сям дзірка* (карзіна) [8, с. 177]. Цікава заўважыць, што загадкі з названым спалучэннем адрозніваюцца інфармацыйным зместам і іншасказальна называюць розныя з’явы: *Мой* ***брат Кандрат*** *наскрозь сцяну прайшоў, нічога не знайшоў* (свярдзёлак) [8, с. 177]; *Мой* ***брат Кандрат*** *скрозь зямлю прайшоў, чырвону шапачку знайшоў* (бурак) [8, с. 177]; *Мой* ***брат Кандрат*** *як устане, то да неба дастаў* (дым) [9, с. 262]. Спалучэнне імя з назвай роднасці сустракаецца ў беларускіх загадках і ў варыянце дэмінутыва: *Мой* ***братка Кандратка*** *скрозь зямлю прайшоў, красну шапку найшоў* (мак) [9, с. 106]. Па меркаваннях А.В. Суперанскай, імя *Кандрат* паходзіць ад лацінскага *quadratus* ‘квадратны, плячысты’ [12, с. 135]. У склад беларускіх загадак імя часта трапляла ў выніку сваёй надзвычайнай распаўсюджанасці ў даўнія часы, што пацвярджаюць і шматлікія ўсходнеславянскія прозвішча тыпу *Кандратаў, Кандрацьеў, Кандратовіч, Кандраценка, Кандрацюк.* У беларускім фальклоры паказаная вышэй лексіка-сінтаксічная канструкцыя і вобразная аснова загадкі ўжываецца і з іншым антрапонімам: *Мой* ***брат Панкрат*** *праз сцяну прыйшоў, мяшок грошай знайшоў* (свярдзёлак) [9, с. 310]. Імя *Панкрат* – гэта народнае ўсходнеславянскае прачытанне царкоўнаславянскага імя грэчаскага паходжання *Панкратый* ‘усемагутны’ [12, с. 173].

Для беларускіх загадак уласціва ўжыванне разам мужчынскіх і жаночых імёнаў: ***Міхалка*** *меле, а* ***Наталкі*** *таўкуць* (язык і зубы) [9, с. 118]. Заканамерна, што спалучэнне мужчынскіх і жаночых імёнаў, як і ўжыванне некалькіх мужчынскіх антрапонімаў, дапускаецца пры загадванні або некалькіх з’яў, або аднаго прадмета з многімі складнікамі: *Дзве* ***Ганкі****, трэці Гапон* (дзве лаўкі і стол) [9, с. 279]; *Ёсць у маткі дзве дочкі* ***Мар’і*** *і сын* ***Гапон*** (хата, лаўкі, палок для спання) [9, с. 279]. Трэба заўважыць, што пры выкарыстанні розных імёнаў у адным тэксце загадкі не абыходзіцца без ужывання спалучэння *брат Кандрат* і *брат Панкрат*: *Спінка і лаўка, дзве* ***Пелагейкі*** *і пяць* ***братоў Панкратоў*** (сані) [9, с. 328]; *Восем братоў* ***Кандратоў****, два* ***брацейкі Амілляны*** *ды дзве* ***сястры Улляны*** (сані) [9, с. 328].

Беларускія загадкі ў асобных выпадках выкарысталі імёны канкрэтных гістарычных дзеячаў: *З якіх варот* ***Пётр*** *I выязджаў на вайну?* (з адкрытых) [9, с. 390]. Сустракаюцца ў

загадках і імёны іншых вядомых людзей. Народная традыцыя перапрацоўвае Біблейскія апавяданні ў гумарыстычным плане, і некаторыя пытальныя загадкі з імёнамі, на першы погляд, гучаць трошкі грубавата: *Што ў **Адама** напераду, то ў **Евы** ззаду*? (літара А) [9, с. 390].

Беларускі фальклор утрымлівае загадкі, у склад якіх уваходзяць прозвішчы. Іншы раз у загадцы можа называцца прозвішча і імя: *Ніхто такі не такоў, як **Іван Пятакоў**: сеў на каня і паехаў у агонь* (чыгун з віламі) [8, с. 177]. Пры гэтым абіраецца самае традыцыйнае ўсходнеславянскае імя, а прозвішча ўтвараецца на аснове рыфмоўкі з іншым складнікам загадкі.

Асаблівасцю беларускіх народных загадак з'яўляецца прыцягванне ў тэксты наўмысна ўтвораных па прадуктыўных беларускіх дэрывацыйных мадэлях прозвішчаў, вытворныя асновы якіх утрымліваюць падказку для палягчэння адгадвання: ***Глінскі** біўся з **Бульбінскім**, а без **Саламона** і суду няма* (булён варыцца без солі) [10, с. 325]. Імя ў гэтай загадцы было абрана па сугуччы з загаданай з'явай (*Саламон – соль*). У іншым тэксце на тым самым грунце выкарыстаны іншыя прозвішчы і імя: *Біўся **Глінскі** з панам **Галубінскім**, а без **Селівона** справы няма* (гаршчок, апалонік, соль) [9, с. 288].

Пры ўжыванні ў загадцы прозвішча без імя антрапонім утвараецца ад прыметніка, што называе колер, уласцівы ўтоенай загадкай рэаліі: ***Красько** жука ліжа* (полымя і галаўня) [9, с. 256]. Ужыванне ўтварэння ад старажытнарускага ад'ектыва *красный* 'чырвоны' мае на мэце накіраваць думкі аўдыторыі на адгадку.

Беларускі фальклор захоўвае загадкі з уласнымі імёнамі розных тыпаў. У тэкстах загадак фіксуюцца і тапонімы, і гідронімы. Значная частка тэкстаў з такімі лексемамі ўяўляе сабой па-сапраўднаму лінгвістычныя пытанні, але абавязкова з гумарам і весялосцю: *Што пасярэдзіне **Кіева** стаіць?* (літара Е) [9, с. 389]; *Што стаіць пасярод **Зямлі**?* (літара М) [9, с. 390]; *Што стаіць пасярод **Волгі**?* (літара Л) [9, с. 390]. *Чаму ў **Парыжы** сена не сохне?* (рака Сена) [9, с. 390]. Прыведзеныя загадкі ў большасці з'яўляюцца агульнаўсходнеславянскім фальклорным матэрыялам, наяўным і ў рускім фальклоры, і функцыянуюць у беларускай моўнай традыцыі хутчэй за ўсё пад уплывам беларуска-рускага білінгвізму.

Аднак некаторыя загадкі з тапонімамі прапануюць уласна беларускі моўны і геаграфічны матэрыял: *У горадзе пад **Быхавам** ляжаць людзі падбітыя, у іх морды нябрытыя* (снапы) [9, с. 191]. Некаторыя беларускія загадкі з уласнымі назвамі – геаграфічнымі найменнямі – уяўляюць сабой маленькія аповеды, якія па структуры нагадваюць казкі: *Сядзела пціца на дубу, абчышчалася, выхвалялася: «Ела цара ў **Маскве**, караля ў **Літве**, дзіця ў колбе, адной белай рыбіцы не ела ў вадзе»* (камар) [9, с. 183].

Дапускаецца ў беларускіх загадках ужыванне і антрапоніма, і тапоніма: *Жыве **Юхім**, чорт ведае за кім, жыве ў **Слабадзе**, чорт ведае дзе* (воўк) [9, с. 162].

У многіх тэкстах загадак фіксуюцца прыналежныя прыметнікі, утвораныя ад імя. Такія формы сустракаюцца, напрыклад, у загадках, прысвечаных пчолам: *Ішоў я каля **Ульянінага** двара, апанавалі мяне сабакі – ні абараніцца, ні куском хлеба адманіцца* [9, с. 121]. Паводле ўсходнеславянскай традыцыі, на аснове падобных прыналежных прыметнікаў сфарміраваліся прозвішчы, якія таксама ўжываюцца ў варыянтах загадак пра пчол: *Ішоў я каля **Шумілінага** двара, чуць мяне **Шуміліны** сабакі не ўкусілі* [9, с. 145]; *Ішоў я каля двору **Пільнаўскага**, апанавалі мяне сабакі – ні адбіцца, ні абараніцца, ні хлеба кусок даць* (пчолы) [9, с. 145].

Прыведзены фальклорны матэрыял паказвае дастатковую распаўсюджанасць у тэкстах беларускіх загадак уласных найменняў. У большасці выпадкаў онімы ў загадках іншасказальна называюць пэўную рэалію, якая і захаваная за адгадку. Часцей за іншыя імёны ў загадках сустракаюцца антрапонімы з перавагай мужчынскіх імёнаў. Самыя частыя з іх – *Рыгор, Ягор, Кандрат*. Многія антрапонімы ўжываюцца ў розных загадках і метафарычна абазначаюць розныя з'явы. А адна і тая з'ява часта захоўваецца за рознымі імёнамі. Для беларускіх загадак уласцівы дэмінутыўныя формы антрапонімаў. Прозвішчы і ўласныя геаграфічныя назвы ў загадках выкарыстоўваецца радзей за антрапонімы. Аснова выбару для выкарыстання імя ў загадцы – частотнасць ужывання антрапоніма ў народнай традыцыі і магчымасць рыфмоўкі імя з іншымі слоўнымі складнікамі ў тэксце. Пры гэтым ужыванне пэўнага антрапоніма, як правіла, не ўтрымлівае падказак для адгадвання, у той час як выкарыстаныя ў беларускіх загадках прозвішчы маюць за кошт празрыстасці дэрывацыйных мадэляў накіраванне да адгадвання.

Літаратура

1. Гілевіч, Н.С. Паэтыка беларускіх загадак / Н.С. Гілевіч. – Мн. : Выш. школа, 1976. – 128 с.

2. Кабашнікаў, К.П. Малыя жанры беларускага фальклору ў славянскім кантэксце / К.П. Кабашнікаў. – Мн. : Беларуская навука, 1998. – 188 с.

3. Алфёрава, А.Г. Усходнеславянскія і заходнеславянскія загадкі. Вобразна-паэтычная сістэма / А.Г. Алфёрава. – Мн. : Беларуская навука, 2008. – 162 с.

4. Хазанава, К.Л. Свет дзеючых асоб у беларускіх загадках (аб спосабах выражэння дзейніка) / К.Л. Хазанава // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі: матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі (да 70-годдзя з дня нараджэння прафесара Галіны Мікалаеўны Малажай), Брэст, 20–21 сакавіка 2008 / пад агул. рэд М.І. Новік ; рэдкал.: М.І. Новік [і інш.] ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2008. – С. 212–214.

5. Хазанава, К.Л. Традыцыйнае і нацыянальнае ў азначэннях беларускіх загадак / К.Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2009. – № 1 (52). – С. 88–94.

6. Хазанава, К.Л. Да пытання вывучэння моўных асаблівасцей беларускіх загадак / К.Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2009. – № 6 (57). – С. 110–113.

7. Хазанава, К.Л. Каляровы свет беларускіх загадак / К.Л. Хазанава // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / навук. рэд. А.І. Лакотка ; Інстытут мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі. – Мн. : Права і эканоміка, 2009. – Вып. 6. – С. 540–545.

8. Беларускі фальклор: хрэстаматыя / склад К.П. Кабашнікаў [і інш.]. – Мн. : Выш. школа, 1985. – 749 с.

9. Загадкі / рэд А.С. Фядосік. – Мн. : Навука і тэхніка, 1972. – 448 с.

10. Рапановіч, Я.Н. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Я.Н. Рапановіч. – Выд. 2-е, дап. і перапр. – Мн. : Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.

11. Беларускі фальклор у сучасных запісах: традыцыйныя жанры: Гомельскай вобласці / уклад. В.А. Захарава [і інш.]. – Мн. : Універсітэцкае, 1989. – 384 с.

12. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

13. Григорий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https:// ru.wikipedia.org/wiki/Григорий. – Дата доступа : 20.03.2020.

14. Хазанава, К.Л. Агіяграфічныя элементы ў міфалагічных апавяданнях Гомельшчыны / К.Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2018. – № 1 (106). – С. 115–119.

15. Происхождение фамилии Ладыка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://arc.familyspace.ru/catalog/Ladyka. – Дата доступа : 23.03.2020.

16. Происхождение фамилии Ладыка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ufolog.ru/names/order/Ладыка. – Дата доступа : 23.03.2020.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 04.04.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 070.19 (476) (093)

Типологические свойства первых советских газет для детей (на материале гомельской газеты «Искра Ильича»)

С.В. Харитонова

В статье выявляются основные типологические свойства пионерской газеты как нового типа детской периодики, возникшего в БССР в 20-е гг. XX в., на материале популярного гомельского издания «Искра Ильича». Впервые на основе исследования сохранившихся в национальных библиотечных фондах номеров гомельской детской газеты «Искра Ильича» автором предпринята попытка определить основные формы и приемы отражения действительности, влияющие на ценностные и идеологические установки юных читателей Белоруссии.
Ключевые слова: газета для детей, типологические черты, идейно-содержательная специфика, пионерское движение.

The article reveals the main typological properties of the pioneer newspaper as a new type of children's periodicals that appeared in the BSSR in the 20s of the XX century, based on the material of the popular Gomel publication «Iskra Ilyicha». For the first time, based on the research of the preserved issues of the Gomel children's newspaper «Iskra Ilyicha » in the national library collections, the author attempts to determine the main forms and methods of reflecting reality that affect the value and ideological attitudes of young readers of Belarus.
Keywords: newspaper for children, typological features, ideological and content specificity, pioneer movement.

Введение. После победы Октябрьской революции 1917 г. началось утверждение однопартийной журналистики и создание большевистской системы СМИ [1, с. 63]. Коренные изменения политических и педагогических установок переориентировали детскую и молодежную печать на выполнение задач новой советской власти – «организации, политического просвещения и вовлечения в социалистическое строительство подрастающего поколения» [2, с. 16]. Молодежная организация Коммунистической партии – Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ), образованный 29 октября 1918 г., – сыграла первоочередную роль в формировании системы белорусской периодики, рассчитанной на юного читателя.

Издания коммунистической партии комсомола Литвы и Белоруссии журнал «Факел коммунизма» и газета «Красная молодежь» (1919 г.) заложили основы создания отечественной системы информирования молодого поколения. Последовавший в 1921 г. выход первого номера газеты «Красная смена» – органа ЦК КСМБ – активизировал стремительное развитие сети комсомольских изданий для различных групп белорусской молодежи (газеты 1922 г.: «Юный пахарь» – для крестьян, «Молодой рабочий» – для еврейской рабочей молодежи, литературный журнал 1923 г. – «Маладняк»). Под руководством комсомольских органов система политического информирования и агитации белорусской молодежи постепенно расширялась: «В период с 1918 по 1921 гг. в республике выходило 9 юношеских газет, 5 журналов, 23 страницы в партийной и советской прессе, около 256 стенгазет и 34 рукописных журнала» [2, с. 17]. Общее количество печатных СМИ РКСМ в РСФСР к этому времени насчитывало 48 газет и 25 журналов для комсомольской молодежи [3, с. 63].

Детское население БССР не менее активно стремилось к участию в общественной жизни страны в ее восстановительный период после гражданской революции. Стихийно начали появляться первые разрозненные группы пионеров, на время полевых работ создавались «отряды урожая» и «детские посевкомы» [3, с. 56]. Перед молодежной организацией Коммунистической партии возникла необходимость возглавить многочисленные детские организации и объединить их в одно коммунистическое движение.

Знаковым событием в достижении этой цели, в том числе давшим толчок развитию советской детской журналистики Белоруссии, послужило решение второй Всероссийской кон-

ференции комсомола о создании Всесоюзной пионерской организации 19 мая 1922 г. [3, с. 71]. Именно с момента ее образования в республике стала вестись системная работа по воспитанию советского подрастающего поколения пропагандистско-агитационными средствами массовой информации. Появился новый тип белорусской периодики для детей – газетные издания, которые приобрели небывалую популярность среди подрастающего населения БССР.

Поскольку в теории отечественной науки до сих пор не выявлены жанрово-стилистическая и содержательная специфика национальной советской журналистики для детей, ее формы и методы влияния на ценностные и идеологические установки юных читателей Белоруссии 20-х гг. XX в., целесообразно рассмотреть основные типологические черты пионерской газеты на материале самого популярного и массового детского издания Гомельской губернии – «Искры Ильича» (1924–1927 гг.).

Основная часть. До 20-х гг. XX в. белорусская периодическая печать для детской аудитории была представлена исключительно журнальными изданиями. Изучение сохранившихся номеров в библиотечных фондах Беларуси, а также анализ библиографических каталогов отечественной прессы конца XIX в. – нач. XX в. позволили считать точкой отсчета белорусской истории детской журналистики 1905 г. – время выпуска первого ежемесячного русскоязычного иллюстрированного журнала для читателей 8–14 лет «Зорька» (г. Вильна). Через 9 лет в г. Минске начал издаваться белорусскоязычный «літаратурна-навуковы месячнік для беларускай моладзі ”Лучынка”», ориентированный на различные возрастные категории детей и молодежи. В 1919 г. в Вильнюсе Народным Комиссариатом республики издан первый советский журнал для детей «Зяленыя дрэўцы» [4, с. 38]. Однако печатные экземпляры, как и подробные сведения о нем, в отечественных архивах не сохранились. Продолжил историю развития советской периодики для детской аудитории журнал на белорусском языке «Зоркі», выпущенный 25 февраля 1921 г. научно-литературным отделом Комиссариата народного просвещения БССР в Минске.

Несмотря на различные социально-политические и экономические обстоятельства, обусловившие эпизодический характер выхода первых детских журналов для детей Белоруссии, издания заложили основы для развития отечественной детской журналистики. Они сохранили лучшие литературные и педагогические традиции в воспитании подрастающего поколения, в том числе накопленные российской детской периодикой. К этому времени она насчитывала уже 130 лет (в 1785 г. вышел первый журнал русского просветителя Н. Новикова «Детское чтение для сердца и разума») и 300 изданных монархических, дворянских, буржуазно-либеральных марксистско-ленинских газет и журналов для детей [3, с. 10].

Пионерские газеты как новый тип белорусской детской периодики стали появляться в различных городах БССР после образования в 1922 г. Всесоюзной пионерской организации: «Юный ленинец» (Витебск, 1921–1924 гг.), «Юная рать» (Мстиславль, 1921 г.), «Юный строитель» (Минск, 1923–1925 гг.), «Юны піянер» («Дэр юнгер піянер», 1925–1928 гг.), «Піянерскі будзільнік» («Дэр піянер вэкер», Минск, 1925–1928 гг.) и др. [5, с. 175]. Издания оперативно реагировали на социально-политические события в стране, обращали на них внимание подрастающего поколения, организовывали его на борьбу с буржуазией. Пионерская периодика вырабатывала такие типологические черты и формы отражения действительности, которые формировали аксиологические и идеологические установки юных читателей Белоруссии 20-х гг. XX в., расширяя детское коммунистическое движение страны.

Одной из самых массовых отечественных газет, завоевавших большую популярность среди широкой детской аудитории, стала гомельская пионерская газета «Искра Ильича» (1924–1927 гг.).

Первый номер «Искры Ильича» вышел в июне 1924 г. В его выходных данных на титульной странице значилось: «Еженедельная газета детских коммунистических групп при Гомельском Губкоме РЛКСМ». С февраля 1925 г. «Искра Ильича» стала выпускаться уже дважды в неделю как издание «Губбюро юных пионеров при Гомельском Губкоме РЛКСМ и Отдела Соцвоса Губоно». Примечательно, что перед внесением изменений, связанных с увеличением периодичности выпуска, редакция обратилась к читателям с просьбой в трехдневный срок «сообщить свое мнение о возможности повышения подписной цены» за номер с 10 до 15 копеек в связи с расширением «Искры» (Искра Ильича, 1925, № 2).

Нацеленность «Искры Ильича» на отклики читателей в обсуждении животрепещущих вопросов жизни советского подрастающего поколения – одна из характерных особенностей издания. Так, в опросе газеты «Нужна ли стенная газета в звене?» ребята высказали противоположные суждения, и редакция приняла решение призвать пикоров из отрядов по уездам: «давайте ваше мнение по этому вопросу» (Искра Ильича, 1925, № 2). Изучив «груду писем» юных авторов, «Искра Ильича» в итоге постановила, что «стенные газеты в звене излишни и подрывают газеты отряда, а поэтому их выпуск надо прекратить» (Искра Ильича, 1925, № 10).

Движение юных корреспондентов в 20-е гг., как замечает М. Холмов, получило невиданный размах и стало отличительной чертой советской детской журналистики этого времени. Юные читатели – деткоры, пикоры, юнкоры – участвовали в подготовке и выпуске газеты, что явилось «активнейшим фактором политического и социального воспитания подрастающего поколения» [3, с. 92].

Более половины материалов «Искры Ильича» (около 66 %) принадлежали юным корреспондентам. Многочисленные заметки детей публиковались в рубриках «О чем пишут пикоры», «О чем пишут ребята», «В несколько строк», «У деревенской детворы», «Дела школьные» и др. Возможность высказать свою пионерскую точку зрения в «Искре» имели еврейские и польские читатели в регулярном разделе на идише и польском языке.

Постоянные авторы рубрик – пионеры, школьники, пикоры – рьяно выступали с призывами и требованиями разобраться с насущными проблемами, возникающими в пионеротрядах, а также с теми, кто поступал не «по-ленински»: *«Б. Каплан (Ветка): …У нас в отрядах имеются пионеры, которые ни разу не посетили занятия. Надо на их место принять других. С. Сосновская (Хойники):…К естественно научному кружку прикрепили педагога, который не приходит и тормозит работу (Искра Ильича, 1925, № 5). В. Голубев:…В нашем отряде есть такие пионеры, которые ходят в церковь молиться богу. Это – Давыденко и Петя Кравцов…Надо, чтобы отряд построже к таким ребятам относился (Искра Ильича, 1925, № 3). Рудин: Пионеры отряда кустарей частенько шатаются поздно вечером по улицам…А совет отряда и вожатый на это не обращают внимание (Искра Ильича, 1925, № 18)».*

Сигнализируя о «непорядках» на местах, многие авторы «Искры» использовали псевдонимы (Хмурый, Безбожник, Були и Виль, Пикор К., И.Г. и др.). В своих заметках «Требуем к себе внимания», «Почему избач не помогает?», «Волком разберись!», «Неправильно поступили», «Недостаток нашего форпоста», «Политорганизатор, ау!», «Чего до сих пор не наладили» они прямолинейно, критично и недвусмысленно указывали на промахи в работе конкретных вожатых, учителей, избачей, пионеров и призывали газету помочь в решении возникающих конфликтов. Максималистский подход деткоров к оценке зафиксированных ими фактов свидетельствовал об отсутствии у малолетних авторов способности мыслить аналитически, искать первопричины описываемых проблем, предугадывать последствия публикуемой в издании информации. Задача научить неопытных корреспондентов отыскивать аргументы для подтверждения их громкоголосых заявлений стояла перед профессиональными сотрудниками газеты.

В каждом номере редакция вела разъяснительные беседы с пикорами в рубриках «Редакция отвечает на заданные вопросы», «Беседы с пикорами» и «Почтовый ящик», резко отвечая на их неодобрительные замечания и адресно давая советы начинающим журналистам: *«ваши заметки нельзя разместить – мелочны и не интересны», «парнишку надо взгреть за хулиганство – обратись в школком», «толком укажи, что вы сделали по шефству, а не пиши общими фразами», «надо поменьше писать о высоких задачах, побольше о том, что ты сам видел, что перечувствовал».* «Искра» выборочно отвечала на просьбы читателей в комментариях «От редакции», побуждая деткоров собирать больше информации по темам и передавать ее в вышестоящие органы: *«Пионер уже знает, что религией буржуи обмарачивают трудящихся, чтоб их голыми руками взять можно было бы. Пишите, как с этим обстоит в деревенским отрядах. Может быть, родители заставляют идти в церковь (о религии; Искра Ильича, 1925, № 3). Сообщите о поведении Бойко (о том, что учитель Бойко бьет ребят; Искра Ильича, 1925, № 8). А вы напишите в губдетбюро, какой план вы выполнить в состоянии (о перегруженности пионеров; там же)».*

Проблема загруженности детей не раз поднималась на страницах газеты ее читателями. Приведем цитату из письма матери пионера «Пионеров надо разгрузить». Оно исчерпывающе отражает суть «болезни пионерской работы», охватившей деревенскую и школьную детвору 20-х гг. XX в.: *«Я предлагаю следующее. Звеньевые занятия устраивать только два раза в неделю не больше полутора часов. Сбор отряда устраивать не в воскресенье, а в будний день. Надо дать детям один день отдыха. Физкультуру и трудовые процессы сделать обязательными предметами и не занимать ими внешкольное время».* Редакция газеты, «напряженно, лихорадочно работавшая по организации третьего поколения под знаменем дедушки Ильича», отреагировала на письмо в комментарии: «*Не соглашаясь с целым рядом выдвигаемых в этой статье положений, мы ей даем место в газете. Мы хотим, чтобы сами пионеры, родители, врачи и школьные работники написали бы свое мнение»* (Искра Ильича, 1925, № 6–7), – который подчеркнул открытость редакции к диалогу с читательской аудиторией и готовность услышать разные точки зрения по теме.

Выполняя поставленные коммунистические задачи Советской власти, «Искра» по степени воздействия на детскую аудиторию (эффективность) и принятие конкретных решений органами власти (действенность) проявляла немалую силу агитационно-организаторского влияния. Так, благодаря публикации в газете многочисленных писем читателей о проблеме загруженности детей губкоммол, губдетбюро, совместно с губоно выработали подробное расписание дня школьников, которое было опубликовано уже в 13 номере издания и являлось обязательным к соблюдению всеми пионерами (Искра Ильича, 1925, № 13).

Результативность реализации первостепенной цели «подготовки бесстрашной рати Ленинцев-бойцов» демонстрируют количественные показатели выхода газеты: «первый номер вышел тиражом в 2,5 тыс. экземпляров, а 32-й уже – 8 тыс., пионерия развернула энергичнейшую борьбу за 10-тысячный тираж и 3-тысячный тираж приложения для юнкоров» [6, с. 104], а также отклики читателей: «“*Искру Ильича” можно считать одной из самых лучших в СССР газет. В ней красиво выделяется заголовок. Хорош отдел “По всему миру”.* “*Искра Ильича” хорошо сделала открыв “Уголок здоровья”, так как его нет в других газетах… Газета прекрасно иллюстрируется* (Искра Ильича, 1925, № 2). *Ребята больше интересуются “Искрой”, чем Минской газетой “Юные строители”, которая не интересна и неаккуратно получается»* (Искра Ильича, 1925, № 18). Тем не менее «функциональное» воздействие СМИ, как замечает Е.П. Прохоров, невозможно без его «нацеленности на свою аудиторию, умения подойти к ней, заинтересовать, увлечь, донести до нее отвечающую ее потребностям информацию» [7, с. 309]. Этот тезис подтверждает профессор В.И. Ивченков, исследуя в качестве основных единиц публицистического дискурса многоплановые по своей структуре речевые действия (локуции), которые выступают носителями коммуникативных заданий (иллокуций) и направлены на достижение коммуникативно-воздействующего эффекта (перлокуции) [8, с. 201]. Таким образом, в достижении желаемого результата – влиять на аудиторию – особое значение приобретают высокие художественные качества публикуемых произведений для детей, выбор доступных восприятию читателя лексических средств языка и синтаксических конструкций, профессиональные умения авторов издания.

В материале «Против протокольщины и скучных заметок. За живую интересную Искру» редакция призывала деткоров *«объявить борьбу газетной скуке, писать не отчеты, а картинки, зарисовки, живые впечатления»* (Искра Ильича, 1925, № 63). В рекомендациях газеты, однако, заключалась их парадоксальность и противоречивость, ведь большая часть публикаций «взрослых» авторов «Искры», которыми выступали работники губкомов и отделов РЛКСМ, была написана сухим, кондовым языком постановлений и протоколов. Немногочисленные шарады, задачи, рассказы, публикуемые в издании, не могли восполнить недостаток творческой, эмоциональной составляющей в его содержании. На этот недостаток «Искры» указывает ее постоянный читатель С. Октябрьский, замечая, что литературный отдел газеты находится в плохом состоянии, а рассказы и стихи публикуются редко (Искра Ильича, 1925, № 2). Основные свойства литературно-художественных произведений – образность и художественность – не были свойственны материалам издания. Они оставались приметой профессионального творчества писателей и поэтов детских журналов.

В газете «Искра Ильича» строго соблюдался директивный стиль изложения. В заголовочных и текстовых комплексах использовались категоричные лексико-синтаксические конструкции: *«немедленно за дело», «хватит зевать», «больше ждать недопустимо», «пионеры должны», «форпост обязан», «немедленно сократить» и т. д.* Императивный характер носили требования к деткорам, регулярно публикуемые редакцией на последних страницах газеты: *«Пикоры к следующим номерам должны писать о работе своего отряда, как родители относятся к пионерам, как комсомольцы помогают пионерам, что делают кружки пикоров, как идет подписка на "Искру?"».* Вершиной циркулярных предписаний видится инструкция для читателей издания «Как использовать № 18», которая требует: *«Передовую – обсудить в совете отряда и приступить к подготовке того, что предложено. Песню «Эй, живо…» – разучить всем деревенским отрядам. "Красные звездочки" – использовать для читок в подшефных детских садах, среди октябрят и в семье»* (Искра Ильича, 1925, № 18). В выборе редакцией директивного, безапеляционного тона сообщений усматривается нацеленность газеты направленно воздействовать на сознание советских детей для их вовлечения в пионерское движение.

Заключение. Пионерские газеты Белоруссии с момента их возникновения в 20-е гг. XX в. как новый тип детских периодических изданий стали мощной силой пионерского движения. Наиболее успешно расширять его масштабы удавалось «Искре Ильича» – органу губбюро юных пионеров при Гомельском губкоме РЛКСМ. Газета применяла эффективные формы и методы идеологического воздействия на подрастающее поколение, организовывала собственную систему отбора информации и отражения действительности, проявляла такие идейно-содержательные особенности, которые позволили ей стать самым популярным изданием среди детского населения Гомельской губернии.

Одно из главных свойств «Искры Ильича», обусловивших ее популярность у читателя, – *интерактивность*. На лексическом уровне она выражалась в использовании обращений к читателю *«ты – пионер», «вы, ребята»;* местоимений *«наши» (отряды), «мы» (созвали)* в авторских заметках; императивных форм глаголов *«помогите», «требуем», «помни»* и др. На структурно-содержательном уровне издание применяло диалоговые формы взаимодействия с детской аудиторией. Отвечая на злободневные для нее вопросы в соответствующих рубриках, газета инициировала обсуждение волнующих проблем, предлагала пути их решения и оперативно реагировала на замечания. Прислушиваясь к пожеланиям детей, издание интенсифицировало потребность юнкоров к самовыражению, обостряло их стремление к деятельному участию в жизни школы, деревни, пионеротрядов. Ориентация на ответную реакцию читателя и диалогическую форму общения с ним, помогала «Искре» повысить свой авторитет у социально активной целевой аудитории, а, следовательно, – увеличить эффективность воздействия на нее.

Регулярное участие детей в подготовке номера, предоставляло газете возможность разрабатывать темы, которые волновали читательскую аудиторию, отвечали ее повседневным интересам. В этом усматривается еще одно свойство издания – *нацеленность* на тематические запросы читателя. Вместе с тем система отбора и отражения информации приобретала в издании парадоксальные формы. Большая часть публикаций, подготовленных юнкорами, с одной стороны, фиксировала частные, мелкие ситуации из жизни пионеров отдельных отрядов, звеньев, школ и при этом носила оценочно-максималистский, бездоказательный, волеизъявительный характер. С другой – фокусировка на локальных, насущных проблемах детей помогала «Искре» стать ближе к читателю, поддерживать его интерес к изданию, устанавливать с ним контакт и формировать активное отношение к событиям. Ситуативность заметок, исходившая из злободневных, будничных реалий, выявляла трудности развертывания пионерского движения как на местном уровне губернии, так и в глобальном масштабе страны. Отображая факты из жизни пионеров, газета, однако, не ставила перед собой цель анализировать описываемые корреспондентами ситуации, раскрывать читателю суть и значение возникающих на местах конфликтов, вовлекать его в поиск первопричин фиксируемых явлений. Она избирала директивную форму их решения.

Директивность сообщений, как одно из характерных свойств «Искры», объясняется нацеленностью газеты на достижение перлокутивного эффекта – прямого воздействия на

сознание и поведение советских детей с целью их вовлечения в социалистическое строительство. Кроме того, детские пионерские издания Белоруссии создавались по образцу периодики, рассчитанной на взрослого читателя, с многочисленными призывами, лозунгами и политинформацией в содержании, строгими текстовыми конструкциями, единичными иллюстрациями и логотипом цвета знамени в оформлении. Это визуально-семантическое калькирование значительно влияло на формирование образа первых советских газет для пионеров БССР.

Коммунистические задачи Советской власти, которые издание стремилось точно выполнять, обусловили проявление таких его неотъемлемых свойств, как *эффективность и действенность*. Наибольшая сила агитационно-организаторского влияния газеты касалась степени идеологического воздействия на детскую аудиторию и принятия конкретных решений органами власти. Выбор форм и приемов отражения пионерской действительности в «Искре», таким образом, определялся не столько потребностью подрастающего поколения в информации (образовательной, литературно-художественной, развивающей, научно-популярной), и, соответственно, спецификой восприятия детьми и школьниками разножанровых публикаций, сколько непререкаемой установкой партии в воспитании «стройных, крепко-спаянных, дисциплинированных» пионеров в духе главенствующей идеологии. В то же время, благодаря совокупности выявленных типологических черт, газете удавалось, в отличие от других пионерских изданий БССР, привлекать целевую аудиторию и удерживать ее интерес, опережая в популярности республиканские детские газеты 20-х гг. XX в.

Литература

1. Медиасистема России: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Е.Л. Вартановой. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 384 с.

2. Слука, О.Г. Комсомольская печать Белоруссии: проблемы становления, развития и ее роль в строительстве социализма 1918–1941 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.10. / О.Г. Слука. – Л., 1986. – 42 с.

3. Холмов, М.И. Становление советской журналистики для детей / М.И. Холмов. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1983. – 209 с.

4. Перыядычны друк Беларускай ССР / Дзяржаўная бібліятэка БССР імя У.І. Леніна, Кніжная палата БССР. – Мн., 1960. – Вып. 1 : Часопісы (1917–1958). – 167 с.

5. Газеты Беларускай ССР, 1917–1975 : у 2-х ч. / Дзяржаўны камітэт Беларускай ССР па справах выдавецтваў, паліграфіі і кніжнага гандлю, Дзяржаўная кніжная палата БССР. – Мн., 1984. – Ч. 1. – 180 с.

6. Слука, О.Г. Голос революционной молодежи: проблемы становления и развития молодежной печати Белоруссии / О.Г. Слука. – Мн. : Изд-во БГУ, 1978. – 144 с.

7. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов / Е.П. Прохоров. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 351 с.

8. Ивченков, В.И. Дискурс белорусских СМИ. Организация публицистического текста / В.И. Ивченков. – Мн. : БГУ, 2003. – 257 с.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 21.03.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

Философия

УДК 101, 9; 113 / 119

Л.С. Берг как естествоиспытатель и русский космист

П.С. Карако

В статье раскрывается вклад Л.С. Берга в развитие научного знания и русского космизма. Подчеркивается влияние В.И. Вернадского на становление и выражение космических воззрений у своего ученика и последователя. Его космизм формировался на основе конкретных знаний о структуре и процессах биосферы Земли, роли живых организмов в ней. Обращается внимание на связь и общность космических идей Берга и других представителей русского космизма. Отмечается гуманистическая выраженность его космизма.
Ключевые слова: природа, биосфера, ноосфера, ландшафт, фотосинтез, химический элемент, космизм, русский космизм, гуманизм.

The contribution of L.S. Berg in the development of scientific knowledge and Russian cosmism is revealed. The influence of V.I. Vernadsky on the formation and expression of cosmic views of his student and follower is emphasized. His cosmism was formed on the basis of specific knowledge about the structure and processes of the Earth's biosphere, the role of living organisms in it. The connection and commonality of the cosmic ideas of Berg and other representatives of Russian cosmism are paid attention. Moreover the humanistic expression of his cosmism is noted.
Keywords: nature, biosphere, noosphere, landscape, photosynthesis, chemical element, cosmism, Russian cosmism, humanism.

В современных исследованиях многих философов России научного и философского наследия В.И. Вернадского (1863–1945) все большее внимание стало обращаться на постижение его космизма и вклада в обоснование этого течения русской мысли. Подчеркивается и влияние его космических идей на становление и выражение космизма ряда учеников и последователей русского космиста. Но некоторыми авторами допускаются весьма спорные оценки всего того, что оставил в науке Вернадский. Так, известный автор научной биографии Вернадского и популяризатор науки Р.К. Баландин пишет, что «при жизни Владимира Ивановича его идеи разрабатывали А.Е. Ферсман, Л.С. Берг и многие другие у нас и за рубежом. Позже его цитировали, повторяли, восхваляли – и только» [1, с. 273]. Далее им делается весьма несостоятельный вывод: будто бы «научные прозрения Вернадского не нашли должного отзвука в среде ученых второй половины XX века» [1, с. 273].

В монографическом труде [2] автор настоящей статьи подробно раскрывал влияние только биосферных и ноосферных идей Вернадского на воззрения многих отечественных и зарубежных ученых второй половины XX в. В его отдельных статьях обстоятельно выявлялось воздействие космических идей Вернадского на становление и выражение космизма в трудах Б.Л. Личкова, Н.Н. Моисеева, Н.В. Тимофеева-Ресовского, А.Е. Ферсмана и многих других русских ученых. Но как относился к космизму Вернадского Л.С. Берг (1876–1950), ни Баландин, ни другие современные исследователи русского космизма не высказали своих суждений. В книге С.И. Шлёкина «Русский космизм» (2017 г.) помещен только портрет Берга, но не сказано ни единого слова о содержании его космизма, связей и отношений с Вернадским.

Все отмеченное и определило наш интерес к научному творчеству Л.С. Берга. При этом первостепенное значение будет иметь выявление его места в системе русской науки и связей с В.И. Вернадским.

Л.С. Берг – крупный представитель естествознания

Лев Семенович Берг – видный русский, а затем советский биолог и географ, академик АН СССР. В 1894 г. с золотой медалью окончил гимназию в Кишиневе. В этом же году становится

студентом естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. В 1895 г., по его собственному признанию, слушал лекции Вернадского по курсу минералогии [3, с. 409] и становится последователем его научных идей в своей будущей творческой деятельности. После окончания университета (1898 г.) был направлен в Среднюю Азию в качестве смотрителя рыбных промыслов Аральского моря и других водных объектов этого региона. Им обстоятельно исследовались географические особенности и рыбные запасы озер Восточной и Западной Сибири, Балхаш и Исык-Куль и других водоемов. При этом особое внимание было уделено исследованию Аральского моря. Его постижение завершилось написанием труда «Аральское море». Этот труд в 1908 г. был представлен в Московский университет в качестве магистерской диссертации. При ее защите автору была присуждена степень доктора географических наук. Это решение было поддержано А.П. Павловым (геолог) и В.И. Вернадским. В этом же году данный труд Географическим обществом России был отмечен золотой медалью.

Л.С. Берг не ограничивался исследованием только географических водоемов. Его интересовали и живые их обитатели, особенно рыбы. Он крупнейший ученый в области ихтиологии. Им были опубликованы многочисленные работы по рыбам Туркестана (1905 г.), бассейна Амура и т. д. Многолетние исследования в области анатомии и систематики рыб были описаны в книге «Система рыбообразных и рыб, ныне живущих и ископаемых» (1940 г.). По свидетельству его дочери, известного советского генетика Р.Л. Берг (1913–2006 гг.), этот труд получил мировое признание [4, с. 439].

Исследования по пресноводным рыбам России обобщались в трех изданиях – «Рыбы пресноводных вод России». Четвертое издание под названием «Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран» (1949 г.) в 1951 г. посмертно отмечено Сталинской премией первой степени.

Признание получили и объемные труды Берга: «Природа СССР» (1938), «Географические зоны Советского Союза» (1947 г.), «Климат и жизнь» (1947 г.) и др. При их написании им использовались положения и выводы ряда работ Вернадского: «Биосфера» (1926 г.), «Очерки геохимии» (1934 г.), «История природных вод» (1936 г.), «Биохимические очерки» (1932 г.) и др.

Его интересовали и проблемы эволюции органического мира, ее освещение в современной ему научной литературе. Причем им формулировалось и собственное видение сущности эволюции живой природы. Оно было изложено Бергом в труде «Теории эволюции» (1922 г.). Особый интерес у научной общественности вызвал его труд «Намогенез, или эволюция на основе закономерностей» (1922 г.). В 1926 г. он был переиздан на английском языке в Англии. В нем автор изложил собственное понимание эволюционного процесса, отличавшегося от классического дарвинизма. Оно и в наши дни является предметом обсуждения и спора биологов.

В центре внимания Берга была и история географии России. По данной проблеме им были написаны следующие труды: «Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.)» (1929 г.), «Открытие Камчатки и экспедиция Беринга» (1924, 1946 гг.), «Очерки по истории русских географических открытий» (1946, 1949 гг.), «Всесоюзное географическое общество за 100 лет. 1845–1945» (1946 г.).

Значимое место в творческой деятельности Берга занимала и учебная работа со студентами и аспирантами. С 1916 г. он являлся профессором кафедры физической географии Петроградского университета. В 1918 г. благодаря его усилиям был создан Географический институт. В 1925 г. этот институт стал географическим факультетом Ленинградского университета. В нем до конца своей жизни Берг был заведующим кафедрой физической географии.

Научная, организаторская и педагогическая работа Берга отмечалась и высокими наградами. Он был дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За достойный труд во время Великой Отечественной войны». В 1929 г. избирается член-корреспондентом АН СССР, в 1934 г. ему присуждается звание Заслуженный деятель науки, в 1940 г. Берг был избран президентом Географического общества СССР, с 1946 г. – действительный член АН СССР.

Значимую роль в становлении новых направлений в научной деятельности Берга имело его совместное проживание с Вернадским в санатории Боровое (Кокчетавская обл., Казахстан), где с 1941 по 1943 г. находились в эвакуации ряд членов АН СССР со своими семьями. Здесь Берг близко сошелся со своим учителем по Московскому университету Вернадским. Ко дню его рождения (12 марта 1943 г.) и планируемом заседании ученых, находящихся в Боровом,

Бергом был подготовлен доклад – «Значение трудов В.И. Вернадского для географии». Но Владимир Иванович в силу присущей ему скромности отказался от публичного чествования. Подготовленный доклад был опубликован в 1946 г. В нем наше внимание привлекло следующее суждение именитого ученика об именитом учителе: «В качестве кристаллографа, минеролога, геохимика, биолога, историка знаний Владимир Иванович в своем лице как бы представляет всю Академию, старейшим членом которой он является (с 1909 г.)» [3, с. 404].

Под влиянием Вернадского в отмеченном докладе и последующих трудах Берга четко выражается и космизм его воззрений. Он не только принял идеи космизма своего учителя, но и пытался их дальше развивать. В какой форме осуществлялось это развитие и как выражалось полученное им знание станет предметом обсуждения в следующей части настоящей работы.

Биосфера – «произведение земных и космических сил» (Л.С. Берг)

Следует отметить, что понятие «космос» многократно упоминается Бергом еще в труде «Теории эволюции» (1922 г.). Но здесь оно используется для выражения устойчивости и упорядоченности процессов в живом. По его убеждению, «живое стремится упорядочить хаос, превратить его в космос» [5, с. 45]. В этом он видел коренное отличие живого от неживого. Именно так понимали понятие «космос» древнегреческие философы. В частности, Платон в диалоге «Тимей» писал, что «космос – прекраснейшая из возникших вещей». В качестве такой «вещи» им считалось все живое. «Наш космос, – писал он, – есть живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения» [6, с. 471].

В выше названном труде Берга идеи древних философов относительно организации живого, его эволюции занимают значительные места. В последующих его работах термин «космос» стал пониматься по-другому. Под влиянием Вернадского и постижения его труда «Биосфера» (1926 г.) и других работ своего учителя происходит качественно иное понимание Бергом понятия «космоса». Для него Космос – это объекты нашей Вселенной и их излучения, которые влияют на состояние процессов земной поверхности. В уже упоминавшемся докладе он писал, что «вследствие излучений, идущих от Солнца и из более отдаленных частей космоса, земная поверхность есть столь же произведение вещества и энергии нашей планеты, сколько и создание внешних сил космоса» [7, с. 220]. Под земной поверхностью им понималась биосфера. Для Берга биосфера есть космоземная оболочка нашей планеты.

Данное понимание биосферы находится в полном соответствии с ее трактовкой Вернадским. В труде «Биосфера» он писал, что «она (биосфера – П.К.) в такой же, если не в большей, степени есть создание Солнца, как и выявление процессов Земли» [8, с. 10].

Тот факт, что бытие биосферы обуславливается земными и космическими факторами, определяет и ее особое положение среди других оболочек Земли. «История биосферы, – писал Берг, – резко отлична от истории других, более глубоких оболочек Земли» [7, с. 220]. Это отличие им связывалось с наличием в биосфере живого вещества (совокупности всех форм живого), особенно зеленых растений. Именно они под влиянием прежде всего излучений Солнца синтезируют органическое вещество и выделяют свободный кислород. В цитируемом докладе Берга и других его трудах подчеркивается влияние продуктов фотосинтеза на бытие других, гетеротрофных организмов и на свое окружение. При этом им отмечалось, что «пионерами жизни» были первичные автотрофные организмы (железобактерии и другие формы бактерий), которые фиксировали энергию Солнца. Они обогащали атмосферу Земли и свободным кислородом. «Лучистую энергию Солнца» Берг считал «важнейшим условием появления жизни» [9, с. 17, 18] на Земле. По его убеждению, она могла появиться только на поверхностном слое Земли (раздробленные горные породы, ил мелких водоемов и т. д.), так как она, в наибольшей мере, подвержена воздействиям Солнца.

Его идеи о космической обусловленности появления живого и современного бытия живых систем находились в соответствии с положениями, которые обосновывались в 40-е гг. известным украинским биологом-космистом, академиком АН УССР Н.Г. Холодным (1882–1953 гг.). В трудах Берга имя и научные положения этого космиста неоднократно упоминаются и воспроизводятся.

В статье «Жизнь и почвообразование на докембрийских материках» (1944 г.) им раскрывалась роль простейших форм живого (бактерии, низшие грибы, зеленые водоросли и т. д.) в образовании почвенного покрова Земли 2 млрд лет тому назад [10]. Не снижается их

роль в почвообразовании и в настоящее время. Даже в «почвах Сахары» и «сыпучих песках» Средней Азии обитают разные формы бактерий. На основании исследования их роли в почвообразовательных процессах Берг делает вывод: «Нет никаких оснований предполагать, чтобы поверхность суши когда-либо с начала геологической истории (т. е. с начала архея, или археозоя) представляла сплошную пустыню» [10, с. 34]. Такой поверхность Земли не является и в настоящую геологическую эпоху.

Космическая функция зеленых растений в биосфере Земли

При всех оценках роли растений в прошлые геологические эпохи следует иметь ввиду и то, что они обеспечивают существование гетеротрофных организмов, в том числе и человека. Берг обращает внимание и на роль всего живого в бытии природы Земли. «Организмы, – писал он, – принимают деятельное участие в миграции и накоплении таких важных в экономике природы и широко распространенных элементов, каковы углерод, кислород, азот, кальций, калий… Организмы выделяют в атмосферу кислород, углекислоту, азот, …водород и другие газы». Он, как и Вернадский, считал, что «все газы земной атмосферы созданы жизнью» [7, с. 220].

Современные исследования роли фотосинтеза в биосфере Земли не только подтверждают выводы Берга и Вернадского, но ими вскрываются и новые факты. Оказалось, что «фотосинтез коренным образом изменил геохимическую ситуацию на Земле: появление свободного кислорода и простых углеводов обеспечило серьезную трансформацию разных геохимических сред, созданных эволюцией системы вода – порода – газ, в сторону их усложнения и окисления. Усложнение началось с водного растовора, в котором появились органические соединения и кислород, открывший эру окислительных процессов. Но наиболее важным было именно появление механизма созидания принципиально иных органических соединений» [11, с. 804], которые, по убеждению цитируемого автора, стали одним из «добавочных» факторов «усложнения биосферы Земли». При этом им подчеркивается, что данный процесс осуществлялся не только в ранние периоды истории, но происходит и в современное время. По его заверению, и сейчас «идет непрерывное усложнение всех компонентов системы Вернадского (биосферы – П.К.) – воды, породы, газов, мертвой органики и живых организмов. Тем самым создается дополнительный механизм эволюции каждой системы, включая и самую первую: под влиянием органического вещества формируются новые минералы, горные породы, газы и т. д.» [11, с. 808].

Ландшафты как структурные компоненты биосферы

Значимость космических факторов для биосферы Земли Берг видел и в том, что только под их влиянием на поверхности Земли сформировались и существуют особые структурные образования – *ландшафты*. Он, еще в 1915 г., обосновал положение о наличии ландшафтных зон Земли. Им давалось и определение ландшафта: «Географический ландшафт – есть такая совокупность или группировка предметов, явлений, в которой особенности рельефа, климата, вод, почвенного, растительного покрова и животного мира, а также, до известной степени, деятельности человека сливаются в единое гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении данной зоны Земли» [12, с. 5]. По Бергу, ландшафты есть целостные образования, части которого находятся во взаимосвязи и взаимодействии. При этом особую роль в бытии ландшафта им отводилось живой его части. В свою очередь и ландшафт оказывает влияние на формирование растительных и животных компонентов его структуры. В результате такой диалектической связи целого и его частей «образуются известные нам ландшафтные зоны, тундры, леса, лесостепи, степи, полупустыни, пустыни и т. д. со свойственными им организмами [5, с. 345].

Л.С. Берг считал, что под воздействием внутренних и внешних (космических) факторов ландшафты видоизменяются. Причем «одним из самых мощных преобразователей ландшафта является человек, который уничтожает леса, распахивает целину, выпасает скот в степях, истребляет диких животных и вводит новых животных и растения и т. п. В соответствии с этим измененный человеком ландшафт оказывает совсем иное воздействие на оставшуюся в данном ландшафте дикую флору и фауну» [5, с. 345]. В конце XX в. деятельность человека в природе приняла катастрофический характер. О возможности его наступления предупреждали челове-

чество не только Берг, но и другие представители естественнонаучного течения русского космизма – В.И. Вернадский, В.Н. Сукачев, Н.В. Тимофеев-Ресовский, Н.Г. Холодный и др.

Учение Берга о сущности географических ландшафтов заняло определенное место и в биосферных идеях Вернадского. Представления о «поясах ландшафтов» или «зонах ландшафтов Берга» он цитировал в своей «Книге жизни» – «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» [13, с. 77].

В свою очередь Берг принимал положения Вернадского о влиянии космических факторов не только на живое вещество и ландшафты, но даже и на отдельные химические элементы поверхности Земли. Следствием последнего является расширение ее химического состава. Появление новых элементов «происходит под влиянием проникающих космических излучений, которые, разрушая встречающиеся им на пути химические элементы, преобразуют их в другие атомы и создают новые» [7, с. 230]. Сказанное подтверждается Бергом перечислением тех «новых элементов», которые появляются в биосфере Земли под влиянием космических факторов. В этой связи им обосновывалась и важность особой области научного знания – геохимии, вклад в создание которой внесли Вернадский и его ученик и последователь, академик А.Е. Ферсман (1883–1945 гг.). Его положения, касающиеся космической обусловленности химических процессов, происходящих в атмосфере, гидросфере и литосфере, не только разделялись Бергом, но последним подчеркивалась и важность выделения особой области знания – *химической географии*, призванной изучать такого рода процессы [7, с. 225].

Они были предметом внимания и Вернадского. Его исследования химического состава живого вещества, роли живого в обогащении биосферы рядом химических элементов, их соединений, процессами фотосинтеза и хемосинтеза, миграции всего этого в биосфере Земли подтверждал своими исследованиями и Берг. Ему особенно импонировали выводы Вернадского относительно роли темпов размножения организмов в обогащении химического состава биосферы. На основании этих идей Вернадского и собственного постижения вопросов появления жизни Бергом сделан вывод: «Не может быть сомнения в том, что как только появилась жизнь на Земле, во всяком случае уже в археозое, организмы быстро завоевали всю поверхность суши и водных бассейнов» [7, с. 224]. Они стали и «великой геологической силой» [7, с. 224] в биосфере. Такой «силой» Берг считал и человека.

Человек и «человеческий фактор» в биосфере Земли

Разделял Берг и воззрения Вернадского относительно роли человека и всего человечества в эволюции биосферы. По его убеждению, уже в наши дни «человек сделался геологическим фактором» [3, с. 404]. Этот фактор будет определять и будущее существование биосферы. Она, вслед за Вернадским, была названа им ноосферой: «Постепенно, благодаря деятельности цивилизационного человечества, биосфера переходит в новую стадию своей истории, в царство разума – *ноосферу*» [3, с. 404].

Следует отметить, что признание реальности становления ноосферы есть важный критерий принадлежности ученого к русскому космизму. Весьма убедительно данное положение выразил последователь Вернадского, математик-космист, академик Н.Н. Моисеев (1917–2001): «В русском космизме и его наследнике – учении о ноосфере – возрождены те гуманистические позиции, которые лежали в основе европейской цивилизации: природа и человек, их единство и нерасторжимость» [14, с. 608]. Эту точку зрения разделяли и другие ученые-космисты: В.Н. Сукачев, Н.В. Тимофеев-Ресовский, Н.Г. Холодный и др.

«Гуманистической позиции» придерживался и Берг. Возможно, что его выражение «царство разума» и неудачное. Но предшествующий ему текст работы Берга свидетельствует, что для него ноосфера есть будущее состояние биосферы, когда человек будет в ней жить и действовать опираясь на свой разум и строить разумные формы отношений с природой, осуществлять рациональное природопользование.

К такому пониманию будущего человека и биосферы Берг был сориентирован и трудами своего университетского учителя, профессора Московского университета, физика-космиста Н.А. Умова (1846–1915). Он считается и одним из первых представителей естественнонаучного течения в русском космизме. Еще в работе «Теории эволюции» Берг цитировал космические воззрения своего учителя и полемизировал с ним. Здесь же будет уместным

привести следующее суждение Умова: «Смысл нашего существования, логос нашей жизни, величественная задача человеческого гения: Охранение, утверждение жизни на Земле» [15, с. 447].Только разум человека «во всеоружии научного знания» должен, по его утверждению, приступить к решению поставленной задачи. К сожалению, она и сегодня не решается.

Несомненным фактом является то, что особое влияние на становление и выражение космизма Берга оказали труды Вернадского и общение с ним. В завершающей части уже упоминавшегося доклада Берга заслуживают и следующие оценки творческой деятельности своего учителя: «В книге “Биохимические очерки” (1940 г.) В.И. Вернадский писал, что смотрит на жизнь как на дело любви к людям и к свободному исканию истины» [3, с. 405]. Поиску Истины, Добра и Красоты в постигаемой Бергом живой и неживой природе, вопросам сохранения жизни на Земле была посвящена и вся творческая деятельность этого именитого ученого.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что научные искания Берга находились в русле того течения русской мысли, которое называется *русский космизм*. У него не было специальных трудов, сориентированных на постижение и выражение сущности данного течения. Но его конкретные исследования структуры и организации многих природных территорий своей страны, ее растительного и животного мира, вопросов появления жизни на Земле, роли живого, особенно зеленых растений в ее биосфере, приводили и к признанию важности космических факторов в детерминации многих ее явлений. Он правомерно называл биосферу космоземной оболочкой нашей планеты. Его по праву следует считать представителем естественнонаучной ветви русского космизма. Восприняв идеи космизма своих университетских учителей и ряда современных ему космистов, он достойно обосновывал и развивал русский космизм.

Литература

1. Баландин, Р.К. Ноосфера Земли. Прозрения и заблуждения Вернадского / Р.К. Баландин. – М. : Вече, 2017. – 288 с.

2. Карако, П.С. Философия и методология науки: В.И. Вернадский: учение о биосфере и ноосфере / П.С. Карако. – Мн. : Экоперспектива, 2008. – 304 с.

3. Берг, Л.С. Значение трудов В.И. Вернадского для географии / Л.С. Берг // В.И. Вернадский : pro et contra – СПб. : РХГИ, 2000. – С. 395–405.

4. Берг, Л.С. Воспоминания генетика / Л.С. Берг. – М. : Памятники исторической мысли, 2003. – 527 с.

5. Берг, Л.С. Труды по теории эволюции. 1922–1930 / Л.С. Берг. – Л. : Наука, 1977. – 387 с.

6. Платон. Сочинения : в 3-х т. / Платон. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3, ч. 1. – 687 с.

7. Берг, Л.С. История русских географических открытий / Л.С. Берг. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 296 с.

8. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1989. – 261 с.

9. Берг, Л.С. Избранные труды / Л.С. Берг. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. V. – 545 с.

10. Берг, Л.С. Жизнь и почвообразование на докембрийских материках / Л.С. Берг // Природа. – 1944. – № 2. – С. 28–35.

11. Шварцев, С.Л. Основы теории добавленного усложнения в биосфере Земли / С.Л. Шварцев // Вестник РАН. – 2019. – № 8. – С. 800–810.

12. Берг, Л.С. Географические зоны Советского Союза / Л.С. Берг. – М. : Гос. изд-во геогр. литры, 1947. – 307 с.

13. Вернадский, В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 2001. – 376 с.

14. Моисеев, Н.Н. Русский космизм и учение В.И. Вернадского о ноосфере / Н.Н. Моисеев // В.И. Вернадский : pro et contra. – СПб. : РХГИ, 2000. – С. 605–610.

15. Умов, Н.А. Собр. соч. / Н.А. Умов. – М., 1916. – Т. 3. – 666 с.

Белорусский государственный университет Поступила в редакцию 16.01.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 111.7:005.44

Человек «экономический» и «цифровой»: трансформация человеческой природы в условиях глобализации

В.К. Степанюк

Рассматривается проблема бытия человека в современном глобализирующемся мире. Представлены две концепции человека: человек «экономический» и «цифровой». Анализируется феномен современного цифрового общества, особенностью которого является разработка и использование новейших технологий. Обращается внимание на необходимость оптимизации взаимоотношения человека с изменяющейся природной и информационной средой, формирования регуляторных механизмов духовной культуры.
Ключевые слова: виртуальная реальность, глобализация, информатизация, коммуникация, постиндустриальное общество, цифровизация, человек.

The article deals with the problem of human being in the modern globalizing world. The author presents two concepts of man: «economic» and «digital». The phenomenon of a modern digital society is analyzed. The peculiarity of the society is the development and use of the latest technologies. The author draws the attention to the need of optimization of the relationship: man – changing natural and information environment. The formation of regulatory mechanisms of spiritual culture is considered as well.
Keywords: virtual reality, globalization, informatization, communication, post-industrial society, digitalization, man.

Во все времена мыслители пытались понять внутреннюю организацию человеческого существа, мотивы его деятельности, нравственные аспекты его поведения. Это объясняется тем, что за познанием природного и социального мира всегда стоит проблема бытия самого человека.

«Осмысление проблемы собственного бытия человека – это ключ к пониманию многих важных аспектов глобальной проблематики, начиная от кризисных ситуаций и противоречий между человеком и природой и кончая формированием ценностных установок людей, ориентированных в своей деятельности на снятие противоречий, устранение несоответствий между научно-техническим и социальным прогрессом, развертывание внутреннего богатства и творческих потенций человека как субъекта исторического процесса» [1, с. 169].

Несмотря на то, что в процессе исторического развития совершенствовались методы познания человека, менялись представления о человеческой природе, каждый раз перед исследователями возникали одни и те же вопросы. Что представляет собой человек? В чем состоит специфика человеческого бытия? Каково место человека в мире? Эти вопросы всегда оставались актуальными, поскольку, как отмечал И. Кант, «чрезвычайно важно для человека знать, как надлежащим образом занять свое место в мире и правильно понять, каким надо быть, чтобы быть человеком» [2, с. 204].

Осмысление проблемы человека позволяет лучше понять сущность изменений, происходящих в природе, обществе, духовной культуре. По утверждению А. Печчеи, «именно в человеке заключены источники всех наших проблем, на нем сосредоточены все наши стремления и чаяния, в нем все начала и все концы, и в нем же основы всех наших надежд» [3, с. 183–184].

Не менее актуальной данная проблема остается и в настоящее время. «С процессом глобализации, который представлялся важнейшим фактором устранения постоянных конфликтов и интеграции человечества, многие ученые и политики связывали надежды на достижение человечеством стадии толерантного единства, верховенства разумности и гуманности. Однако обретя небывалую власть над природой в результате достижений научно-технического прогресса, народы и государства в подавляющем большинстве так и не научились строить социально-политическое и естественное пространство собственного обитания и взаимоотношения на основе разума и нравственности, предвидеть пагубные последствия своих действий» [4, с. 201].

Современная глобализация пока еще находится на первоначальном этапе своего формирования, но ее существенные последствия для человека и человечества весьма радикальны и масштабны. Это вызывает состояние крайней растерянности человечества перед грядущими переменами. Вопреки утверждениям сторонников глобализации, в начале 21 в. мир оказался значительно беднее и несправедливее, чем полстолетия назад. Подтверждением данного тезиса являются увеличивающиеся тенденции углубления неравенства в мире. Многие социологи определяют современное состояние, в котором пребывает глобальный социум, как «общество риска». К создателям данной концепции относят таких известных ученых, как У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, О. Яницкий и др.

В качестве предельного основания происходящих в современном мире процессов начала выступать экономика. Человек становится преимущественно «экономическим» человеком (Homo economicus). Такой человек ориентирован изначально на прибыль, на экономический успех, на потребление материальных благ. Этим человеком легко управлять, манипулируя его сознанием и навязывая ему стандарты потребительского общества.

«Экономический человек – это автономный субъект деятельности, стремящийся к достижению утилитарной выгоды посредством рационального поведения в секуляризованном обществе. Экономический человек является позитивистом, который исходит из интуиции, что реальны только вещи, данные в эмпирическом опыте. Цели жизни позитивист видит в извлечении утилитарной выгоды здесь и сейчас» [5, с. 310].

Образ человека, основанный на принципе экономической деятельности, основным мотивом которой является получение материальных благ независимо от того, достигается ли оно с помощью гуманных средств или за счет прогрессирующего пренебрежения человеческим достоинством, возник с появлением капиталистической цивилизации. С одной стороны, отмечает В.М. Лейбин, «он как бы олицетворяет собой материальное благополучие человека, ориентированного в своей деятельности на экономическое процветание. С другой – характеризуется внутренней разорванностью, поскольку в нем все отчетливее проступает несоответствие между экономическими ценностями жизни и морально-этическими установками личности, не удовлетворенной существующим положением вещей» [1, с. 186].

Человек с иными целями и предпочтениями попадает в число неприспособленных и нерентабельных. Однако, по мнению А.С. Панарина, «ни один народ, ни одна культура не способны выжить, если в качестве господствующего мотива и императива выступает прибыль» [6, с. 120].

В настоящее время Homo economicus утрачивает свою былую привлекательность. Многие западные ученые вынуждены признать, что этот длительное время превалирующий в западной культуре образ человека основан на превратном истолковании человеческой природы, на абсолютизации экономической деятельности, отождествляемой с безудержной погоней за выгодой и наживой, и игнорировании других важных аспектов человеческой деятельности, основу которых составляют отнюдь не своекорыстные, эгоистические мотивы, интересы, побуждения. Материальные ценности безусловно значимы в жизни человека. Однако общество, ориентированное только на материальные ценности, не может в своем развитии не прийти к негативным последствиям.

«Гомогенизация человека означает, в конечном счете, обеднение человеческого мира в целом, ибо человечество в высокой степени гетерогенно, а дифференцированность способствует выживанию людей, образуя их спецификацию по роду и направлению занятий, дарований, способностей, качеств. Это помогает человечеству приспособиться к самому широкому спектру изменений в мире, для выживания ему нужны именно разные, неодинаковые люди» [7, с. 162].

До недавнего времени некоторые футурологи связывали свои надежды на улучшение качества человеческой жизни с утверждением постиндустриального общества. Предполагалось, что данный тип общества будет привержен постэкономическим ценностям, в нем радикально изменятся прежние методы и формы труда, будет максимально использоваться творческий потенциал работников, произойдет повышение роли знаний и т. п. Однако постиндустриализм явился продолжением техногенного типа развития.

Концепция постиндустриального общества связана с современной тенденцией развития цифровой экономики, отражающей результат прогресса в отраслях электронной промышленности и компьютерной техники, которые стали генераторами распространения информа-

ционно-коммуникативных технологий. Индустриальный мир создал искусственный мир техногенной структуры. «Экономический» человек вошел в эпоху цифровой революции, создавшей «цифрового» человека (Digital man).

Уклады традиционной экономики, которые сформировались в индустриальном и постиндустриальном обществах, взаимодействуют с формирующимся укладом цифровой экономики. Человек индустриальной экономики представляет информацию о чувственно ощущаемой физической реальности в определенных абстрактных моделях, к интеллектуальной работе с которыми он привык. Однако сущность реальности, с которой взаимодействует «цифровой» человек, радикально изменилась в сторону ее виртуализации. «Это означает то, что позитивистское мышление не может воспринимать виртуальную реальность. Между позитивистской моделью и цифровой реальностью существует разница. Позитивистская реальность выражает относительно самостоятельную форму вещи, которая внутренне присуща физическому существованию самой вещи. Виртуальная реальность скользит в сторону небытия (мнимости), так как она оторвана от Бытия и существует в знаковой (цифровой) форме в сознании человека, представляя собой симулякр, то есть некую копию отсутствующего оригинала вещи» [5, с. 312].

Особенностью современного цифрового общества является разработка и использование новейших технологий, которые применяются для создания различных систем. В результате реализации этих систем происходят значительные изменения в экономике, способах коммуникации, образовании и т. д. «Реальная виртуальность – это система, в которой сама реальность (материальное и символическое существование людей) полностью погружена в виртуальные образы. Такая коммуникационная система радикально трансформирует пространство и время – фундаментальные модусы человеческого бытия. В информационном обществе пространство и время как бы сжимаются, поскольку удаленные объекты становятся доступными почти мгновенно, и это дает не только психологический, но и важный социальный эффект, так как приводит к колоссальной экономии социального времени» [8, с. 136].

Внедрение цифровых технологий и созданных с их помощью продуктов (цифровых копий, веб-сайтов, интеллектуальных технических систем) способствует повышению производительности труда, снижению издержек, ускорению информационных процессов и т. д. Благодаря цифровизации происходят трансформации социальных институтов, появляются новые культурные практики, вырабатываются новые социальные нормы. «Внедрение цифровых технологий в школе или университете ставит вопрос о выработке новых форм и методов обучения, реорганизации учебного процесса, корректировке образовательных стандартов» [9, с. 108].

Информационная среда становится основной средой обитания современного человека. Однако процессы цифровизации не могут быть оценены исключительно позитивно. Многие государства в ходе реализации проектов цифрового общества сталкиваются с целым комплексом проблем. К числу этих проблем можно отнести: правовые (адаптация права к технологическим изменениям), социально-экономические (вытеснение человека из трудовых процессов вследствие внедрения искусственного интеллекта), технические (кибербезопасность), политические (использование цифровых данных в политических целях) и т. д. Поэтому так остро сегодня стоит вопрос о месте человека в цифровом мире.

Благодаря совершенствованию глобальных сетей, различных информационных систем, компьютерных коммуникаций появляются возможности для манипуляции общественным сознанием. Происходит целенаправленное психологическое воздействие на людей. Большую роль в электронном общении играют широко распространенные социальные сети. Они представляют широкий спектр возможностей, способный вытеснить ресурсы, внешние по отношению к ним. Данный вид общения считается более экономичным, так как позволяет осуществлять коммуникацию одновременно с несколькими людьми, общаться с друзьями, находящимися на значительном расстоянии и т. д.

Одной из ключевых сторон общения является социальная перцепция (восприятие человека человеком). В условиях интернет-общения данный процесс приобретает определенную специфику. Например, появляется возможность презентации собственного образа другим людям, можно указать в своем профиле информацию, не соответствующую действительности. «В

социальных сетях можно видоизменить или « приукрасить» биографию, добавив себе жизненного опыта, умения и компетенции вместе с мудростью, отзывчивостью или задушевностью, либо (как вариант) представить себя несправедливо пострадавшим рецидивистом» [10, с. 99].

Цифровая интернет-среда становится пространством, где можно безнаказанно выплеснуть негативные чувства и эмоции, ненависть, агрессию, гиперсексуальность. Вполне обоснованную тревогу вызывает увлечение отдельных групп молодежи компьютерными играми, пропагандирующими насилие и жестокость. Возможность управления социально-перцептивными процессами других пользователей Интернета приводит к манипуляциям: «флеймингу (грубость и оскорбления), троллингу (агрессия, издевка, подстрекательство), кибербуллингу (систематическая травля, провоцирование и терроризирование – обычно соученика, соседа или сослуживца – посредством Интернета), кибермоббингу (то же самое, осуществляемое группой людей), киберхарассменту (домогательства посредством Интернета), секстингу (обмен эротическими сообщениями и фотографиями, а в ряде случаев и широкая рассылка таковых)» [11, с. 122–123].

Одной из актуальных проблем современного информационного общества является проблема так называемых киберпреступлений, в результате которых происходит несанкционированный доступ к базам данных финансовых организаций и промышленных корпораций.

В настоящее время Республика Беларусь, как и подавляющее большинство государств, также взяла курс на построение цифрового общества. «Виртуализация культуры, экономики, политики, – отмечает Я.С. Яскевич, – требует философско-методологического осмысления разнообразных проблем информационного общества, статуса и роли сетевой философии, разработки ее этических аспектов, механизмов формирования сетевой культуры в контексте принципов и подходов информационно-электронного общества, динамики социокультурной и национальной идентичности, экзистенциальных поворотов личностного бытия» [12, с. 58].

Для успешной реализации процессов цифровизации в Республике Беларусь необходим многосторонний анализ нового этапа научно-технического развития страны. Чтобы сберечь базовые ценности, позволяющие сохранять баланс общества и природы, выживать и развиваться дальше, обеспечивать комфортное существование человека, необходимо системное восприятие новых феноменов цифрового мира, формирование регуляторных механизмов духовной культуры.

Литература

1. Лейбин, В.М. «Модели мира» и образ человека / В.М. Лейбин. – М. : Политиздат, 1982. – 255 с.

2. Кант, И. Наблюдение над чувством прекрасного и возвышенного / И. Кант //Соч. : в 6 т. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2. – С. 126–224.

3. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М. : Прогресс, 1980. – 302 с.

4. Степанюк, В.К. Современное общество: синтез гуманитарно-культурных и научно-рациональных стратегий развития / В.К. Степанюк // Системная трансформация общества: инновации и традиции : сборник научных трудов. – Брест : УО «БГТУ», 2012. – Вып. 9. – С. 201–204.

5. Усоский, В.Н. Цифровая экономика и манипулирование цифровым человеком / В.Н. Усоский // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания : материалы Третьей Международной научной конференции, Минск, 15–16 ноября 2018 г. : в 3-х т. – Мн. : Четыре четверти, 2018. – Т. 2. – С. 310–313.

6. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М. : Русский Национальный Фонд, 2000. – 382 с.

7. Попова, Р.В. «Экономический человек» глобализованного мира: перспективы и альтернативы / Р.В. Попова / Системная трансформация общества: инновации и традиции : сборник научных трудов. – Брест : УО «БГТУ», 2011. – Вып. 8. – С. 160–163.

8. Лученкова, Е.С. Основные аспекты и гуманитарные риски глобализации / Е.С. Лученкова, А.П. Мядель // Системная трансформация общества: инновации и традиции : сборник научных трудов. – Брест : УО «БГТУ», 2012. – Вып. 9.– С. 135–139.

9. Никулина, Т.В. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление / Т.В. Никулина, Е.Б. Стариченко // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 8. – С. 107–113.

10. Войскунский, А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях / А.Е. Войскунский // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 2. – С. 90–104.

11. Войскунский, А.Е. Познание и коммуникация – вызовы современности / А.Е. Войскунский, М.Ю. Солодов // Философские науки. – 2018. – № 4. – С. 114–129.

12. Яскевич, Я.С. Сетевая философия как предмет методологической рефлексии в контексте вызовов информационного общества / Я.С. Яскевич // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2017. – № 1. – С. 57–62.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 16.04.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

*УДК 141.78:930.1(492)«20»*Ф.Анкерсмит*

Нарративная философия истории: 6 тезисов Ф. Анкерсмита и Х. Уайта

В.В. Цацарин

В статье рассматриваются тезисы нидерландского философа Ф. Анкерсмита, посвящённые его видению нарративистской философии истории. Показана их взаимосвязь с поэтологической теорией Х. Уайта. Оспорен имеющийся взгляд на противоположность систем и взглядов на историю названных мыслителей. Проанализированы тезисы Анкерсмита по нарративистике. Показаны трудности исторического исследования при его опоре только на эпистемологические моменты.
Ключевые слова: интерпретация, исторические исследования, нарратив, поэтологическая философия истории, историческое понимание.

The article deals with the theses of the Dutch philosopher F. Ankersmit. They are devoted to his vision of the narrativistic philosophy of history. Their relationship with the poetological theory of H. White is shown. The existing view on the opposite of systems and views on the history of these thinkers is disputed. Ankersmit's theses on narrativistics are analyzed. The difficulties of historical research are shown when supported only on epistemological moments.
Keywords: interpretation, historical research, narrative, poetological philosophy of history, historical understanding.

Историческое прошлое – вечная тема культурной рефлексии. И проблема многомерности, вариативности исторических интерпретаций освещена в философии. Способов рассмотрения также имеется несколько. Рассмотрим здесь так называемый лингвистический поворот в философии истории, который поставил вопрос о родственности исторического исследования не науке, а искусству.

Франклин Рудольф Анкерсмит – современный нидерландский философ, профессор интеллектуальной истории и исторической теории в Университете Гронингена. Справедливо считается одним из мэтров современной философско-исторической мысли. Кроме того, в нашей отечественной традиции его называют чуть ли не главным критиком нашумевшей теории нарративистики (или поэтологической философии истории) американского мыслителя Хейдена Уайта.

В своё время книга Уайта «Метаистория» [1] стала своего рода бомбой, взорвавшей спокойную жизнь историков (конечно, только тех из них, кто интересовался не только своей непосредственной исследовательской деятельностью). Уайт не просто провёл аналогию между деятельностью историка и литератора, но даже не побоялся проанализировать исторические тексты, а также произведения некоторых философов истории, с точки зрения филологической теории тропов. Негодование историков и философов истории, стоявших на позиции абсолютной научности исторической деятельности, подобным подходом несколько отодвинуло на задний план иные идеи «Метаистории», в частности, применимость к анализу исторических произведений системы префигурации. По Уайту, на создание исторического произведения существенное влияние оказывают ненаучные по своей сущности моменты, которых придерживается историк: тип формального доказательства, тип идеологического подтекста и тип построения сюжета.

История со времён знаменитой классификации наук О. Конта стремилась доказать свою научность. Основатель позитивизма ещё в позапрошлом веке решил, что историческое исследование не открывает общих законов и пытается решить метафизические по своей сущности проблемы. А так как решить их невозможно, то и тратить время на это не стоит. Большинство существовавших тогда наук от метафизики очистить ещё можно было, но не историю. Поэтому последнюю Конт предложил заменить на социологию – науку об общих законах развития общества, своего рода «историю без дат и имён».

Анкерсмит в своих работах во многом не соглашался с Уайтом. Возможно, поэтому его стали считать его противником. Но в вышедшей в 1994 г. книге «История и тропология: взлёт и падение метафоры» он сам отрицает данный момент. Анкерсмит не называет себя последователем американского философа, но прямо выражает ему благодарности за многие идеи, в том числе и выраженные в «Метаистории».

Кроме того, если вникнуть в знаменитые тезисы по нарративной философии истории, то влияние Уайта в них очень хорошо видно. Во всяком случае, противоположность взглядов «поймать» сложно. Рассмотрим некоторые из пунктов в переводе российских специалистов, изданном в 2009 г. [2]. Сам Анкерсмит утверждал, что эти тезисы отражают смысл его первого серьёзного издания 1983 г. (Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language).

Первый тезис связывает нарратив и интерпретацию. Анкерсмит ставит интерпретацию выше объяснения. При этом исторические нарративы – это не совсем рассказы. А историзм (но не попперовский историцизм) – золотая середина между сциентистской философией истории и поэтологической [2, с. 69–70]. Важность интерпретации в историческом сочинении оспорить невозможно. Хотя Л. Ранке требовал просто описывать всё так, как было на самом деле, но историк не может быть простым летописцем хотя бы потому, что даже летописцы давали оценку событиям. Как минимум тем, что об одних писали пространно, о других – кратко, а ещё о некоторых могли и не упомянуть. Но сводить исторические тексты только к интерпретации прошлого, тем более, противопоставлять её объяснению не стоит. Подход Уайта трактует деятельность историка шире, включая и объяснение, и оценку событий.

«Историзм является совершенной теорией истории, если он из теории об исторических явлениях преобразуется в теорию о том, как мы говорим о прошлом» [2, с. 72]. «Нарративные интерпретации применяются к прошлому, а не соответствуют ему и не указывают на него» [2, с. 73]. Чуть ниже Анкерсмит утверждает, что множество исторических интерпретаций прошлого – явление не просто возможное, но чуть ли не необходимое. Ведь язык нарратива не показывает прошлое в чистом виде. Это только интерпретации, а они могут быть различными. Этот тезис хорошо дополняется уайтовским делением историков на формистов, механицистов, органицистов, радикалов, консерваторов и пр. Выбор интерпретации или выбор типа доказательства, построения сюжета, идеологического подтекста с чисто научных позиций объяснить будет очень сложно, либо вообще невозможно. Если не вести речь о чисто конъюнктурных мотивах, а рассуждать о истинно профессиональном «научном» исследовании, то историк будет убеждён в правильности выбранной интерпретации, или типа идеологического подтекста его произведения (научного трактата), построения сюжета и т. п. И здесь мы приходим к идее правильности такой культурной многомерности. И дело даже не в том, что в споре рождается истина. Само наличие разных подходов к пониманию, осмыслению и подаче истории можно, конечно, рассматривать как изъян, отход от верной линии. События, действительно, произошли когда-то определённым образом. Вариативности быть не могло, в том смысле, что Цезарь или перешёл Рубикон, или не перешёл. Но уже современники данного события понимали его по-разному. В Цезаре могли видеть спасителя Республики, а могли и узурпатора неограниченной власти. И чья интерпретация истинна? Историческая дистанция между теми событиями и современным историком, с одной стороны, как писали приверженцы герменевтики, позволяет лучше понять. С другой, – ещё более запутывает дело, так как возникает проблема, например, достоверности источников.

Анкерсмит относит требования эпистемологии не к написанию исторических работ, а только к их интерпретации. Этот подход представляется ещё более серьёзным, чем уайтовская тропология. Далее отмечается, что любое философское оправдание возможности исторических исследований – это имплицитное отрицание «интеллектуальных достижений историка» [2, с. 74]. В принципе, многие профессиональные историки могут согласиться с тем, что их становление и развитие как специалистов проходило без активного участия теории научного познания. Следовательно, мы снова возвращаемся к тому вопросу, который поставил Уайт: научны ли основания деятельности историка. Традиционная методология научного познания в исторических (и даже шире – в гуманитарных) исследованиях практически не-

применима. Неклассические трактовки также встречают трудности с точки зрения подходов историка. Не получив «поддержки» в эпистемологии, последний строит свои сочинения на ненаучных основаниях. Эти основания можно называть нарративистскими интерпретациями, можно типом построения сюжета – вопрос выбора термина.

Нарративные интерпретации связываются Анкерсмитом с метафорой. Хотя бы в том, что они «пересекают привычную границу между областью вещей и областью языка» [2, с. 75]. Здесь также можно проследить схожесть позиций нидерландского и американского мыслителей, ведь Уайт много внимания уделил исторической тропологии. Анкерсмит чётко отделяет высказывания о прошлом и интерпретации прошлого. Исторические факты при этом подтверждают или опровергают высказывания, но не интерпретации [2, с. 75–76]. А опровергнуть интерпретацию может только интерпретация.

Анкерсмит не допускает единственно верной исторической интерпретации: «Если мы имеем только одну историческую интерпретацию некоторой исторической темы – значит, мы не имеем никакой интерпретации» [2, с. 79]. Здесь также заметно сходство позиций Анкерсмита и Уайта. Она прослеживается ещё лучше, если вернуться к более раннему тезису: «С наиболее важными и интересными интеллектуальными вызовами историк сталкивается на уровне исторического письма (выбор, интерпретация, способ видения прошлого)» [2, с. 71]. Следовательно, историк может выбирать, в чём и проявляется вариативность исторического познания, вариативность исторических исследований. То же и у Уайта: историк префигурирует объекты исторического поля и выбирает тип построения сюжета своего произведения, тип формального доказательства, которого он придерживается и тип идеологического подтекста, который будет присутствовать в тексте. То, что Анкерсмит объединяет в понятии «интерпретация», Уайт разделяет на составляющие элементы. Ведь философские словари определяют интерпретацию как приписывание значений исходным выражениям. Получается, что историк имеет в качестве исходных значений некоторые факты о прошлом. К ним в качестве практически равноправных значений добавляются интерпретации (мнения, теории, концепции) других историков, так как он не является первым историком. Что касается последних, то их можно разделить на приемлемые для исследователя (с ними он в той или иной мере согласен, поэтому опирается на них, может приводить в качестве аргументов своего построения) и на те, которые представляются ему неприемлемыми (с ними историк в лучшем случае не соглашается, спорит, в худшем – «не замечает», игнорирует). Проблема истории (или её преимущество) состоит в том, что известные нам факты о прошлом также можно рассматривать как некие интерпретации, ибо никакой историк не наблюдает непосредственно то, о чем повествует. Это справедливо даже в том случае, когда его исследование касается событий, которые произошли при его жизни и частью которых он даже был сам. В последнем случае, вообще, сложно быть «объективным», причём, как минимум, по двум причинам: 1) наша память не запечатлевает события со всей отчётливостью и надолго, мы можем быть уверенными, что всё произошло именно так, как мы помним, хотя у других очевидцев могут быть и отличные от наших воспоминания (именно поэтому использовать в исторических работах мемуары очень сложно и опасно); 2) историческая дистанция от произошедших событий слишком мала, поэтому оценить масштабность и значимость того или иного события непросто. Приведём пример. После прекращения существования СССР и подписания соглашения об образовании СНГ Минск стал его столицей. Могло показаться, что это принесёт Беларуси дополнительные дивиденды. Однако на теперешнюю ситуацию таковых не заметно. Возможно, данное межгосударственное образование обретёт «второе дыхание», и все плюсы ждут страну ещё впереди, но с позиций современности восторженные описания событий тех дней вызывают только улыбку.

Что касается уайтовского подхода к деятельности историка, то он так же, как и Анкерсмит, не только оправдывает, но и постулирует исторический плюрализм. Однако, как уже сказано выше, он как бы разделяет интерпретацию на составляющие элементы (о полноте такого разделения здесь рассуждать не будем). Как минимум половина его «Метаистории» посвящена рассмотрению работ историков и философов, которые придерживались разных

типов доказательства, идеологического подтекста и построения сюжета. И ни одной позиции преимущества не отдаётся. Ни прямо, ни имплицитно Уайт не объявляет, что контекстуализм, например, лучше показывает прошлое, чем формизм или, что сатира удобнее при написании исторических произведений, чем трагедия.

Как же возможны различные исторические интерпретации, если они посвящены событиям, которые (и это несомненно) произошли одновариантно? Ведь невозможно, чтобы одно и то же событие произошло и не произошло или произошло одновременно по-разному. Анкерсмит отмечает, что «нарративные интерпретации не имеют никакой экзистенциальной нагрузки» [2, с. 76]. Это некий инструмент для понимания прошлого. Он упоминает исторические термины «маньеризм», «промышленная революция», «холодная война» и говорит о них не как о реальных явлениях в прошлом, а как об интерпретациях, то есть вариантах объяснения того, что случилось. Историки не описывают, а объясняют прошлое. Поэтому множественность здесь естественна. «Историческое письмо не предполагает, но имеет своим результатом определения» [2, с. 77]. «Высказывания, составляющие исторический нарратив, всегда имеют двойную функцию: они 1) описывают прошлое, и 2) определяют или индивидуализируют конкретную нарративную интерпретацию прошлого» [2, с. 78]. Поэтому Анкерсмит и утверждает, что исторический нарратив автономен относительно исторической реальности. Следовательно, справедливым выводом будет возможность появления в новом историческом нарративе «нового значения».

И всё же Анкерсмит отрицает «историческую анархию», то есть ситуацию абсолютной равнозначности всех имеющихся и возможных исторических интерпретаций. Понимание истории, по его мнению, «рождается только в пространстве между конкурирующими нарративными интерпретациями и не может быть отождествлено с какой-либо конкретной интерпретацией или их совокупностью» [2, с. 79]. Рассуждая далее об историческом понимании, он объявляет его стереоскопичным, образующимся «в ходе и посредством», но не благодаря конкретной стадии исторической полемики. То есть истина рождается в споре, но этот спор вечен, а результат его на каждом этапе – лишь приближение к истине или отдаление от неё. Историография, по Анкерсмиту, не сводит неизвестное к известному, а стремится отчуждить то, что представляется привычным и познанным. Действительно, историк вряд ли будет тратить своё время на написание работы, в которой полностью согласится с мнениями своих предшественников и современников, разве что найдёт для подтверждения данной позиции новые данные. Но и последний вариант – это полемика с теми, кто потенциально придерживается иных интерпретационных позиций. Любая стоящая работа по истории – это стремление по-новому осветить события, высказать свою точку зрения, во многом отличную от взглядов (интерпретаций) других историков. И именно в этом заключается её ценность.

Таким образом, позицию Анкерсмита в философии истории не стоит противопоставлять позиции Уайта. Уайт дал Анкерсмиту (как и многим другим мыслителям) тему и материал для размышлений, показав иную сторону деятельности историка по сравнению с той, которую стремились сделать главной приверженцы позитивистских трактовок науки. Анкерсмит не опроверг и не столько дополнил Уайта, сколько высказал свои идеи касательно поднятых американским философом проблем. С одной стороны, можно сказать, что он объединил уайтовские факторы (тип построения сюжета, тип формального доказательства, тип идеологического подтекста) в единое понятие исторической нарративной интерпретации. С другой, – интерпретация, даже понимаемая таким образом, всё же не сводится к совокупности названных факторов. Поэтому Анккерсмит размышлял и о тех моментах исторической деятельности, о которых «Метаистория» умалчивает. Некоторые аспекты трактовки интерпретации и исторического понимания тезисы Анкерсмита относят в разряд некой интуиции. Скажем, таковыми видятся его идеи об историческом понимании, возникающем между разными нарративными историческими интерпретациями. Если понимание «между», то кто его формулирует? И чем это формулирование отличается от ещё одной нарративной исторической интерпретации? Скорее всего, преувеличивать значимость интерпретации в истории и роль самой анкерсмитовской теории не стоит. Однако многие моменты в ней явно заслужи-

вают доверия. По многим сюжетам исторического прошлого историк действительно не придерживается однозначной позиции, связанной с некой конкретной интерпретацией (концепцией). Что-то он считает истинным в одной трактовке, что-то в другой. И основания подобного доверия во многом интуитивны (во многом они связаны и с предлагаемой авторами интерпретаций аргументацией). Интуиция используется в науке, но больше относится к ненаучным основаниям. А это снова отсылает к теории Уайта.

Литература

1. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург : Издательство Уральского ун-та, 2002. – 527 с.

2. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 08.05.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (121), 2020

УДК 141:004.9

Актуальные контексты и проблемы информационной философии и этики

В.Н. Яхно

Стремительно развивающиеся информационные технологии повлияли на процесс становления таких новых отраслей философского знания как философия информации и информационная этика. Кроме проблем, непосредственно связанных с развитием Интернета, например, неравный доступ к информации, вредоносные программы и другое, актуальным содержанием философии информации и информационной этики стали фундаментальные моральные ценности, среди которых справедливость, ответственность, конфиденциальность, личная свобода.
Ключевые слова: информация, информационная этика, философия информации, информационные технологии, поисковые системы, социальные сети, моральные ценности.

Philosophy of Information and Information ethics is a new branch of studies in philosophy science, influenced by rapid development of informational technologies. It includes quite new problem areas related to the advance of the Internet – for example, digital divide or illicit use of informational technologies, malware, etc. The current content of informational ethics has become fundamental moral values such as justice, responsibility, confidentiality, personal liberty.
Keywords: information, information ethics, philosophy of information, information technology, Internet search engine, social network, moral values.

Стремительное развитие информационных технологий и формирование «общества знаний» сделало популярным технооптимистическое мировоззрение. Его успех связан не только с верой в технические преобразования и экономические возможности будущего, но и с футуристическими программами построения общества, где, возможно, могут быть преодолены социальные недостатки, создан высокий уровень комфортности человеческого существования и восторжествуют идеалы гуманизма. Однако экономические и технико-технологические достижения, формирование новых мировоззренческих позиций и переоценка ценностей – процесс длительный и сложный. Ответом на трудности переформатирования социума всегда было появление новых отраслей знания, которые пытаются понять и объяснить актуальные тенденции. Для современной философии – это философия информации и информационная этика, которые призваны осмыслить феномен информационной революции и обозначить новые аксиологические основания происходящих перемен.

Объектом данного исследования являются актуальные проблемы философии информации и информационной этики, цель – анализ актуального этического знания и моральной практики в контексте быстро развивающихся современных компьютерных и информационных технологий. Для реализации намеченного автор стремится прояснить специфику новых моральных затруднений и выявить степень актуальности и востребованности новых правил нравственности для современных форм коммуникации. Основными источниками для написания статьи послужили работы зарубежных, отечественных и российских мыслителей: Дж. Дьюи, Н. Винера, Д.У. Сандерса, Л. Флориди, а также Д.Г. Добророднего, И.Ю. Алексеевой, Г.В. Хлебникова, А.Е. Войскунского, В.И. Бакштановского и других.

Информационные технологии глубоко проникли в жизнь современных людей в таких формах, как персональный компьютер, интернет-технологии, смартфоны, робототехника, искусственный интеллект и многое другое. Все они через приложения и операционные системы программного обеспечения «взаимодействуют» с человеческими пользователями и открывают для них, в том числе, и новые варианты взаимодействия друг с другом. Информационные технологии используются для записи, общения, организации и синтеза информации и многого другого. Пользователь понимает информацию как любые полезные данные, инструкции или содержание сообщения. Само слово «информация» буквально означает «дать форму» или формировать свои мысли: латинское in-fōrmo переводится: придавать вид, формировать, образовывать, обучать, воспитывать, мыслить, воображать [1, с. 399].

Философия информации и информационная этика – новые, находящиеся в стадии становления направления философского знания. Их области исследования пока четко не определены, но прежде всего они связаны с анализом феномена информации. Отечественная и российская научная периодика, как правило, опирается на позицию автора термина «философия информации», специалиста в области философии техники Флориди и данную область исследований определяет как философское направление, связанное с критическим исследованием природы и основных принципов информации, а также с применением информационно-вычислительных методологий для решения философских проблем. Американские мыслители философию информации рассматривают скорее как техническую дисциплину, истоки которой в истории философии, методологии, эпистемологии и этике. Какой бы ни была интерпретация природы философии информации, она, кажется, подразумевает амбициозную исследовательскую программу, состоящую из многих проектов, варьирующихся от переосмысления истории философии в контексте современных теорий информации, до углубленного анализа роли информации в науке, гуманитарных науках и обществе в целом. Информационная этика, в свою очередь, выстраивает рефлексию моральных аспектов происходящих перемен.

Как же связаны феномен информации и информационные технологии с философией и моралью? Так как информация, в широком смысле, это любой объем данных, код или текст, который хранится, отправляется, получается или используется в любой среде, то практически каждый поступок современного человека связан с информацией, любая активность оставляет «информационный след». Мы постоянно обращаемся к новым знаниям, оставляя список веб-сайтов, которые посетили, совершаем банковские операции и «экономические сделки», ищем ответы на все возможные вопросы в интернете, определяем геолокацию и даже количество шагов или употребленных калорий. Современные гаджеты позволяют быстро и удобно собирать и хранить любому пользователю все свои данные и необходимые сведения. По мере совершенствования автоматизации сбора данных пользователь неизбежно задается вопросом: кем и как контролируются эти данные, может ли копироваться цифровая информация без требования удаления предыдущей копии и т. п. Результатом возникающих проблем стали исследования американских «компьютерных профессионалов» и размышления философов о «моральном праве», «моральной ответственности» в эпоху информационной революции, появление таких терминов, как «этический надзор» (Ethical Surveillance), проектирование сфер «информационного правосудия» (Informational Justice), составление правил «нетикета» и многое другое [2]–[4].

Обращаясь к истории философии, убеждаешься в том, что переход от одной информационной парадигмы к другой всегда вызывал споры этического содержания. Всем известна принципиальная позиция Сократа не записывать свою философию, а многие его ученики отмечали, что он вообще никогда ничего не писал. Сократ жил в период длительного по времени перехода от устной традиции к новой информационной технологии – записыванию слов, информации в свитки, книги и далее «собирания» этих сочинений. В диалоге «Федр» Сократ говорит: «…довольно говорить об искусном и неискусном составлении речей! Остается разобрать, подобает ли записывать речи или нет, чем это хорошо, а чем не годится…». И далее он предлагает Федру совсем уж понятное и актуальное замечание о роли письменных источников: «В души научившимся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами…» [5, с. 185–186]. Получается, для Сократа в письменной информации есть что-то неправильное, обманчивое, аморальное. Книги помогают человеку получить информацию, но они не могут «сделать» его мудрым и научить его глубоко проникать в смысл информации, понимать её. Для философа необходим диалог, живое общение и обмен знаниями. Если попытаться осовременить рассуждения Сократа и понять его беспокойство, возможно, стоит отметить, что современные информационные технологии должны не только предоставлять информацию, но должны способствовать воспитанию мудрости, образовывать и быть совместимы с моральными ценностями. Будет ли современная информационная парадигма соответ-

ствовать данным тенденциям? Пока стремительные изменения в сфере информационных технологий, с одной стороны, и традиционно неспешный процесс политико-правовых изменений в социуме, с другой, демонстрируют лишь наличие довольно острых дискуссий относительно морального и правового регулирования и решения проблем, которые требуют нового социального контракта, который сможет гарантировать каждому право на реализацию «собственного человеческого потенциала».

Современный мир – это мир богатый данными (Big Data) и технологиями для производства, записи и хранения огромных объемов этих постоянно растущих показателей и сведений. Контроль над этой информацией – это, безусловно, власть и для современной цифровой экономики это может быть формой политической власти. Социальные институты, которые традиционно реализуют властные функции – госучреждения, банки, медицинские организации, школы, университеты, библиотеки и многое другое – имеют доступ к хранимой информации. Эти знания предоставляет им определенный спектр полномочий по отношению к своим гражданам, клиентам или избирателям, и современное государство активно использует такую возможность. Поэтому крайне важно, чтобы сбор, хранение и доступ к информации опирался на принципы социальной ответственности, законности, справедливости и в интересах всех заинтересованных сторон. Иначе возникающие этические затруднения будут порождать различного уровня конфликты. Справедливости ради, стоит заметить и то, что сегодня каждый гражданин имеет доступ ко все большему количеству хранимой информации, которую он может использовать, не обращаясь без необходимости к посредникам а, следовательно, также может обладать большей долей индивидуальной свободы и социальной власти.

Очень важным достижением современных информационных технологий является то, что сбор, запись, хранение информации становятся очень легкими, доступными, практически автоматическими. Результаты данного достижения можно оценивать амбивалентно. Например, позитивная мода на здоровый образ жизни привела к тому, что все большее число людей вводит свои биометрические данные в свои смартфоны. Такой тип сбора данных может стать практически полностью автоматизированным в ближайшее время, так как это очень удобно для владельца телефона – фактически в любой момент он может, например, узнать показатели кровяного давления или геолокации и многое другое. Но, если эта информация попадет в чужие руки – это может стать серьезным нарушением конфиденциальности. Еще пример, запись и хранение информации на основе облачных технологий. Хранить информацию в «облаке» означает, что данные хранятся на устройстве, удаленно расположенном от пользователя, который не владеет и не управляет данным устройством. Удобно то, что данные могут быть доступны пользователю в любое время и с любого устройства. Такая простота доступа приводит к тому, что отношение к собственным данным для многих становится не столь значимым в сравнении с возможностью быстро получить необходимую информацию. Поскольку персональные данные имеют решающее значение для защиты, третьи стороны, предлагающие «облачные» услуги, должны опираться на «информационное правосудие» и «этический надзор», защищать право на неприкосновенность частной информации. Таким образом, информационная этика должна опираться и на такие традиционные убеждения, как доверие, справедливость, правдивость информации.

Информация о пользователях сегодня стала основным товаром в цифровом мире, позволяя создавать огромные состояния таким корпорациям, как Google или Facebook. Полезность этих интернет-поисковых компаний невозможно переоценить. Собственно, получая доступ к тем или иным бесплатным приложениям, мы и осуществляем обмен наших индивидуальных данных на предлагаемые нам услуги. Основной компонент модели прибыли для этих компаний основан на «направленной» рекламе, где информация, собранная на пользователя, используется для того, чтобы помочь определить конкретное наполнение рекламы, которая будет наиболее эффективной для того или иного конкретного человека. Это делается на основе анализа истории поиска пользователя и других «поступков» его онлайн-поведения. Многие считают Google идеальной поисковой системой, так как она обеспечивает только «интуитивно понятные» и персонализированные результаты, но именно в этом случае поиск перестает быть универсальным. Видимо, стандартного поисковика Google больше не существует. В этой связи, интересен опыт использования технологии Cookies. Эти файлы не толь-

ко встроены в дизайн современных веб-браузеров, но как раз и используются крупными поисковыми компаниями для получения информации о пользователях, благодаря так называемому «информированному согласию». Возможна и иная позиция: приватность очень важна, но проконтролировать всю информацию, что каждый день производит пользователь невозможно, потому небольшие потери заслуженно компенсируются огромными данными, что ежедневно получает каждый человек. Как утверждает Стивен Леви, автор знаменитой книги «Хакеры: герои компьютерной революции» (многие считают эту публикацию манифестом хакер-этики), компьютеры должны быть в зоне свободного доступа и децентрализованы в целях содействия «улучшению мира» и распространению социальной справедливости [6].

Современные информационные технологии демонстрируют противоречие двух тенденций: приверженность базовым ценностям безопасности и защищенности, которые были предусмотрены еще на этапе разработки этих технологий, с одной стороны, и моральных ценностей совместного пользования интернет-ресурсами и открытости, которым могут следовать разработчики этих технологий, с другой. Играющие все более значимую роль в современном мире социальные сети – яркий тому пример. ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Instagram, Twitter и другие сети настолько популярны, что все большее число людей стали тратить значительную часть своей жизни, общаясь друг с другом посредством Интернета. Социальные сети реально являются важной частью существования человечества, и это совершенно новый образ жизни. Огромное количество людей собираются на сайтах и коммуницируют с друзьями – старыми и новыми, реальными и виртуальными. Феномен интернета предлагает захватывающий опыт взаимодействия с другими людьми в виртуальных мирах, где среда построена полностью из информации. Только сейчас на сцену выходят технологии, которые позволят нам объединить реальное и виртуальное. Социальные сети меняют наш образ жизни и даже бросают вызов нашим представлениям, например, о любви или дружбе. Если Аристотель в «Никомаховой этике», анализируя дружбу, пишет о ней как о необходимом условии «общей жизни» и подчеркивает необходимость наличия для друга таких качеств, как взаимность, сочувствие, честность, терпение и др. [7], то обладание такими добродетелями в социальных сетях проблематично и необязательно. Тем не менее, мы должны констатировать, что социальные сети не только формируют новую этику отношений, но непосредственно влияют на трансформацию современной культуры, что не раз подчёркивал в своей философии приверженности социальным ценностям создатель Facebook М. Цукерберг. Так, в своем письме к акционерам от 1 февраля 2012 г. он писал: «В Facebook мы создаем инструменты, помогающие людям делиться мыслями и чувствами с теми, с кем они хотят. Facebook стремится к тому, чтобы создавать сервисы, которые дадут людям возможность распространять все, что угодно и помогут им влиять на разные сферы жизни. Помогая людям формировать эти связи, мы надеемся перемонтировать способ распространения и потребления информации. Мы считаем, что мировая информационная инфраструктура должна напоминать социальный график «сети», построенной снизу вверх или структуры сверху вниз, одноранговой, а не монолитной как та, что существовала до сегодняшнего дня. Мы также считаем, что предоставление пользователям контроля над тем, что они распространяют, является основополагающим принципом происходящих изменений» [8].

Этические вопросы, связанные с доступом к информации, особенно остро заявляют о себе, когда речь идет о получении доступа к секретным знаниям, защите интеллектуальной собственности, онлайн-терроризме, о политически мотивированных взломах (так называемый хактивизм). Кроме того, нельзя не упомянуть проблему обеспечения технологической анонимности как для пользователей, так и для тех, кто предоставляет доступ к информации. Анонимность и простота доступа интернет-платформ часто обеспечивают тиражирование «фейковых новостей», создавая условия для кибермошенничества и киберпреступлений.

С удивительной скоростью развиваются компьютерные вирусные угрозы, вредоносные программы, программы-шпионы. А когда они создаются государственными субъектами, мы входим в мир информационной войны и нового набора моральных проблем. Сегодня каждая развитая страна в мире ежедневно подвергается кибератакам. Недаром в США, начиная с программного документа 2003 г. Д. Аткинса, было провозглашено о создании киберинфраструктуры. В настоящее время приставка «кибер» более всего применяется в военно-

политическом контексте, как то кибервойны, киберкоманда, кибершпионаж, киберполицейские, кибератака, кибербуллинг и т. п. Интересный факт: ВВС США изменили свою миссию, дополнив ее следующими словами «летаем, сражаемся и побеждаем ... в воздухе, пространстве и киберпространстве». Согласно современным исследованиям, в ближайшие десятилетия, скорее всего, будет больше кибер-оружия, развернутого государственными субъектами вдоль известных политических линий разлома. Моральная задача здесь состоит в том, чтобы определить, когда эти нападения можно считать достаточно серьезным вызовом суверенитету нации, чтобы оправдать военные реакции и реагировать на них оправданно и этично [9, с. 88]. Главной моральной задачей информационной войны является определение того, как использовать оружейные информационные технологии таким образом, чтобы выполнять обязательства по справедливой и правовой войне. Но война уже является сомнительной с моральной точки событием, потому было бы предпочтительнее, если бы информационные технологии использовались только для того, чтобы уменьшить насильственные боевые действия.

Следующая серьезная проблема философии информации и информационной этики связана с использованием искусственного интеллекта. Впервые значимость исследования данного вопроса отметил еще Н. Винер в книге «Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество». Он фактически предвосхитил актуальные сегодня дискуссии относительно необходимости формировать такие специальные разделы прикладной этики, как информационная этика и киберэтика. Сегодня никто не будет оспаривать тезис о том, что ЭВМ может научиться делать суждения лучше человека, учитывая результаты предыдущих решений, которые она принимала. Такой вид машинного обучения и прогнозирования основан на сложной логике и математике, эта сложность может привести как к забавным для человека, и ошибочным прогнозам, так и к значительно более сложным и реально насыщенным событиям. Например, программа может интерпретировать данные о личности на основе информации о друзьях и знакомых, последних покупках и других легкодоступных социальных данных, которые далее приведут к ошибочной классификации образа этого человека в качестве, например, потенциального террориста или мошенника и, тем самым, изменить его жизнь в абсолютно негативном направлении. Все зависит от дизайна алгоритма обучения и прогнозирования, которые, как правило, держатся в секрете, а потому достоверность прогноза вероятностна и трудно обосновывается.

Кроме Винера важным источником формирования прикладных направлений в области современной этики был американский прагматизм. В начале двадцатого века Джон Дьюи предложил теорию исследования, основанную на инструментальном использовании технологии. Философ опирался на понимание технологии в широком смысле: как совокупность не только механизмов, инструментов и машин, но и информационных систем, таких как логика, законы и даже язык. Дьюи утверждал, что мы находимся в «транзакционных» отношения со всеми этими технологиями, в рамках которых мы обнаруживаем и строим наш мир. Это точка зрения позволяет современным ученым продвигать идею о том, что информационная технология морали и этики не является невозможной. А также позволяет нам серьезно относиться к идее о том, что отношения и соглашения между человеческими агентами и технологиями, людьми и артефактами, имеют важное онтологическое сходство. Хотя Дьюи мог лишь прогнозировать грядущую революцию в информационных технологиях, его философия – это теория, которая актуальна, так как он предположил, что этика должна быть не только теорией, но и практикой и решение проблем в этике, может быть аналогичным решению проблем, например, в алгебре. Если он прав, то возникает оригинальная возможность признать, что этика и мораль являются вычислительными проблемами. Как следствие должна быть возможность создания информационной технологии, которая позволит воплощать моральные системы мышления.

Какие выводы возможны? Важным достижением в области информационных технологий является то, что они являются не только объектом этических дискуссий, но порой непосредственно используются в качестве инструмента в самих рассуждениях о морали. Поскольку технологии и приложения искусственного интеллекта являются своего рода автоматизированными решениями проблем, а нравственные обсуждения являются своего рода проблемой, то это лишь вопрос времени – когда появятся автоматизированные технологии морального рассуждения. В настоящем это только новая технология, но она может иметь ряд

определенных результатов нравственного содержания: формирование этического конструирования, этической экспертизы и др. В предстоящие десятилетия, вероятно, будут наблюдаться достижения в этой области исследований, возможно, это будет способствовать развитию машинной этики и техноэтики.

Эти идеи инструментализма в настоящее время активно развивают Д.У. Сандерс и Л. Флориди [10]. Так, Л. Флориди понимает наш Универсум как совокупность различных информационных объектов, их отношений и процессов и утверждает, что он – внутренне добрый. Поэтому в ракурсе данного анализа, Винер оказался прав, прогнозируя необходимость специального этического кодекса и процедур для управления искусственными агентами. Информационная этика Сандерса и Флориди определяет такие цели как: дать эффективную дескрипцию характеристик самого агента; предложить анализ позитивных и негативных последствий «деятельности» искусственных агентов и объяснить, как и почему можно считать искусственных агентов морально вменяемыми, даже если они лишены ментальных состояний. Человек – тоже агент и его свойства должны соответствовать человеческим параметрам. Но они должны подходить и виртуальным сообществам, организациям, софт-ботам, роботам и другим искусственным агентам [11].

Таким образом, характерное для современности стремительное развитие информационно-коммуникативных систем актуализирует регулирование социальных отношений в ракурсе соответствующих настоящему времени этических кодексов и «новой» моральной системы ценностей. Сформировать новую область философии, соответствующей цифровой эпохе, сформулировать гуманитарный подход к глобальным технологиям, прояснить их этическую природу призваны такие новые области исследования, как философия информации и информационная этика.

Литература

1. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 5-е изд., стер. – М., 1998. – 846 с.

2. Nagenborn, M. Is there such thing as «ethical surveillance»? [Electronic resource] / M. Nagenborn. – Mode of access : http://www.michaelnagenborg.com/de/pdf/Nagenborg_EthicalSurveillance_Abstract.pdf. – Date of access : 15.05.2020.

3. Nagenborn, M. Desining Spheres of Informational Justice [Electronic resource] / M. Nagenborn. – Mode of access : http://www.michaelnagenborg.de/pdf/Nagenborg_Spheres-abstract.pdf. – Date of access : 15.05.2020

4. Баева, Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа / Л.В. Баева // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 75–83.

5. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / Платон ; под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи ; примеч. А.Ф. Лосева, А.А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. – М., 1993. – Т. 2. – 528 с. (Философское наследие).

6. Войскунский, А.Е. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы / А.Е. Войскунский, О.А. Дорохова // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 69–83.

7. Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. / Аристотель ; под общ. ред. А.И. Доватура ; пер. с древнегреч. – М., 1983. – Т. 4. Никомахова этика. Книга Восьмая. – С. 219–243. (Философское наследие).

8. Письмо Марка Цукерберга будущим акционерам «Facebook не создавался для того, чтобы быть компанией» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://news2.ru/redirect.php?url=http%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Ftehno-column%2Finternet-i-telekommunikatsii%2F78951-put-hakera-missiya-tsennosti-i-printsipy-facebook&check=954d70b6a4d04994e89243d0e674e0d8. – Дата доступа : 31.05.2020.

9. Журавлева, Е.Ю. К типологии методов интернет-исследования / Е.Ю. Журавлева // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 84–93.

10. Флориди, Л. Если вам неинтересны информационные концепты, вы не понимаете XXI век / Л. Флориди [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://www.colta.ru/articles/society/21599-luchano-floridi-esli-vam-neinteresny-informatsionnye-kontsepty-vy-ne-ponimaete-xxi-vek – Дата доступа : 15.10.2019.

11. Хлебников, Г.В. Философия информации Лучано Флориди / Г.В. Хлебников // Метафизика. – 2013. – № 4 (10). – С. 35–48.

Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого

Поступила в редакцию 12.06.2020

ПОПРАВКИ
к статье, опубликованной в журнале «Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины»

В статье Елизаров С.А. «Оплата труда руководящих работников советского государственного аппарата власти и управления Гомельской губернии (1919–1926 гг.)», опубликованной в журнале «Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины», № 1 (118) 2020, дату поступления статьи на странице 23 необходимо читать в следующей редакции: «Поступила в редакцию 31.10.2019».

Опечатка была устранена в электронной версии статьи, которая находится на сайте журнала.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова.* Корректоры: *В.А. Бобрик, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 29.06.2020. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 17,82. Тираж 100 экз. Заказ № 305.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.